

18 19
21
4
9

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ VIII, вып. 2.

В О Т Я К И.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

И. И. Смирнова.

Казань.
Типографія Императорскаго университета.
1890.

№ 2 р. 25 з.

1700
259M
27-6

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ университетѣ.

Томъ VIII, вып. 2.

ВОТЯКИ.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

М. Н. Смирнова.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго университета.

1890.

**Печатаю по опредѣленію Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.**

Секретарь *И. Траубенбергъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИМПЕРАТОРСКОМУ МОСКОВСКОМУ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава I.

Очеркъ исторіи Вотяковъ. Мѣста древняго жительствова
нихъ. Условія, вызвавшія движеніе на В. Черемисская и ру-
сская колонизація вятскаго края. Древнѣйшая культура пер-
мской группы. Отношенія Вотяковъ къ Чудь, Болгарамъ и Тата-
рамъ. Подчиненіе Вотяковъ подъ власть Москвы. Ассимилиру-
ющая дѣятельность русскаго правительства. Ходъ русской кале-
низации въ вотскія земли и ея культурное значеніе. . .

Стран.

3—79.

Глава II.

Внѣшній бытъ Вотяковъ. — Природа страны. Сосѣди. Фи-
зическія особенности Вотяковъ. Бытовая обстановка. Жилище
въ его историческомъ развитіи. Костюмъ. Пища. Занятія: земле-
дѣліе, ремесла и промыслы. Воспитаніе дѣтей. Игры дѣтей и
взрослыхъ . . . . .

80—127.

Глава III.

Развитіе семейной и общественной организаціи. Слѣды
первичнаго гетеризма въ языкѣ и современныхъ нравахъ. Во-
просъ о материнствѣ у Вотяковъ. Формы выживающей полиандрии:
снхачество и левиратъ. Полигинія. Моногинія. Эндогамія и
Экзогамія. Формы приобрѣтенія невесты въ ихъ историческомъ
развитіи. Современный строй вотской семьи. Куз'о. Положеніе
женщины. Остатки родового быта. Сосѣдскія отношенія. Сове-
ренная община. Кенешъ. Экономическія отношенія въ предѣ-
лахъ общины. Слѣды болѣе крупныхъ общественныхъ сочета-
ній: мэръ и эль, какъ религіозно совѣш . . . . .

128—172.

Глава IV.

Вѣрованія Вотяковъ. Предварительныя замѣчанія о языкѣ
въ связи съ вѣрованіями. Вѣрованія Вотяковъ на сонъ и смерть.

IV

Понятія о душах и духах умерших, обнаруживающіеся въ произведеніяхъ народнаго творчества, погребальныхъ и поминальныхъ обрядахъ. Происхождение культа предковъ . . . . . 173—192.

Глава V.

Вѣрованія Вотьяковъ. Духи явленій природы. Исторія Имарара. Фетишизмъ и антропоморфизмъ. Зарожденіе спиритуалистическихъ представленій о божествахъ и слѣды его въ культѣ. Вопросъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Вотьяковъ и связь ихъ съ эпохой каннибализма. Вліяніе ислама и христіанства на развитіе вотскихъ религиозныхъ идей . . . . . 193—242.

Глава VI.

Характеристика духовной природы современныхъ Вотьяковъ. Умъ, воображеніе, чувства, воля. Песня и мораль . . . . . 243—261.

Глава VII.

Обзоръ литературы о Вотьякахъ . . . . . 262—308.
Приложенія. I. Вотскія сказки, записанныя въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи . . . . . 1—39.
II. Списокъ вотскихъ языческихъ именъ . . . . . 1'—4'.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Однимъ изъ отрадныхъ явленій современной духовной жизни представляется, безспорно, растущій интересъ къ этнографическимъ вопросамъ и изслѣдованіямъ. Въ самыхъ лучшихъ „медвѣжьихъ“ улазахъ являются люди, готовые наблюдать окружающую жизнь и дѣлиться своими наблюденіями съ публикой. Чтобы это движеніе принесло науку всю пользу, какую оно можетъ принести, надо прійти на помощь наблюдателямъ, надо показать, что уже известно относительно предмета, который они собираются наблюдать, что изъ этого известнаго вытекаетъ, какіе вопросы можно поставить на основаніи наличнаго матеріала и рѣшить посылъ дальнѣйшихъ наблюденій; надо, однимъ словомъ, создать не пассивныхъ воспринимателей фактовъ, а дѣйствительныхъ, активныхъ наблюдателей, подходящихъ къ жизни съ заранѣе уже и самостоятельно поставленными вопросами. Достигнуть этого можно будетъ тогда, когда относительно каждой народности будетъ сдѣлана сводъ всего, что уже известно, когда известные факты будутъ склассифицированы такъ, что изъ этихъ комбинацій будутъ вытекать вопросы, заставляющіе снова обратиться къ живой дѣйствительности и глубже заглянуть въ нее.

Такую цѣль имѣли мы въ виду, издавая нашъ первый очеркъ „Черемисы“; она же имѣется въ виду и при изданіи настоящей книги. Къ тому, что оказалось въ литературѣ, мы прибавили

II.

собранныя собранныя нами самими во время летних путешествій по Сибирскому, Глазовскому, Малмыжскому, Саранульскому и Буковскому уездамъ. За матеріальное содѣйствіе нашему предпріятію мы приносимъ искреннюю благодарность Съезду Императорскаго Казанскаго Университета и ближайшему образцу Историко-Филологическому Факультету.

Глава I.

Очеркъ исторіи Вотяковъ. Мѣста древняго жительствова нтъ. Условія, вызвавшія движеніе на В. Черемисская и русская колонизація вятскаго края. Древнѣйшая культура пермской группы. Отношенія Вотяковъ къ Чудь, Болгарамъ и Татарамъ. Подчиненіе Вотяковъ подъ власть Москвы. Ассимилирующая дѣятельность русскаго правительства. Ходъ русской колонизаціи въ вотскихъ земляхъ и ея культурное значеніе.

Документальная исторія Вотяковъ — племена Удовъ, Удь-Мурт'овъ — начинается съ конца XV в. т. е. со времени подчиненія Вятки подъ власть князя Московскаго Ивана III (1489). Первоначальная лѣтопись говоритъ о Веси, Мери, Мордвѣ, но молчитъ о Вотякахъ и вообще о сѣверныхъ Финнахъ. Тѣ данныя, которыя находятся относительно Вятки въ такъ называемой „Повѣсти о странѣ Вятской“ и восходятъ къ XII в., не могутъ претендовать на значеніе достовѣрнаго историческаго матеріала. Г. Верещагинъ очень обстоятельно выяснилъ внутреннюю несостоятельность вятскаго лѣтописца, какъ историческаго источника⁽¹⁾. Позже, въ обзорѣ источниковъ для изученія Вотяковъ мы приведемъ основанія, въ силу которыхъ въ общемъ становимся на сторону вятскаго изслѣдователя въ оцѣнкѣ этого матеріала. Но, отрицая значеніе, которое „Вятскій Лѣтописецъ“ можетъ имѣть для исторіи Вотяковъ въ XII в., мы не

---

(1) Вятскій календарь на 1888 г.

считаемъ однако возможнымъ исполнѣ игнорировать его извѣстій. Въ разсказѣ о завоеваніи вятской страны Новгородцами мы встрѣчаемся съ двумя заслуживающими вниманія фактами.

„Лѣтописецъ“ упоминаетъ на Чепцѣ, по которой будто-бы спустились Новгородцы къ Вяткѣ, два народа—Чудь и Отяковъ⁽¹⁾. Мы увидимъ ниже, что воспоминаніе объ особомъ народѣ Чудь сохранилось до сихъ поръ въ странѣ между Чепцой и Камою въ преданіяхъ и мѣстныхъ названіяхъ.

Чудь и Отяки имѣли, по словамъ „лѣтописца“, укрѣпленія, окруженныя земляными окопами и валами⁽²⁾. Мѣстныя названія, преданія народа и археологическія разысканія новѣйшаго времени открываютъ, дѣйствительно, существованіе въ бассейнѣ Чепцы цѣлаго ряда древнихъ городищъ.

Въ основѣ обонхъ этихъ указаній „Повѣсти о странѣ Вятской“ должны стоять, по нашему мнѣнію, мѣстныя русскія преданія о временахъ первоначальнаго заселенія страны. Намыслить въ XVI или даже въ концѣ XVII в. (г. Верещагинъ отводитъ время составленія „Лѣтописца“ къ концу XVII в.) оба факта можно было только на основаніи мѣстныхъ названій, въ которыхъ звучитъ имя Чуди, и непосредственнаго знакомства съ чепецкими городищами. Едва-ли однако въ XVII в., когда выпѣшній Глазовскій уѣздъ былъ очень слабо колонизованъ, среди жителей Хлынова распространены были обстоятельныя топографическія и археологическія свѣдѣнія о бассейнѣ Чепцы.

Преданія, сообщенныя „Повѣстью“, даютъ намъ представленіе о томъ состояніи, въ которомъ нашли Вотяковъ первые русскіе колонисты—было-ли это въ концѣ XII в.

---

(1) Верещ., I. с. 10.

(2) Ibid. 9.

или въ XIII — XIV в.в. Изъ отсутствія прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ о древнѣйшихъ временахъ вятской исторіи не слѣдуетъ, однако, заключать, что мы должны отказаться отъ всякихъ попытокъ заглянуть въ отдаленное, до-русское прошлое вятскаго народа. Объ этомъ прошедшемъ молчатъ русскія лѣтописи, но достаточно краснорѣчиво говорятъ мѣстныя названія, преданія народа, могильники и остатки древнихъ городовъ (городища).

Всматриваясь въ мѣстныя названія Вятскаго края, мы прежде всего приходимъ къ мысли, что Вотяки были не единственными и не первыми пасельниками С. и В. вѣтшиней Вятской губерніи. Рѣка Вятка оказывается границей, до которой простирались, повидимому, когда-то на Ю. З. жилища Югры или Вогулъ. Воспоминаніемъ объ этомъ племени служатъ до сихъ поръ названія селеній: Угорская пустошь въ Слободскомъ уѣздѣ, Югринскій починокъ и два Югринъ въ Вятскомъ уѣздѣ, Югриха, Югринскій, Яраничи, Мадьярово въ Орловскомъ уѣздѣ (*). Судя по мѣстнымъ названіямъ можно было-бы сдѣлать предположеніе, что Русскіе еще застали на С. З. вѣтшиней Вятской губерніи Югру рядомъ съ Вотяками. Наставать на этомъ предположеніи мы считаемъ однако невозможнымъ въ виду того, что Вятчи ходили на Югру еще XV в. и приводили съ собой оттуда половнянниковъ (**).

Воспоминанія о Югрѣ концентрируются въ С. З. части губерніи и совершенно отсутствуютъ на В., въ Глазовскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ. Рядомъ съ слѣдами Югры въ тѣхъ же предѣлахъ мы встрѣчаемъ слѣды Пермиковъ и Зырянъ—селенія Перминовское, Пермяки (2), Пермская въ Сло-

(*) Спис. нас. м. Вят. г. Сиб. 1882.

(**) Спичинъ. Сводъ лѣтоп. дан. о Вят. кр. В. 1883. р. 27.

Бодскомъ уѣздѣ, Пермново, Пермяки въ Орловскомъ уѣздѣ, Пермяково въ Нолинскомъ, три селенія съ названіемъ Сырянское, три починка съ названіемъ Зырянскій въ Слободскомъ уѣздѣ⁽¹⁾.

Въ восточныхъ уѣздахъ губерніи — Глазовскомъ, Малмыжскомъ, Елабужскомъ и Сарапульскомъ — мы наталкиваемся въ мѣстныхъ названіяхъ на воспоминанія о другомъ племени — Чуди. Въ Глазовскомъ уѣздѣ мы имѣемъ селенія Шудзипская, Чузипцы, Яраль-Шудзи, Чудья-Корь, въ Сарапульскомъ — Шудья-Луль, Шудзя, Буко-Чудзя, Тло-Чудзя, Люкь-Чудзя, въ Елабужскомъ — Тоймо-Шудья, Шудья-Елкибаевъ, Шудья-Лягушино, Шудья старая, Шудья малая, Усо-Шудья, Шудья-Колтыманъ, Вытчанъ-Шудья, Лудья-Шудья, Пужмесь-Шудья, въ Малмыжскомъ — Нерсы-Шудзи, Зоп-Шудзи, Ворзи-Шудзи, Нукачи-Шудзи, Затцы-Шудзи, Шудзи новой, Чудья-лудъ-Лыстэмъ, Гозекъ-Шудзи и р. Шудзя, Шуда, Ошла-Шуда. Въ меньшемъ количествѣ воспоминанія о Чуди слышатся и въ западныхъ уѣздахъ губерніи — въ Яранскомъ мы имѣемъ р. Шуда, селеніе Шуда-гузь, въ Нолинскомъ дер. Чудныи, въ Слободскомъ у. рѣки Чуза, Чученга, дер. Чудовская, въ Вятскомъ сел. Чучи⁽²⁾. Воспоминанія о Чуди сохранились въ названіяхъ рѣкъ и селеній, данныхъ инородцами — Вотяками и Черемисами — или носятъ слѣды заимствованія Русскими у инородцевъ. Они говорятъ, стало быть, объ особомъ чудскомъ племени, которое Черемисы и Вотяки встрѣтили при своемъ поселеніи въ край.

Придавая значеніе мѣстнымъ названіямъ, въ которыхъ звучитъ имя Чуди, не слѣдуетъ обольщаться ихъ сравнительной многочисленностью. Если-бы мы заключили отсюда, что Вотяки

⁽¹⁾ Списокъ нас. мѣстъ Вят. г. Свѣд. 1882.

⁽²⁾ Ibidem.

нашли Чудь во всемъ томъ рядѣ селеній, который носить имя Шудья, Шудзя, мы сдѣлали-бы ошибку. Слово Шудья у Вотяковъ нашего времени значить не только имя народа, когда-то жившаго въ краѣ; это вмѣстѣ съ тѣмъ и фамиліное, „воршудное“ имя одного изъ обширныхъ вотскихъ родовъ, существующихъ до нашего времени (¹). Этотъ родъ появился на крайнемъ Ю. В. вѣнѣшняго вотскаго края—въ Глабужскомъ уѣздѣ—въ сравнительно недавнее время изъ Малмыжскаго уѣзда(²). Въ этомъ послѣднемъ селеніи рода занимаютъ ближайшую къ Глазовскому уѣзду территорію и отдѣляются однимъ дремучимъ лѣсомъ отъ группы селеній съ тѣмъ-же именемъ въ Глазовскомъ уѣздѣ. Очень вѣроятно въ силу этого, что въ Малмыжской уѣздѣ члены рода Шудзя проникли изъ Глазовскаго края. Если принять это предположеніе, то вмѣсто слѣдовъ независимыхъ чудскихъ селеній, раскинутыхъ на пространствѣ четырехъ уѣздовъ, мы будемъ имѣть дѣло со слѣдами миграціи одного вотскаго рода. Мы лишаемся такимъ образомъ важной вещи—указаній на распространеніе чудскихъ жилищъ на В. Вятской губерніи, но за то выигрываемъ въ другомъ отношеніи. Мы приобретаемъ знаніе того, что имѣемъ потомковъ оветячившагося чудскаго рода среди жителей дѣлаго ряда селеній. Вѣка совместной жизни съ Вотяками наложили, конечно, на этотъ родъ свою печать. Въ современныхъ селеніяхъ съ именемъ Шудья живутъ, очень вѣроятно, и такіе Вотяки, которые чужды роду Шудья по происхожденію и мѣсту первоначальнаго жительства, но исследователь можетъ отдѣлать эти пришлые элементы, принявши во вниманіе, что члены одного рода узнаются по культу одного воршуда—родоваго генія-повровителя.

(¹) Первухинъ. Эскизы пред. и быта инор. Глаз. у. II, 7.

(²) Сообщено Е. С. Филимоновымъ.

Разсказавши о томъ, кого нашли Вотяки въ занимаемыхъ ими нѣмѣ мѣстахъ, мѣстныхъ названія говорятъ намъ и о томъ, гдѣ жили Вотяки первоначально—гораздо далѣе на С., Ю. и З., чѣмъ мы ихъ видимъ въ настоящее время. Селенія, съ названіями Вотская пустошь, Водское, Вотиповцы, Вотизовка, Отацкая, рѣчки съ названіемъ Вотская мы встрѣчаемъ въ Вятскомъ уѣздѣ, двѣ деревни съ названіемъ Водская имѣются въ Орловскомъ уѣздѣ, въ Нолнскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ селеніе Вотяка, въ Котельницкомъ—Водская и Воткинская, въ Слободскомъ уѣздѣ—русскія селенія съ названіями Вотинцы, Водизовская пустошь, Лема-Вотское, Одинеръ (Вотскій врагъ) въ Яранскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ, Одо-белякъ въ Яранскомъ, Одо-Сола въ Уржумскомъ, Одицы въ Котельницкомъ. Къ названіямъ, въ которыхъ слышится имя народа, слѣдуетъ присоединить другія, которыя объясняются изъ вотскаго языка. Сюда относятся названія селеній, данныя по личнымъ именамъ основателей—въ Орловскомъ уѣздѣ Ворсегово, Чежегово, Кутепогово, въ Слободскомъ—Ожеговка, Пислегинская, Нарникъ, Пасеговка, въ Нолнскомъ—Балезята, въ Вятскомъ—Варсегги, Балезино (ср. Балзѣи въ Глазовскомъ уѣздѣ), въ Яранскомъ—Ценеговка, въ Котельницкомъ Гундырево (гондырь—медвѣдь) (1), 2) селенія, названныя по рѣкамъ (съ суффиксомъ шуръ)—Укшурскій въ Орловскомъ уѣздѣ, Шаншурно, Иванъ-Шуръ въ Слободскомъ уѣздѣ, Шунгушурскій, Пенешуръ въ Котельницкомъ уѣздѣ, Игменшуръ, Макшуръ въ Яранскомъ уѣздѣ, Кушоръ, Мунашоръ, Кокшеръ, Глекмашоръ въ Уржумскомъ уѣздѣ, 3) названія селеній съ суффиксомъ ва жъ—устье рѣки—Кликважъ, Козловажъ, Арбажъ, Адвежъ, Ажважъ въ Котельницкомъ уѣздѣ, Арбажъ, Оче-

(1) См. въ прил. перечень вотскихъ именъ съ окончаніемъ на сз.

квашъ, Васквашъ, Чувачквашъ, Щербашъ, Ветвашъ, Сеч-
вашъ. Пиковажки, Нолвашъ, Коложвашъ, Перчвашъ, Писе-
вашъ въ Яранскомъ уѣздѣ. Кузавожъ, Кыржавожъ, Буевожъ,
Пиговожка въ Уржумскомъ уѣздѣ; 4) селенія, названныя
Вотакими по свойствамъ окружающей мѣстности—Лыва (пе-
сокъ), Лывинское въ Орловскомъ и Нолинскомъ уѣздахъ,
Спкъ (лѣсъ), Спковка въ Нолинскомъ, Вятскомъ и Уржум-
скомъ уѣздахъ⁽¹⁾. Продолжая изслѣдованіе мѣстныхъ назва-
ній, мы открываемъ, что западная граница вотскихъ селеній не
совпадала съ западными границами нынѣшней Вятской гу-
берніи и проходила чрезъ смежные уѣзды Костромской и
Вологодской губерній. На самой границѣ Котельничскаго
уѣзда съ Ветлужскимъ мы встрѣчаемъ селеніе Одошнуръ
(Вотское поле), селеніе и рѣчку Землешерь, р. Варвашъ⁽²⁾;
въ смежномъ съ Ветлужскимъ—Никольскомъ уѣздѣ Воло-
годской губерніи мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ мѣстныхъ на-
званій, говорящихъ о Воткахъ; таковы въ 1-мъ станѣ р.
Вощкая, р. Воча (можетъ быть, не одна), р. Вочка, р.
Вотяковская, р. Вотякова, д. Вотяковская, д. Вочъ; въ при-
легающемъ къ Вятской губерніи съ С. Устьмысольскомъ
уѣздѣ мы видимъ селенія Вотская, Вотча, Вочевская, Воч-
ская, Вочъ, рѣки Вотинская, р. Воча⁽³⁾.

Мѣстныя названія приводятъ насъ къ весьма правдо-
подобному выводу, что Вотяки съ Зырянами, Пермяками и
остатками Югры когда-то занимали своими поселеніями за-
падъ Вятской губерніи и смежныя территоріи Вологодской и
Костромской, потомъ постепенно передвинулись на В. и Ю.
В., встрѣтили здѣсь чуждое племя и частію поглотили, частію
оттѣснили его къ западнымъ границамъ Пермской губерніи.

(¹) Списокъ нас. мѣстъ. Вят. г. Свѣ. 1882.

(²) Списокъ нас. мѣстъ Костр. г. Свѣ. 1877.

(³) Списокъ нас. мѣстъ Вол. г. Свѣ. 1866.

При помощи мѣстныхъ названій предъ нами освѣтилась страница до-русской исторіи Вятской страны.—Прежде чѣмъ русскіе колонисты вступили на вятскую почву, страна была занята на Ю. и В. Чудью, на З. и С. З. Вотяками, Зырянами и Пермьями. Селенія этихъ близко-связанныхъ между собою племенъ занимали кромѣ Вятской губерніи, уголь Костромской, Ю. и В. части Вологодской губерніи. Очень возможно, что русская колонизація дала первый толчекъ распаденію этой племенной группы на отдѣльныя вѣтви, отбросивши одну часть Пермьяковъ на З. Орловскаго уѣзда, другую на С. В. въ глубь Вологодской и Пермской губерній и двинувши Вотяковъ на В. по Чепецъ, въ область Чуди.— Но эта страница не первая въ исторіи Вотяковъ. Остается вопросъ — была ли описанная мѣстность первоначальной ихъ родиной. Мы оставляемъ его до накопленія данныхъ открытымъ. Можетъ быть, дальше той эпохи, въ которую мы успѣли заглянуть, благодаря мѣстнымъ названіямъ, его и не слѣдуетъ ставить; можетъ быть, за предѣлами этой эпохи идетъ уже исторія не Вотяковъ собственно, а цѣлой пермской группы, часть которой они составляли. Гипотезы, которыя существуютъ по этому вопросу въ литературѣ, не имѣютъ подъ собою фундамента и не могутъ идти въ расчетъ. Еще въ прошломъ столѣтіи Гер. Ф. Миллеромъ былъ данъ матеріалъ для предположенія, что Вотяки пришли на ихъ вывѣшнія мѣста съ береговъ Енисея. Тамъ со временъ Штраленберга извѣстенъ былъ говорившій особымъ отъ татарскаго языка народъ Аринновъ (¹). Миллеръ сообщилъ, что названіе Арин дано этому народу Татарами. Эти Аринны и были признаны остаткомъ Вотяковъ, которыхъ Татары и до сихъ поръ зовутъ Аръ. Гипотеза страдаетъ однимъ су-

---

(¹) Г. Ф. Миллеръ. Ист. Сиб. цар. Сиб. 1787. р. 25.

щественнымъ недостаткомъ: она отрываетъ исторію Вотьяковъ отъ исторіи родственныхъ имъ Зырянъ и Пермьяковъ.

Другая гипотеза, начало которой восходитъ къ XVIII в., приписывается Шлөдеромъ Татищеву. Татищевъ называетъ будто-бы родной Вотьяковъ страну между Ладогой и Наровой, такъ называемую Вотскую Пятину Новгородцевъ⁽¹⁾. Предполагаемая (Татищевъ, на самомъ дѣлѣ, отдѣляетъ Вотъ западную отъ Вотьяковъ, которыхъ онъ называетъ Ари—, и страна ихъ Арима²) гипотеза Татищева принята Островскимъ⁽³⁾. Гипотеза „Татищева“ покоится на созвучіи двухъ племенныхъ названій Водъ и Вотъ. Въ названіи пятини, несомнѣнно, заключается имя Води; благодаря неопредѣленности звука „д“ предъ согласными съ одной стороны и благодаря забвенію причины, которая вызвала названіе, съ другой, названіе *водскій* перешли *въ вотскій* и послужило къ соблазну историковъ. Съ точки зрѣнія сходства названій гипотезу эту отвергать нельзя. Старинное имя народа Водя, Водъ близко къ тому племени, которымъ называютъ Вотьяки сами себя (Удь) и которымъ называютъ ихъ Черемисы (Одо). Кроме того въ мѣстныхъ названіяхъ Вологодской и Вятской губерній мы встрѣчаемся съ племенемъ Водя въ формѣ Водзя. Это какъ будто намекаетъ на передвиженіе Води на В.⁽⁴⁾ Вопросъ, по справедливому замѣчанію г. Островскаго, можетъ быть рѣшенъ только на основаніи сравнительнаго изученія языка, на которомъ говорятъ остатки Води, съ вотскимъ. Такого изученія до сихъ поръ не было сдѣлано, да для него, кажется, и нѣтъ матеріаловъ (водскаго словаря).

(1) Schlözer. Allg. Nord. Gesch. Halle. 1771. 305. Ср. Тат. Ист. Рос. М. 1769. I, 305—306.

(2) Вот. Каз. Губ.—Тр. Общ. естеств. при Имп. Каз. Ун. IV, 5.

(3) Списокъ нас. мѣстъ Вол. губ. Сиб. 1866.

Археологическія изысканія, произведенныя въ Вотской пятинѣ г. Ивановскимъ, говорятъ скорѣе противъ этой гипотезы, чѣмъ за нее: г. Ивановскій нашелъ здѣсь курганы и слѣды трупосожженія, которыхъ не знали предки Вотяковъ⁽¹⁾.

Третья гипотеза, которой держится до извѣстной степени Вештомовъ⁽²⁾, помѣщаетъ родину Вотяковъ въ нѣмѣнней Орловской губерніи, въ странѣ Вятчей. Основаніемъ ея служитъ созвучіе между именемъ племени Вятчи съ названіемъ рѣки Ватки и живущихъ на ней людей—Вятчей. Въ пользу этой гипотезы можно было-бы привести то обстоятельство, что рядомъ съ мифическимъ прародителемъ Вятчей Ватко, о которомъ говоритъ первоначальная лѣтопись, можно поставить названіе одного изъ племенъ, на которыхъ распадаются Вотяки, Ваткѣ. Но такъ-же, какъ и гипотеза о новгородской родинѣ Вотяковъ, эта гипотеза не имѣетъ за себя главнаго—мы не находимъ въ странѣ славянскихъ Вятчей ничего, что говорило-бы о Вотякахъ. Наиболее сомнѣній возбуждаетъ четвертая гипотеза, которая принадлежитъ Эйхвальду⁽³⁾. Она представляетъ развитіе миллеровской гипотезы оъ алтайской родинѣ Вотяковъ. Воспоминаніемъ о пребываніи Вотяковъ въ Енисейскомъ округѣ служитъ, по мнѣнію Эйхвальда, рѣка Уда, впадающая въ Селенгу. Вѣтѣнныя отсюда Вотяки перебираются въ Европу въ прикаспійскіи степи. Здѣсь они становятся извѣстными Страбону подъ именемъ *Utii*, а рѣка Кума, на которой они жили, приобретаетъ названіе Удь-Донъ. Отсюда они по Волгѣ, Камѣ и Ваткѣ проникли на С. Путь, по которому шли Вотяки, отмѣченъ остатками вотскаго племени въ Самарской,

(1) Труды IV арх. съѣзда. Каз. 1884. Т. I.

(2) Вят. Ист.—Каз. Вѣст. 1825.

(3) Зап. Рус. Арх. Общ. Т. IX, 357.

Уфимской и Казанской губерніяхъ. Гипотеза эта страдаетъ тѣмъ-же грѣхомъ, что и „миллеровская“: она отрываетъ исторію Вотяковъ отъ исторіи родственныхъ имъ Пермаковъ и Зырянъ и кромѣ того въ своихъ деталяхъ противорѣчитъ исторіи: въ Уфимской губерніи Вотяки появились пришельцами съ береговъ Камы не ранѣе XVI в., когда пало Казанское царство. Г. Бехтеревъ, принимая эту гипотезу дополняетъ ее соображеніемъ, что часть Удовъ (Воти) вышла за Ливами и заняла „Вотскую пятину“ (1).

Оставляя открытымъ вопросъ о первоначальной родинѣ Вотяковъ, мы обращаемся къ другимъ, болѣе доступнымъ для рѣшенія: когда и при какихъ обстоятельствахъ началось движеніе ихъ на В. Относительно условій, вызвавшихъ передвиженіе Вотяковъ, наши свѣдѣнія вполне удовлетворительны. Вотяки двинулись, тѣснимые съ Ю. своихъ старыхъ жилищъ черемисской колонизаціей, а съ С. З. русской. Г. Спицынъ, производившій археологическія изслѣдованія въ южныхъ уѣздахъ Вятской губерніи, сообщаетъ нѣсколько интересныхъ преданій о Вотякахъ, которыя онъ здѣсь собралъ. Жители Кузнецевского прихода (Урж. уѣзда) хорошо знаютъ, что въ ихъ мѣстности жили въ древнія времена Вотяки, вытѣсненные отсюда Черемисами. У Вотяковъ былъ здѣсь городъ, гдѣ жилъ царь Ядыгаръ, ушедшій потомъ въ другое мѣсто. Вся мѣстность около городища царя Ядыгара называется „Вотское“ (2). По свѣдѣніямъ земскаго статистическаго бюро здѣсь имѣется лѣсъ, который назывался Вотскимъ (3). Около с. Ернуръ Яранскаго уѣзда есть городище, которое Черемисы называютъ Одо-лемъ (точнѣе Од-илемъ),

(1) Вѣст. Евр. 1880, VIII, 625. Ср. Верещ. Вот. Свр. у. 151.

(2) Спицынъ. Новыя свѣд. по доист. арх. Вят. пр. 34—35.

(3) Мат. для стат. Вят. г.—Урж. у. Вят. 1886. ч. 12, 38—39.

т. е. вотское житѣ, и разсказываютъ, что здѣсь защищались Вотяки, пока не были принуждены оставить городокъ и уйти далѣе. Недалеко отъ Ернурскаго городища г. Спидывъ нашелъ другой Од-млемъ (¹).

Въ то время, какъ о толчкѣ, данномъ Вотякамъ Черемисами, говорятъ черемисскія преданія, о давленіи со стороны Русскихъ мы имѣемъ русскія и вотскія преданія. Въ Слободскомъ уѣздѣ память о борьбѣ между Русскими и Вотяками до сихъ поръ живетъ среди обоихъ народовъ. Въ 7 верстахъ отъ Слободскаго по Кайскому тракту стоитъ старая часовня, поставленная надъ трупами Русскихъ, павшихъ въ борьбѣ съ Вотяками. Въ Дмитриевскую субботу въ ней до сихъ поръ совершается панихида — и Вотяки Кругловскаго прихода въ ней не участвуютъ (²). Относительно Спасо-Подчуршинскаго городища Стуловской волости Слободскаго уѣзда мѣстные жители также разсказываютъ, что на немъ жили Новгородцы, которые выставляли себя предъ издавна обитавшими тутъ Вотяками особеными людьми, богатырями (³). Вятскій лѣтописецъ сообщаетъ, что въ его время (XVI—XVII в.) существовалъ крестный ходъ изъ села Волкова въ г. Хлыновъ въ память побѣды надъ Вотяками. Во время хода имѣстѣ съ иконами носили и вотскія стрѣлы (⁴). Среди Вотяковъ Глазовскаго и Слободскаго уѣздовъ повсемѣстно, кажется, распространено убѣжденіе, что на мѣстѣ нынѣшняго г. Вятки было вотское селеніе, въ которомъ стояла быдымъ-квала, племенной храмъ Вотяковъ. Когда Русскіе взяли городъ и сожгли квалу, Вотяки отсту-

(¹) Спидывъ. Къ ист. вят. ипор.—Вят. Кал. на 1889 г. 51.

(²) Ibid. 48.

(³) Спидывъ. Нов. свѣд. 22—3.

(⁴) Спидывъ. Къ ист. вят. ипор. 48.

пили въ окружавшіе Хлыновъ лѣса, выбрали здѣсь поляну, посѣяли на ней пепелъ и угли отъ сожженной хлыновской квалы и построили новую. Преданіе очень поэтически обставляетъ отступление Вотяковъ предъ русскими на В. Когда вытѣсненные изъ Хлынова Вотяки собрались вокругъ новаго храма, чтобы привести жертву, жертвенный быкъ, раненный, убѣжалъ. За быкомъ бросились, чтобы отыскать его и убить — иначе на цѣлый народъ должна была пасть кара божья. Долго пробиралась по лѣсамъ погоня и наконецъ настигла быка въ Глазовскомъ уѣздѣ (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нынѣшняго города Глазова) на берегу р. Убиты, на лѣсистомъ островѣ, который возвышался среди болота. Здѣсь его принесли въ жертву; сюда-же перенесли изъ подъ Хлынова и бадзымт-квалу (*).

Преданія ясно показываютъ, подъ напоромъ какихъ силъ Вотяки отступили на В. Вятской губерніи. Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ, когда эти событія имѣли мѣсто, приурочить къ опредѣленному времени тѣ удары, которые нанесли вотскимъ поселеніямъ на З. Русскіе и Черемисы. Въ очеркѣ „Черемисы“ мы высказали предположеніе, что въ Яранскій и Ветлужскій уѣзды Черемисы проникли въ X или XI в. Въ XIV в. страна была уже сплошь занята черемисами и они становятся извѣстными до Галича Мерьскаго. Преданія, которыми пользовался составитель „Повѣсти о градѣ Вяткѣ“, говорятъ, что уже въ концѣ XII в. на мѣстѣ нынѣшняго Котельничя стоялъ черемисскій городокъ Кошкарровъ. Мы не можемъ, конечно, опираться на извѣстія „Вятскаго Лѣтописца“, но позволяемъ себѣ отмѣтить одну черту, которая придаетъ правдоподобность его сообщенію о черемисскомъ городкѣ. Имя Кошкаръ или Кашкаръ, заимство-

---

(*) Перухинъ. I. сѣ.

важное, повидимому, у Чувашъ (— волкъ), было въ большомъ употребленіи между Черемисами язычниками и до сихъ поръ сохранилось въ фамильныхъ прозвищахъ (Кошгаровы въ Чебоксарскомъ уѣздѣ). Сочетаніе личнаго имени съ словомъ, обозначающимъ городъ, съ другой стороны, представляетъ весьма обычное явленіе въ вятскомъ краѣ; мы увидимъ подъ нѣе, что по р. Чепцѣ имѣется цѣлый рядъ городищъ, въ составъ названій которыхъ входятъ личные имена.

Тѣснѣе Черемисами Вотяки двинулись изъ Яранскаго и Уржумскаго уѣзда на В. въ предѣлы нынѣшняго Малмыжскаго уѣзда. Ихъ путь шель, кажется, вдоль береговъ Вятки. На это указываютъ между прочимъ названія Одиный, Одо-Сола по близости р. Вятки. Черемисы слѣдовали за ними по пятамъ. По близости Малмыжа Вотяки, повидимому, избрали двѣ различныя дороги отступленія: одни направились за Вятку по р. Кильмези, другіе углубились въ лѣса, покрывавшіе южную часть Малмыжскаго уѣзда и сѣверную Мамадышскаго и Казанскаго. Такъ возникли, по нашему мнѣнію, сплошныя вотяцкія селенія въ нынѣшней Сизнерской волости и на сѣверѣ Казанскаго и Мамадышскаго уѣздовъ—Арская земля. Время, въ которое совершилось это передвиженіе южныхъ Вотяковъ, можно опредѣлить только приблизительно. Оно не могло произойти позже конца XIII в., такъ какъ около этого времени въ Арской землѣ должны уже были появиться Татары.—Черемисы оставили въ покоѣ Вотяковъ, которые углубились въ лѣса, и послѣдовали за другой группой—на лѣвый берегъ Вятки, въ бассейны Кильмези.

Подъ напоромъ Черемисъ Вотяки оставили нижнее теченіе этой рѣки и поднялись въ ея верховья. Въ настоящее время въ низовьяхъ Кильмези въ Кильмезской и Б. Порѣкской волостяхъ нѣтъ ни души Вотяковъ, но мѣстныя назва-

нія доказываютъ съ несомнѣнностью, что они здѣсь были. Въ Б. Порѣвской волости мы находимъ напр. двѣ рѣки съ вотскими названіями—Толошеръ и Лодошуръ⁽¹⁾. Только добравшись до впаденія въ Кильмезь Лѣбани и Лумпала съ С. З. и Валу съ Ю. В., Вотяки начали осѣдять. Южно-вотская группа добралась до верховья Кильмези, ослабленная борьбой съ Черемисами. На берега Валу Вотяки, по ихъ преданіямъ, пришли одновременно съ Черемисами. Легенда рассказываетъ, что вопросъ о томъ, кто долженъ сдѣлаться обладателемъ Валу былъ рѣшенъ состязаніемъ вождей обоихъ народовъ. Было условлено, что останется съ своимъ народомъ тотъ, кто переброситъ ногой съ одного берега рѣки на другой кочку. Вождь Вотяковъ одержалъ верхъ и Черемисы удалились⁽²⁾. Далѣе Валу на Ю. В. они не пошли, но по самой Кильмези они продолжали подвигаться за Вотяками далѣе.

У венгерскаго финнолога Бернгарда Мункачи мы находимъ преданіе о Черемисахъ, записанное въ селѣ Кильмезь-Селты на среднемъ теченіи р. Кильмези. По смыслу этого преданія теченіе Кильмези до прихода русскихъ принадлежало Черемисамъ и Вотякамъ. Между обоими народами шла продолжительная борьба, въ которой особенные подвиги проявили вотскіе батыри — князя Бурсинъ и Селта⁽³⁾. Г.-Спицынъ сообщаетъ, что на истокахъ Кильмези—на крайнемъ С. В. Малмыжскаго уѣзда Вотяки до сихъ поръ указываютъ на черемисское побоище—Поръ-Бырдонъ⁽⁴⁾.

(1) Списокъ нас. мѣстъ Вят. губ. Сиб. 1882.

(2) Гавриловъ. Произвед. нар. слов. Вот. Каз. 1880. 145.

(3) Munkacsı Bernat. Votjak népkölt. hagyományok. Budapest. 1887. 61.

(4) Каталогъ др. Вят. края. 36.

Здѣсь же, въ Зятцынскомъ приходѣ, въ селеніи Каровой до сихъ поръ существуетъ валъ, который Вотяки называютъ Поръ-каръ. Тутъ былъ черемисскій городокъ, которыми овладѣли Вотяки. Еще около 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія Вотяки праздновали эту побѣду своихъ предковъ, собиравсь на валъ съ кумышкой ⁽¹⁾. Мѣстныя названія и народныя преданія позволяютъ намъ прослѣдить и далѣе движеніе обоихъ народовъ. Въ 25 верстахъ отъ Глазова въ селѣ Верхъ-Парзи существуетъ преданіе, что на этихъ мѣстахъ ранѣе жили Кальмезы, которыхъ вытѣснили Вотяки, пришедшіе съ Вятки. По пятамъ за ними въ Глазовскій уѣздъ вступили и Черемисы. По теченію рѣкъ, впадающихъ съ Ю. въ Чепцу сохранилось не одно селеніе съ названіемъ Поръ-каръ—черемисскій городъ ⁽²⁾. Два Поръ-кара находятся въ Нижне-Укапской волости по нижнему теченію р. Лемы близъ с. Укапа и д. Кычанской. Кромѣ того воспомнаніемъ о Черемисахъ являются названія Пор-пу въ Лудошурской волости и Пор-шуръ въ Попинской Глазовскаго уѣзда ⁽³⁾. Пор-кары показываютъ, что Черемисы пытались утвердиться по теченію Чепцы и не безъ борьбы уступили страну племени Ватка. Г. Первухинъ приводитъ преданіе глазовскихъ Вотячекъ, что у нихъ бабушекъ были рабыни — черемиски. Можно думать, что, подавивши Черемисъ, Вотяки поработили тѣхъ изъ нихъ, которые не успѣли спастись. Окончательный исходъ этой борьбы, можетъ быть, относится къ концу XVI в.

Въ то время, какъ южная группа Вотяковъ (изъ Яранскаго и Котельничскаго уѣздовъ) была загнана на В. Черемис-

---

⁽¹⁾ Спичицы. Кат. др. Вят. кр. 27—8.

⁽²⁾ — Нов. свѣд. 26.

⁽³⁾ Первухинъ. Эскизы введ. I, 53.

сами, сѣверная—вятская двинулись туда подъ напоромъ Русскихъ. Относительно начала русской колонизаціи въ вотскомъ краѣмъ должны ограничиться болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями, какъ и относительно черемисской. Пока „Вятскій Лѣтописецъ“ пользовался значеніемъ достовѣрнаго свидѣтеля, дѣло было очень ясно. Началомъ колонизаціи были приняты 70-е годы XII в. Иначе стоитъ вопросъ теперь. Авторитетъ „Вятскаго Лѣтописца“ пошатнулся и мѣстные исследователи вынуждены довольствоваться одними гаданіями. Г. Спицынъ высказываетъ предположеніе, что Вятка (вѣроятно, рѣка) стала заселяться Русскими съ конца XIV в. и притомъ небольшими партіями двинскихъ ушкуйниковъ (¹). Эта дата (если она не простая опечатка) представляется намъ слишкомъ поздней. Вспомнимъ, что уже въ концѣ XIV в. Вятчане разѣзжаютъ на судахъ по Волгѣ и Камѣ, грабятъ гостей бесермянскихъ, нападаютъ на татарскія жилища и вызываютъ въ 1391 цѣлый походъ царевича Бекбута. Затѣмъ мы видимъ въ 1417 г. Вятчанъ опустошающими въ союзѣ съ новгородскими бѣглецами двинскую землю; въ 1436—1438 они раззоряютъ Устюгъ (²). Чтобы изъ надвигающихся одна за другой небольшихъ партій ушкуйниковъ выросла такая сила, нужно было больше времени, чѣмъ нѣсколько десятилѣтій. Вопросъ о времени появленія русскихъ въ Вяткѣ, намъ кажется, слѣдуетъ разсматривать въ связи съ колонизаціей смежной Вологодской губерніи, если мы уже согласились отказаться отъ извѣстій „Вятскаго Лѣтописца“.

Появленіе русскихъ колоній въ Вологодской губерніи слѣдуетъ отнести къ концу XI в. Въ первой половинѣ XII в. мы встрѣчаемъ въ новгородскихъ источникахъ упоминаніе

(¹) Спицынъ. Къ ист. вят. цпор. Вят. Кал. 1889. 50.

(²) Стол. Вят. губ. Вятка. 1880. I, 56—57.

о Вели (Вельскѣ) и Вологдѣ, какъ селахъ съ церквами и торгоу (¹). Объ Устюгѣ (Гляденѣ) за это-же время въ житіи Проконія Праведнаго говорится какъ о городѣ, украшенномъ многими церквами (²). Устюжане уже въ концѣ XII в. сдѣлали, несомнѣнно, знакомство съ Вятскимъ краемъ. Въ 1218 г. на Устюгъ нападаютъ Болгары и берутъ его хитростью (³). Лѣтопись умалчиваетъ о причинахъ, вслѣдствіе которыхъ Болгары являютя подѣ стѣнами далекаго Устюга, но если припомнить, что съ конца XII в. до начала XIII изъ Ростовско-Суздальской земли идетъ цѣлый рядъ русскихъ нападеній на болгарскія земли (⁴), то вполне естественнымъ явится предположеніе, что и Устюжане принимали участіе въ этомъ наступательномъ движеніи противъ Болгаръ, открывши удобный доступъ въ ихъ страну по р. р. Югу, Моломѣ, Вятѣ и Камѣ. На пути въ земли Болгаровъ Устюжане и Новгородцы имѣли возможность ознакомиться съ западной частью Вятской губерніи, ея естественными условіями, силами и характеромъ населенія. Потому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что съ начала XIII в. они дѣлають первыя попытки занять новую страну и начинаютъ вытѣснять туземное населеніе. Что Молома была однимъ изъ путей, по которымъ двигалась русская колонизація, въ противоположность утвержденію „Вятскаго Лѣтописца“, видно изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ названій Орловскаго уѣзда. Въ то время, какъ на В. губерніи русскія названія селеній не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго, въ Орловскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ названія Смердинны, Смерды, Боярщина, Боярскій,

---

(¹) Списокъ нас. мѣстъ Вол. губ. Сиб. 1866.

(²) Ibid.

(³) Верещ. I. с. 19.

(⁴) Ibid.

Двиняне, которыя говорятъ намъ, когда и откуда направлялись сюда русскія колоніи и изъ какихъ социальныхъ элементовъ онѣ состояли (¹).

Не позже XIII ст. началось, стало быть, движеніе и сѣверныхъ Вотяковъ на В. Шло это передвиженіе, благодаря мѣстнымъ условіямъ, очень медленно. Мы знаемъ уже, что, по вотскимъ преданіямъ, Вотяки, вытѣсненные изъ Хливова, расположились сначала неподалеку отъ него въ окружающихъ лѣсахъ. Наплывъ русскаго населенія тѣмъ не менѣе заставилъ ихъ подвигаться все далѣе на В. Путемъ, по которому двинулись Вотяки на новыя земли, была Чесда. Эта рѣка привеза Вотяковъ въ предѣлы нынѣшнихъ Глазовскаго, Сарапульскаго и Оханскаго уѣздовъ (²).

Уяснивши себѣ, насколько позволяютъ источники, гдѣ жили Вотяки въ началѣ ихъ исторіи и какія силы двинули ихъ на В., мы обращаемся къ вопросамъ культурной и политической исторіи. Первый вопросъ, который долженъ быть такъ или иначе рѣшенъ — это вопросъ о первобытной культурѣ Вотяковъ. Отвѣтъ на него заключается пока исключительно въ данныхъ языка. Вотяки являются сосѣдами Зырянъ и Пермьковъ; ихъ языкъ, по своему строю и лексическому составу, находится въ ближайшемъ родствѣ съ зырянскимъ и пермяцкимъ. Сравненіе словарей этихъ трехъ парѣчій открываетъ цѣлый рядъ общихъ культурныхъ словъ. Эти-то слова и имѣютъ для историка значеніе. Они ведутъ его въ тотъ періодъ, когда три племена жили общей жизнью и совмѣстно вырабатывали жизненныя формы.

Въ періодъ, предшествующій распаденію на обособленныя историческія и топографическія группы, Вотяки усѣли

(¹) Списокъ нас. мѣстъ Вот. губ. Спб. 1882.

(²) Въ Оханскомъ уѣздѣ Вотяки были извѣстны еще въ XVII в. Перм. Сбор. М. 1859. I, 22.

уже перейти отъ исключительно зѣроловой жизни къ земледѣльской. Они умѣли уже обрабатывать землю—пахать (gög. . .), сѣять (kiziny B. ködz'ny З.) косить (tugnany), готовить хлѣбъ (n'an'), муку (pyz' З. В.). Судя потому, что слово göгуну означаетъ пахать и рыть можно думать, что Вотяки обрабатывали землю не сохой, а копушей. Ниже мы увидимъ, что этотъ способъ сохранился до послѣдняго времени. Вспатриваясь далѣе въ общія слова, мы открываемъ, что предки Вотяковъ имѣли всѣхъ домашнихъ животныхъ, которые нынѣ известны теперь — лошадь (val, vöi) быка (os, ös), свинью (pags, pogs), овцу уз и выработали общій терминъ для обозначенія всѣхъ этихъ животныхъ pudo — рода скотъ, умѣли обрабатывать продукты скотоводства: шерсть (kokaп шерстобитный лукъ, kupy — прясть), кожу (je, ju — ремень, pas' — кожа и одежда), молоко (vyi, vöj масло), были знакомы съ важнѣйшими металлами — желѣзомъ (ruda, kort, kört), мѣдью (rgon), оловомъ (uzves', özys), серебромъ (azves'), золотомъ (zagni). Въ виду того, что многія изъ этихъ послѣднихъ словъ имѣютъ восточное происхожденіе, мы имѣемъ право заключить, что уже въ тотъ періодъ Вотяки познакомились съ торговлей въ ея первичной, мѣнновой формѣ. Это заключеніе подтверждается существованіемъ общихъ словъ, относящихся къ торговлѣ: wuz — продажа, торговля; vuzany — vuzalny продавать, vož'tyпу — vež'tyпу мѣнять, прибыль šud. На почвѣ торговли возникла имущественная дифференціація—явились богатые (uzog, ozog) и бѣдные (kuaper), хозяева и работники (med — плата, medo, meda работникъ), кредиторы и должники (ujdaš, udzjōza). Сопоставляя послѣднее слово съ словами udž, už работа, служба, мы приобретаемъ представленіе о тѣхъ юридическихъ отношеніяхъ, въ которыхъ стояли должники къ кредиторамъ: они должны были зарабатывать свой долгъ. Жилище Вотя-

ковъ прежде, чѣмъ они отдѣлились отъ Зырянъ и Пермяковъ, прошло нѣсколько ступеней развитія. Судя по тому, что въ зырянскомъ языкѣ слово *gurt* имѣетъ значенія деревяннаго дома и землянки, вырытаго въ землѣ жилища, а въ пермяцкомъ сохранился корень другаго вотскаго названія для жилища *k o g k a* (ког-бревно) мы можемъ предположить, что первоначальными жилищами Вотяковъ и ихъ родичей были землянки, подобныя тѣмъ, въ которыхъ до сихъ поръ живутъ Остяки, затѣмъ они уже выучились строить избы изъ дерева. Дома отдѣльныхъ семей были первоначально раскинуты уединенно другъ отъ друга. Селенія явились съ разрастаемъ семей, когда новые члены, не желая удалиться отъ родичей, строили себѣ жилища рядомъ. Въ значеніяхъ слова *gurt* отразилась вся эта исторія вотскихъ поселеній: *gurt* значитъ одновременно и домъ и деревню. Рядомъ съ уединенно стоящими жилищами родовъ или большихъ семей предки Вотяковъ, Зырянъ и Пермяковъ знали городъ (*каг*)—земляное укрѣпленіе, съ типомъ котораго знакомитъ современная археологія. Судя по тому, что словомъ *каг* обозначаются и жилища птицъ и насѣкомыхъ—между прочимъ муравейникъ—можно предположить, что *каг* служилъ если не постояннымъ, то временнымъ мѣстомъ пребыванія значительныхъ, сравнительно съ размѣрами семьи, людскихъ собраний. Жизнь родами не исключала у предковъ нынѣшнихъ Вотяковъ возможности болѣе сложныхъ общественныхъ сочетаній. Вотяки, Пермяки и Зыряне еще въ періодъ совместной жизни имѣли князей (*öksej*) и собранія, на которыхъ рѣшались дѣла общества и чинился судъ (*öksem II*. собраніе, сборище). Тогда же выработаны были и общія нормы жизни — обычаи (*s'am*). Князя величали съ народа дань (*vut*). Судя по двойному значенію слова *тугуну* — платить и наполнять, и по значенію, съ которымъ слово *vut*

вошло въ русскій языкъ вятскаго края (участокъ земли), слѣдуетъ думать, что подать вималась съ земледѣльцевъ и заключалась въ опредѣленной мѣрѣ зерна, которую нужно было насыпать. Первоначальное, древнѣйшее значеніе этого слова сохранилось въ русскомъ вологодскомъ говорѣ; это доля — нищи. причитающаяся извѣстному лицу (¹). Принимая это значеніе, мы имѣемъ основаніе предположить, что древнѣйшій видъ дани у Вотяковъ состоялъ въ удѣленіи бѣсѣю доли нищи или охотничьей добычи. Эта форма имѣетъ примѣненіе во всѣхъ первобытныхъ обществахъ; она извѣстна была, между прочимъ, и древнимъ Грекамъ.

Костюмъ Вотяка состоялъ зимою изъ звѣриныхъ шкуръ, (слово *ras'* значитъ одновременно шкура и одежда) лѣтомъ изъ конопяной ткани (*dōga*). Лѣтнее верхнее одѣяніе называлось, вѣроятно, *šobug*, такъ какъ глаголъ *šobugtynu* одѣваться въ шоборъ имѣетъ общее значеніе одѣваться. Шоборъ подносился кожанымъ кушакомъ (*s'umys*), къ которому пришивался кожаный-же кошелекъ (*kulto, kolta*). На ноги надевались лапти (*kut, kot*).

Въ области религіозной Вотяки раздѣляли съ Пермьями и Зырянами поклоненіе небу, какъ божеству (*Jn-mag* богъ, небо, *Jen* ☉. П. богъ, небо). Поклонялись-ли Вотяки какимъ другимъ божествамъ, по даннымъ языка судить нельзя. Божеству возносили молитвы (*vos-anu, vesalnu* молиться), приносили жертвы (*viro, vira*) его мщеніе призывали на виновныхъ (*jurgskynu, jorgsynu* клясть, проклинать), его содѣйствіемъ особые люди (*tupo*) пользовались для раскрытія того, что ускользало отъ вѣдѣнія людей — гадали (*pōljanu, pōlalnu, tupanu, tupasnu* — ворожить). Кромѣ небснаго божества Вотяки наравнѣ съ Зырянами и Пермьями признали суще-

¹ Даль. Толк. слов. великор. языка.

ствование духовъ, которые могутъ иногда являться челоуку въ чувственной формѣ (lul-lol-чов духъ, душа, живанъ; urt-ort духъ, душа, видѣніе).

Изъ значеній словъ lul и urt очевидно, что духи эти являются душами умершихъ. Въ виду того, что душа умершаго продолжаетъ свое существованіе, трупъ (sej, iaj, ioj) погребали въ землю, въ могилу (gu). Такъ какъ gu значитъ не только могилу, но и всякую вообще яму, ровъ, естественную пещеру и звѣриную нору, берлогу, то можно предпологать, что первыми могилами были естественныя углубленія, которыя находили случайно въ землѣ.

Рядомъ съ простѣйшими ремеслами предкамъ Вотяковъ, Зырянъ и Пермьяковъ были извѣстны зародыши изобразительныхъ искусствъ. Они умѣли выражать знаками числовыя величины. Искусство угадывать, какую величину выражаетъ данный знакъ, они обозначили глаголомъ ludyru—читать, считать. Кромѣ знаковъ для письма они имѣли знаки—мѣтки для обозначенія вещей, принадлежащихъ отдѣльнымъ семьямъ и лицамъ (rus В.—ras З. П.). Для украшения вещей они умѣли дѣлать изображенія предметовъ окружающей дѣйствительности (tus В., tusa З. фигура, знакъ, образъ). Искусство дѣлать знаки и изображенія они обозначали словомъ gojjanu, giĭnu—писать (вырѣзывать?).

Относительно семейной организаціи данныя языка скудны. Номенклатура родства въ ея второстепенныхъ терминахъ создавалась каждымъ народомъ самостоятельно. Только основныя понятія слѣдуетъ отнести къ этому періоду. Люди, связанные кровнымъ родствомъ, обозначались терминами корень (vuĭ, viĭ) или vataga. Внутри группы, связанной кровными отношеніями, различались отецъ (ai), мать (шиму), сынъ (pi), дочь (nyl). Термины эти, намъ кажется, только въ позднѣйшую эпоху приобрѣли то значеніе, кото-

рое мы имъ приписываемъ теперь. Въ виду того, что *ai* означать (не только отца, но и вообще мужчину, самца, шину—самку, *pi*—мальчика, порожденіе, *pu*—дѣвочку, можно предположить, что семьѣ въ нашемъ смыслѣ этого слова предшествовалъ гетеризмъ, при которомъ каждый взрослый мужчина былъ для каждой женщины мужемъ, каждый мальчикъ для каждого взрослого сыномъ, каждая дѣвочка дочерью.

Уже изъ одного развитія основныхъ терминовъ родства оказывается, что семья пережила значительныя измѣненія прежде, чѣмъ три племени начали отдѣльную жизнь. На тотъ же процессъ развитія указываютъ слова, обозначающія способъ пріобрѣтенія невесты—*kurapu*, *kuzjas'kupu*—*gozjas'pu*—соглашаться и можетъ быть на основѣ платежа (не одного-ли корня слова *kuzjas'kupu* и *kuzim* даръ?).

Данныя языка освѣтили передъ нами стадію культурнаго развитія, на которой находились Вотяки, вступая на вятскую территорию. Картину эту можно было-бы пополнить новыми чертами, сдѣлать колоритнѣе, ярче, если бы къ общимъ словамъ присоединить общіе обычаи и вѣрованія, выдѣленные изъ продуктовъ собственнаго творчества путемъ сравнительнаго изученія, но время такихъ работъ для этнографіи волжскаго бассейна еще не наступило. Мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи относительно обычаевъ и вѣрованій матеріала, аналогичнаго съ словарями; систематическое собраніе его только еще начинается.

Колонизація вотскаго племени, какъ мы уже видѣли, имѣла два главныхъ водныхъ пути—Чепцу и Кильмезь. Двигаясь по обѣимъ рѣкамъ, Вотяки расходились по нимъ притокамъ и впадающимъ въ эти послѣднія маленькимъ рѣчкамъ. Исторія вотскаго колонизаціоннаго движенія въ общихъ чертахъ напоминаетъ исторію черемисскаго. Мы видимъ, какъ одни семьи основываютъ жилища на берегахъ

ни кѣмъ не занятыхъ еще рѣчекъ и называютъ ихъ своими именами (Ужегь-шуръ, Кайшуръ), какъ другія занимаютъ дикія поляны среди лѣсовъ (луды) и обращаютъ ихъ въ свою собственность (Кай-лудъ), какъ третьи обращаютъ въ свою собственность горы (мувырь, Лозо-мувырь), какъ отдѣленные сыновья одиночно или группами образуютъ самостоятельныя починки и даютъ начало массѣ селеній, которыя носятъ названія „сынъ или сыновья такого-то“ (Кай-пи, Ардаш-пи).

Гдѣ бы ни садились Вотяки—на горахъ-ли, на дикихъ ли поляхъ или на берегахъ рѣкъ—они вездѣ садятся группами, связанными между собою болѣе или менѣе близкимъ родствомъ. Около селенія съ родовымъ, воршуднымъ именемъ, частію заселеннаго сплошь русскими, группируется цѣлый рядъ другихъ, въ названія которыхъ воршудное имя входитъ съ какимъ нибудь новымъ эпитетомъ или определителемъ. Г. Богаевскій обращаетъ вниманіе въ Сарапупльскомъ уѣздѣ на группы селеній Норья, Можга. Въ Малмыжскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ мы въ этомъ отношеніи можемъ отмѣтить группы Можга, Живья, Тукля, Какси, Пельга, въ Сарапупльскомъ Зюмя, Вамья. Въ настоящее время въ селеніяхъ съ этими названіями живутъ иногда люди, не стоящіе хотя-бы въ отдаленной родственной связи между собою, но основатели селеній были, несомнѣнно, одного происхожденія и были связаны общностью культа. Количество родовъ, на которые распадаются Вотяки, точно не извѣстно. Г. Первухинъ передаетъ мнѣніе священника Утробина—хорошаго знатока вотскаго быта, что этихъ родовъ было 70, но въ Глазовскомъ уѣздѣ насчитываетъ ихъ только 50 ('). Въ Малмыжскомъ, Елабужскомъ и Сарапупльскомъ уѣздахъ мы находимъ нѣсколько новыхъ именъ, такъ что число всѣхъ

(') Первухинъ I. с. I, 38, 39.

приближается къ показанному Утробиннымъ. Вѣка наложили свою печать на судьбу отдѣльныхъ родовъ—одни вымерли, другіе держатся въ одной, двухъ деревняхъ; за то есть и такіе, которые разрослись до очень почтенныхъ размѣровъ, заключаая въ себѣ отъ 10 до 30 селеній во всемъ вотскомъ краѣ; таковы роды, перечисленные уже выше. Связь, соединявшая вмѣстѣ группу селеній съ однимъ воршудомъ,—выражалась не только въ признаніи общаго генія—покровителя, но и въ общихъ моленіяхъ. Въ Бирсомъ уѣздѣ, гдѣ язычество менѣе стѣснено, рядомъ съ моленіями которыя совершаются отъ имени деревьевъ, существуютъ такъ называемые элек-вис-и т. е. молитвенныя собранія родовъ, поколѣній. Въ главѣ родовъ въ отдаленное время, конечно, стояли родоначальники, которые управляли ихъ дѣйствіями. Назывались-ли эти главы родовъ князьями, бксеями или эти послѣдніе представляютъ правителей высшаго порядка, жили-ли родоначальники или какія нибудь другія власти въ *карагахъ*. этого извѣстная намъ преданія не разъясняютъ.

Первымъ крупнымъ культурно-историческимъ событіемъ въ жизни Ботяковъ было соприкосновеніе съ чудско-болгарской культурой. Касаясь этого факта, историкъ не имѣетъ возможности оставить безъ того или другаго рѣшенія вопросъ о томъ, что за племя была Чудь, въ какихъ этнологическихъ отношеніяхъ оно стояло въ пермской группѣ Фяпповъ. Матеріалами для рѣшенія этого вопроса являлись до сихъ поръ данныя антропологій—черепы по преимуществу—и данныя археологій—вещи, находящіяся въ чудскихъ городищахъ. Профессоръ Маліевъ самымъ категорическимъ образомъ высказался въ пользу краниологій въ рѣшенія вопроса объ отношеніи Чуди къ ближайшимъ родичамъ Ботяковъ—Пермякамъ, но тутъ-же приближаетъ, что такія изслѣдованія еще заставляютъ себя

ждать, и ограничивается антропологической характеристикой Пермяковъ (¹). Очень вѣроятно, что ждать такихъ изслѣдованій придется довольно долго, такъ какъ череповъ, которые можно было-бы принять за чудскіе пока, кажется, еще не отыскано, да и опредѣленіе ихъ зависить отъ характера окружающихъ вещей, стало быть отъ установленнаго археологами „чудскаго“ типа вещей.

Не больше говорятъ намъ объ отношеніяхъ зырянно-вотяцкой группы къ Чули и даннымъ археологій. Сходство формъ, одинаковый химическій составъ металла, изъ котораго сдѣланы такъ наз. чудскія украшенія, находимыя въ Вятской и Пермской губерніяхъ, заставляютъ изслѣдователей предполагать, что онѣ принадлежатъ одному племени. Но сходство это переступаетъ предѣлы Вятской и Пермской губерній. Оно обнаруживается между чудскими вещами С. и болгарскими точнѣе билярскими вещами Казанской губерніи и подало поводъ опредѣлять типъ такихъ древностей словомъ чудско-билярскій (²). Съ другой стороны открываютъ аналогію между чудскими и мерянскими вещами. Отношенія, чудской культуры къ мерянской съ одной стороны и болгарской съ другой далеко не способствуютъ точному уясненію вопроса о Чуди. Если билярскіе элементы разсматривать какъ результатъ торговыхъ сношеній Біармінъ съ Булгарами, то изъ сходства чудскихъ и мерянскихъ вещей можно сдѣлать слишкомъ общее заключеніе о родствѣ Меря съ Чудью, но отъ этого заключенія дѣло мало выигрываетъ. Меря антропологически и этнографически представляетъ такой-же вопросительный знакъ, какъ и Чудь. Извѣстны вещи, которыя употреблялись въ землѣ Меря, но нѣтъ никакихъ данныхъ,

(¹) Труды Каз. Общ. естеств. Ч. XVI, вып. 4, 30.

(²) Павловъ. Къ антр. перм. кр. Ibid. т. X, вып. 1, 31.

говорящихъ о народѣ, который ихъ употреблялъ. Не яснѣе дѣло обнаруживается и съ другой стороны. Ни одинъ археологъ, сколько намъ извѣстно, не опредѣлилъ еще съ точностью типа древнихъ пермяцкихъ и вотяцкихъ вещей. Благодаря этому возможность установить въ данныхъ археологич. отношеніе Чуди къ членамъ современной пермской группы нужно отнести къ надеждамъ будущаго.

Преопредѣленность антропологическихъ и археологическихъ данныхъ заставляла даже нѣкоторыхъ натуралистовъ признать необходимость третьяго фактора въ рѣшеніи вопроса—филологическаго. „Только соединенныя усилія антропологич., лингвистич., археологич. и историч. могутъ разрѣшать племенные вопросы“—говоритъ г. Ивановъ въ цитированномъ уже выше трудѣ (*). Выводъ, къ которому пришелъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей чудскаго края, какъ нельзя болѣе оспориваемъ. Народъ, мѣсто котораго заняли Вотяки, оставилъ послѣ себя не одни городища, вещи и черепа; онъ называлъ важнѣйшія воды края и оставилъ въ этихъ названіяхъ память о своемъ языкѣ. Не правы потому тѣ изслѣдователи, которые вслѣдствіе неимѣнія письменныхъ памятниковъ считаютъ языкъ Чуди неопредѣлимымъ (**). Чтобы этотъ матеріалъ заговорилъ, его нужно подвергнуть такому же сравнительному изслѣдованію, какъ черепа, какъ предметы вѣшняго быта.

При оцѣнкѣ того значенія, которое могутъ имѣть мѣстные названія, какъ показатель народности, слѣдуетъ принять во вниманіе условія, при которыхъ они даются. Давая названіе полю, озеру, рѣкѣ, горѣ, человѣкъ всегда характе-

---

(*) Ивановъ. I. с.

(**) Дмитріевъ. Перм. стар. Пермь. 1889. р. 12.

ризуетъ ихъ болѣе или менѣе удачнымъ образомъ, отмѣчаетъ въ нихъ тотъ или другой, бросающійся въ глаза признакъ. Удачно данное названіе принимается постепенно всѣми окружающими и дѣлается народнымъ. Характеристика—это цѣль и причина появленія мѣстнаго названія. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ названія не могутъ быть простыми комплексами звуковъ безъ всякаго значенія.—Вотяки создавали свои названія также, какъ и русскіе. Слѣдующіе примѣры показываютъ справедливость этого положенія наглядно: Будзимъ-лудъ (большое поле), Сед-ошмесъ (черный-ключъ), Кезвыръ (вершина Кеза), Будзимъ-шуръ (большая рѣчка), Гуртъ-лудъ (домовое поле), Поршуръ (черемисскій ключъ), Гурезалудъ (горное поле), Ягшуръ (сосновая рѣка, Сосновка), Лудошуръ (полевая рѣка), Кна-шуръ (домовая рѣчка). Нѣкоторые изъ названій рѣкъ и селеній—вотяцкія по суффиксамъ ш у р ь и г у р т ь—имѣютъ въ опредѣляющей части такія слова, которыхъ мы не находимъ въ вотяцкихъ словахъ. Но значеніе ихъ отыскивается другимъ путемъ. Въ переписныхъ книгахъ XVII в., когда Вотяки за ничтожными исключеніями были язычниками, мы находимъ множество личныхъ именъ, которыя восполняютъ въ истолкованіи названій то, чего не даютъ словари. Громадная масса рѣчекъ и деревень названы по именамъ первыхъ поселенцевъ и основателей.

Списки личныхъ именъ въ соединеніи съ словарями даютъ намъ полную возможность указать въ краѣ всѣ вотскія названія и опредѣлить ихъ типъ. Если мы выдѣлимъ эти названія, а съ ними и русскія, изъ всей массы мѣстныхъ названій занимаемой въ настоящее время Вотяками страны, у насъ останется множество названій, которыя будутъ съ точки зрѣнія вотскаго языка комплексами звуковъ безъ значенія или дадутъ матеріалъ для неуклюжихъ и произвольныхъ толкованій. Но то, что является бессмысленнымъ

наборомъ звуковъ для Вотяка, имѣло когда-нибудь, въ устахъ какаго нибудь другаго народа значеніе, выражало, какъ и вотскія названія, свойства опредѣляемаго явленія. Предъ нами оказывается, стало быть, масса словъ, удѣлѣвшихъ изъ языка народа, ранѣе Вотяковъ жившаго въ краѣ, и наша задача состоитъ въ томъ, чтобы классифицировать ихъ, опредѣлить тѣны и строевіе и отношеніе къ названіямъ живымъ, намъ понятнымъ. Первое, что бросается намъ въ глаза при разработкѣ этого матеріала,—это то, что всѣ названія относятся къ рѣкамъ. По аналогіи съ вотскими названіями мы впрямъ заключаемъ, что имѣемъ дѣло съ рядомъ признаковъ, которыми характеризовались въ глазахъ Чудина рѣки вятскаго края, и съ названіями для разнаго рода текучихъ водъ. По своему строенію всѣ названія состоятъ изъ двухъ частей: повторяющейся, родовой, общей въ концѣ и неповторяющейся, частной, въ началѣ. Повторяющимися частями являются въ нашихъ названіяхъ ма, вай. Въ Глазовскомъ уѣздѣ мы видимъ напр. названія—Кострома, Барма, Дизма, Лекма, Сизма, Сима, Лема, Ухтми-ка, Кузема, Урома, Елом-ка, Бухма, Пижда, Пожда, Кенма, Обма, въ Малмыжскомъ—Прма, Лекма, Болма, Кульма, Тушма, Восторма, Тыхма, Шошма, Шурма, въ Яранскомъ уѣздѣ—Шошма, Удюрма, Уртыма, Курема, Шуйма, Урма, Има, Нурма, Ошма, Пижда, Турма, въ Уржумскомъ—Сукма, Олма, Вочерма, Шекма, Кичма, Торма, Вошма, въ Ботельницкомъ—Молома, Пижда, Ошма, Идома, Содом-ка, въ Слободскомъ—Вохма, Калама, Лекма, Лема, Питима.

Держась аналогіи, мы ставимъ предположеніе, что эти повторяющіеся въ изслѣдуемыхъ названіяхъ комплексы звуковъ должны служить для обозначенія понятій рѣки, рѣчки, ручья. Сравненіе съ однородными пермяцкими и вотяцкими названіями оправдываетъ это предположеніе, по нашему мнѣнію, вполне.

Изъ сопоставленія этихъ рѣчныхъ названій съ такими же названіями нынѣшняго пермскаго края оказывается, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ общіе корни; таковы:

Пож-ма въ нот. край		Пож-ва въ перм. край.	
Виль-ма	—	Виль-ва	—
Нерт-ма	—	Нерт-ва	—
Сик-ма	—	Сик-овка	—
		(отъ Сик-ва)	—
Сизьма	—	Сюзь-ва	—
Ур-ма	—	Ур-ва	—
Пол-ома	—	Пол-овка	—
		(отъ Пол-ва)	—
Мол-ома	—	Мол-ва	—
		(Моловская)	—
Едо-ма	—	Яд-ва	—
Кос-ма	—	Кос-ва	—
Урд-о-ма	—	Урд-ва	—
Нур-ма	—	Нор-о-ва	—
Оше-ма	—	Ош-евка	—
		(отъ Ош-ва)	—
Си-ма	—	Си-ва	—
(Чи-ма)			
Чол-ма (н)	—	Чол-ва	—
Сил-ем (а)	—	Сил-ва	—
Иж-ма	—	Иж-е-вской	—
		(отъ Иж-ва)	
Сюр-о-ма (шуръ)		Сюр-ва	
Шош-ма	—	Сос-ва	

Эти ряды названій, сходныхъ по своимъ опредѣляющимъ частямъ, даютъ намъ право заключить, что суффиксы *ма* и *ва*, связанные съ одними и тѣми же корнями, должны

быть тождественным по значенію. Въ виду того, что в а въ зырано - пермяцкомъ нарѣчій означаетъ воду и рѣку, мы заключаемъ, что тоже значеніе имѣетъ и м а. Этотъ выводъ, правильность котораго оспаривать трудно, имѣетъ важное историко-географическое и этнографическое значеніе. Онъ дастъ намъ право сказать, что нароль, разбросавшій по губерніямъ Костромской, Вологодской, Вятской и Периской массу рѣчныхъ названій съ окончаніемъ на м а, говорилъ языкомъ, представлявшимъ одно изъ развѣтвленій обширной группы діалектовъ, отъ которыхъ въ настоящее время уцѣлѣли зыранскій, пермяцкій и вятскій. Наше убѣжденіе въ его правильности укрѣпляется еще тѣмъ, что кромѣ параллельныхъ пермяцкихъ названій мы имѣемъ и параллельныя вотицкія: Сундо-ма | Сундо-шуръ, Лек-ма | Лекшуръ, Кор-ма | Кор-шуръ, Сизь-ма | Сизь-шуръ.

Относительно группы рѣчныхъ названій съ окончаніемъ на в а й (распространены въ уѣздахъ Глазовскомъ, Сарапульскомъ и Малмыжскомъ, совершенно отсутствуютъ въ Вятскомъ, Орловскомъ, Котельницкомъ, дважды встрѣчается въ Слободскомъ и одинъ разъ въ Нолнскомъ) мы, сопоставляя ихъ съ названіями, имѣющими общіе корни, также приходимъ къ заключенію, что они имѣютъ одно происхожденіе съ названіями пермско-зыранской группы; таковы напр.

Ягвай (Сарап. у.)	Яг-шуръ (того-же у.)
Тыло-вай	Тыло-шуръ
Узек-вай	Узек-шуръ
Кол-ы-вай	Кол-о-шуръ
Вуко-вай	Вуко-шуръ (мельничная р.)
Кара-вай	Кар-шуръ, Коро-шуръ.

Вай и шуръ оказываются изъ этого сопоставленія суффиксами, означающими мелкую рѣчку. Корни при обонхъ

названіяхъ имѣютъ пермское происхожденіе и образуются или изъ названій растительныхъ породъ (ягъ-сосна) или изъ личныхъ именъ. Помимо родства съ вотяцкими названіями съ окончаніемъ на в а й оказываются въ родствѣ и съ предполагаемыми чуждыми названіями на ма—напр. Нюро-вай | Нюро-ма, Кор-о-вай | Кор-ма, Нали-вай | Нали-ма, | Лековой | Лекма, Пез-вай | Пижма, Суровой | Сурома.

Вѣтъ пермскаго племени, жившая въ Глазовскомъ, Сарапульскомъ и Малмыжскомъ уѣздѣ и оставившая по себѣ память въ рядѣ рѣчныхъ названій съ окончаніемъ на в а й, можетъ быть опредѣлена при дальнѣйшемъ изученіи памятниковъ языка и болѣе точнымъ образомъ.

При дальнѣйшемъ анализѣ мѣстныхъ названій вниманіе изслѣдователя останавливается на словахъ съ окончаніями на з и, с и, ч и. Значеніе ихъ, намъ кажется, можно до нѣкоторой степени уяснить путемъ сопоставленія съ рѣчными названіями:

Нерсы (Нѳрси)	Нюрсе-вай
Какси	Каксин-вай
Сюрси	Сюрсо-вай.

Существованіе в а й —рѣчнаго показателя—даетъ намъ полное основаніе заключить, что суффиксы с и, с и, з и не представляютъ собою словъ, означающихъ текучую воду, подобно ш у р ъ, такъ какъ при существованіи в а й они были бы лишними. Какія-же слова могли соединяться съ терминами обозначающими рѣку въ языкѣ предшественниковъ Води? По аналогіи съ строеніемъ вотскихъ названій мы имѣемъ предположить, что это были или слова, обозначающія признаки, или имена первыхъ засельниковъ. Сравнительное изученіе мѣстныхъ названій оправдываетъ послѣднее предположеніе. Мы имѣемъ два названія Карсо-вай и Карсо-пи,

изъ которыхъ оказывается, что Карсо—личное вотское имя, имена съ тѣмъ же окончаніемъ имѣются у Вотяковъ и еще: Кайсы (Кайси), Бальза (а, и?), Дзюзя, Бозя, Поча, Уча, Зезы ('). Названіе Ягчи-шуръ даетъ намъ право предполагать, что и слова Ягчи представляетъ собою личное имя и это предположеніе до нѣкоторой степени оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Елабужскомъ уѣздѣ существуетъ родъ Ягчи. Имени Ягчи соответствуетъ фонетически Дзятца, объясняющее родство между окончаніями на чи и ча, зи и за, ци и ца (Дзятца—піось—дѣти Дзятцы).

Признавши слова съ окончаніями на си, си, чи, зи за личные имена, мы должны рѣшить, какому народу они принадлежатъ. Такъ же, какъ въ вопросѣ о мѣстныхъ названіяхъ, мы должны выдвинуть прежде всего общее положеніе относительно возникновенія личныхъ именъ. Въ томъ случаѣ, когда народъ самъ создаетъ имя, онъ обязательно вкладываетъ въ него какой нибудь опредѣленный смыслъ, пытается изразить именемъ, прозвищемъ свойства лица, впечатлѣніе, имъ производимое, относительно ребенка своихъ надеждъ. Въ нашемъ календарѣ рядомъ съ русскими именами имѣется масса другихъ, которыя являются для насъ комплексами звуковъ безъ значенія, но у тѣхъ народовъ, которыя передали ихъ христіанамъ вообще и намъ въ частности—евреямъ, грекамъ, римлянамъ—они имѣли значеніе. Съ той-же точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на имена вотскія. Тѣ, которыя созданы самими Вотяками, имѣютъ опредѣленное значеніе: горд-ошъ = красивый быкъ, пислегъ = скворецъ, юберъ = дроздъ, с(ц)бла = рябчикъ. Если рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ имена, не находящія себѣ въ вотскомъ языкѣ объясненія, то мы имѣемъ полное основаніе разсматривать ихъ, какъ заим-

---

(') См. въ прил. списокъ вот. язык. именъ.

ствованныя. Вопросъ заключается въ томъ, у кого они заимствованы. Имѣя предъ собою списокъ вотскихъ именъ, мы легко можемъ исключить изъ него имена русскія и тюркскія. Въ числѣ ихъ не будетъ именъ съ разсматриваемыми окончаніями. Эта группа именъ, стало быть, можетъ разсматриваться, или какъ обще-пермская или какъ чудская. Противъ перваго воззрѣнія будетъ говорить то, что изъ наличнаго лексическаго богатства пермской группы они не объясняются. Остается предположить, что мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи группу личныхъ именъ, заимствованныхъ Вотьяками у Чуды; въ этой группѣ, стало бытъ, заключаются новые матеріалы для характеристики языка Чуды.

За исключеніемъ разсмотрѣнныхъ словъ у насъ остается еще одна группа именъ, большая часть которыхъ не поддаются истолкованію изъ вотскаго языка. Это такъ называемыя воршудныя или родовыя имена. Вопросъ объ этихъ именахъ затрогивался уже въ литературѣ въ виду его спеціальнаго интереса съ точки зрѣнія вѣрованій и семейной организаціи. Г. Первухинъ, собравшій наибольшее количество этихъ родовыхъ прозвищъ, склоняется къ предположенію, что они представляютъ собою женскія имена. Почти одновременно и, повидимому, совершенно независимо тоже предположеніе высказалъ г. Богаевскій. Гипотеза, которуюomoходомъ высказываютъ оба изслѣдователя, имѣетъ громадную важность для исторіи вотяцкой семьи: она вводитъ въ нее новый періодъ, періодъ материнства или матриархата. Къ сожалѣнію ни первый, ни второй изслѣдователи не обставили ее надлежащимъ количествомъ доказательствъ: г. Первухинъ ограничивается догадкой, г. Богаевскій приводитъ имя Дыня и соображеніе Вотяковъ, что основательницами другихъ родовъ были славныя богини. Мы можемъ прибавить къ тому, что даетъ г. Богаевскій, свѣдѣнія добытыя нами у Вотяковъ

Бирскаго уѣзда: изъ воршудныхъ именъ тамъ извѣстны, между прочимъ, Эгра, Можга, Пельга, Дыкя. Разспрашивая о значеніи этихъ именъ, мы получили отвѣтъ, что это женскія языческія имена. Къ даннымъ современнымъ можно прибавить историческія. Рядомъ съ современнымъ родовымъ именемъ Чола мы имѣемъ въ актахъ XVIII в. женское имя Цола (¹). Можно думать, что въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ именемъ, такъ какъ въ вотскихъ говорахъ ч и џ чередуются и въ Саранульскомъ уѣздѣ родъ Чола называется Цѳола (²). У г. Первухина въ „преданіяхъ“ мы находимъ женское имя Эбга (³).

Искрѣ этихъ данныхъ однако недостаточно для того, чтобы укрѣпить разсматриваемый взглядъ на значеніе воршудныхъ именъ. Мы даемъ въ приложеніи списокъ языческихъ вотскихъ именъ изъ перенесенной книги Слободскаго уѣзда конца XVIII в. По русскому обычаю рядомъ съ собственнымъ именемъ записываемаго мы видимъ здѣсь и отчество и вотъ среди отчествъ мы нашли Бигрицъ, Зюмьинъ, Кливинъ, Шудзинъ, происходящія, конечно, отъ Бигра, Зюмья, Кибя (ѣя), Шудзя, а этимъ послѣднимъ соответствуютъ современные родовыя или воршудныя имена. Въ мѣстныхъ названіяхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ именамъ основателей, мы имѣемъ Квака-пи (+ Квака-вай), Кварсы, Какси. Эти факты даютъ уже другое освѣщеніе вопросу. Но ими не исчерпываются возраженія, которыя можно поставить противъ первой гипотезы. Разсматривая мѣстныя названія, мы встрѣчаемъ между названіями рѣкъ много такихъ, которыя оказываются совершенно тождественными съ

(¹) Ист. Вят. епархіи. Вятка. 1863, 210.

(²) Сбор. мат. для этногр. М. 1888. III, 44.

(³) Первухинъ. I. с. IV, 8.

воршудными именами и—что всего важнѣе—нѣкоторыя изъ этихъ названій оказываются за предѣлами собственно востскаго края, въ землѣ Пермской; такими Лекма, Юмья (—Дзюмья), Чабья, Докья, Вабья, Можга, Нырья. Есть воршудныя имена, которыя прямо связываются съ словомъ шурь—Чура-шурь, Юмья-шурь, Гень-шурь, Сюромо-шурь. Если мы даже выдѣлимъ изъ этого рода именъ тѣ, которыя истолковываются народомъ (съ какой основательностью—это другой вопросъ), какъ женскія, то все же у насъ останутся такія родовыя прозвища, связь которыхъ съ рѣчными названіями остается несомнѣнной напр. Лекма, Сюрома. Эта связь даетъ намъ право поставить третью гипотезу—именно, что, по крайней мѣрѣ, часть родовыхъ именъ произошла отъ названій рѣкъ, на которыхъ поселялись роды. Аналогичное явленіе мы имѣемъ въ дѣленіи Черемисы на группы. Какимъ-бы ни были по своему значенію всѣ разсматриваемыя имена, они имѣютъ одну общую черту—они необъяснимы изъ востскаго языка и должны быть отнесены къ категоріи заимствованныхъ и вѣроятнѣе всего у Чудя.

Мы пришли къ заключенію, что для характеристики языка, которымъ говорили предшественники Вотяковъ въ занимаемомъ ими нынѣ краѣ, имѣется значительный матеріалъ въ мѣстныхъ названіяхъ, личныхъ и родовыхъ именахъ. Останется опредѣлить отношеніе этой совокупности словъ къ нарѣчіямъ пермской группы. Прежде всего слѣдуетъ остановиться на фактѣ, который уже былъ констатированъ выше, но по другому поводу—на томъ, что существуетъ цѣлый рядъ корней, которые сочетаются въ одной мѣстности съ суффиксомъ м а, въ другомъ съ суффиксомъ в а. Этотъ фактъ означаетъ, что языкъ народа, создавшаго рѣчныя названія съ окончаніями на м а, находится въ родствѣ съ вышнѣшимъ пермяцкимъ нарѣчіемъ. Онъ указываетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ

и то направленіе, въ которомъ мы должны изслѣдовать занимающую насъ группу словъ. Приступивши съ пермяцкимъ словаремъ въ рукахъ къ такъ называемъ воршуднымъ именамъ, мы находимъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ являются прилагательными, которыми всего удобнѣе могутъ характеризовать рѣку—Бодья (Бидья)—Ивава, Нырья—Болотистая.

Мы познакомились съ тѣми заимствованіями, которыя вошли въ языкъ Вотяковъ изъ языка родственнаго народа, который жилъ ранѣе ихъ въ этомъ краѣ. Остается установить, что этотъ народъ былъ именво Чудь. Здѣсь мы должны оставить данныя языка и обратиться къ другому историческому источнику—народнымъ преданіямъ. На всемъ обширномъ пространствѣ, заключенномъ между рѣками Косой, Чепцой, Камой и Вяткой среди населенія держится убѣжденіе, что древнѣйшими обитателями этой страны была Чудь—о ней говорятъ Вотяки, Пермяки и даже позднѣйшіе поселенцы Русскіе. Г. Н. Потанинъ записалъ въ Елабужскомъ уѣздѣ преданіе о борьбѣ между богатырями Калмезомъ и Шудзи (Чуди) съ ихъ родами изъ-за обладанія территоріей. Шудзи вырвалъ двѣ берзвы, свилъ ихъ веревкой и бросилъ на дорогу, по которой долженъ былъ проходить Калмезъ. Калмезъ оробѣлъ, увидавши работу Шудзи, и повернулъ съ своими родичами назадъ (¹). Въ Сарапульскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Спицына, Чуди приписывается цѣлый рядъ городищъ—нечкинскія, воткинское, бобья—учинское (между Сарапуломъ и с. Ярамазскимъ). Чудское кладбище показываютъ близъ починка Заборья. Въ округѣ села Ярамазскаго Чудь засталя еще по преданію первые русскіе переселенцы. Она дружила съ Башкирами, жившими на противоположномъ берегу Камы, и вмѣстѣ съ ними грабила русскія селенія.

(¹) Потанинъ. Изв. Каз. Общ. Арх. Ист. и Этн. III, 193.

Крестьяне Мостовинской волости также говорят о борьбѣ своихъ предковъ съ аборигенами Чудью. Особенной исторической колоритностью отличаются рассказы о Чудь крестьянъ д. Котовой. Въ нихъ рядомъ съ анекдотическими подробностями мы встрѣчаемъ описаніе чудскихъ построекъ — это маленькія избытки или шалаши, похожія на тѣ, которые можно встрѣтить у Черемисъ и Вотяковъ⁽¹⁾. Еще болѣе живыми подробностями отличаются рассказы о Чудь нынѣшнихъ обитателей верхняго течения Камы. Г. Ивановъ, посѣтившій этотъ край по порученію Казанскаго Общества Естествоиспытателей, приводитъ рядъ такихъ преданій. Жители дер. „Побонце“ рассказываютъ, что ихъ предки поселились на этомъ мѣстѣ послѣ истребленія Чудь, которая жила здѣсь ранѣе. Въ селеніяхъ Лойнахъ и Гидаевы дѣти отправляются въ семикъ съ брагой и пищей на чудскія мѣста и поминаютъ тамъ *чудскихъ бабушекъ и дѣдушекъ*. Чудь здѣсь также застали еще Русскіе⁽²⁾. О. Блиновъ передаетъ рассказы о Чудь Пермиковъ Глазовскаго уѣзда — такъ называемаго Зюдинскаго края. Пермьки считаютъ Чудь первыми насельниками края. Одно пермяцкое племя (родъ?) въ зюдинскихъ приходахъ само называетъ себя Чудью. Любопытно сравнить это извѣстіе съ показаніемъ Татшцева, что Пермьки называютъ себя Коми и Судами⁽³⁾. Кромѣ Блинова пермяцкія преданія о Чудь сообщаютъ г. г. Роговъ и Добротворскій. По рассказамъ, сообщаемымъ Роговымъ, Чудь было особое племя, отличное отъ Пермиковъ. Гибель его совпадаетъ съ появленіемъ въ край христіанской проповѣди. Г. Добротворскій сообщаетъ преданіе, которое можно поставить

---

(1) Спицынъ. Къ ист. инор. Ватка. I. с. 43—44.

(2) Ивановъ. I. с. 12.

(3) Спицынъ. I. с. 43. Тат. Рос. Ист. I.

въ pendant съ извѣстіемъ Блинова. Рассказывая о борьбѣ Чуди съ христіанствомъ, Пермьки прибавляютъ „много ея (Чуди) тоже въ лѣса убѣжало; мы вотъ теперь отъ этой Чуди и народились“ (1).

Рядъ преданій, который мы привели, показываетъ, что вынѣшніе жители Вятской и Пермской губерній не знаютъ на своей землѣ народа дровяѣ Чуди; съ этой послѣдней они встрѣтились, занимая край и по ея слѣдамъ направили свою колонизаціонную дѣятельность.

Всматриваясь въ русскія и инородческія преданія о Чуди, мы замѣчаемъ одну характерную черту: въ то время, какъ русскія преданія говорятъ о борьбѣ съ этими племенами, инородческія говорятъ, лишь объ особенностяхъ, отличавшихъ это племя или даже о родствѣ съ нимъ и въ свою очередь толкуютъ о гибели Чуди подъ напоромъ русскихъ и христіанства. Нельзя не видѣть здѣсь указанія на тѣ отношенія, въ которыхъ стали позднѣйшіе пришельцы къ родственнымъ аборигенамъ: тутъ не было борьбы, а было сначала мирное сожительство, потомъ сліяніе. Локализація преданій о Чуди на С. и на Ю. отъ богатаго чудскими городищами верхняго теченія Чепцы—показываетъ намъ, куда Чудь отступила отсюда предъ напоромъ новыхъ переселенцевъ. Вотъ такъ поселились по близости поквнутыхъ еще ранѣе каровъ. Мы высказываемъ это предположеніе потому, что еслибы кары были заняты силой, то на нихъ были-бы, конечно, востскія селенія. Но не вся Чудь, конечно, отступила предъ новыми пришельцами. Но обросшимъ лѣсами берегамъ южныхъ притоковъ Чепцы остались, мы думаемъ, чудскія поселки, жители которыхъ постепенно слились съ Вотьяками передавши имъ свои хорографическія названія, свои имена и, можетъ быть,

---

(1) Дмитріевъ. Перм. старина. Пермь. 1889. 25.

циклъ своихъ сказаній о властителяхъ каровъ. Сліаніе совершилось тѣмъ легче, что уровень собственной культуры Чудн мало, повидимому, отличался отъ вотскаго. Достаточно обратить вниманіе на одну сторону чудскаго быта, которая ярко рисуется въ народныхъ преданіяхъ — на устройство жилья. Мы знаемъ уже, отъ какой формы идетъ развитіе вотскаго жилища. Это углубленіе, вырытое въ землѣ. Тотъ же типъ жилья имѣеть и Чудь. Всѣ преданія съ замѣчательнымъ согласіемъ рисуютъ чудскія ямы: это углубленія вырытыя въ землѣ, покрытыя деревянною крышею, на которую насыпалась земля. Картина, которую рисуютъ преданія, не созданіе фантазій. Она соотвѣтствуетъ черта въ черту другой, которую рисуетъ Ибнъ-Доста, арабскій путешественникъ X в., говоря о жизни окружающихъ Булгары народовъ. „На зиму они поселяются въ ямахъ, надъ которыми устраиваютъ крыши, похожія на крыши христіанскихъ храмовъ, и покрываютъ ихъ землей“ — читаемъ мы у него.

На земляхъ, которыя заняли Вотяки, тѣснимые Русскими и Черемисами, жила или по крайней мѣрѣ была известна не одна Чудь. Тутъ многое говоритъ о Булгарахъ, а за ними и о Татарахъ. Въ какихъ отношеніяхъ стояли Вотяки къ Булгарамъ и смѣнившимъ ихъ Татарамъ? Этотъ вопросъ не мало занимаетъ мѣстныхъ изслѣдователей и въ самое послѣднее время онъ былъ, можетъ быть, по ихъ предложенію, включенъ въ программу VIII археологическаго сѣзда. Въ числѣ запросовъ, на которые желательно получить отвѣты, въ программѣ сѣзда между прочимъ занимаютъ мѣсто слѣдующіе: „не составляли-ли Вотяки въ древности части болгарскаго народа, а если составляли, то потому-ли, что у нихъ была родственная племенная связь или какъ союзники или, наконецъ, въ силу покоренія ихъ Булгарами“?

„Мало опредѣленный до сего времени народъ „бесермиве“ не есть ли остатокъ древне-булгарскихъ населеній между Вотками Глазовскаго уѣзда“?

Приступая къ рѣшенію этихъ вопросовъ, изслѣдователь такъ же, какъ и въ вопросѣ о мѣстахъ первоначальнаго жительства Вотковъ, не можетъ разчитывать на свидѣтельства древнихъ лѣтописей. Эти свидѣтельства скудны и неопредѣленны до нельзя. Они говорятъ намъ, что Болгары знали вятскій край и его водные пути. Въ началѣ XIII ст. мы видимъ ихъ совершающими походъ на Устюгъ. Но въ какихъ политическихъ и культурныхъ отношеніяхъ стояли они къ народамъ, жившимъ по теченію р. Вятки и ея притоковъ, лѣтописи не говорятъ. Къ счастью, извѣстія лѣтописи не составляютъ единственнаго источника для исторіи. Гдѣ молчатъ лѣтописи, тамъ говорятъ давнія языки и быта—филологія и археологія.

Чуждыя слова, вошедшія въ вотскій языкъ, должны показать намъ, подъ какими культурными вліяніями находилось вотское племя и какъ сильны были эти вліянія. Въ литературѣ о Вотякахъ существуетъ монографія венгерскаго ученаго Мункачи, посвященная между прочимъ опредѣленію тюркскихъ элементовъ въ вотскомъ языкѣ⁽¹⁾.

Авторъ даетъ списокъ 608 словъ, заимствованныхъ Вотьякамъ у тюркскихъ народовъ, а чрезъ нихъ и у Арабовъ и Персовъ. Слова расположены по частямъ рѣчи, сначала идутъ глаголы, затѣмъ имена существительныя, прилагательныя и наконецъ частицы. Внутри cadaго отдѣла имѣются подраздѣленія по источникамъ заимствованія; въ этихъ подраздѣленіяхъ слова расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Рядомъ съ вотскими словами поставлены ихъ родичи въ языкахъ на-

---

(1) Munkácsi Bernát. Votjak nyelvutatónyok. Bud. 1884.

родовъ, которые прямо или косвенно оказали вліаніе на Вотяковъ.

Какъ филологъ, авторъ не дѣлаетъ культурно - историческихкихъ выводовъ изъ своего матеріала и ограничивается обобщеніями лингвистическаго характера. Между тѣмъ этотъ матеріалъ, подобно словарю Золотницкаго, имѣетъ очень крупную культурно-историческую цѣнность: онъ позволяетъ намъ опредѣлять, подъ чѣмъ культурнымъ вліаніемъ развивались Вотяки, въ какихъ явленіяхъ ихъ жизни сильнѣе всего сказалось это вліаніе, какой характеръ имѣли отношенія Вотяковъ къ сосѣдямъ. Само собою разумѣется, что и по отношенію въ вопросу, который насъ занимаетъ, этотъ матеріалъ слѣдуетъ признавать безусловно-важнымъ.

Рѣшить такъ или иначе по даннымъ языка вопросъ о вотско-болгарскихихъ отношеніяхъ можно только въ томъ случаѣ, если наследователь руководствуется какой нибудь опредѣленной теоріей относительно болгарскаго языка и его отношеній къ языкамъ народовъ, въ настоящее время населяющихъ Поволжье. Такая теорія есть; она поддерживается авторитетными представителями русской филологической науки—академиками Радловымъ и Куникомъ и Н. П. Ильминскимъ⁽¹⁾. Сущность ея заключается въ томъ, что потомками Болгаръ на Волгѣ являются Чуваши; въ ихъ языкѣ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, сохранилось болѣе всего тѣхъ особенностей, которыя характеризовали языкъ Волжскихъ Болгаръ.

Исходя изъ этой теоріи, мы должны будемъ признать, что констатировать непосредственную и продолжительную связь между Болгарами и Вотяками можно будетъ только въ томъ случаѣ, если въ ряду заимствованныхъ тюркскихъ словъ окажется значительное количество такихъ, которыя по

---

(1) Резюме этой теоріи см. въ Тр. IV арх. съѣзда т. I, XLII.

своимъ фонетическимъ особенностямъ болѣе всего близки къ чувашскимъ.

Словарь Муязачи не даетъ намъ матеріала для такого вывода. Изъ 450 заимствованныхъ Вотяками у Тюрковъ словъ болѣе $\frac{1}{2}$ совершенно отсутствуютъ въ чувашскомъ языкѣ; другія имѣются, но въ такой формѣ, которая представляетъ рѣзкія отличія отъ татарско-вотяцкой. Противъ сотенъ словъ, заимствованныхъ изъ татарскаго, мы можемъ выставить съ небольшимъ десятокъ словъ, заимствованныхъ или изъ чувашскаго или чрезъ посредство чувашскаго изъ арабскаго и персидскаго. Вотъ эти слова: изъ араб-тур.: корень emg — въ словѣ emgaz-dunja (вѣчность, — чув. ımıǵ вѣчность) кор. kalal — въ словѣ kalaltem законъ — чув. и половец. kalal съ тѣмъ же значеніемъ, слово kerg подать — ч. chıǵı, takıǵı похмѣлье; изъ персид.-тур. агна недѣля — ч. ǵnǵ; burgın шелкъ — ч. roǵsen, duǵmon врагъ — ч. tuǵman, tarazı телега — чув. и полов. tarazı, изъ собственно-чувашскаго языка глагольный корень sulǵog — просить, aka — старшая сестра, sner сѣдло, rakag желудокъ.

Первое впечатлѣніе, которое производитъ эта маленькая группа словъ — это впечатлѣніе несоизмѣрности ихъ значеній. Рядомъ съ словами, которыя относятся или къ высшимъ категоріямъ культурныхъ явленій, каковы слова для обозначенія вѣчности, закона, подати, или къ области роскоши, какъ шелкъ, мы видимъ слова въ родѣ телѣги и похмѣлья. Мы не видимъ здѣсь той связи, въ которой они были восприняты. Въ заимствованіяхъ, сдѣланныхъ Черемисами у Чувашъ и Вотяками же у Татаръ, предъ нами цѣлая группа словъ, соотвѣтствующихъ группамъ явленій, которыя возникли въ жизни народа подъ вліяніемъ болѣе развитыхъ сосѣдей; здѣсь слова, стоящія одиноко, въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ синонимы другихъ, заимствованныхъ у Татаръ.

Въ виду особенностей, которыя характеризуютъ заимствованія, сдѣланныя Вотиками у Чувашъ, является вопросъ, не въ позднѣйшую-ли пору были они сдѣланы. Намъ кажется, что этотъ вопросъ можно рѣшить утвердительно: въ западныхъ уѣздахъ Вятской губерніи мы имѣемъ несомнѣнные слѣды пребыванія Чувашъ: деревни съ названіями Чувашево, Чуваши имѣются въ Вятскомъ (1) Слободскомъ (3), Нолинскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ (2). Кромѣ того въ источникахъ относящихся къ исторіи вятскаго края, мы имѣемъ прямыя указанія на существованіе въ землѣ такъ называемыхъ арскихъ князей Чувашъ ('). Въ настоящее время Чувашъ въ Вятской губерніи нѣтъ и слѣда; часть ихъ навѣрное овотачилась, часть отатарилась. Очень вѣроятно, что овотачивавшіеся чуваша — колонисты арскихъ князей — и внесли въ вотяцкій языкъ нѣсколько своихъ словъ.

Чуваши эти были, вѣроятно, выведены арскими князьями вмѣстѣ съ другими иноплеменниками изъ Поволжья. Рядомъ съ ними мы въ тѣхъ-же предѣлахъ встрѣчаемъ указанія на Черемисъ и Мордву. Въ Вятскомъ уѣздѣ упоминаются деревни Черемисинская, Черемисская, Черемиснова, Черемисново, Чермяшинскій, въ Нолинскомъ—Черемискова, Вашикерскій починокъ, д. Кукмары, въ Слободскомъ—Черемиси, Мары, Марявки (3). Воспоминаніями о Мордвѣ въ мѣстныхъ названіяхъ служатъ въ Слободскомъ уѣздѣ два селенія Терюханъ, одна деревня Мордянская, въ Нолинскомъ уѣздѣ деревни Мокшинская и Терюханы, въ Орловскомъ деревня Мордовская (4).

Выводъ, сдѣланный изъ данныхъ языка, подтверждается для древнѣйшей поры данными археологіи. Вятскій археологъ А. А. Спицынъ констатируетъ фактъ, что городища по сред-

---

(') Спицынъ. Къ ист. вят. иноп. 55.

нему теченію Вятки между Котельничемъ и устьемъ Чепцы и по Чепцѣ до впаденія въ нее Косы — т. е. въ области, которую первоначально занимали Вотяки—рѣзко различаются отъ такъ называемыхъ чудскихъ. Они принадлежатъ по его мнѣнію народу жалкому, некультурному, не имѣвшему сношеній съ болѣе развитыми сосѣдями⁽¹⁾.

Застали-ли Вотяки Болгарь на В., въ землѣ Чуди? Въ предѣлахъ Глазовскаго уѣзда есть цѣлый рядъ интересныхъ памятниковъ старины, которые должны отвѣтить на этотъ вопросъ — это такъ называемые Бигеръ-шан — т. е. Булгарскія или Татарскія кладбища. Открытіе многихъ изъ нихъ для науки составляетъ одну изъ ученыхъ заслугъ Н. Г. Первухина. Обстоятельныя свѣдѣнія о Бигеръ-шаняхъ заключаются въ имѣющемъ, вѣроятно, скоро выйдти изъ печати трудѣ его — „археологическое описаніе Глазовскаго уѣзда“. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣсколько статистическихъ данныхъ, которыми насъ любезно снабдилъ почтенный авторъ. Наибольшее количество Бигершаневъ мы видимъ въ трехъ волостяхъ, прилегающихъ къ Чепцѣ—Поглинской (11), Люмской (6) и Нижне-уванской (6). Въ настоящее время тамъ нѣтъ и слѣда Татарь. Кому принадлежали эти кладбища? Одно названіе не можетъ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Вотяки называютъ въ настоящее время Бигерами Татарь. Кладбища могутъ быть, стало быть, и татарскими. Отвѣтъ на вопросъ должно дать тщательное археологическое изслѣдованіе Бигершаневъ. — Пока можно поставить только гипотезу. Въ виду отсутствія въ указанныхъ волостяхъ Татарь - мусульманъ и такъ называемыхъ Бесермянъ позволительно предположить, что эти могли принадлежали болгарскимъ селеніямъ, которыя были истреблены Вотяками или Татарями во время набѣговъ.

⁽¹⁾ Сивцынъ. Къ ист. вѣст. вѣст. 49.

Съ переходомъ къ словамъ, заимствованнымъ изъ татарскаго языка, предъ нами раскрывается картина не только культурныхъ, но и политическихъ отношеній, въ которыхъ стояли представители двухъ народностей. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе заимствованіе значительнаго количества словъ, обозначающихъ нравственныя отношенія, вытекающія изъ зависимости одного социальнаго элемента отъ другаго. Для обозначенія уваженія, почета, воздаваемого однимъ лицомъ другому, Вотяки заимствовали цѣлый рядъ словъ: глагольные корни *sag—, sanlal—, sijlal—, tabin—*, араб. *kaderlal—, jubirt—*, существительныя: *san, sij, dan, kador, salam, sijl*.

За этими словами слѣдуютъ слова, опредѣляющія политическія и социальныя отношенія. Въ ряду ихъ слѣдуютъ поставитъ прежде всего слова для обозначенія отвлеченныхъ понятій превосходства, власти, владычества и соотвѣствующихъ имъ понятій подчиненія, служебныхъ отношеній и нарушенія этихъ отношеній; таковы глагольныя формы: *alra-utjal—* господствовать, *buldant—* возмущаться, *sane pot—* повиняться, существительныя: *törelük—* владычество, власть, *alraut—* господишь, *dan—* владычество, честь, *danu—* имѣющій преимущество, награжденный, *jam—* господскій, *bojrok—* приказаніе, *kizmet—* служба, *sekur—* господство, *kupoka—* господинъ, старшій, *asaba—* господинъ, *mal'da—* рабъ, служанка.

За словами, обозначающими социальныя отношенія, идутъ слова, относящіяся къ сферѣ юридическихъ отношеній: понятія правъ и закона, вины и наказанія, иска, довоста, суда слѣдствія, свидѣтельства, припренія, приговора; таковы глагольные корни *s'ag—* жаловаться, доносить, *subirjal—* съ тѣмъ-же значеніемъ, *teksir—* изслѣдовать, судить, произносить приговоръ, *sinal—, sinat—* изслѣдовать, *tatinal—* мириться, *azar-laudir—* наказывать, *danlaš—* судиться, *kurjal—* обвинять, клеветать, существительныя: *ant—* клятва, *čip—* истинный, справед-

ливый, *tanuklyk*—свидѣтельство, *tynuslyk*—миръ, тишина, *tanukcy*—свидѣтель, *janys*—вина, долгъ, *kangelem*—свидѣтельство, *ajir*—долгъ, вина, виновный; *ajipti*—обвинять, *kat*—право, законъ, порадокъ, *sek*—недостатокъ, долгъ; *derbeder*—палачъ, *dögös*—истинный, справедливый.

Для характеристики соціально - экономического вліянія Татаръ служатъ слова, заимствованныя для обозначенія господина и слуги, торговли, выгоды: *altin*—золото, *kulim*—цѣна, *tanga*—подать, пошлина, *ukso*—деньги, *baj*—богатый, *jalci*—работникъ, слуга, *alraut*—господинъ, *tabys*—выгода, польза, *uslom*—выгода, барышъ, *bugys*—долгъ, *tanka*—монета, *tenke*—монета, *esep*—счетъ, *gabrat*—польза, *rajda*—прибыль, *bazat*—рынокъ, *pasar*—бѣдный, нищій, *mes'kin*—бѣдный, *usto*—ремесленникъ.

О вліяніи въ области семейной говорятъ слова, служащія для обозначенія сватовства (*jaraš*—сватать), *kodo*—сватъ, *karındaš*—родственникъ, *jultoš-kiz*—женихъ, *agajlyk*—первородство, *ijnaslyk*—прелюболюбіе, *ijnaslikci*—прелюболюбій, *bis'ono*, *tugan*—братъ, *bulyr*—шуринъ, *zat*—семья, *kuz'o*—старшій.

Заимствование религиозныхъ понятій обнаруживается въ словахъ: *kargal*—проклинать, *bake'l'al*—благословлять, *ymutlan*—просить, *tamuk*—адъ, *mengi*—вѣчный, *kargan*—проклатіе, *s'olyk*—грѣхъ, *bereket*—благословеніе, *den*—вѣра, *deulet*, *šadaka*—милостыня, *dünja*—миръ, *emgaz-dünja*—вѣчность, *gumyr*—вѣчность, *iman*—обѣтъ, *kadar*—проклатіе, *kurbon*—жертва, *sajtan*—чертъ, *imajnber*—ангелъ, *ragambar*—пророкъ, *peri*—алой духъ, *uřmak*—рай.

Въ области внѣшняго быта вліяніе Татаръ сказалось въ заимствованіяхъ домашней обстановки, костюма, домашнего хозяйства, комфорта и занятій. Сюда относятся слова: А) красить—*bujal*, чиститься—*tazar*, алаша—пестрый, *basmak*—

башмакъ, kalpak — колпакъ, jabinci — япанча, byrkençi — покрывало, jançik — мѣшечекъ, burlat — кумачъ, culka — чулокъ, katta — башмаки, minder — кошелекъ, uko — позументъ, kisi — карманъ, епер — сѣдло, takja — такья, žer — карманъ, buržin — шелкъ, tasma — ремень, B) yurt — домъ, janak — косякъ, koje — колодезь, uçog — очагъ, bülni комната, kogka — ворота, baskiç' — лѣствица, azbar — дворъ, azbar-zer площадь, balagan — балаганъ, tuncö — баня, negur — фундаментъ, saganduk — рама, senduga — полати, ugam — улица, kibet' — лавка, ambar — амбаръ, bakça — садъ, çator — шатеръ, sagaci — сѣни, C) kabap — тыква, sugon — лукъ, tagi — просо, ulmo — яблоко, çija — вишня, digu — рясъ, kayun — тыква, jemyş — плодъ, bag-alma — яблоко, [kijağ — огурецъ, kötöci — пастухъ, köti — стадо, taga — ягненокъ, каза — коза, kujn'an — теленокъ, uloşo — меринъ, ataz — пѣтухъ, kureg — курница, пѣтухъ, D) kuro — солома, byrtyk — зерно, хлѣбъ — sükuri, tes' — зерно, kümeç — хлѣбецъ, п'an' — хлѣбъ, пиво — sur, E) çan — чанъ, çilim — трубка, kobu — черпакъ, l'anges — сосудъ, sayut — сосудъ, s'umuk — стекл., стекл. сосудъ kungan — сосудъ, sanduk — сундукъ, koral — орудіе, şanik — вилы, c'arluk — орудіе, şil'a — суповъ, tel'bugo — возжи, umorto — улей, kagaz — бумага, burgi — музыкальный инструментъ, byz — муз. инструментъ, doşbygo — балабайка

Данныя языка заставляютъ насъ предполагать о такихъ отношеніяхъ между Татарами и Вотяками, при которыхъ были господа и слуги, власти и подданные. Свидѣтельства исторіи и народныя преданія подтверждаютъ выводы, сдѣланные на основаніи данныхъ языка. Съ XV в. до конца XVII в. мы знаемъ на территоріи вотскаго племени арскихъ князей и мурзъ изъ Татаръ; эти князья даже подъ русской властью долгое время сохраняли свою автономію — судили и взимали подати съ своихъ вотскихъ подданныхъ. Само собою

разумѣется, что московская власть признала отношенія, сложившіяся гораздо ранѣе. Въ легендахъ, на данныхъ Н. Г. Первухиннымъ, мы находимъ преданіе о размѣрахъ той власти, которой пользовались Татары надъ Вотьяками: „когда Татаринъ садился на лошадь, Вотьякъ долженъ былъ становиться на четвереньки; ни одна дѣвушка не могла выйти замужъ, не пробывши у Татарина наложницей два 4 — 5“.—Когда возникли первыя отношенія между Татарами и Вотьяками, источники все говорятъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ вопросѣ о началѣ русской колонизаціи, приходится довольствоваться указаніями, которыя заключаются въ мѣстныхъ названіяхъ и данныхъ языка и археологій. Татары явились въ предѣлахъ болгарскаго царства въ XIII в. Пришли они, какъ извѣстно, кочевниками. Между тѣмъ изслѣдованіе языка показываетъ, что они стали извѣстны Вотьякамъ, уже какъ народъ, перешедшій къ осѣдлой жизни деревнями, въ прочно и удобно устроенныхъ домахъ, занимавшійся кромѣ скотоводства земледѣліемъ, бос-какими промыслами и торговлей. Уровень культурнаго развитія, на которомъ стояли Татары, даетъ намъ право съ нѣкоторой основательностью опредѣлить, откуда и когда появились они на территоріи Вотьяковъ. Если принять во вниманіе, что въ низовьяхъ Волги Татары являются еще въ XIV и XV в. в. кочевниками, то вполне вѣроятно будетъ, что татарское движеніе началось изъ той части занятаго Татарами страны, гдѣ они нашли сравнительно высокую культуру и осѣдлую жизнь т. е. изъ главныхъ центровъ нашей Булгаріи—Ланшевскаго и Спасскаго уѣздовъ. Начало движенія можно отнести къ XIV в., когда основавшіеся здѣсь Татары успѣли уже усвоить себѣ культуру побѣжденнаго народа. Ранѣе, чѣмъ проникнуть въ Вятскую губернію, Татары подчинили себѣ Вотьяковъ, жившихъ въ Казанской губерніи. Еще въ XIII в. ставонится извѣстнымъ

городъ Арскъ, бывшій можетъ быть, политическимъ центромъ этой группы Вотяковъ (не отъ рѣки-ли Аръ или Ара? Ср. Арбашъ) (*). Татары утвердились въ немъ и распространились въ вотскихъ селеніяхъ за чертой, которую можно привести отъ Арска до Мамадыша. Названія многихъ татарскихъ селеній Мамадышскаго уѣзда обличаютъ несомнѣнное вотяцкое происхождение ихъ нынѣшнихъ обывателей: Алшекуртъ, Нырты, Нырья, Поршуръ, Лыя, Вожешуръ и т. д.: въ вѣкоторыхъ изъ этихъ названій мы видимъ воршудныя вотяцкія имена, какъ наур. Юмья, Чабья (*). Что Татары не вытѣснили Вотяковъ, а ассимилировали ихъ, можно заключать изъ особенности костюма и быта старокрещенныхъ татаръ—они носятъ до сихъ поръ бѣлыя одежды, по формѣ и украшеніямъ напоминающія современныхъ вотскія и волжско-финскія вообще.

Отсюда начинается наступательное движеніе Татаръ на С. въ земли Вотяковъ нынѣшней Вятской губерніи. Татары на своемъ пути частью отгѣсняли, частью ассимилировали Вотяковъ. Въ этомъ движеніи можно различить два направленія колонизаціонное и военное. Первое шло на В. въ земли Чуди по пути, издавна проложенному Болгарамъ, второе на З. въ земли, занятія русскими; по этому пути приходили татарскія орды опустошать русскіе предѣлы и мстить за набѣги Вятчанъ. На В. губерніи Татары постепенно смѣнили Болгаръ и приняли, какъ ихъ наследіе, не только мѣсто жительства, но и самое національное имя—Вотяки до сихъ поръ зовутъ Татаръ Бигерами, т. е. Болгарамъ. Всмотрѣвъ въ названія татарскихъ селеній въ уѣздахъ Малмыжскомъ, Глазовскомъ, Слободскомъ, Сарапульскомъ, Елабуж-

(*) Шпилевскій. Древ. города и др. Б. Т. тамъ въ К. губ. К. 1887. 163.

(*) Спис. нас. и. Каз. г. Сиб. 1866.

скомъ, мы открываемъ между ними цѣлый рядъ вотскихъ, таковы: въ Глазовскомъ уѣздѣ—Петрошурь, Багашурь, Зягзудскій, Горднискій, Гурзаншурскій, Уксешурскій,—въ Елабужскомъ—Вотскіе Юраши, Мукшурь, Гужно-шурь, Бобьяуча, Жикья, Буру-Жикья, Искаль-шурь-Обдесъ, Урдесъ, Лекочесъ-Мупья, Мунюжи-Пельга, Монья н., Седь-Очмесъ-Пельга, В. Иже-Бодья, Босурманъ-Можга, Кватча-Можга, Чьжесъ-Какси, Володоръ—Можга, Чебершурь, Вишурь, Бытчимесъ, Варзи,—въ Малмыжскомъ-Чешурь, Корешурь-Кибья, Гужно-шурь-Кибья, Бодья, Гучимъ-Бобья,—въ Сарапульскомъ—Ижъ-Бобья (¹).

Утвердившись по верхнему теченію Чепцы приблизительно въ концѣ XIV в. или началѣ XV в., татары (арскіе князья) являются затѣмъ непосредственными сосѣдями Вятчанъ, занявшихъ своими козовіями смежныя съ Глазовскимъ уѣздомъ Вятскій и Слободской. Когда начался столкновеніе Вятки съ Москвой, арскіе князья поддерживали Вятчей. Вмѣстѣ съ Вятчанами они потерпѣли поражение въ рѣшительной борьбѣ и были выведены въ Москву (²). Позже они снова являются въ краѣ, но уже какъ вассалы князя Московскаго.

Противъ предположенія о древности татарскихъ поселеній по Чепцѣ, повидному, говоритъ то, что писавшій около 1551 г. ученый болгаринъ Шереф-эддинъ ничего не говоритъ о каринскихъ и чепецкихъ Татарахъ, хотя очень обстоятельно перечисляетъ „святыхъ“, жившихъ въ предѣлахъ Казанскаго царства и называетъ даже мелкіе аулы. Въ числѣ рѣкъ, на которыхъ жили послѣдователи пророка, упоминаются Казанка, Свіяга, Черемшаны, Шешма, Зай, Ижъ, Бѣ-

---

(¹) Спис. нас. м. Вят. г. Сиб. 1882.

(²) Списцынъ. Св. глѣт. дав. 33.

лая, Тойма, Деша, Уфа, Ай, Шешма (Вят.),—но нѣтъ Чепцы. По Шереф-эддину татарскія селенія въ нынѣшней Вятской губерніи не переходили на лѣвый берегъ р. Вятки ('). На основаніи этого можно было-бы заключить, что татарскія селенія по Чепцѣ имѣютъ позднее происхожденіе, восходя ко времени казанскаго погрома. Но такое заключеніе находилось-бы въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы знаемъ объ арскихъ князьяхъ на Вяткѣ и каринскихъ Татаряхъ. Молчаніе Шереф-Эддина можно объяснить политической разобщенностью, въ которой находились каринскіе татары отъ своихъ казанскихъ родичей. Кое-какія данныя изъ актовъ позволяютъ взглянуть на дѣло и съ другой стороны. Не проникло-ли въ среду каринскихъ мурзъ еще до паденія Казани христіанство? Нѣкоторымъ основаніемъ въ пользу этого является то обстоятельство, что въ началѣ XVII в. нѣкоторые изъ каринскихъ мурзъ и князей имѣютъ христіанскія имена. Если-бы наше предположеніе подтвердилось новыми данными, мы имѣли-бы удовлетворительное объясненіе молчанія Шереф-Эддина на счетъ Чепцы.

Мы дошли до важнѣйшаго момента въ исторіи Вятковъ, до водворенія на Вяткѣ власти Москвы. Не смотря на относительную близость къ нашему времени, этотъ періодъ представляется еще далеко не яснымъ даже въ своихъ существенныхъ чертахъ. 11-го марта 1428 г. княземъ Московскимъ Василюмъ II и его дядьями—сыновьями Дмитрія Донскаго—Андреемъ, Константиномъ и Юріемъ была подписана договорная грамота, по которой опредѣлялись ихъ владѣнія. Изъ этой грамоты видно, что великій князь Василій Дмитриевичъ пожаловалъ своего брата Юрія въ наследственное владѣніе Вяткой съ слободами и всѣми мѣс-

---

(') Шпилевскій. Др. города. 27.

т а х и. Сказанная формула дарственной грамоты представляет собой единственный материал для характеристики древнейших отношений Вотяковъ къ Вяткѣ и Москвѣ. Князь даетъ своему дядѣ городъ Вятку съ слободами (конечно, русскими) и умалчиваетъ о Вотякахъ⁽¹⁾. Это умолчаніе свидѣтельствуетъ, что власть Вятки не распространялась на Вотяковъ—и московскіе князья не являлись по отношенію къ этой народности ея наследниками.

Въ 1434 г. Юрій Дмитріевичъ дѣлитъ Вятку съ городами и волостями между своими тремя сыновьями. Новыя выраженія, въ которыхъ говорится въ его завѣщаніи о Вяткѣ, заставляютъ думать, что 19 лѣтъ, въ теченіе которыхъ вятская земля была во владѣніи Юрія Дмитріевича не прошли безслѣдно для края: князь обратилъ слободы въ города съ болѣе или менѣе точно опредѣленными уже волостями, но о Вотякахъ и здѣсь нѣтъ упоминанія⁽²⁾; въ обличительной грамотѣ митрополита Іоны вятскому духовенству мы въ первый разъ встрѣчаемъ намекъ на отношенія Вятчей къ соседнимъ породцамъ; они обвиняются въ томъ, что „съ погаными совокупаются“⁽³⁾. Молчаніе актовъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія Вятки къ Вотякамъ. Вятка мало, очевидно, обращала вниманія на своихъ породческихъ соседей. Она не преслѣдовала по отношенію къ нимъ политическихъ цѣлей. Все вниманіе удалцевъ ушкуйниковъ было обращено на сравнительно богатые русскій С. З. и татарско-булгарскій Ю. В. Сюда они періодически отправляются за добычей, но не дѣлаютъ нигдѣ попытокъ утвердиться. По отношенію къ ближайшимъ соседямъ Вотякамъ и

---

(1) Др. акты, отв. къ ист. в. кр. В. 1881. 2.

(2) Ibid. 3.

(3) Ibid. 10.

Пермякамъ они оказываются совершенно равнодушными. Ни разу Вятчанъ не пришла мысль, что у этихъ людей можно отнять не только земли, но и свободу, обратить ихъ въ крепостныхъ, въ рабовъ и жить на счетъ ихъ трудовъ вмѣсто того, чтобы складывать свои удалыя головы въ разбойничьихъ налетахъ. Вологодскіе и костромскіе мужики, пробравшіеся въ Вятку за ушкуйниками и селившіеся подъ прикрытіемъ ихъ городковъ, искали въ свою очередь только земли и еще меньше, чѣмъ ушкуйники, думали о томъ, чтобы подчинять себѣ туземныхъ обывателей. Русскіе люди колонизировали вятскую землю, но не завоевывали ее. Понятно, въ силу этого, что границами Вятки на С. и В. въ XV в. были границы русскихъ колоній въ уѣздахъ Вятскомъ, Орловскомъ, Слободскомъ. Иностранческія земли, какъ въ предѣлахъ этихъ уѣздовъ, такъ и за ними представляли особый міръ. Русскіе до самаго покоренія Вятки даже называли Вотяковъ именемъ, которое дали имъ Татары, Арами.

1489-й годъ не вноситъ существенныхъ измѣненій въ отношенія Москвы къ Вотякамъ. Воеводы великаго князя Московскаго „за неисправленіе“ Вятчанъ забираютъ подъ его власть вятскіе города, выводятъ въ Москву большихъ людей и арскихъ князей, вятчанъ приводятъ къ цѣлованію, а Арами къ ротѣ⁽¹⁾. Подъ Арами здѣсь, несомнѣнно, разумѣются Вотяки, ближайшіе къ вятскимъ городамъ. Лишившись своихъ татарскихъ властителей, они вступаютъ въ непосредственныя отношенія къ Москвѣ. На эти отношенія были непродолжительны. Великій князь скоро отпустилъ арскихъ князей въ свою землю и возвратилъ имъ ихъ права. Въ духовной, писанной около 1504 г., онъ даетъ своему сыну „Вятскую землю всю съ городами и волостями и со всѣмъ, что къ ней

---

(1) Спичковъ. Св. лѣт. дав. 33.

потягло, и съ Арскими князьями" ('). Вотяки разумѣются здѣсь, какъ подданные Арскихъ князей. Самостоятельныя отношенія 1489 г. замѣнились косвенными. Для уясненія отношеній, въ которыхъ стали Вотяки къ Москвѣ, любопытно сравнить выраженія въ которыхъ говорится о Вяткѣ, съ употребленными въ той-же граматѣ по отношенію къ Нижнему и Мурому. Въ то время, какъ за упоминаніемъ о Вяткѣ умалчивается о Вотяхахъ, гелѣдь за Нижнимъ Новгородомъ и Муромомъ слѣдуютъ слова „и съ волостями и съ Мордвами и съ Черемисой“. Въ составъ этихъ Мордвы и Черемисы входятъ тѣ части племенъ, которые зависѣли отъ Нижняго и Мурома. Кромѣ этой покоренной Мордвы и Черемисы грамота упоминаетъ еще „князи мордовскіе всѣ“—т. е. Мордву, сохранявшую нѣкоторую политическую самостоятельность ('). Были-ли кромѣ Вотяковъ, находившихся подъ властью Арскихъ князей, такіе, которые входили въ составъ Вятскихъ волостей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ кажется, заключается въ двухъ грамотахъ 1540 и 1557 г. Въ 1540 г. въ Слободской городокъ была отправлена грамота относительно расправы съ татями и разбойниками по случаю жалобы отъ крестьянъ городскихъ и становыхъ и *Отяковъ*. *Вотяки* упоминаются здѣсь, какъ классъ, входящій въ составъ княжеской отчины. Наравнѣ съ русскими людьми они приобрѣтаютъ право набирать цѣловальниковъ и лучшихъ людей, которые бы вели борьбу съ ворами и карали ихъ—хотя бы смертной казнью (').

Объ этихъ Вотяхахъ несомнѣнно говоритъ и льготная грамота сыръянскимъ новокрещенамъ (1557). Перечисливши льго-

---

(') Ар. акты. 17.

(') Ibid.

(') Ibid. 17—20.

ты, которыми новокрещены имѣютъ пользоваться въ теченіе трехъ лѣтъ грамота прибавляетъ: „а какъ тѣ новокрещеные Вотяки отспдять свои урочные лѣта, и имъ потянуть въ сырмянскую волость *по старинѣ*“⁽¹⁾. Князья Московскіе въ теченіе столѣтія не вносили ничего новаго въ отношенія Вятки къ туземцамъ. Подчинивъ подъ свою власть Вятку съ пригородами, они въ свою очередь оставляютъ Вотяковъ въ покоѣ и не пытаются завоевать ихъ. Раньше надъ „Арами“ владычествовали Татары—владычествуютъ они и потомъ въ теченіи всего почти XVI в. — сначала какъ князья, потомъ какъ помѣщикъ. Грамота 1548 г. раскрываетъ намъ объемъ правъ, которыми пользовались каринскіе мурзы относительно Вотяковъ. Царь представляетъ имъ право *отдать и судить* „Бѣляковъ, Вотяковъ и Чувашу и пошлину на нихъ имати“.

О размѣрахъ каринской волости, подчиненной мурзамъ, можно судить потому, что въ пей въ 1685 г. „татарскихъ, отяцкихъ и бесермянскихъ дворовъ было насчитано 11760 а людей въ нихъ 50,638 ч.“⁽²⁾. Вотяки въ глазахъ администраціи такъ тѣсно сливались съ Татарами, что обозначались однимъ съ ними племенемъ. Говоря о прибыли населенія въ каринской волости, грамота 1685 г. называетъ бесермянскіе и вотяцкіе дворы общимъ племенемъ татарскихъ⁽³⁾. Грамота 1673 г. поясняетъ отчасти, какимъ образомъ такъ далеко распространилась въ былое время юрисдикція каринскихъ мурзь. Вступивши въ ряды служлага сословія, они получили „жалованныя грамоты на пашенные многіе земли и всякія угоды“, „расчистили и распахали тѣ пашенныя земли“, и „на тѣхъ пашенныхъ земляхъ селили людей“⁽⁴⁾.

(1) Др. акты. 30.

(2) Ibid. 220.

(3) Ibid. 222.

(4) Ibid. 190—191.

Покореніе Казани открываетъ новый періодъ въ исторіи отношеній Вотяковъ къ Москвѣ. Казань была не одинокій городъ и не колонизаціонный центръ, какъ Вятка; эта была столица государства, власть котораго простиралась на цѣлый рядъ народностей. Ипородцы были связаны съ Казанью опредѣленными отношеніями зависимости — ясакомъ и службой. Паденіе Казани означало для нихъ перемену властителей и они признавали эту перемену послѣ долгой или короткой борьбы. Наравнѣ съ Чувашиями, Черемисами, Мордвой — Вотяки, входившіе въ составъ Казанскаго царства, должны были признать надъ собою власть царя Московскаго.

Первыя десятилѣтія Вотяки борются вмѣстѣ съ Черемисами противъ русскаго владычества. Мы видимъ ихъ въ 1573 г. на Мешѣ засѣвшихъ въ земляномъ городкѣ⁽¹⁾, потомъ они отдѣляются отъ Черемисъ и, оставивши ихъ бороться противъ русской власти, удаляются въ Вятку, въ глухіе лѣса нынѣшняго Малмыжскаго уѣзда.

Но какъ далеко простірались на С. въ земли Воти границы Казанскаго царства? Въ русскихъ источникахъ мало данныхъ для рѣшенія этого важнаго вопроса. Мы знаемъ, что за Казанью подъ власть Москвы перешли Арскъ и Малмыжъ, имѣвшіе своихъ собственныхъ князей — но и только⁽²⁾. Простірались-ли русскія владѣнія за Вятку, остается неизвѣстнымъ.

Указаніемъ на былые предѣлы Казанскаго царства и его юрисдикціи можетъ служить развѣ то обстоятельство, что Вотяки, жившіе на югъ отъ Чепцы, еще въ началѣ XVIII в., при устройствѣ губерній, были причислены къ Казанской губерніи.

---

(1) Кеппелъ. Мат. для ист. ипор.

(2) Мал. для стат. Вят. г. Малм. у. В. 1885. 60.

Сводя данныя, заключающіяся относительно Вотяковъ въ р. актахъ и лѣтописяхъ, мы можемъ сказать, что въ XVI в. далеко не всѣ Вотяки юридически и фактически вошли въ составъ русскаго государства. Москва овладѣла границами вотскихъ населеній, собственно вятскими землями на З., теченіемъ Чепцы на С., Вяткой на Ю. и отдала Строгановымъ земли, замыкающія вотяцкій край съ В. Внутри этого четырехугольника среди дремучихъ лѣсовъ должны были нѣкоторое время держаться еще самостоятельные Вотяки, не признававшіе власти ни каринскихъ, ни казанскихъ Татаръ. Ихъ открыли и покорили русскому государству мирные люди — составители писцовыхъ книгъ. О своеобразной независимости, которой пользовались Малмыжскіе, Глазовскіе и Сарапульскіе Вотяки, говорятъ мѣстные вотяцкія преданія. Лучше ровъ и валовъ защищали вотское племя отъ русскихъ дремучіе лѣса и онѣ разсыпались по этимъ лѣсамъ массою одинокихъ посезковъ, которые долго не имѣли между собой ни какихъ связей. Еще лѣтъ 12—15 тому назадъ въ одной сѣверной волости Малмыжскаго уѣзда въ лѣтнее время не было никакихъ путей сообщенія и только въ зимнее время жители сосѣднихъ деревень вступали между собой въ сношенія⁽¹⁾. Въ такой обстановкѣ Вотякъ наслаждался полной независимостью. „Дорогъ не было, вѣру пачальство не трогало, за ясакомъ становой не прїѣзжалъ“ — вотъ какъ формулировали жизнь своихъ предковъ земскіе старостинкамъ Рыбно-ватажскіе Вотяки⁽²⁾.

Между 1552 и 1587. происходитъ первая перемѣна въ положеніи Вотяковъ. Царь Феодоръ Ивановичъ въ 96 (1587) г. уничтожилъ зависимость каринскихъ Вотяковъ отъ

---

(1) Мат. для стат. Вят. г.—Малм. у. I, 1.

(2) Ibid.

каринскихъ мурзъ въ податномъ и судебномъ отношеніи, а верхнечепецкихъ „судомъ и во всякихъ податѣхъ повелѣлъ отвести отъ вятскихъ и хлыловскихъ черносошныхъ“. Изъ текста грамоты можно заключить, что нѣкоторое время Вотяки были поставлены въ общія условія съ русскими черносошными. Отношенія, созданныя грам. 1587 г., продолжались при Василии Шуйскомъ, Михайлѣ Теодоровичѣ и Алексѣй Михайловичѣ — до Петра В. (1686 г.)⁽¹⁾. Вотяки должны были привозить въ Москву дань сами. Изъ земскихъ вятскихъ нуждъ они вносили только на городовыя, мостовыя и тюремныя подѣлки и утѣхъ расходовъ велѣно быть тѣмъ Вотякамъ самимъ. Изъ грамоты 1673 г. мы узнаемъ, что Вотяки несли въ 7 разъ менѣ повинностей, чѣмъ русскіе. Алексѣй Михайловичъ, подтверждая льготы, данныя Вотякамъ, возлагалъ на власти обязанность „Вотяковъ во всемъ отъ Русскихъ людей оберегать, чтобы имъ ни какихъ обидъ и налоговъ чинимо не было“⁽²⁾.

Административная и фискальная обособленность Вотяковъ прекратилась въ началѣ XVIII со введеніемъ подушной подати, которая сравняла въ отношеніи повинностей всѣхъ подарныхъ русскаго государства. Въ 1717 г. Вотяки были въ первый разъ переписаны по дворамъ ландратомъ Ваземскимъ. „Вотяки... нигдѣ между подданными Россіи, подобными имъ народами, какъ-то Мордвой, Чувашей и Черемисами до сихъ поръ не упоминаемы, ни податей непосредственно коронѣ не платившіе и къ воеводству вятскому не принадлежавшіе, были въ семь году въ первый разъ переписаны“ читаемъ мы у вятскаго историка Вештомова⁽³⁾.

(1) Др. акты. 22—23.

(2) Ibid. 225—226.

(3) Каз. Вѣст. 1825.

Въ 1718 г. на нихъ была распространена подушная подать: съ этой цѣлью въ 1719 г. была произведена новая подушная перепись. Вотяки встрѣтили объ переписи безъ особаго удовольствія. Они хлынули массами въ глубину Глазовскихъ и Малмыжскихъ лѣсовъ, гдѣ могли укрыться отъ платежа сравнительно тяжелой повинности.

Такъ же поздно наступаетъ пора и культурнаго, духовнаго воздѣйствія Русскихъ на Вотяковъ. Христіанство оставалось чуждымъ Вотякамъ до 40-хъ годовъ XVIII в. Изъ предшествовавшихъ двухъ столѣтій извѣстенъ одинъ только случай обращенія небольшой кучки Вотяковъ въ Христіанство. Въ 1557 г. семнадцать вотяцкихъ семей изъ Сырянской волости Слободскаго уѣзда просили царя Ивана Грознаго, чтобы онъ имъ позволилъ креститься, устроить слободу и церковь на рѣчкѣ Василковѣ, освободилъ отъ царскихъ службъ и податей и приказалъ-бы ихъ беречь отъ всякихъ обидъ двумъ слободскимъ горожанамъ. Царь съ большимъ сочувствіемъ отнесся въ ходатайству Вотяковъ и предоставилъ имъ право звать въ свою слободу и другихъ Вотяковъ съ луговой стороны, освободивъ не только отъ повинностей на три года, но и отъ суда вятскихъ и слободскихъ волостей и тиуновъ (за исключеніемъ душегубства, поровства и разбоя съ поличнымъ). Въ томъ случаѣ, если кому нибудь будетъ дѣло до нихъ, ихъ безпошлинно должны были судить съ Вотяками-приставами указанные самими ими „слободчики“ (1).

Не смотря на благопріятныя, повидимому, условія, которыя предоставлялись крещенымъ Вотякамъ, желающихъ обратиться въ христіанство болѣе, кажется, не оказывалось. Не безъ вліянія на это обстоятельство оказывалось,

---

(1) Др. акты. 30.

но, отсутствіе въ краѣ высшей церковной власти. На московскомъ соборѣ 1555 г. вятскій край былъ включенъ въ составъ казанской епархіи, но, эта связь была, кажется, только номинальной. По словамъ историка вятской епархіи, „до присоединенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Казанской Епархіи къ Вятской не видно никакихъ слѣдовъ сношеній вятскихъ духовныхъ съ Казанью, ни зависмости ихъ отъ Архіепископовъ Казанскихъ“⁽¹⁾.

Въ 1638 г. въ Вяткѣ учреждена была самостоятельная епархіа, но прошло еще слѣшкомъ 80 лѣтъ прежде, чѣмъ вятскіе іерархи подумали о изычникахъ, жившихъ съ ними бокъ о бокъ. Не объясняется-ли это обстоятельство помимо другихъ причинъ и тѣмъ, что вятскіе епископы считали Вотяковъ мусульманами по вѣрѣ? Что касается Вотяковъ жившихъ на Ю. отъ Чепцы, то они были причислены къ Казанской епархіи и не тяготили совѣсти вятскихъ епископовъ по крайней мѣрѣ съ формальной точки зрѣнія.

Въ Казанскомъ краѣ, дѣло просвѣщенія Вотяковъ находилось не въ лучшемъ положеніи. Вотъ какими чертами характеризуетъ его митрополитъ Гермогенъ (1589—1605): „(новокрещены) въ Казани и въ Казанскомъ и Свияжскомъ уѣздахъ живутъ съ татарами и съ чувашею и съ черемисою и съ вотяки вмѣстѣ: . . . и дѣтей своихъ не крестятъ и умершихъ въ церкви хоронитъ не носятъ, кладутся по старымъ своимъ татарскимъ кладбищамъ; а жениха къ невѣстамъ по татарскому обычаю своему приводятъ, а вѣнчався у церкви и снова вѣнчаются попы своими татарскими. . . да и многіе скверные татарскіе обычаи новокрещены держатъ безстыдно“⁽²⁾.

---

(1) Никитинковъ. Ист. Вят. епар. В. 1863. 4—5.

(2) Можаровскій. Ходъ мисс. дѣла по прос. иновр. Чт. въ М. О. П. и Др. 1880, I, 24—25.

Первые серьезныя попытки просвѣщенія Вотяковъ относятся къ началу XVIII вѣка. Въ вятскомъ краѣ съ миссіонерскими стремленіями выступаетъ архіепископъ Алексѣй (1719—1733). Въ первый же годъ своего управленія Вятской епархіей онъ крестилъ 57 человекъ (36 ч. мужчинъ и 21 женщину). Первые новокрещены принадлежали къ числу нѣсколькихъ обрусѣлыхъ Вотяковъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ имена, которыя они носили, когда были еще язычниками. Въ реестрѣ Вотяковъ, обращенныхъ Архіепископомъ Алексѣемъ, мы видимъ людей, которые носятъ христіанскія имена или просто русскія прозвища: Тухай Максимовъ, Васка, Косой, Антипа, Марья, Дарья, Анна, Куза, Денисъ, Борисъ, Первой, Камай Лукинъ, Михайло, Андрей, Первуша, Марза, Петруня. Дѣло просвѣщенія Вотяковъ не ограничивалось однимъ крещеніемъ. Синодъ предписалъ указомъ отъ 20 сент. 1721 г. устроить школу для обученія новокрещеновъ. Школа была основана въ 1723 г.; въ нее было опредѣлено 35 человекъ инопородцевъ, — но она, повидимому, существовала не долго: никакихъ указаній на ея дѣятельность, по словамъ историка Вятской іерархіи, не сохранилось⁽¹⁾. Въ то время, какъ школа, учрежденная для Вотяковъ въ Вяткѣ, быстро пала, число новокрещеновъ постепенно прибывало. Съ 1740 г. миссіонерская дѣятельность среди Вотяковъ принимаетъ обширныя размѣры. Въ вотскомъ краѣ являются миссіонеры, посланные казанской конторой иновѣрческихъ дѣлъ. Вятская архіепископія въ свою очередь проявляетъ усиленную миссіонерскую дѣятельность. Архіепископъ Веніаминъ создаетъ изъ Вотяковъ—новокрещеновъ первый приходъ въ селѣ Еловѣ Глазовскаго уѣзда и опредѣляетъ сюда изъ русскаго села Закаринскаго священ-

(1) Никитниковъ. Ист. вят. епар. В. 1863. 181—185, 25.

ника, который зналъ вотскій языкъ — Федора Ившина. Ившинъ энергически принялся за обращеніе Вотяковъ въ христіанство и въ теченіе семи лѣтъ крестилъ до 2000 чело-вѣкъ. Средствами для обращенія Вотяковъ были мірскія блага, которыя имъ обещались: свобода отъ рекрутчины, льготы отъ податей (¹). Архіепископъ Венаіминъ ходатайство-валъ предъ Синодомъ о непркословенности дарован-ныхъ Вотякамъ льготъ и привилегій. Выборъ средствъ ока-зался удачнымъ. Вотяки, подобно Черемисамъ, сами являлись въ Хлыновъ съ прошеніями объ обращенія ихъ съ семьями въ христіанство (²). Преемники Венаімина шли съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ по тому же пути. Оберегая ново-крещеновъ отъ иновѣрцевъ и свѣтскихъ властей, они уве-личивали число новообращенныхъ. Какъ шло дѣло обраще-нія Вотяковъ съ половины XVIII в. до новѣйшаго времени, установить при скудости издаваемыхъ источниковъ трудно. Въ концѣ XVIII в., пятой ревизіей было обнаружено кре-щенныхъ Вотяковъ въ Глазовскомъ уѣздѣ 17,357, въ Малмыж-скомъ 11,024; некрещеныхъ въ первомъ 184, во второмъ 919 (³).

Миссіонерская дѣятельность казанскихъ архіепископовъ по отношенію къ Вотякамъ начинается въ 30-хъ годахъ XVIII в со вступленіемъ на кафедру Иларіона Роголев-скаго. Архіепископъ Иларіонъ считалъ необходимымъ усло-віемъ христіанскаго просвѣщенія иноводцевъ школу; въ этихъ видахъ онъ испрашиваетъ въ 1734 г. у Синода раз-рѣшеніе открыть четыре иноводческихъ школы, въ числѣ ко-торыхъ одна — въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ — назначалась для Вотяковъ. Въ школѣ должны были обучаться дѣти креще-

---

(¹) Никитанковъ. I. с. 40.

(²) Ibid.

(³) Стол. Вят. губ. В. 1880. II, 773, 787.

ныхъ и некрещенныхъ родителей. Къ сожалѣнію это начинаніе, какъ и въ Вяткѣ, не сопровождалось желанными результатами. Елабужская школа незамѣтно растала и исчезла — и Вотяки снова привлекались къ христіанству одними матеріальными выгодами. Въ дѣлѣ обращенія Вотяковъ въ 40-хъ годахъ XVIII в. особенно выдается дѣятельность іеромонаха Веніамина Григоровича (¹).

Въ 1763 г. относительно обращенія инородцевъ въ христіанскую вѣру состоялись новыя опредѣленія. Архіепископамъ Казанскому и Вятскому предписано было избрать „ученыхъ и честнаго житія проповѣдниковъ“ — первому трехъ, второму одного. На этихъ проповѣдниковъ возлагалась обязанность „проповѣдывать слово Божіе со всякимъ смиреніемъ, тихостью и кротостью, не чиня никакого принужденія тѣмъ инновѣрцамъ, кои не пожелаютъ принять святое крещеніе“. На губернскія и воеводскія канцеляріи возложена была, по старому, обязанность охранять новокрещеновъ отъ обидъ и налоговъ. Для привлеченія инновѣрцевъ подтверждена была трехлѣтняя льгота отъ податей и дано освобожденіе отъ рекрутства на три набора со времени принятія крещенія. За женщинъ, обращавшихся въ христіанство, льготами могли пользоваться ихъ мужья, родственники или свойственники — по указанію ихъ самихъ (²).

На раціональную почву дѣло обращенія Вотяковъ въ христіанство вступаетъ только въ началѣ XIX в. Въ 1818 г. въ Вяткѣ открывается библейскій комитетъ, который приготовляетъ переводъ Евангелія на вотскій языкъ. Переводчиками были священники Шкляевъ, Платуновъ, Близновъ, Онисимовъ, Новоструевъ, Тронинъ, Утробинъ, Кротовъ и вятскій город-

---

(¹) Можаровскій. I. с. 82.

(²) Ibid. 100.

ской голова—вотакъ Волковъ. Около 1831 г. рѣшено было открыть при вятской духовной семинаріи классъ вотскаго языка для приготовленія миссіонеровъ для Вотяковъ⁽¹⁾. Мирная проповѣдь шла туго. Казанскій Архіепископъ Григорій вынесъ изъ своего путешествія по епархіи крайне неутѣшительныя впечатленія относительно успѣха миссіонеровъ. Вотяки, Чуваши, Черемсы не шли въ церковь даже въ присутствіи Архіепископа. Григорій вывелъ изъ этихъ фактовъ совершенно вѣрное заключеніе: „Вотяки и другія инородцы сердечно привязаны къ своей старой вѣрѣ“⁽²⁾.

Рѣшительно высказавшись противъ формальнаго христіанства, которымъ довольствовались священники, онъ считалъ необходимымъ перемѣнить систему. „Дабы расположить Черемись, Чувашъ и Вотяковъ къ сердечному принятію православной вѣры, должно напередъ поколебать и истребить въ нихъ старую, языческую вѣру; должно убѣдить ихъ въ ея ложности и негодности. . . Но можно-ли показать имъ ея ложность, равно и спасительность и божественность вѣры православной только, напримѣръ, принужденіемъ ихъ ходить въ православную церковь къ богослуженіямъ, принимать святое таинство, не доставляя имъ при томъ должнаго наставленія? . . . Если вы будете употреблять такое средство для расположенія Чувашъ, Черемись и Вотяковъ къ православной вѣрѣ еще сто лѣтъ, дѣло не сдѣлается лучшимъ. . . принужденіе нигдѣ не привлекаетъ къ намъ никого, а только отталкиваетъ отъ насъ. . . расположить ихъ. . . къ рѣшительнѣйшему уклоненію отъ вѣры православной въ свое прежнее язычество“⁽³⁾. Здравныя идеи казанскаго архіепископа не

---

(1) Можаровскій. I. с. 111, 175.

(2) Ibid. 233.

(3) Ibid. 234.

имѣли должнаго распространенія среди духовенства казанской и вятской епархій. Въ Вяткѣ даже высшіе представители церкви обращались къ свѣтской власти за содѣйствіемъ въ миссіонерской дѣятельности. Въ 1831 г. напр. епископъ Кириллъ просилъ вятскаго губернатора сдѣлать распоряженіе объ истребленіи развалинъ деревяннаго языческаго молитвеннаго дома въ селѣ Верхнекосинскомъ, такъ какъ среди инородцевъ господствуетъ убѣжденіе, что развалины эти никогда не могутъ быть уничтожены (*). Духовенство осаждало администрацію просьбами о содѣйствіи не смотря на то, что Императоръ Николай, до свѣдѣнія котораго довели дѣло объ окашкахъ, постановилъ „предписать вятскому губернатору не тревожить народъ изслѣдованіями о сихъ обрядахъ“ и въ томъ-же духѣ рѣшилъ другое дѣло, представленное на его разсмотрѣніе—о жертвоприношеніяхъ, которыя совершали крещеные Вотяки Алнашевской волости Елабужскаго уѣзда: „не преслѣдовать помянутыхъ новокрещенъ, но поручить мѣстному духовенству стараться всемѣрно замѣнить языческіе обряды установленными православной церковью молебствіями“ (**).

Исполненныя терпимости возрѣнія верховной власти проникали въ среду Вотяковъ и вызывали среди нихъ убѣжденіе, что Царь позволяетъ молится по старому. Съ этимъ убѣжденіемъ трудно было бороться людямъ, которые весь успѣхъ своего дѣла полагали въ запрещеніяхъ (*). Въ 1838 г. Вятскій архіепископъ, донося Синоду о кулакахъ („воржудахъ“), говоритъ, что для замѣны языческихъ обрядовъ христіанскими молебствіями необходимо дѣйствіе гражданскаго

(*) Стол. Вят. губ. В. 1832. II, 557—8.

(**) Ibid. 561—562.

(*) Ibid.

начальства, ибо Вотяки, не вида никакого препятствія со стороны мѣстной полиціи совершенію языческихъ обрядовъ, смѣло срываютъ съ запечатанныхъ воршудовъ печати и совершаютъ жертвоприношенія. Для усиѣннаго хода христіанскаго просвѣщенія Архіепископъ считалъ необходимымъ всѣ языческіе вогацкіе воршуды, принадлежащія крещенымъ Вотякамъ, вовсе уничтожить чрезъ посредство мѣстной полиціи и не дозволить некрещенымъ язычникамъ ни поправлять существовавшихъ „воршудовъ“ ни вновь строить или заводитъ оныя въ какихъ либо зданіяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ не согласился съ мѣропріятіями относительно некрещенныхъ Вотяковъ, а мѣстная администрація неохотно приводила въ исполненіе предписанія относительно крещенныхъ (*).

Успіія государственной власти, направленной къ тому, чтобы сблизить Вотяковъ съ Русскими на почвѣ религіозной, не сопровождалась желаннымъ успѣхомъ. Вотяки остались по существу язычниками. Говорить объ историческомъ значеніи школы еще рано: ея вліяніе только начинается. Изъ несостоятельности, которую въ дѣлѣ ассимилированія Вотяковъ проявили государство и церковь, не слѣдуетъ однако, что Вотяки сохранились отъ русификаціи.

На границѣ Глазовскаго и Слободскаго уѣздовъ лежитъ село Сада. Въ приходѣ этого села Русскіе и Вотяки живутъ рядомъ. Послѣдніе въ Глазовскомъ уѣздѣ носятъ оригинальную кличку „садинскіе оборотни“. Кличка дана имъ потому, что Вотяки „оборотились русскими“ по вѣшнему виду и по языку, женятся на русскихъ дѣвушкахъ сами и выдаютъ за русскихъ своихъ дочерей. Здѣсь совершилось полное сліяніе Вотяковъ съ Русскими; пройдетъ два-три десятилѣтія и о

(*) Стол. Вят. губ. В. 1880. II, 560.

существованіи Вотяковъ въ приходѣ останется смутное воспоминаніе.—То, что въ Садѣ достигло высшей точки развитія, имѣетъ мѣсто и во всемъ вотскомъ краѣ. Русскіе элементы всюду проникаютъ въ вотскій бытъ; большія дороги, прорѣзывающія край, служатъ главными путями русификаціи: близь лежащія деревни забрасываютъ по немногу собственный костюмъ и обычай. Въ 20 верстахъ напр. отъ Малмыжско-Глазовскаго тракта — въ селѣ Мултанъ состоятельныя Вотячки одѣваются уже въ русскія платья. Въ Сарapulьскомъ уѣздѣ по словамъ г.г. Кошурникова и Верещагина обрусеніе Вотяковъ также дѣлаетъ замѣтные успѣхи (¹). Ассимиляція совершается самой жизнью, помимо всякихъ предписаній. Русифицируетъ Вотяковъ, какъ и Черемисъ, не чиновникъ, а колонистъ. Въ силу этого одного уже русское колонизаціонное движеніе въ краѣ заслуживаетъ глубокаго вниманія историка. Изученіе его разрушитъ ложные взгляды на ассимилирующую способность русскихъ людей, которые нашли себѣ мѣсто въ нѣкоторыхъ трудахъ о Вотякахъ. Прежде всего оно покажетъ, что ассимилирующая дѣятельность русскаго колониста обнаруживается съ сравнительно недавняго времени. Вотякъ долгое время не охотно оставался въ сосѣдствѣ съ русскимъ: пока была возможность укрыться въ лѣсахъ, найти новое мѣсто для селенія, онъ уходилъ, уступая русскому переселенцу свое селище. Такъ образовались многочисленныя русскія селенія съ вотскими названіями. Вятскими земскими статистиками записаны преданія относительно возникновенія въ Елабужскомъ уѣздѣ нѣкоторыхъ русскихъ селеній съ вотскими названіями. Русскіе помнятъ, что на мѣстахъ нѣз селеній были вотскія, ранѣе покинутыя, помнятъ, что ихъ предки нашли на селищѣ

(¹) Верещага. Вот. Сар. у. 25. Кошур. бытъ Вот. Сар. у. 44.

пустые шалаши⁽¹⁾. „Вотякъ бѣжитъ отъ Русскаго, какъ мышь отъ кошки“ — говорятъ русскіе крестьяне Малмыжскаго уѣзда⁽²⁾. Ту же характеристику за полтора ста лѣтъ до нашего времени сдѣлалъ Вотякамъ Гер. Фр. Миллеръ: „Вотяки такъ дики и грубы, что ни съ какимъ другимъ народомъ дружескаго обхожденія имѣть не хотятъ, или чтобы жить вмѣстѣ въ одной деревнѣ“⁽³⁾. Не слѣдуетъ представлять однако, что необходимость уступать почву новымъ колонистамъ была тяжела для Вотяковъ. Тотъ же путешественникъ говоритъ: „у Черемисъ и Вотяковъ есть такое обыкновеніе: ежели имъ на старыхъ мѣстахъ жить не покажется, то они сламываютъ иногда цѣлыя деревни и хоромное строеніе переносятъ на другое мѣсто; а иногда дворы оставляютъ на старыхъ мѣстахъ и отдаютъ оныя охотникамъ въ насмѣ“⁽⁴⁾. Бродяжничество, о которомъ говоритъ Миллеръ, удержалось у Вотяковъ почти до нашего времени; еще тридцать лѣтъ назадъ тому среди Вотяковъ Глазовскаго уѣзда господствовало убѣжденіе, что подолгу жить на одномъ мѣстѣ несчастливо: оттого и скотина и дѣти мрутъ и солдатчина рѣдко мвнуеть⁽⁵⁾.

Исторія колонизаціи восточной части Вятской губерніи ждетъ еще своего наследователя. Имѣя въ виду главнымъ образомъ этнографическую, а не историческую задачу, мы не беремъ на себя труда восполнять этотъ пробѣлъ и ограничиваемся тѣми данными, которыя имѣются въ литературѣ. — Перепись 1654 констатировала въ Хлыновскомъ уѣздѣ (об-

---

(1) Мат. для стат. Вят. губ. — Елаб. у. Прил.

(2) Ibid. Малм. у. I, 33.

(3) Опис. аз. нар. 6.

(4) Ibid. 7.

(5) Близовъ. Породны С. В, части Глаз. у. 13.

пшавшемъ тогда, кромѣ Вятскаго, и значительную часть вывѣшенныхъ Слободскаго и Глазовскаго уѣздовъ) существованіе русскаго прихода на р. Косѣ (въ вывѣшенномъ Слободскомъ уѣздѣ). Нывѣшенный Глазовскій уѣздъ, исключая зюдинскаго края, оставался, кажется, въ XVII в. за чертой русскихъ колоній; тоже слѣдуетъ сказать и о бѣльшей, завитской части Малмыжскаго уѣзда. Въ теченіе XVIII в. положеніе въ бассейнѣ Чепцы осталось безъ существенныхъ перемѣнъ. Въ Чепецкихъ волостяхъ по 5-ой ревизіи (1795 г.) оказалось почти исключительно инородческое, вотяцкое населеніе. За то на Ю. и З. уѣзда русское населеніе оказалось преобладающимъ. Русскія колоніи врѣзались въ глубину дремучихъ лѣсовъ, которые отдѣляли сѣверныхъ, Глазовскихъ Вотяковъ отъ южныхъ — Малмыжско-Сарапульскихъ и открыли себѣ путь въ эти послѣдніе уѣзды. Въ концѣ XVIII в. сюда шелъ усиленный притокъ русскаго населенія. Въ то время, какъ въ бассейнѣ Чепцы за тринадцать лѣтъ, отдѣляющихъ 4-ю ревизію отъ 5-ой населеніе увеличилось только на 5%, въ юго-западныхъ волостяхъ приростъ равнялся 39%. Составъ прибывшаго русскаго населенія станеть для насъ виденъ, если мы примемъ во вниманіе, что за тотъ періодъ, когда численность Вотяковъ возрасла на 4,8%, численность ясашныхъ крестьянъ поднялась на 20%, а экономическихъ на 128%.

Притокъ русскихъ переселенцевъ въ бассейнъ Чепцы становится впервые замѣтнымъ только со времени 6-ой ревизіи (1811). Населеніе района увеличивается за 16 лѣтъ на 18,62%, тогда какъ въ предыдущій промежутокъ между ревизіями оно увеличилось всего на 5%; но изъ этого прироста только 2% слѣдуетъ отнести на счетъ русскихъ колонистовъ: ревизія точнѣе опредѣлила количество Вотяковъ, благодаря чему число ихъ увеличилось на 16%. Въ промежутокъ между 6-ой и 8-ой ревизіями (1811—1834) Чепецкій районъ все еще

сохранять свой инородческий характеръ. За 23 г. приростъ оказался здѣсь равнымъ 31, 21%, въ то время какъ Ю. население увеличилось на 57%. Десятая ревизія (1858) обнаружила въ Чепецкомъ районѣ приростъ въ 53%, въ 1878 здѣсь-же обнаруженъ приростъ въ 51%. Цифры прироста въ чепецкой области показываютъ, что русское население стало прибывать здѣсь главнымъ образомъ въ послѣднее пятидесятилѣтіе съ 1834 г. (¹).

Въ Сарапульскомъ уѣздѣ, въ волостяхъ Дебесском, Чутырской, Шарканской, Срѣтепской, Нилгижикъинской и Бурановской население около 1811 г. почти исключительно состояло изъ Вотяковъ. Приростъ населенія обнаруживается замѣтнѣе всего въ сѣверныхъ вотяцкихъ волостяхъ. За время между 5 и 6 ревизіями население здѣсь прибыло на 41,6%, между 6 и 8 на 46,49%, между 8 и 10 на 37,38%, между 10 ревизіей и 1878 г. на 72,82%. (²). Сѣверныя волости Сарапульскаго уѣзда, стало быть, стали особенно заселяться и притомъ гл. обр. Вотяками въ послѣдніе 30 лѣтъ. Въ Елабужскомъ уѣздѣ русскихъ крестьянъ, жившихъ на инородческой землѣ, въ концѣ XVIII в. было ничтожное количество. Вотяки занимали самый сѣверъ уѣзда и составляли главную часть населенія тогдашнихъ волостей Алнашевской, Варвинской, Пужеучинской, Можгинской, Каксинской, Пельгинской, Ятчинской; за ними шли Татары и Черемисы и наконецъ на югъ по берегамъ Вятки и Камы Русскіе. Въ то время, какъ въ Глазовскомъ уѣздѣ количество Вотяковъ прибывало медленнѣе, сравнительно съ Русскими, въ Елабужскомъ, какъ и въ Сарапульскомъ, мы видимъ обратное явленіе. Въ промежутокъ между 5-ой и 6-ой ревизіями Вотяковъ прибыло на

(¹) Стол. Вят. губ. В. 1880. II, 771—776.

(²) Ibid. 796—799.

40%, тогда какъ русскихъ крестьянъ различныхъ наименованій (удѣльныхъ, помѣщичьихъ, ясашныхъ, экономическихъ) среднимъ числомъ только на 11,5%. (1). Это явленіе вполне понятно: въ Елабужскій и Сарапульскій уѣзды отступали Вотьяки изъ Глазовскаго и Малмыжскаго уѣздовъ. Усиленный приливъ русскихъ переселенцевъ въ сѣверныя и породческія волости (Маганъ-Пельгинскую, Можгинскую и Александровскую) обнаруживается лишь съ послѣдняго времени. Въ промежутокъ между 1858 и 1878 г. население здѣсь увеличилось на 80%. Цифры Романова показываютъ, что не четыре, а съ небольшимъ одно столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе появились бокъ о бокъ съ Вотьяками и стали производить на нихъ свое вліяніе. Этотъ выводъ получить новое подтвержденіе, если къ сжатимъ даннымъ, заимствованнымъ изъ статьи Романова, мы присоединимъ болѣе подробныя свѣдѣнія о ходѣ русской колонизаціи въ Малмыжскомъ и Елабужскомъ уѣздѣ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ относительно этихъ уѣздовъ земскимъ статистическимъ бюро въ Вяткѣ. Чтобы сдѣлать яснѣе выводы, мы предлагаемъ таблицу, въ которой представлены цифры русскаго и вотскаго населенія по волостямъ съ указаніемъ времени колонизаціи и сравнительной густоты населенія по отдѣльнымъ частямъ волостей.

Названіе волостей	Вотьяки	Русскіе	Время зас.	Сравни. густ.
Мултанская	5123	1932		На 3. гуще; ч. на В.
Больше-Учинская	5695	4623	XIX в.	
Больше-Шабанская	2946	1225		
Воли-Пельгинская	7489	7006	XIX в.	
Вавожская	4523	4241		

(1) Стат. Вят. губ. В. 1880. II, 791—794.

Названія волостей. Вотяки. Русскіе. Время зас. Сравн. густ.

Уватуллинская	4995	4767	Зап. гуще, ч. В.
Кирьянъ-Копѣинская	2825	3536	
Старо-Трыская	5053	7045	
Сюмсинская	3420	5263	Древне-вот.
Узняяская	3696	7261	
Влхаревская	1779	7473.	

Изъ этой таблицы оказывается 1) что преобладаніе вотяцкаго населенія надъ русскимъ имѣетъ мѣсто въ самыхъ восточныхъ волостяхъ уѣзда, 2) въ западныхъ волостяхъ, болѣе древнихъ, количество Русскихъ получило перевѣсъ, 3) въ этихъ же волостяхъ болѣе заселенными оказываются западныя части.

Эти выводы дорисовываютъ картину движенія народонаселенія въ уѣздахъ, запятыхъ Вотяками. Подъ напоромъ русскаго колонизаціоннаго движенія Вотяки отступаютъ все далѣе и далѣе на В. Ранѣе всего, съ начала XVIII в., русскіе колонисты вторгаются въ сѣверныя и сѣверо-западныя волости Малмыжскаго уѣзда изъ южныхъ, наиболѣе густо населенныхъ русскими волостей Глазовскаго уѣзда (Мухоморской и Леденцовской). Занявши своия поселеніями Узняскую волость, они постепенно спускаются на Ю., держась все-же западнаго направленія. Русскія колоніи бокомъ о бокъ съ Вотяками появляются въ Селтинской, Мултанской, Уватулинской и Вавожской волостяхъ. Вотяки уступаютъ имъ часть своихъ земель и удаляются въ восточныя волости. Подъ новымъ напоромъ русскихъ колонистовъ Вотяки Малмыжскаго уѣзда отливаютъ въ ближайшія волости Сарапульскаго и Елабужскаго уѣздовъ. Движеніе на В. имѣло характеръ національно-консервативный. Оно направляется въ лѣса и имѣетъ своей цѣлью огражденіе самобытности отъ

вторженія чуждыхъ, русскихъ элементовъ. Пока русская колонизація производила только это дѣйствіе, объ ассимилирующемъ вліяніи ея не могло быть, конечно, и рѣчи. Культурное взаимодействіе двухъ народовъ начинается лишь съ той поры, когда возникло сожительство двухъ національныхъ элементовъ въ одномъ и томъ селеніи. Далекое не всѣ Вотяки оказались способными даже къ пассивной борьбѣ съ русскими переселенцами. Значительная часть ихъ примирилась съ существованіемъ бока о бокъ. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ наследователь имѣетъ предъ собою рядомъ съ русскими селеніями, возникшими на покинутыхъ Вотяками мѣстахъ, селенія съ смѣшаннымъ населеніемъ—русско-вотяцкимъ и при томъ на разныхъ ступеняхъ смѣшенія, начиная съ селеній, въ которыхъ появляется одинъ русскій домъ и кончая селеніями, въ которыхъ остается одинъ вотяцкій. Въ Елабужскомъ уѣздѣ въ вотскихъ волостяхъ (Шльниской, Можгинской, больше-Кибьинской, Мушаковской, Макаев-Пельгиской, Граховской, Старо-Ятчинской) большая часть селеній также состоитъ изъ Русскихъ и Вотяковъ. Указанныя выше ступени смѣшенія даютъ намъ представленіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ возникаетъ сожительство Русскихъ съ Вотяками. Вотяки остаются на своихъ мѣстахъ въ томъ случаѣ, если русскій элементъ къ нимъ является въ незначительномъ количествѣ: основываетъ одинъ, два, три двора. Проходятъ годы, русское населеніе увеличивается, но Вотяки уже сживаются съ нимъ; такъ возникаютъ селенія, въ которыхъ Русскихъ и Вотяковъ оказывается приблизительно по ровну. Привычка къ совмѣстной жизни дѣлаетъ то, что часть Вотяковъ остается на насиженныхъ дѣдами мѣстахъ и тогда, когда русскій элементъ начинаетъ становиться преобладающимъ, остается тогда, когда большинство неподалеку основываетъ новое селеніе. Характеръ условій, при которыхъ соверша-

ется сближеніе русскаго и вотскаго элементовъ, даетъ намъ ключъ къ опредѣленію времени, въ теченіе котораго въ той или другой мѣстности имѣеть мѣсто совмѣстная жизнь Русскихъ и Вотяковъ, и мѣстностей, гдѣ всего ранѣе возникли смѣшанныя поселенія. Наиболѣе старыми смѣшанными селеніями должны считаться тѣ, въ которыхъ русскіе оказываются въ большинствѣ. Всего ранѣе смѣшанныя селенія возникли на крайнемъ С. З. Малмыжскаго уѣзда.

Названія волостей. Сел. съ р. большинствомъ. Съ р. меньш.

Узвнская	11	6
Селтинская	8	11
Ваводрская	8	14
Мултанская	6	17
Уватулинская	5	18

Въ болѣе южныхъ, восточныхъ и сравнительно позднѣ заселенныхъ западныхъ волостяхъ мы или вовсе не видимъ смѣшанныхъ селеній съ русскимъ большинствомъ или ничтожное (пропорціонально) количество; въ Волицельгинской 4 на 17 съ русскимъ меньшинствомъ, въ Корчимъ, Копкинской 4 на 10, въ Большеучинской 2 на 9, въ Большешабакской ни одного, въ Старотрынской 3 на 9, въ Рыбноватажской ни одного. Соображеніе, что первое сближеніе Малмыжскихъ Вотяковъ съ Русскими началось въ пограничной съ Глазовскимъ уѣздомъ Узвнской волости, подтверждается помимо абсолютнаго числа смѣшанныхъ селеній съ русскимъ большинствомъ еще и тѣмъ, что въ этой волости и смежной съ ней съ юга Селтинской имѣются самыя крупныя смѣшанныя селенія: Зятцы (71 р. дворъ, 20 в.), Каравай-Пудга (34 р., 33 в.), Билгуртъ (24 р., 17 в.), Шудегъ (25 р., 15 в.), Зятцы ст. (35 р., 4 в.), Шундошуръ (20 р., 18 в.), Жайгиль (36 р., 20 в.), Умель-гуртъ (25 р., 23 в.), Чаня-бія (38 р., 1 в.), Жайгуртъ (27 р., 10 в.).

На изученіи Вотяковъ въ смѣшанныхъ селеніяхъ съ русскимъ большинствомъ долженъ остановиться прежде всего изслѣдователь, желающій ознакомиться съ русскимъ ассимилирующимъ вліяніемъ.

О вліяніи, которое имѣетъ сожителство двухъ народностей свидѣлствуетъ между прочимъ то, что русский элементъ возрастаетъ путемъ браковъ между Вотяками и Русскими женщивами (¹).

На процессъ, путемъ котораго, помимо обрусѣнія Вотяковъ, смѣшанныя селенія превращаются въ чисто-русскія съ вотскими названіями, указываютъ мѣстные преданія. Вотскіе статистики записали напр. въ Елабужскомъ уѣздѣ относительно починка Килудъ преданіе, что раньше онъ былъ вотскій; Русскіе пріѣхали въ него лѣтъ 40 назадъ и жили сначала съ Вотяками; потомъ Вотяки вымерли (²).

Процессъ сліянія народностей въ вотскомъ краѣ такъ-же, какъ и въ черемисскомъ, по большей части только начинается: русскіе только въ теченіе послѣдняго полустолѣтія (въ Малмыжскомъ, Сарапульскомъ и Глазовскомъ) или даже двадцатилѣтія (въ Елабужскомъ) живутъ совмѣстно съ Вотяками.

На исходъ его мы имѣемъ указанія въ судьбѣ родственнаго Вотякамъ племени Пермьяковъ. — Пермьяки, ранѣе столкнувшіеся съ Русскими, въ настоящее время массами обрусѣли и даже отрываются отъ своей національности.

(¹) Мат. для стат. В. Г.—Елабуж. у. Прил. 17, 35, 45.

(²) Ibid. 31.

Глава II.

Вышній бытъ Вотяковъ.—Природа страны. Сосѣди. Физическія особенности Вотяковъ. Бытовая обстановка. Жилище въ его историческомъ развитіи. Костюмъ. Пища. Занятія: земледѣліе, ремесла и промыслы. Воспитаніе дѣтей. Игры дѣтей и взрослыхъ.

Обширная территория, заключенная между рѣками Вяткой, съ притокомъ Нолей, Косой, впадающей въ Чепцу, Чепцой отъ устья Косы до вершинъ, Сивой, которая составляетъ границу между Сарапульскимъ уѣздомъ Вятской губерніи и Оханскимъ Пермской, и наконецъ Камой отъ устья Сивы внизъ до устья Вятки, даетъ пріютъ, если не всему то большей части вотскаго племени. На С. въ нее не вошло незначительное сравнительно количество вотскихъ селеній Слободскаго и Глазовскаго уѣздовъ по правому теченію Чепцы, на Ю. Вотяки, живущіе въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи, Осняскомъ Пермской, Мамадышскомъ, Казанской и Сизнерская волость Малмыжскаго уѣзда, но въ большей части этихъ послѣднихъ мѣстностей Вотяки являются позднѣйшими переселенцами, съ особенностями типа, характера и быта, сложившимися на территоріи, которую мы очертили выше.

Живое, непосредственное представленіе о характерѣ этой страны лучше всего можно составить, проѣзжая по большой дорогѣ изъ Вятки въ Глазовъ. Дорога идетъ почти все время по угорамъ праваго берега Чепцы. Влѣво отъ себя путешественникъ будетъ на протяженіи цѣлыхъ десятковъ

версть видѣть одну и ту же картину—уходящую до горизонта, чуть-чуть вознистую, покрытую лѣсами низменность. Также картина открывается съ городищъ праваго берега Чепцы близъ Глазова. Углубляясь на Ю. въ предѣлы этой лѣсистой низменности, поворачивая на В. и опять на Ю. путешественникъ съ каждаго маленькаго возвышенія будетъ видѣть опять все ту же низменность, покрытую темными огромными каймами лѣсовъ. Человѣкъ не мало поработалъ надъ расчисткой этихъ лѣсныхъ пространствъ: въ нѣкоторыхъ волостяхъ—возвышенныхъ и сухихъ, сравнительно—лѣса почти исчезли, но страна все еще сохранила „волоки“, по которымъ можно ѣхать 30—40 версть, не встрѣчая ни одного селенія (волокъ отъ Ягшуръ-Бодьи до Ижевскаго завода тянется на протяженіи 42 версть). Картина страны дорисовывается, когда путникъ вступаетъ въ глубь этихъ темныхъ лѣсовъ. Мѣстность понижается: боры съ песчаной почвой чередуются ельниками и раменью, которые вырастаютъ какъ будто прямо изъ болотъ. Дорога на протяженіи цѣлныхъ версть обращается въ грязную канаву, точно специально созданную для потопленія лошадей и проѣзжающихъ.

Не дешевой цѣной путешественникъ приобретаетъ свое знакомство съ вотяцкимъ краемъ, но личные впечатлѣнія даютъ жизнь и колоритность цифрамъ и характеристикамъ, которыя въ изобиліи предлагаетъ въ своихъ изданіяхъ Вятское статистическое бюро. Отъ этихъ цифръ долженъ отправляться всякій изслѣдователь вотскаго быта и слѣдуетъ пожалѣть, что мы имѣемъ ихъ пока только для Малмыжскаго и Елабужскаго уѣздовъ, т. е. для южной части очерченной нами вотской территоріи.—Казенные лѣса сплошной массой тянутся здѣсь по всему правому берегу Кильмези отъ вершины ея до устья, покрываютъ правый берегъ ея притока Вали и весь лѣвый Увы (притока Вали), затѣмъ всю

Порѣкскую волость (уголь между Кильмезью и Вяткой), С. Большешабанской и большую часть Старо-Трыкской волости. Пахатныя земли расчищены въ сравнительно большомъ количествѣ лишь на пространствахъ между р.р. Кильмезью и Увой. На В., З. и Ю. отсюда онѣ являются островками среди неизмѣримыхъ лѣсныхъ пространствъ. Въ наиболѣе лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ края, напр. въ Рыбно-ватажской волости, еще лѣтъ 15 тому назадъ лѣтомъ прекращалось всякое сообщеніе между ближайшими деревнями. Сосѣди ждали зимы, чтобы пробраться другъ къ другу. Виною являются болота, которыми изобилуютъ лѣса, и полосы такъ называемой луды — почвы, которая удерживаетъ въ себѣ атмосферную влагу. О количествѣ болотъ въ краѣ можно судить по тому, что часть ихъ, наиболѣе доступная осушенію, пошла подъ пахатныя поля. Возвышенностей съ сухой почвой человекъ нашелъ такъ мало, что долженъ былъ обратиться съ своей сохой къ болотнымъ пространствамъ, которые онъ видѣлъ на каждомъ шагу.

Обиліемъ лѣсовъ, низменностей и болотъ опредѣляется до значительной степени климатъ края. Характерными и крайне вредными для хозяйства признаками его являются заморозки весной и осенью, обиліе тумановъ лѣтомъ. Вятскій край не балуетъ человека и постоянно грозитъ ему бѣдами. На болотистыхъ, низменныхъ пространствахъ хлѣба вымерзаютъ зимой, гибнутъ отъ заморозковъ весной, выныкаютъ отъ тумановъ лѣтомъ (¹).

Черты, которыми характеризуется Мамыжскій уѣздъ, мы отыщемъ на С., С. В. и С. З. Сарapulьскаго уѣзда, на С. Елабужскаго и въ Глазовскомъ — въ особенности въ зачепецкомъ краѣ.

Въ связи съ суровой природой страны сложились вся жизнь вятскаго народа — его численность, физическій типъ,

(¹) Мат. для стат. В. губ. — Мам. у. I, 8, 30, 31.

занятія и характеръ. Не смотря на обширныя предѣлы своей территоріи, Вотяки представляютъ собой малочисленное племя. Стоитъ сравнить количество Чувашъ, живущихъ въ пяти лучшихъ уѣздахъ Казанской губерніи (Цивильскомъ, Чебоксарскомъ, Ядринскомъ и Козмодемьянскомъ) съ количествомъ Вотяковъ, занимающихъ также пять и притомъ громадныхъ уѣздовъ Вятской губерніи, чтобы одѣлать то вліяніе, которое имѣла природа страны на ростъ народонаселенія: Чувашъ на меньшемъ пространствѣ оказывается вдвое болѣе, чѣмъ Вотяковъ (*).

Внѣшній видъ Вотяка—его низкій ростъ, хилое сложеніе—стоитъ также въ тѣсной зависимости отъ физическихъ условій. Исслѣдуя вопросъ о ростѣ, антропологи замѣтили, что жители низменностей и болотистыхъ мѣстъ оказываются всегда малорослѣе, чѣмъ жители возвышенностей (**). Это обобщеніе вполнѣ оправдывается на приволжскихъ финнахъ. Извѣстенъ контрастъ между горными Черемисами и луговыми. Тотъ-же контрастъ наблюдатель замѣтитъ между Вотяками Вятской и Уфимской губерній. Переселившись на привольныя, черныя земли Башкиріи, Вотяки какъ будто переродились: вмѣсто низенькихъ и тщедушныхъ „мышей“ явились рослые, крѣпкіе работники, не уступающіе по виду своимъ сосѣдямъ Русскимъ и Башкирамъ.

Тѣ черты, которыми характеризуется физическій типъ Вотяка, представляютъ собой результатъ общихъ бытовыхъ условій. Эти условія составляютъ въ свою очередь продуктъ физической среды. Вотякъ въ экономическомъ отношеніи зависитъ отъ природы всецѣло, начиная отъ выбора занятій и кончая выборомъ орудій труда. Мы знаемъ уже, какъ по-

(*). В. Миллеръ. Опис. этн. колл. Дашк. муз. М. 1887.

(**) Анучинъ. Исслѣд. о ростѣ нас. Россіи.

ласково относится природа вотскаго края къ труду земледѣльца. Поставленный въ необходимость ждать голодухи отъ неурожая, Вотякъ долженъ естественно оставаться на полоvinу звѣровомъ и искать въ охотѣ подспорья къ земледѣльской дѣятельности.—Въ выборѣ орудій труда зависимость Вотяка отъ условій физической среды сказалась съ особенной рельефностью на сохѣ. Вотяцкая соха такъ-же отличается отъ русской, какъ почва средней и южной Россіи, гдѣ создалась эта послѣдняя, отъ почвы Вятско-пермскаго края. Она приспособлена къ почвамъ низменностей съ тонкимъ культурнымъ слоемъ, почвамъ, которыя отваливаются большими трудно разрыхляемыми слоями. Въ силу этихъ условій она значительно легче русской, не углубляется далеко въ почву, рѣжетъ пласты болѣе узкіе, чѣмъ русская, и даетъ ниву болѣе разрыхленную и удобную для бороньбы (¹).

Лѣса и болота, сдѣлавшіе Вотяка полувемледѣльцемъ, полуохотникомъ, удержали его отъ другихъ формъ труда. Вотякъ отличается и нелюбовью и неспособностью къ торговлѣ — и эта черта вполне понятна. Трудно чувствовать любовь къ торговлѣ въ странѣ, которая ставитъ почти неодолимыя препятствія къ сношеніямъ между людьми. Мы знаемъ уже, каковы дороги въ вотскомъ краѣ; въ связи съ ними находятся и извѣстные Вотяку способы передвиженія. Вотякъ узналъ телегу, когда познакомился съ Татарами (ораба) и, можетъ быть, болгарскими колонистами въ землѣ Чуди (таразы). Раньше онъ ходилъ пѣшкомъ, ѣздилъ верхомъ или въ лучшемъ случаѣ на саняхъ (нартахъ). На С. Глазовскаго уѣзда такіе способы передвиженія исключительно существовали еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія. Въ вотскихъ преданіяхъ старинные способы передвиженія рисуются

(¹) Мат. для стат. В. губ.—Малм. у. I, 40—41, 43.

очень отчетливо. Легенда о Калмезах говорит намъ, что эти люди не знали лошадей и возили свои тяжести (медь) сами въ особыхъ саняхъ (нуртъ) съ длинными—саженъ въ полторы—полозьями въ видѣ лыжъ и прикрѣпленнымъ къ нимъ ящикомъ на высокихъ ножкахъ (¹). Кто не вспомнить, читая это описаніе, вогульскіе, остяцкіе и самоѣдскіе варты, до сихъ поръ удѣлѣвшіе на С. Какъ переживание отъ этой эпохи, является до настоящаго времени сохранившійся обычай отвозить покойника на кладбище въ саняхъ.—Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при такихъ удобствахъ для перѣзда и перевозки Вотяки не почувствовали расположенія къ торговлѣ. Была и другая причина, удерживавшая ихъ отъ торговыхъ сношеній—это однообразіе природы и ея произведеній. Вотякамъ; хотя бы они жили за сотни верстъ одинъ отъ другаго, нечѣмъ было обмѣняться: въ окрестностяхъ Глазова человекъ получалъ отъ природы тоже, что въ окрестностяхъ Слободскаго, Кая и Саранула.

Въ психическомъ складѣ Вотяка двѣ черты представляютъ собой несомнѣнный результатъ вліянія окружающей обстановки—сдержанность въ проявленіи впечатлѣній, которая ведетъ за собой молчаливость, и безграничная способность терпѣть—„покорность судьбѣ безъ конца“. Молчать угромые гѣса, окружающіе со всѣхъ сторонъ Вотяка, молчить и онъ, заражаясь состояніемъ среды. Вотъ какъ описываетъ зимній вечеръ въ вотскомъ домѣ одинъ изъ исслѣдователей этого народа. „Въ комнатѣ безмятежная тишина; слышно только жужжаніе веретена, трескъ горящей въ свѣтцѣ лучины, шуршаніе мочала... изрѣдка короткія бессодержательныя слова, касающіяся какихъ нибудь житейскихъ мелочей"... „Такою же тишину, говоритъ тотъ-же исслѣдователь, замѣтите и на

(¹) Газетногъ. Произв. нар. слов. Вот. 148. К. 1880. Ср. В. Г. В. 1838. 19.

лѣтнихъ полевыхъ работахъ. Иногда, можетъ быть, услыши те разговоръ, по разговоръ тихій, сдержанный, какъ будто секретный, чтобы слова не могли дойти до ушей постороннихъ (*). Практическая философія Вотяка сводится къ изрѣченію „терпѣть надо“ и это изрѣченіе—выводъ изъ тѣхъ уроковъ, которыми щедро награждаетъ его природа. Вотякъ на каждомъ шагѣ встрѣчаетъ такіа явленія, съ которыми бороться ему не подъ силу—громадныя болота отрѣзываютъ его отъ сношеній съ окружающимъ міромъ и онъ не въ силахъ средствами своей семьи, починка, даже цѣлой деревни сдѣлать ихъ удобопроходимыми. Заморозки и туманы губятъ его посѣвы и онъ не можетъ ничего предпринять, чтобы устранить эти бѣдствія. Онъ терп и ть, а когда терпѣть становится не подъ силу, уходитъ искать лучшихъ мѣстъ. Привыкнувъ къ пассивной борьбѣ съ природой, Вотякъ такъ же дерзаетъ себя и въ столкновенияхъ съ людьми. Онъ отступалъ предъ русскимъ колонизаторомъ, покуда могъ, отступаетъ, гдѣ можетъ, и теперь. Когда отступленіе становится невозможнымъ, онъ покорно принимаетъ новыя условія и позволяетъ пришельцамъ хозяйничать въ своемъ дому. Знающіе люди говорятъ, что въ смѣшанныхъ селеніяхъ мірскія дѣла рѣшаются русскимъ меньшинствомъ, а не вотскимъ большинствомъ (**).

Какъ ни многообразно физическія условія опредѣляли жизнь Вотяковъ, мы не вправѣ говорить, что это единственный факторъ въ исторіи развитія народа. Вліяніе сосѣдей въ жизни Вотяковъ сказалось, можетъ быть, еще сильнѣе, чѣмъ вліяніе природы. Мы видѣли уже въ предыдущей главѣ, какой широкой волной вливались чуждые элементы

(*) Вет. Сос. кр. 6.

(**) Ibid.

въ жизнь потскаго народа. Здѣсь мы остановимся главнымъ образомъ на тѣхъ замѣненіяхъ, которыя произошли подъ вліяніемъ сосѣдей въ физическихъ признакахъ народности. Кто знакомъ хотя немного съ литературой о Вотьякахъ, тотъ знаетъ, конечно, съ какимъ поразительнымъ согласіемъ описываютъ Вотьяковъ всѣ наблюдатели, начиная съ Гмелина и до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Всѣ говорятъ о рыжихъ волосахъ, желтовато-красной веснушчатой кожѣ, сѣрыхъ или голубыхъ подслѣповатыхъ глазахъ, низкомъ ростѣ. Но пусть изслѣдователь начнетъ свое знакомство съ Вотьяками изъ Слободскаго уѣзда и будетъ постепенно подвигаться вверхъ по теченію Чепцы до Глазова. Его впечатлѣнія будутъ совершенно иныя... Въ дер. Кругловской Слободскаго уѣзда изъ сотни мальчиковъ, надъ которыми мы производили наблюденія, 43 имѣли черные или темнорусые волосы и 57 бѣлокурые, въ шести случаяхъ впадавшіе въ рыжій цвѣтъ. При этомъ многіе изъ бѣлокурыхъ мальчиковъ имѣли темные глаза. Въ окрестностяхъ Глазова въ большой деревнѣ Солдырь намъ пришлось видѣть гораздо болѣе сотни индивидумовъ обоего пола—и впечатлѣніе отъ массы получилось тоже, что въ дер. Кругловской—черные или темпорусые волосы, черные или каріе глаза, матово-желтый, темный цвѣтъ кожи здѣсь встрѣчаются во всякомъ случаѣ не рѣже, чѣмъ въ Кругловской, и называютъ въ памяти наблюдателя фizioноміи луговыхъ Черемисъ и Чувашъ.

Ознакомившись съ общими условіями, въ которыя было поставлено развитіе Вотьяковъ, мы можемъ перейти къ частичному изученію ихъ внѣшняго быта.

Какой видъ имѣло первоначальное жилище Вотьяковъ, намъ сказала уже филологія. Эта была яма, выкопанная въ землѣ и накрытая кровлей. Подробности относительно уст-

ройства первичнаго вотскаго жилья мы почерпаемъ изъ преданій родственнаго пермяцкаго племени. Вотъ какъ описываетъ древнее пермяцкое жилье со словъ Пермяковъ г. Добротворскій: „многіе рыли себѣ жилище въ землѣ, закрывая его сверху прутьями и жердами. Пола въ такихъ землянкахъ не было, для сна на землю подстилали сѣно. Пещеры нагрѣвались при помощи „тепнины“, которая раскладывалась по срединѣ ямы... землянки вырывались обыкновенно на высокому мѣстѣ, гдѣ нибудь на берегу рѣки, на пригоркѣ среди лѣса... (1). Характеръ такихъ подземныхъ жилищъ сохранился у Пермяковъ и теперь еще въ тѣхъ избушкахъ, какія устраиваются для лѣсованія. Остатки такихъ жилищъ въ видѣ ямъ видѣлъ самъ г. Добротворскій на горномъ берегу р. Летьки. Видать ихъ въ большемъ количествѣ и въ сосѣдней Вологодской губерніи; тамъ онѣ встрѣчаются группами по 10—15, представляя собой цѣлыя исчезнувшія селенія (2). Рядомъ съ подземнымъ „гуртомъ“, въ которомъ Вотяки когда-то скрывались зимой, у нихъ была „куа“, или „ква“, — шалашъ для лѣтняго жилья. По своему устройству куа—тоже, что черемисская куда; —эта легкая постройка изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ, пола, потолка и печи, съ дырявой крышей изъ драни. Такую постройку можно встрѣтить на любомъ вотскомъ дворѣ, гдѣ Вотякъ не вполне еще обрусѣлъ или отатарился. Подобно черемисской куда, вотская к в а имѣетъ значеніе не только жилья, но и храма. Здѣсь обитаетъ домовое божество —воршудъ, здѣсь приносятся ему жертвы и молитвы. Куда построенной изъ бревенъ предшествовала, несомнѣнно, другая болѣе первобытная форма лѣтняго жилья. Максимовъ въ 50-хъ годахъ видѣлъ про-

---

(1) В. К. 1883, III, 234.

(2) Списокъ нас. мѣсть Вот. г.

ѣдомъ цѣлую деревню, жившую лѣтомъ на лѣсной полянѣ въ досчатыхъ балаганахъ ⁽¹⁾. Г. Бехтеревъ говоритъ, что еще и теперь многіе Вотяки на лѣто предпочитаютъ удалиться въ лѣсъ и устраиваются тамъ въ палаткахъ изъ циновокъ или холста, на подобіе Вогуловъ ⁽²⁾. Сосновскіе Вотяки передавали г. Верещагину преданіе, что ихъ предки жили въ юртахъ въ родѣ шалашей и землянокъ изъ липовыхъ лубьевъ, хворосту и пр. ⁽³⁾. Рядомъ съ подземнымъ гуртомъ и в а долго была единственной постройкой, которую знали Вотяки. Въ вотскомъ эпосѣ — преданіяхъ и сказкахъ — и в а является единственнымъ жилищемъ человѣка. Въ преданіи о Тутоѣ и Янтамырѣ говорится, что при нихъ и при нѣсколькихъ ихъ преемникахъ Вотяки и з б ѣ не строили, а жили въ шалашахъ, которые бросали при приближеніи русскихъ и переходили далѣе ⁽⁴⁾. — „Куа“ оставалась неизмѣнной въ теченіе длиннаго ряда столѣтій, „гуртъ“ пережила за это время не одно измѣненіе. За подземнымъ жилищемъ явилась к о р к а. Ключъ къ объясненію этого слова заключается въ пермяцкомъ языкѣ. Здѣсь аналогичнымъ названіемъ является кер-ку, связанное съ словами к е р ь бревно и к е р н ы рубить. Первоначальный типъ корка сохранился во многихъ глухихъ вотскихъ деревняхъ; это курная изба съ глинобитной печью и маленькими волоковыми окнами. Слѣдующія ступени въ развитіи жилья являются, судя по языку, подъ вліяніемъ сосѣдей. Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что названія многихъ частей, которыми осложнялось вотское жилье, заимствованы у Татаръ.

⁽¹⁾ Библ. для чт. 1855, XII.

⁽²⁾ В. Е. 1880, VIII, 637—638. Ср. М. Buch. Die Votjaken. 492.

⁽³⁾ Вот. Сос. кр.

⁽⁴⁾ Гауриловъ. Прозв. нар. сл. Вот. К. 1880. 145.

Казалось бы слѣдовало ждать противнаго, вліянія болѣе раннихъ поселенцевъ въ краѣ на позднѣйшихъ пришельцевъ и при томъ кочевниковъ. Это противорѣчіе объясняется однако вліяніемъ болгарской культуры на татарскую. Къ числу такихъ заимствованныхъ элементовъ слѣдуетъ отнести дворъ—азбаръ (это слово встрѣчается и у крымскихъ татаръ), ворота—капка, баня—мунчо, амбаръ, внутри жилья очагъ—учогъ, отдѣленія избы—комнаты бѣльни, полати—сендыра, лавки—кибсть, части окна—косяки (ѵонакъ) и рамы (сарандыкъ). Языкъ знакомитъ насъ съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣли Татары на обстановку вотской избы. Если, слѣдуя его указаніямъ, наблюдатель сравнитъ татарскую и вотскую избы, гдѣ оба народа живутъ рядомъ, онъ увидитъ полное сходство той и другой. Мы производили такое сравненіе въ Бирскомъ уѣздѣ между башкирскими и вотяцкими избами и не нашли въ вотской избѣ ни одной характерной черты; она точная копія избы башкирской. Низенькая постройка разгорожена стѣнами на двѣ половины, лѣтнюю, холодную (фасомъ на дворъ) и зимнюю, теплую (фасомъ на улицу). Лѣтняя изба является вмѣстѣ съ тѣмъ и парадной. Она чище, потому что въ ней меньше живутъ. У стѣны противъ входа широкія чистыя нарты, косячатые окна заставлены горшками съ любимыми татарскими цвѣтами—бальзаминами и базиликами, окна декорированы бранными полотенцами; такія же полотенца драпируютъ пространство между окнами и потолкомъ, спускаются съ брусьевъ, которыми заканчиваются палаты. Въ углу на нарахъ стоитъ сундукъ съ разными домашнимъ скарбомъ, на немъ перья и подушки въ ситцевыхъ „французскихъ“ наволокахъ. Тамъ, гдѣ сосѣдями Вотяковъ являются Русскіе, убранство избъ приближается къ обычному русскому. Вліяніемъ Татаръ, вообще склонныхъ къ нѣкоторой щеголеватости, объясняется сравнительная чистота въ вотскихъ из-

бахъ татарскаго типа. Г. Островскій находить, что вотлицкія избы чище чувашскихъ и черемисскихъ ('). Бехтеревъ, знающій главнымъ образомъ вятскихъ Вотяковъ, даетъ совсѣмъ другую характеристику ихъ жилищамъ ('). Подражая совсѣмъ въ устройствѣ избы, Вотякъ вполне самостоятеленъ въ устройствѣ кеноса (кѣти). Вотскій кеносъ имѣетъ болѣе разнообразное назначеніе, чѣмъ русская кѣть. Эта не только кладовая, но и лѣтнее помѣщеніе и, кажется, преимущественно женское. Каждая брачная пара имѣетъ въ кеносѣ особое отдѣленіе, гдѣ хранитъ свое имущество. Здѣсь-же стоитъ закрытая холщевой занавѣской или пологомъ грубая кровать. Въ кеносѣ женщина спитъ, работаетъ и одѣвается. Каждое отдѣленіе кеноса освѣщается небольшимъ волоковымъ или косячатымъ окномъ. Эти окна въ выходящихъ на улицу отдѣленіяхъ кеноса придаютъ между прочимъ вотской деревнѣ своеобразную фізіономію: окна продѣланы не въ серединѣ выходящей на улицу стѣны кеноса, а ближе къ одному изъ угловъ. Въ большихъ семьяхъ, гдѣ бываетъ отъ 4 до 6 женатыхъ братьевъ, кеносовъ бываетъ на одномъ дворѣ 2—3 и болѣе. Съ своими избами, ква, кеносами, баней, амбарами вотскій дворъ образуетъ цѣлую систему построекъ, которой достаточно для того, чтобы придать жилищу одной семьи фізіономію деревни; въ Саранульскомъ уѣздѣ такія группы построекъ носятъ названіе азбаръ (околотокъ) ('); извѣстенъ случай, когда и на самомъ дѣлѣ то, что на официальномъ языкѣ называется починкомъ, представляетъ собою одинъ дворъ. Высшая стадія развитія одного двора и начальная деревни соприкасаются такимъ образомъ между собою и это со-

---

(') I. с. 23.

(') В. Е. 80, VIII, 636.

(') Ж. М. В. Д. 1858, XI, 60.

прикосновеніе выразилось въ языкѣ одинаковымъ обозначеніемъ словомъ гуртъ обѣихъ вещей.

Изъ того отношенія, которое имѣеть гуртъ къ семьѣ, опредѣляется типъ старинныхъ вотскихъ деревень. Одинъ дворъ отдѣлялся отъ другаго засѣянными полями. Такія деревни выросли несомнѣнно изъ одного двора. Въ томъ случаѣ, когда въ сосѣдство выдѣлялась или садилась новая семья, она выбирала себѣ мѣсто за чертой разчищенныхъ первыми поселенцами полей и производила для себя расчистку сама; такъ-же поступали и дальнѣйшіе основатели дворовъ. Деревня разрасталась до значительныхъ размѣровъ, но не приобрѣтала значенія поземельной общины, сохраняя подворный характеръ.

Такія деревни извѣстны были еще въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія—авторамъ тѣхъ замѣтокъ о Воткахъ, которыя резюмировалъ Бехтеревъ въ своей статьѣ (1). Намъ не приходило въ голову видѣть подобныхъ деревень, хотя, можетъ быть, онѣ и сохранились гдѣ-нибудь въ глуши лѣсовъ. Но на первоначальный типъ есть указанія и въ современныхъ деревняхъ. Если спросить хозяина любой вотской избы не родня-ли тебѣ будетъ сосѣдъ, въ большинствѣ случаевъ получится утвердительный отвѣтъ. Это обстоятельство указываетъ на то, что позднѣе семьи, которымъ становилось тѣсно въ предѣлахъ одного двора строили новыя жилища рядомъ съ старыми, обращая постепенно пахатную землю въ усадьбную.

Обстановки вотскаго жилья мы уже имѣли случай касаться. Она въ своихъ существенныхъ чертахъ сохранилась подъ влияніемъ сосѣдей. Сидѣньями у Вотяковъ являются лавки, идущія по стѣнамъ избы. Стулъ въ семьѣ по боль-

---

(1) I. с. VIII, 634.

шей части полагается одинъ—для старшаго (куз'о). Тѣ же лавки и грубыя кровати являются ложемъ. Обычай употреб- лять для сна перины и подушки заимствованъ у Татаръ (tušak). Что касается занавѣски, которой закрывается по- стель, то она могла возникнуть у Вотяковъ и независимо— подѣ влияніемъ потребности защититься отъ мухъ и кома- ровъ, которые являются настоящимъ бичемъ для человѣка лѣтомъ.

Посуда, которую зналъ Вотакъ съ давнихъ поръ и самъ приготовлялъ, исключительно деревянная. Стеклянная посу- да и стекло вообще стало извѣстно или черезъ Русскихъ, или черезъ Татаръ. Вотскій языкъ не имѣетъ собственныхъ словъ для обозначенія стекла и пользуется или русскимъ (dzel'epik—зеленикъ) или татарскимъ (s'umik). Вотская де- ревянная посуда по изяществу приготовленія значительно выше черемисской и чувашской. Такихъ рѣзныхъ ковшеи съ изображеніями птицъ и животныхъ, которыя имѣются у Черемисъ, Вотяки не имѣютъ. Высшаго своего совершенст- ва вотская техника достигаетъ въ приготовленіи чашечекъ для кумыши. Материаломъ для нихъ служатъ или корни березы или особенныя болѣзненные наросты на этомъ де- ревѣ—такъ называемая кашъ.

Въ костюмѣ такъ-же, какъ и въ домашней обстановкѣ, Вотакъ находится въ зависимости отъ сосѣдей Русскихъ и Татаръ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ Вотяки окружены русскими селеніями, мужчинъ трудно отличить отъ русскихъ; женщи- ны, всюду болѣе консервативныя, здѣсь также начинаютъ поддаваться влиянію русскихъ сосѣдокъ; которыя побогаче, начинаютъ носить русскія платья. Въ окрестностяхъ г. Гла- зова молодое поколѣніе замѣтно теряетъ вкусъ къ бѣлымъ рубашкамъ и кафтанамъ. Тѣ и другіе приготовляются или изъ льняной пестради или изъ тонкой шерстяной ткани—

такъ называемой сукманнины. Самыя формы костюма рѣзко отличаются отъ старыхъ, приближаясь къ городскому платью съ блузкой и лифомъ. Замята вотскаго костюма русскимъ совершается сравнительно медленно потому, что съ одеждой связываются религіозные вопросы. Съ половины XVIII в. (со времени принятія Вотьями христіанства) среди нихъ стали появляться фанатики, которые воздвигали гоненіе на двѣтныя ткани, сапоги, башмаки и русскіе лапти, однимъ словомъ на все, что внѣшнимъ образомъ сближало Вотьяковъ съ Русскими. Кто хотѣлъ избѣгнуть кары боговъ, тотъ долженъ былъ забросить подобныя вещи въ лѣсъ или сжечь ихъ. И людей, которые слушались подобныхъ фанатиковъ, находилось не мало (¹).

Основныя формы вотскаго костюма, намъ кажется, лучше всего сохранились въ Слободскомъ, Малмыжскомъ и Сарapulьскомъ уѣздахъ (на С. послѣднихъ въ особенности). Подъ Глазовомъ замѣтно русское вліяніе, въ Елабужскомъ уѣздѣ — татарское, въ Бирскомъ — башкирское. Наиболѣе характернымъ, по сравненію съ русскимъ, является женскій вотскій костюмъ. Онъ состоитъ изъ льняной или пеньковой бѣлой рубашки съ вышивками на рукавахъ, сдѣланными серебромъ, шелкомъ, шерстью или крашеными нитками. По направленію вышивки можно отличить женскую рубашку отъ дѣвчьеѣ; на женской рубашкѣ она идетъ широкой полосой вдоль рукава, на дѣвчьеѣ она помѣщается почти на плечѣ и дѣлается поперекъ рукава. Поверхъ рубашки надѣвается холщевый-же бѣлый, круглый кафтанъ — шоть-деремъ. Шоть-деремъ на груди обшивается въ настоящее время полосами краснаго ситца; въ былое время на мѣстѣ этихъ полосъ были также шелковыя или серебряныя вышивки. Подъ шоть-деремомъ

(¹) Верещагинъ. Вот. Сос. кр. 203.

носятся до настоящаго времени на груди вышитыя нагрудники—кабачи. Въ послѣднее время вышивки стали замѣняться соединеніемъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ—треугольничковъ. Перечисленными предметами въ Слободскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ изчерпываются собственно вотскіе элементы костюма. Головные уборы заимствованы уже отъ Татаръ и состоятъ у женщинъ изъ чалмы (дыръ-вышетъ)—т. е. изъ полотенца съ расшитыми концами или треугольнаго платка,—у дѣвушекъ изъ бѣлаго вязанаго колпака съ кисточкой или т а к ѣ и —шапочки съ навязанными на лбу серебряными дѣвками. У Сарапульскихъ и Елабужскихъ Вотяковъ къ такъ въ свади прикрѣпляется узкая полоса холстины, украшенная жетонами или монетами. Эта полоса прикрываетъ косу. Шейныя украшенія состоятъ изъ бусъ (вась), заимствованныхъ въ очень отдаленную пору отъ Персовъ, и ожерелій изъ серебряныхъ денегъ (крескаль). Характернымъ украшеніемъ является у женщинъ такъ называемый кунуль-вась—ожерелье изъ особаго рода крупныхъ мягкихъ бусъ, надѣваемое черезъ плечо. Сожительство съ Черемисами сопровождалось заимствованіемъ черемискаго типа ожерелья м а р и - в а с ѣ . Изъ перечисленныхъ ожерелій заслуживаетъ особеннаго вниманія крескаль. По своему названію оно заставляетъ предполагать, что возникло въ христіанскую пору (кресъ-каль—гайтанъ для креста), но мѣсто креста у язычниковъ теперь занимаетъ, занималъ, вѣроятно, и прѣжде такъ называемый девдоръ—оловянный или свинцовый жетонъ съ изображеніями по обѣимъ сторонамъ. Мы встрѣчали такіе девдоры на ожерельяхъ Бирскихъ вотячекъ. Обычай носить такія бляхи или жетоны заимствованъ, можетъ быть, Вотяками у Чуди. На таблицахъ перскихъ древностей Ешевскаго мы находимъ предметъ въ видѣ медали съ изображеніемъ всадника и дырочкой пробитой, повидному для под-

вѣшиванія⁽¹⁾. Аналогичный предметъ видѣлъ Глазовскій археологъ Н. Г. Первухинъ у священника села Сады г. Попова. Эта была снабженная ушкомъ медаль съ изображеніемъ трехъ всадниковъ. О. Поповъ приобрѣлъ эту вещь у своего прихожанина, который случайно нашелъ ее въ землѣ⁽²⁾. Г. Первухинъ слышалъ отъ вотскихъ стариковъ, что раньше креста на крескалѣ носился в о р ш у д ѣ. Это подало ему поводъ нѣкоторое время считать разнообразныя бляхи съ ушками для подвѣшиванія за воршудные знаки⁽³⁾. Позднѣе онъ оставилъ это предположеніе. Намъ кажется, что почтенный изслѣдователь напрасно поспѣшилъ такъ рѣшительно отказаться отъ своей гипотезы. Что такое воршуда? Г. Первухинъ посвятилъ этому вопросу нѣсколько прекрасныхъ страницъ своего перваго эскиза, но ограничился при рѣшеніи вопроса только мѣстными матеріалами. Если-бы онъ обратилъ вниманіе на статейку „сожженіе воршуда“ въ книгѣ „Вотьяки Сосновскаго края“ г. Верещагина, его рѣшимость, можетъ быть, нѣсколько бы поколебалась. Г. Верещагинъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ воршудъ (своего края): „это берестяная коробка съ серебрянной монетой копѣекъ въ 20 или просто оловянная (ой?) или свинцовая (ой?), круглая (ой?), какъ монета пластинка (ой?) величиною съ четвертакъ съ изображеніями какого нибудь предмета съ обѣихъ сторонъ“⁽⁴⁾. Далѣе онъ прибавляетъ, что пластинки, замѣняющія монеты, называются дендорками. Намъ кажется, это описаніе воршуда поясняетъ слова Глазовскихъ Вотяковъ—женщины могли носить на крескалѣ жетоны, однородные съ тѣмъ, который хранился

(¹) Перм. Сборн. М. 1858. I, 142.

(²) Первухинъ. Эскизы. I, 22—23.

(³) Ibid.

(⁴) I. с. 212.

въ воршудной коробкѣ. Эти жетоны служили показателемъ рода и воршуда, къ которому принадлежала та или другая женщина.

Денежныя и жетоныя украшенія явились у Вотяковъ, несомнѣнно, подъ вліаніемъ Тюрковъ. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что всѣ они имѣютъ названія, въ которыхъ входитъ слово *вэсъ*—бусы съ какимъ нибудь опредѣлителемъ (*коньдонъ-вэсъ*, *маря-вэсъ*, *чирты-вэсъ*). Они, стало быть, замѣнили прежнія бусы. Къ числу грудныхъ и шейныхъ Глазовскаго уѣзда слѣдуетъ отнести „*камали*“—узкую ленту, унизанную крупными серебряными деньгами, которая спускается у женщины съ плеча.

Костюмъ Вотячекъ Малмыжскаго уѣзда—Калмезокъ—довольно значительно отличается отъ костюма женщины племени Ваткѣ. Граница костюма совпадаетъ здѣсь съ границей административной. Характерные нагрудники Глазовскихъ Вотячекъ исчезаютъ, едва путешественникъ вступаетъ въ предѣлы Малмыжскаго уѣзда. Одновременно исчезаютъ и богатые рукавные вышивки. Общее впечатлѣніе, которое производитъ Малмыжскій костюмъ, не выгодно для Калмезокъ—ткани грубѣе, орнаментъ бѣднѣе и въ довершеніе всего на одеждѣ носится значительно болѣе грязи. Типической принадлежностью калмезскаго костюма служилъ нѣкогда айшонъ—говоримъ, служилъ, такъ какъ на С. Малмыжскаго и Саранульскаго уѣздовъ онъ вышелъ изъ употребленія и такъ давно, что въ большихъ селеніяхъ въ родѣ Климезъ—Селты, Пудги и Ягшуръ-Боды мы не могли найти ни одного экземпляра даже у старухъ. По описаніямъ, которыя намъ приходилось слышать, здѣшній айшонъ отличался отъ Елабужскаго и южно-Саранульскаго: онъ имѣлъ цилиндрическую форму, тогда какъ послѣдній—коническую.

Айшонъ по своему виду и способу надѣванія напоминаетъ рѣдкій въ настоящее время черемисскій уборъ—шурка. Надѣвается онъ слѣдующимъ образомъ: послѣ того, какъ у женщины собраны нужнымъ образомъ волосы, на голову накладывается кругъ, сшитый изъ полотенца, разшитые концы котораго спускаются по спинѣ и прижимаются поясомъ. Полотенце это напоминаетъ черемисскій и чувашскій шарпанъ, сорбанъ; на этотъ кругъ накладываютъ берестяной конусъ, обшитый какой-нибудь матеріей и унизанный серебряными дѣвками, сверху мелкими, копѣйками, снизу болѣе крупными—до 25 к. (эта часть соотвѣтствуетъ тому типу шурка, который былъ описанъ Фр. Миллеромъ еще въ прошломъ столѣтіи); въ верхней части конуса устраивается отверстіе, въ которое вставляется остріею другой маленькій конусикъ; широкая часть этого послѣдняго накрывается квадратомъ, на который накладывается расшитый платокъ съ кистями.

Головной уборъ дополнялся въ былое время своеобразными серьгами—кольцами, отъ которыхъ спускались до пояса нитки, унизанные крупными серебряными монетами, рублевыми. Мы говоримъ „дополнялся“ потому, что не видали такихъ серегъ и знаемъ ихъ только по описанію Бехтерева. Позволяемъ себѣ думать, что и г. Бехтеревъ, писавшій свою статью въ 1880 г., не видалъ ихъ и заимствовалъ указаніе на нихъ изъ какого-нибудь стараго автора.

Вотскія женщины Сосновскаго края, судя по описанію г. Верещагина, не носятъ айшона, употребляя вмѣсто него уборъ, подобный дѣвичьей такѣ—п о д у р г а. Г. Верещагинъ не описываетъ его особенно подробно, но судя по тѣмъ немногимъ чертамъ, которыми онъ его характеризуетъ вмѣстѣ съ такѣй, можно предположить, что это нѣчто въ родѣ чувашской „лошпу“ и бесермянской или старинной башкирской „ташнау“.

Обувь женщины состоитъ изъ толстыхъ холщевыхъ чулокъ, сплтыхъ мѣшкомъ (чуглесь), и лаптей. Чтобы придать лаптямъ болѣе привлекательный видъ, между лыками пропускается черная тесьма или расщепленныя гусиныя перья. Сзади къ лаптямъ прикрѣпляются шерстяныя тесемки, которыми они подвязываются нѣсколько выше щиколдки. Пояса Вотачекъ не отличаются той роскошью и изяществомъ, которыя характеризуютъ пояса Яранскихъ и Ветлужскихъ Черемисокъ или Пермачекъ. Это узкая шерстяная тесьма домашней работы. Къ поясу привѣшивается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мѣдный гребешекъ; въ Сарапульскомъ уѣздѣ (дер. Пудга) намъ пришлось видѣть на поясѣ у старой Вотачки оригинальной формы игольникъ. Онъ состоялъ изъ покрытаго узоромъ костянаго цилиндра, въ который свободно входилъ довольно толстый шнуръ, завязанный на концѣ узломъ. Этотъ шнуръ былъ привязанъ къ довольно большому мѣдному кольцу и черезъ него соединялся съ поясомъ. Въ нижнюю часть шнура (выше узла) были воткнуты иголки; костяной цилиндръ, свободно передвигаясь по шнуру, давалъ возможность легко вынуть въ случаѣ надобности иглу, и прикрѣплялъ ихъ въ остальное время.

Костюмъ Вотачекъ южной части Сарапульскаго уѣзда подробно описанъ г. Богаевскимъ⁽¹⁾; украшения, входящія въ составъ Елабужскаго, — г. Потанинымъ⁽²⁾. Мы можемъ привести рядомъ свои наблюденія надъ костюмомъ Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи. Характернымъ признакомъ этого костюма является его подражательность. Вотскія формы рубашки и кафтана исчезаютъ. Рубашка Елабужскаго, Сарапульскаго и Бирскаго уѣзда — башкирско-татарская, цѣлѣ-

(1) В. О. Миллеръ. Опис. колл. Д. Е. М. М. 1887. 45.

(2) Изв. К. О. А. Н. и Э. III, 197—201.

ная широкая, съ оборкой на подолѣ и мѣнистомъ—ситцевымъ или парчевымъ—на груди. Мѣсто шотъ-дереза заступаетъ зыбнѣ—татарскій кафтанчикъ изъ шерстяной или шелковой матеріи. Айшонъ почти всюду исчезаетъ, уступая мѣсто „французскому“ платку. У дѣвушекъ на лбу носится узкая повязка обшитая позументомъ и серебряной бахромой (у к о-ш у г ѣ въ Елабужскомъ и Саранульскомъ уѣздахъ, ч а в ѣ въ Бирскомъ). Шея украшается въ Елабужскомъ и Бирскомъ уѣздѣ ожерельемъ, которое состоитъ изъ обшитаго позументомъ галстука, застегивающагося напередѣ двумя пряжками. Къ каждой пряжкѣ прикрѣплены серебряныя или оловячныя цѣпочки съ пластинками въ видѣ сердечекъ. Кромѣ этого шейнаго украшенія въ Елабужскомъ и Саранульскомъ уѣздахъ носится другое. Оно состоитъ изъ унизанной серебряными монетами тесьмы, отъ которой на средину груди, прикрывая разрѣзъ рубашки, спускается узкій кусокъ холстины, обшитый въ нѣсколько рядовъ серебряными монетами и мелкими кораллами (ч и р к е р-т е т ѣ, по Потанину). Этотъ уборъ напоминаетъ ожерелье, которое носятъ чувашскія и черемисскія женщины Чебоксарскаго уѣзда. Черезъ плечо Бирскія и Елабужскія Вотячки носятъ перевязь, обшитую спереди мелкими монетами, серебряными копѣлками. На этой перевязи на бедрѣ виситъ связка ключей, гребенка, игольникъ или какойнибудь другой предметъ, необходимый для женщины (бутъмаръ). Бутъмаръ также напоминаетъ собою болѣе сложную и утратившую уже свое практическое назначеніе чувашскую перевязь теветъ (чершю-аршашъ). Въ Саранульскомъ уѣздѣ на шеѣ кромѣ названныхъ украшеній носится еще жильо—соотвѣтствующая крес-калу цѣпочка, къ которой прикрѣплены деньги, называемыя „камалы“ д ж и с ѣ я н ѣ.

Мужская одежда состоитъ изъ бѣлой холщевой или пестрядной рубахи и таковыхъ же штановъ. Въ былое время мужскія рубашки разшивались шелкомъ, какъ и женскія ('). Въ настоящее время вышивки изчезли. У Вотяковъ, сохранившихъ свой старый костюмъ, рубашка подпоясывается тесемкой, на которой виситъ кожаная сумочка съ принадлежностями для высѣканія огня. Отатарившіеся или обашкирившіеся Вотяки носятъ татарскую рубашку безъ пояса. Верхняя одежда Вотяковъ лѣтомъ состоитъ изъ круглаго кафтана, сшитаго изъ домашняго сукна или сукманнинъ; подпоясывается она сиромятнымъ ремнемъ съ мѣдными пряжками и таковой же скобкой для топора; на поясѣ кромѣ того виситъ ножъ, вложенный въ личный футляръ, и иногда точильный брусокъ. Обашкирившіеся Вотяки Бирслага уѣзда носятъ татарскаго типа полукафтанье изъ такъ называемой чубы—полосатой ткани въ родѣ тика. Головной уборъ Вотяковъ также зависитъ отъ того, съ кѣмъ живутъ они въ сосѣдствѣ. Въ коренныхъ вотскихъ селеніяхъ это низенькій цилиндрическій колпакъ съ верхомъ такъ называемой конфедератки. Въ сосѣдствѣ съ Русскими Вотяки употребляютъ картузы или русскіе гречушники; въ сосѣдствѣ съ Татарами и Башкирами—татарскія шляпы съ полями, загнутыми сзади; подъ шляпой въ такихъ мѣстностяхъ (особенно некрещеными) носится тибеттей. Татарская обувь замѣняется въ такихъ селеніяхъ вотскіе лапти или русскіе сапоги.

Пища Вотяка опредѣляется родомъ его занятій: она хлѣбная въ мѣстностяхъ по преимуществу земледѣльческихъ и животная тамъ, гдѣ рядомъ съ земледѣліемъ Вотякъ занимается охотой. Чтобы составить понятіе о питаніи Вотяка, нужно, стало быть, ознакомиться съ условіями его хозяйства.

(') Ват. Г. В. 1838. Стр. 13.

Лучшимъ источникомъ для этого могутъ служить данныя, собранныя вятскимъ земскимъ статистическимъ бюро. Въ сожалѣнію, этотъ матеріалъ имѣется только относительно Малмыжскаго уѣзда.

58,388 Вотьяковъ, населяющихъ Малмыжскій уѣздъ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи 110,196, десятинъ пахатной земли—или 11, десятинъ на дворъ. По размѣрамъ своего землевладѣнія они занимаютъ первое мѣсто среди народностей уѣзда. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно всѣхъ вообще земель, находящихся во владѣніи Вотьяковъ. Они имѣютъ въ общемъ 24, десятины на дворъ тогда, какъ Русскіе имѣютъ 20, Черемисы 18, Татары 11 десятинъ. Болѣе точное представленіе о размѣрахъ вотскаго землевладѣнія можно составить на основаніи слѣдующихъ цифръ. Только 0,5%, вотскихъ дворовъ принадлежатъ къ безземельнымъ, 5,7% имѣютъ отъ 5 до 10 десятинъ, 14% отъ 10 до 15, 38% отъ 15 до 25, 38% отъ 25 до 50 десятинъ⁽¹⁾. Количество земли не можетъ однако служить единственнымъ показателемъ матеріальнаго благосостоянія народа. По своему качеству земли, находящіяся во владѣніи Вотьяковъ, принадлежатъ къ самымъ худшимъ въ уѣздѣ. Изъ 110 т. д. принадлежащей имъ пахатной земли 45,494 д. (или 41,3%) состоятъ изъ песчаной почвы, 46,534 (или 42,2%) изъ суглинка, 9838 (или 8,9%) изъ сѣрой земли, 7000 (или 6,4%) изъ болотисто-песчаной и только 1327 д. (или 1,2%) чернозема. Лучшія земли (на Ю. отъ р. Вятки) принадлежатъ Черемисамъ и Татарамъ. Русскіе, занимая съ Вотьяками завятскій край, имѣютъ 39,7% песчаной почвы, 26,7% суглинка, 25,3% сѣрой земли, 6,6% болотистой и 1,7% чернозема. Кромѣ пахатной земли въ распоряженіи Вотьяковъ находится 23,086 дес. луговъ или по 2,5 д. на

(¹) Мат. I, ч. 1, 58; ч. 2, 4.

дворъ и 77,422 дес. лѣса или 8,8 д. на дворъ ⁽¹⁾. Доходность земель, находящихся въ распоряженіи Вотяковъ, зависитъ отъ системы ихъ хозяйства. Уже отношеніе количества земли къ количеству рабочихъ рукъ показываетъ, что у Вотяковъ нельзя ожидать болѣе или менѣе интензивнаго хозяйства. Статистическія данныя вполне оправдываютъ этотъ выводъ. Вотякъ живетъ до сихъ поръ сельско-хозяйственными идеями своихъ предковъ, а эти идеи очень не сложны; пользоваться землей, пока она даетъ доходъ безъ всякаго удобренія, бросать ее при истощеніи и разчищать новыя лѣсныя пространства—вотъ весь запасъ сельско-хозяйственной мудрости, который выработали Вотяки добраго стараго времени. Подсѣчная („кулижная“, „лядинная“) система хозяйства до сихъ поръ имѣетъ широкое распространеніе въ вотскомъ краѣ и находится въ зависимости отъ количества лѣсовъ, которое находится въ распоряженіи народа. Въ отдаленномъ прошломъ она была въ вотскомъ краѣ единственной. О томъ, какое значеніе эта система имѣла въ старину, свидѣлствуютъ ея слѣды, сохранившіеся до сихъ поръ въ глуши Малмыжскихъ лѣсовъ—огромное количество полянокъ, масса остатковъ отъ развалившихся печей, обиліе ямъ, въ которыхъ, по предложенію вятскихъ статистиковъ, хранился хлѣбъ, слѣды пашни подъ выросшимъ лѣсомъ. Въ одной сѣверной части Сюмсиинской волости статистики насчитали до 30 такихъ бывшихъ заимокъ ⁽²⁾. Въ былое время Вотякъ не стѣснялся, устраивая заимку, вопросомъ о томъ, въ чьемъ лѣсу онъ ее устраиваетъ—въ своемъ или казенномъ. Этотъ взглядъ на лѣсъ сохранился отчасти и до сихъ поръ. Въ многоземельныхъ общинахъ, имѣющихъ большіе собственные

⁽¹⁾ Мат. I, ч. 1, 131.

⁽²⁾ Ibid. 61.

лѣса, право устраивать заимки, до сихъ поръ остается неограниченнымъ. Всякій желающій можетъ расчистить кулигу среди общественнаго лѣса и поселиться на ней или запахать ее. Стоитъ только выбрать, руководствуясь характеромъ лѣснаго покрова, подходящій участокъ лѣса. Трудъ расчистки сокращается иногда тѣмъ, что для культуры выбирается гарь или поломъ (мѣсто, гдѣ лѣсъ сломанъ бурей). Поселенецъ вырубаетъ на избранномъ участкѣ мелкій лѣсъ, выкорчевываетъ пни и подчеркиваетъ т. е. подрубаютъ съ весны кору на крупныхъ деревьяхъ. Подчерченные стволы за лѣто сохнутъ, сбрасываютъ хвою и даютъ новинѣ нѣкоторое удобреніе. Черезъ годъ подчерченные деревья вырубаются, но колонистъ не сейчасъ приступаетъ къ обработкѣ расчищеннаго пространства, а ждетъ, когда сгниютъ пни срубленныхъ деревьевъ. До тѣхъ поръ, лѣтъ 5 — 15 съ кулиги берутъ сѣно. Когда пни немного подгниютъ, ихъ выкорчевываютъ: подрубаютъ боковые корни, подсовываютъ подъ пень рычагъ, подъ рычагъ подкладываютъ пласу и нагибаютъ свободный конецъ его. Выкорчеванные пни и корни складываютъ въ кучи и валы и черезъ годъ сжигаютъ. Въ томъ случаѣ, когда почва кулиги негодится подъ сѣнокошь, ее начинаютъ тотчасъ же обрабатывать⁽¹⁾.

Въ виду особенностей, которыя представляетъ расчищенная кулига, здѣсь нельзя по началу употреблять ни сохи, ни бороны. У Пермиковъ Глазовскаго уѣзда сохранилось преданіе, что ихъ предки копали землю около пней лопатами, а борошили, возя по кулигѣ елку съ обрубленными сучьями⁽²⁾; эти приемы практикуются, какъ вспомогательные, и теперь, но елка замѣняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ липовымъ лоткомъ,

---

⁽¹⁾ Мат. I, ч. 1. 62—63.

⁽²⁾ Блиновъ. Извѣст. 4.

въ дно котораго вбиваются тонкіе, гибкіе еловые сучья вершковъ 14—15 длины ⁽¹⁾. По словамъ г. Верещагина предки Вотяковъ племени Боння, поселившись среди непроходимыхъ лѣсовъ Саранульскаго уѣзда, сначала обрабатывали землю съ помощью такъ называемыхъ копыловъ и ручныхъ граблей ⁽²⁾. Воспоминаніе о такихъ первоначальныхъ приемахъ обработки земли сохранилось и въ вотскомъ языкѣ: гѣрнимъ означаетъ пахать и рыть, копать (парс гѣра—свинья ростъ).

За „кулижной“ у Вотяковъ слѣдуетъ двухпольная система хозяйства. Въ настоящее время въ Малмыжскомъ уѣздѣ она уцѣлѣла только у Вотяковъ Вавожской, Воли-Пельгинской и Большеучинской волостей. Здѣсь одна половина пашни засѣвается рожью ⁽³⁾ и овсомъ ⁽⁴⁾, а другая лежитъ подъ паромъ. Вотяки держатся этой системы потому, что при такихъ условіяхъ можно лучше обработать меньшее количество земли, больше унавозить его, засѣвать большее количество земли однимъ хлѣбомъ (рожьей). Земля при этой системѣ, по мнѣнію Вотяковъ, не такъ скоро истощается, такъ какъ годъ работаетъ и годъ отдыхаетъ ⁽⁵⁾.

Трехпольная система перешла, повидному, къ Вотякамъ отъ Русскихъ. Въ мѣстностяхъ съ сыпуче-песчаной почвой почвой практикуется такъ называемая переложная система: почву пашутъ года 3—5, потомъ лѣтъ на 5 запускаютъ и даютъ порости мелкимъ соснякомъ, который своими корнями связываетъ разрушенный культурный слой. Въ связи съ лѣсистостью мѣстностью и подлѣчнымъ характеромъ хозяйства стоятъ особенности въ приемахъ удобренія. Вотяки нѣкоторыхъ волостей вывозятъ навозъ на саяхъ по пер-

---

⁽¹⁾ Блиновъ. Извѣст. 65.

⁽²⁾ Вот. Сар. у. 29, его-же Ср. Вот. Сос. кр. 4.

⁽³⁾ Маг. 1, 59.

вому снѣгу, чтобы легче скидывать. Въ Селтинской волости Вотяки до послѣдняго времени считали за грѣхъ вывозить навозъ лѣтомъ. Съ навозомъ можно было вывести на поля уцѣлѣвшій подъ нимъ ледъ, а это значило прогнѣвить лѣто⁽¹⁾. Раньше практиковался еще болѣе удобный способъ—навозъ вывозили по снѣгу на лубкахъ⁽²⁾. Въ общемъ Вотяки старательно уваживаютъ землю, хотя по свойству принадлежащихъ имъ почвъ они должны затрачивать удобренія больше, чѣмъ сосѣди (на 1 д. песчаной почвы, по расчетамъ вятскихъ статистиковъ, нужно удобренія столько же, сколько на 2 д. сунеси, на 3 суглинка, на 4 сѣрой земли и на 5 чернозема). По вычисленіямъ вятскихъ статистиковъ на волости, въ которыхъ живутъ Вотяки, приходится наибольшее количество уваживаемыхъ земель Малмыжскаго уѣзда⁽³⁾. Количество удобренія составляетъ въ вотскомъ хозяйствѣ все: безъ удобренія почвы, которыя находятся въ распоряженіи Вотяка, даютъ отъ 20 (песокъ) до 40 (сѣрая) пудовъ съ десятины, послѣ удобренія отъ 40 (песокъ) до 60 (сѣрая). Удобреніе даетъ возможность брать съ песчаной почвы тоже, что даетъ неудобренная сѣрая земля⁽⁴⁾. По тѣмъ или другимъ причинамъ Вотяки однако уваживаютъ ежегодно все паровое поле. Maximum удобряемой земли составляетъ $\frac{1}{2}$ пароваго поля, minimum $\frac{1}{4}$ ⁽⁵⁾. Климатическія условія налагаютъ на вотскаго землевладѣльца работы, которыхъ не знаетъ житель средней Россіи: въ низменныхъ

---

(1) Mat. I, 63.

(2) Ibid. 67.

(3) Ibid. 71.

(4) Ibid. 68.

(5) Ibid. 70

болотистыхъ мѣстностяхъ нужно еще прикрывать посѣвы, чтобы спасти ихъ отъ заморозковъ (¹).

Хозяйственныя подробности, приведенныя выше, поясняютъ общее впечатлѣнiе, которое производитъ на путешественника картина вотскаго народнаго хозяйства и тѣ похвалы трудолюбію Вотяковъ, которыя расточаютъ всѣ наблюдатели. „Проѣзжая засѣянными полями, говоритъ г. Островскій, не трудно узнать, какое поле принадлежитъ вотской и какое татарской деревнѣ. . . Вотякъ, по общему отзыву, всегда вспашетъ и посѣетъ старательно и во время, почему въ самыя неурожайныя годы у Вотяковъ хлѣбъ родится въ болѣе или менѣе достаточномъ количествѣ, а у Татаръ на той-же землѣ и въ самый хорошій годъ хлѣбъ родится плохо (²)“. Не смотря на упорный трудъ земледѣліе не удовлетворяетъ необходимыхъ потребностей Малмыжскаго Вотяка. Изъ 15 волостей, въ которыхъ живутъ Вотяки, половина имѣетъ болѣе или менѣе чувствительный дефицитъ въ хлѣбѣ: въ Больше-Порекской волости недостаетъ 34 п. на дворъ въ годъ, въ Старо-Трыкской 31 п., Больше-Шабанской 25 п., въ Рыбноватажской 19, Вавожской 18, Вихаревской 14, Уватукинской 9, Кирчимъ-Копкинской 0,7 п. Избытокъ распределяется неравномѣрно: въ Мултанской волости приходится до 69 п. на дворъ, въ Больше-Учинской 35, Сизнерской 23, Селтинской 30, Воли-Пельгннской 13, Сюмсинской 8 (³).

Необходимость удобрения ставитъ вотское земледѣліе въ тѣсную зависимость отъ скотоводства. Между тѣмъ естественныя условія не вполне благоприятствуютъ этой отрасли хозяйства. Лучшія мѣстности для сѣнокосовъ — побережья

(¹) Мат. I.

(²) I. с. 41—42.

(³) Мат. I, 88.

рѣкъ—составляютъ почти во всемъ уѣздѣ владѣніе казны, которая оставляетъ ихъ подъ лѣсами. Кильмезь съ своими притоками напр. вся принадлежитъ области казенныхъ лѣсовъ. Въ волостяхъ Узипской, Сюмсинской и Кирчимъ Копкинской совсѣмъ поэтому нѣтъ сѣнокосовъ⁽¹⁾. Къ счастью еще Вотьякамъ принадлежитъ побережье Валу и ея притоковъ, богатое хорошими поемными лугами—но и тутъ лѣвый берегъ Увы въ ея верховьяхъ и по среднему теченію принадлежитъ казнѣ. Для того, чтобы добыть сѣнокосы, приходится разчищать въ лѣсу такія же кулиги, какъ надъ пашню⁽²⁾. При всѣхъ стараніяхъ хозяевъ въ сѣнѣ оказывается очень крупный дефицитъ: его собирается почти въ 4 раза меньше, чѣмъ нужно для прокормленія всего наличнаго скота и на $\frac{1}{2}$ меньше, чѣмъ нужно для однихъ только рабочихъ лошадей⁽³⁾. Недостатокъ пастбищъ, связанный съ малымъ количествомъ луговъ, Вотьяки устраняютъ тѣмъ, что пускаютъ скотъ за крайне дешевую плату (по 30 к. съ двора) въ казенные лѣса (сами собою разумѣется, безъ пастуховъ⁽⁴⁾). Не смотря на тяжелыя условія зимняго продовольствія, Вотьяки имѣютъ наибольшее количество скота по двогамъ въ связи съ наибольшимъ количествомъ земли, падающимъ на дворъ. У Вотьяковъ на дворъ рабочаго скота имѣется по 2—3 гол., а всего скота (въ переводѣ на крупный) до 6 гол. или по головѣ скота на каждую душу (100—103,9). Въ частности 40 дворовъ на 100 имѣютъ по 2 лош., 23—по 3, 19 по 1 л., 10 по 4, безлошадныхъ 2,8⁽⁵⁾.

Благодаря показаннымъ условіямъ 97% дворовъ обрабатываютъ землю своимъ скотомъ, 1,6%.—наемнымъ и 0,8

⁽¹⁾ Мат. I, 99.

⁽²⁾ Ibid. 101.

⁽³⁾ Ibid. 109.

⁽⁴⁾ Ibid. 121.

⁽⁵⁾ Ibid. 122.

вовсе не обрабатываютъ. Какъ выводъ изъ этихъ цифровыхъ данныхъ можно привести наблюденія г. Островскаго: „передъ вечеромъ, когда домашнія животныя возвращаются съ пастбища, у болѣе или менѣе зажиточнаго Вотяка ихъ собирается, безъ преувеличенія, полонъ дворъ“ ('). Качества вотскаго скота не соотвѣтствуютъ его количеству. Онъ отличается своимъ мелкимъ ростомъ. Г. Верещагинъ сообщаетъ, что изъ 8150 лошадей одной вотской волости только 59 имѣли ростъ выше 2 аршинъ, 209 едва достигали двухъ аршинъ, остальные всѣ были менѣе. Рогатый скотъ отличается благодаря плохому корму своей худобой и даетъ ничтожное количество молока; Вотячки, по словамъ того-же автора, вѣчно жалуются на отсутствіе молока (').

Тѣ недочеты въ продовольствіи, которые оставляетъ земледѣліе, Вотяки стараются восполнить промыслами. Любимымъ и завѣщаннымъ дѣдами промысломъ Вотяка является охота. Вотякъ съ дѣтства приучается къ охотѣ, выработывая въ себѣ наблюдательность, настойчивость и ловкость. Охотничьи таланты его прекрасно описаны покойнымъ Кошурниковымъ. Отсылая читателя за подробностями къ его статьѣ, мы позволяемъ себѣ привести изъ нея нѣсколько наиболѣе характерныхъ замѣчаній.

„Вотякъ идетъ съ вами рядомъ, говоритъ Кошурниковъ, и вы не слышите его шаговъ; онъ идетъ въ камышѣ вровень съ камышемъ, въ травѣ вровень съ травой. Едва онъ увидѣлъ издали птицу, какъ вдругъ склонился тихо къ травѣ и поползъ, какъ кошка. Сначала мы видимъ еще, какъ по направленію его слѣдовъ склоняется травка по травкѣ, но

(') I. с. 41.

(') Вот. Сер. у. 61—62.

потомъ исчезъ и этотъ слѣдъ присутствія живой души, пока не услышится вдали глухой звукъ его пицали и паденіе на землю убитой птицы... Долго иногда ползаетъ такимъ образомъ Вотякъ и презираетъ при этомъ всё встрѣчающіяся неудобства — купанье въ лужахъ, перелѣзаніе черезъ пни и колоды... Вотякъ охотникъ хорошо подражаетъ крику и писку птицъ и кромѣ того запасается дудками и свистушками для рябчиковъ, тетеревовъ и утокъ⁽¹⁾. Бѣлокъ Вотякъ старается, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, добыть болѣе сложнымъ способомъ. Онъ расхваливаетъ бѣлку, поетъ ей цѣлыя панегрики въ предположеніи, конечно, что она останется послушать и дастъ прицѣлиться⁽²⁾.

Болѣе первобытный способъ охоты на мелкую дичь — главнымъ образомъ, рябчиковъ — представляетъ такъ называемые силки — затяжныя петли изъ конскаго волоса, въ которыя Вотяки заманиваютъ рябчиковъ, привѣшивая позади кисти рябины. Рябчикъ просовываетъ въ петлю голову, чтобы достать ягоды, и попадаетъ въ руки охотника. Этотъ способъ практикуется и Черемисами.

Описанная форма силка далеко не единственная. Въ книгѣ г. Верещагина „Вотяки Сосновкаго края“ читатель найдетъ довольно обстоятельное описаніе способовъ охоты у Вотяковъ.

Въ Малмыжскомъ уѣздѣ охота производится исключительно на бѣлокъ, зайцевъ и рябчиковъ. Въ теченіе двухъ — трехъ недѣль, до появленія перваго снѣга средней охотникъ набиваетъ до 150 бѣлокъ, т. е. выручаетъ отъ 15 до 19 руб.

---

(1) I. с. 13.

(2) Вѣст. Г. В. 1856, № 68.

Присоединяя сюда около 30 рѣбчиковъ (10 к. штука), охотникъ выручаетъ отъ 18 до 22 рублей (¹).

Другимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ Вотяка является пчеловодство. Вотяки любятъ это дѣло и умѣютъ вести его. По словамъ Кошурникова, среди Вотяковъ Саранульскаго уѣзда не рѣдкость встрѣтить хозяевъ имѣющихъ 100—150 ульевъ. „Усердіе Вотяка въ ухаживаніи за пчелой лѣтомъ, говоритъ тотъ - же авторъ, примѣрное: онъ постоянно слѣдитъ за жизнью пчелы, за ея дѣятельностью и потому всегда можетъ опредѣлить напередъ, сколько будетъ въ ульяхъ роевъ и сильны ли они будутъ, можно-ли будетъ ихъ отсадить. Зоркій Вотякъ не упуститъ отлета пчелъ на сторону; онъ заранѣе знаетъ, изъ какого улья и когда полетитъ новый рой. . . Если у Вотяка мало пчелъ, онъ не гѣнится отыскивать ихъ въ лѣсу и пересаживать въ свои ульи“ (²). Пчеловодство ульевое представляетъ у Вотяковъ, какъ и у Черемисъ, позднѣйшую стадію развитія. Судя по терминологіи, оно создано уже подъ тюркскимъ вліяніемъ. Первоначальной формой его было бортничество (подѣмъ). Переходъ отъ бортничества къ пасѣчному пчеловодству составляетъ обычай привязывать ульи къ высокимъ деревьямъ (³). Этотъ обычай держится благодаря тому, что Вотякъ для лучшаго качества меда считаетъ необходимымъ держать пчелъ въ лѣсу, а здѣсь ульямъ постоянно грозилъ-бы извѣстный любитель меда—медвѣдь.

При настоящихъ условіяхъ, пчеловодство не можетъ составлять уже существеннаго подспорья. Бортничество становится затруднительнымъ благодаря новымъ лѣснымъ зако-

---

(¹) Мат. I, ч. 2, 36.

(²) I с. 17.

(³) Максимовъ. I с.

намъ, а держать значительное количество пчелъ близъ домовъ неудобно благодаря тому, что лѣса по близости деревень быстро исчезаютъ и пчеламъ негдѣ было-бы собирать медъ.

Недочеты въ бюджетѣ, которыхъ Вотякъ не въ состояніи покрыть охотой и пчеловодствомъ, онъ старается восполнить другими промыслами и ремеслами. Отхожихъ промысловъ Вотяки не любятъ: въ Малмыжскомъ уѣздѣ на 500 дворовъ приходится всего одинъ человѣкъ, который идетъ въ отходъ. За то мѣстные промыслы между Вотяками широко распространены: изъ 100 дворовъ 51 занимаются промыслами. При этомъ по большей части случается такъ, что дворъ занимается не однимъ какимъ нибудь промысломъ, а двумя, тремя. Изъ всѣхъ промысловъ Вотяки наиболѣе предпочитаютъ лѣсной (42%) и извозный (12%); за ними слѣдуетъ поденьщина (10%); кустарничество и ремесла, повидимому, не пользуются симпатіями; людей, занимающихся тѣмъ и другихъ приходится только по 7 на 100 дворовъ (*). Между Вотяками Малмыжскаго уѣзда вовсе нѣтъ кирпичниковъ, скорняковъ, гончаровъ, телѣжниковъ (*).—Изъ лѣсныхъ промысловъ Вотяки болѣе всего занимаются рубкою дровъ на лѣсопромышленниковъ. Лѣсорубъ выработываетъ не болѣе 50 деревьевъ и получаетъ отъ 25 т. до 65 за дерево съ доставкой. Лѣсорубный промыселъ даетъ рабочему по однимъ расчетамъ до 30 р., по другимъ отъ 27 до 67 р. (*). Средній разиѣръ заработка, по соображеніямъ вятскаго статистическаго бюро, равняется 44 р. Къ лѣсорубному промыслу присоединяется дроворубный—поставка дровъ на заводы. Полутора мѣсячная работа съ

(*) Мат. I. ч. 2, 9.

(*) Ibid. 10.

(*) Ibid. 31.

лошадью даетъ максимум 19 р., но за то не требуетъ дальнихъ отлучекъ и отдѣльнаго хозяйства (1). Небольшой процентъ Вотяковъ занимается съемкой бересты. Въ былое время этотъ промыселъ былъ выгоденъ: двое взрослыхъ рабочихъ снимали до 25 пуд. бересты, которую продавали по 7 и болѣе коп. за пудъ; въ настоящее время 15 п. въ день составляетъ уже максимумъ добычи, обыкновенное количество не превышаетъ 2—5 пудовъ (2).

Значеніе дополнительныхъ заработковъ зависитъ отъ количества членовъ семьи, которые могутъ добывать ихъ и, такъ какъ промыслы доступны только мужчинамъ—то отъ количества мужчинъ. Вотяки поставлены въ этомъ отношеніи благоприятно: у нихъ приходится на 100 мужчинъ 103 женщины, тогда какъ у русскихъ государственныхъ крестьянъ число женщинъ доходитъ до 112, или на 100 дворовъ среднимъ числомъ 151 раб. муж., тогда какъ у Русскихъ 135.

По рабочему возрасту мужчины въ вотскихъ селеніяхъ распредѣляются также болѣе выгоднымъ образомъ. У Вотяковъ изъ общаго числа населенія 50,9% находятся въ рабочемъ возрастѣ и 49,1% въ нерабочемъ, тогда какъ у русскихъ рабочихъ оказывается 48,2%, а не рабочихъ 51,8% (3). 42% вотскихъ дворовъ кромѣ того многорабочіе и, слѣдовательно, имѣютъ возможность въ свободное отъ полевыхъ работъ время отпустить одного-двухъ рабочихъ на такіе промыслы, которые требуютъ продолжительной жизни внѣ дома (4). Количество рабочаго скота также допускаетъ возможность занятій промыслами, требующими лошади: у Вотяковъ 78% всего

1) Мат. I. 32.

(2) Ibid. 34.

(3) Ibid.

(4) Ibid. ч. 2, 4.

количества дворовъ принадлежать къ многолошаднымъ, 19 къ одолошаднымъ и только 2% къ безлошаднымъ.

Къ тѣмъ заработкамъ, которые добываютъ мужчины, въ нѣкоторыхъ частяхъ вотскаго края могли бы присоединиться—и уже начинаютъ—заработки женскіе. Для Музея Отечества въ Казанскомъ университетѣ мы приобрѣли въ даръ отъ Н. Г. Первухина коллекцію образцовъ тканей, приготовляемыхъ Вотачками изъ шерсти и пеньки (иногда въ соединеніи съ бумагой)—суконъ, сукманины (родъ тонкаго трико) и пестради скатертной и рубашечной. Эти образцы показываютъ, что произведенія женскаго труда у Вотачковъ ожидаютъ такая-же будущность, какъ женскія издѣлія подмосковныхъ губерній. Пестрадь отличается разнообразіемъ цвѣтовъ и рисунковъ, сукно и сукманина уже въ настоящемъ ихъ видѣ могутъ удовлетворять потребностямъ непритязательнаго хозяйства—сукно можетъ идти на одѣяла и теплое платье, сукманина на лѣтніе рабочіе костюмы. Въ Глазовѣ и его окрестностяхъ эти издѣлія начинаютъ уже завоевывать рынокъ—мы видѣли поджачныя пары, накладки и пальто лѣтнія и осеннія изъ вотской сукманины и сукна. По свей дешевизнѣ (сукно 25, 30 к. за аршинъ, сукманина 15 — 20 к.) они, можно сказать, вѣ конкурренціи. Большое мѣсто этихъ издѣлій составляетъ ихъ недостаточная ширина—сукманина и сукно имѣютъ ширину обыкновеннаго русскаго холста. Можно надѣяться однако, что съ возникновеніемъ спроса Вотачки будутъ приворавливаться къ требованіямъ потребителей и тогда будущее „Глазовскаго кустарно-промышленнаго района“ будетъ обезпечено.—Заговоривши о женскомъ трудѣ, нельзя обойти молчаніемъ другой, мѣтѣ общающей его отрасли—приготовленія кумышки. Кумышка—родъ дурно очищенной хлѣбной водки—приготавливается исключительно женщинами, зачастую даже дѣвучками. Ми-

кроскопическіе водочныя заводы, которые импровизируются на берегахъ рѣкъ, въ сторонѣ отъ селеній или на склонѣ горы по близости ручья, настоящее женское царство. Любонит-пому мужчинѣ, въ особенности русскому, закрыть доступъ на эти заведенія. Тяжелый глазъ можетъ отразиться на достоинствѣ кумышки, а Вотачка гордится кумышкой, какъ своимъ лучшимъ созданіемъ, и щеголяетъ ею предъ деревней и въ особенности предъ любимымъ человѣкомъ. Для приготовленія кумышки употребляются тѣже приборы, что и на обыкновенныхъ водочныхъ заводахъ — заторная кадка, чугуновый котелъ, холодильная кадка, мѣдная перегонная труба и пріемникъ (ведро). Кумышки въ каждомъ домѣ готовится нѣсколькихъ сортовъ. Описаніе ихъ мы находимъ у г. Первухина. Первый сортъ представляеть собою такъ называемая лимъ-кумышка, самое крѣпкое и наилучшее очищенное вино вродѣ спирта; пьется сильно разбавленное водой или низшими сортами кумышки. За нимъ слѣдуютъ левъ-кумышка — слабая кумышка, дзэчъ-кумышка — хорошая кумышка, шоръ-кумышка — средняя кумышка, юонъ-кумышка — еще годная для питья кумышка, нэбытъ-кумышка — слабая (мягкая) кумышка съ сильнымъ сивушнымъ запахомъ и наконецъ тамга — вода съ сивушнымъ запахомъ, которая дается только дѣтямъ (1).

Кумышка хранится въ землѣ и находится въ распоряженіи женщины, которая обыкновенно и угощаютъ ею гостей, выбирая сортъ смотря по степени расположенія къ гостю. Лучшіе сорта дѣвушка приберегаетъ для любимаго парня или жениха. Въ зависимости отъ сортовъ кумышки стоятъ отзывы о ней русскихъ авторовъ. Средняя, хорошая кумыш-

---

(1) Первухинъ. Эскизы. II, 53—54.

ка далеко не отвратительна на вкус: она дастъ два ощущенія: первое ощущеніе сласти, второе напоминаетъ то, которое испытываетъ человѣкъ, набравши въ ротъ сырой земли; оба ощущенія осложняются третьимъ — ощущеніемъ крѣпости напитка. Примечные люди пьютъ хорошую кумышку съ удовольствіемъ; Вотякъ на нашихъ глазахъ, глотнувши *finс-sаmраgne* за кумышкой, отдастъ родному напитку предпочтеніе.

Изъ совокупности экономическихъ условій выясняются общія гигиеническія условія вотской жизни. Растительная пища—хлѣбъ ржаной и яровой—должна составлять повседневное явленіе. Обыкновенными кушаньями Вотяковъ являются: щи съ крупой и горохомъ (шндъ), каша (джукъ), лапша, кисель, табани (лепешки яровой), блины. Отсутствіе молока составляетъ какъ мы уже знаемъ, большое мѣсто вотскаго хозяйства. Понятно въ силу этого, что такой продуктъ, какъ масло, является, по словамъ большей части наблюдателей, для Вотяка лакомствомъ изъ лакомствъ. Оно подается только въ такіе торжественные дни, какъ родины. Сыръ также составляетъ рѣдкое угощеніе и подается въ экстренныхъ случаяхъ, между прочимъ родильницѣ. Если молоко имѣется у Вотяка, онъ рѣдко ѣстъ его въ свѣжемъ видѣ; чаще употребляется квашеное молоко, дѣлать которое они научились у Татаръ или Тюрковъ, судя по названію (арьянъ). Говядина является на столѣ Вотяка еще рѣже, чѣмъ молочные продукты: приплодъ домашняго скота частію гибнетъ отъ неблагопріятныхъ условій питанія, частію съ приплодомъ птицъ поступаетъ въ продажу. Мясо коровы, лошади или гуся Вотякъ ѣстъ только въ дни частныхъ или общественныхъ жертвоприношеній и въ праздники (замѣтимъ мимоходомъ—мясо никогда не жарится; его варятъ съ кашей или готовятъ съ тѣстомъ въ видѣ пельме-

пей, перепечей и пироговъ: въ обыкновенное время онъ за-мѣняетъ его мясомъ дичи: оленя, зайца, бѣлки, воробья, сныица, клестовъ. Вотакъ не прочь ѣсть всякое мясо, но нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ онъ боится употреблять изъ опасенія разпихъ бѣдъ; вмѣсто сороки, напр., можно съѣсть колдуна, который въ нее оборачивается; убить жу-ракля пельзя потому, что умретъ жена. Дѣленіе животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ имѣетъ мѣсто только по отноше-нію къ кошкамъ и собакамъ: у первой нечистъ языкъ, у второй шерсть (даръ шайтана) (¹).

Неудовлетворительность питанія увеличивается каче-ствомъ продуктовъ, которые потребляетъ Вотакъ: хлѣбъ упо-требляется недопеченый, мясо заготавливается впрокъ въ су-шеномъ или въ соленомъ видѣ и зачастую бываетъ тухлымъ.

Качествамъ пищи соответствуетъ и повседневное питье. Вотакъ не смущается никакими примѣсами къ водѣ, кото-рую они употребляютъ. Г. Верещагинъ говоритъ, что ему случалось видѣть въ ручьѣ, изъ котораго жители брали воду для приготовленія пищи и питья, издававшую зловоніе, со-вершенно разложившуюся коноплю (²).

Въ связи съ питаніемъ стоитъ физическій *habitus* че-ловѣка. Вотакъ отличается, какъ мы уже видѣли, низкимъ ростомъ, но въ какой степени уровень роста зависитъ отъ расовыхъ свойствъ и въ какой онъ представляетъ результатъ бытовыхъ условій—вопросъ еще не рѣшенный антропологами. Оставляя этотъ признакъ на дѣлю расовыхъ свойствъ, мы имѣемъ полное право поставить въ зависимость отъ питанія другія стороны физической природы Вотака. Пр. Малиевъ,

(¹) Вот. Сос. кр. 13.

(²) Вот. Сос. у. 64.

производившей антропологическія наблюденія надъ Вотьяками Глазовскаго уѣзда, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно физическаго развитія Вотьяковъ—на сто субъектовъ 37 имѣли крѣпкое сложеніе, 57 средисе, 6 слабое; мышечная система у большинства развита умѣренно; тучныхъ между Вотьяками вовсе нѣтъ, сила давленія обѣихъ рукъ равна въ среднемъ выводѣ 51 килограмму (мах. 90, min. 20); сила мускуловъ одной правой руки = 32 кил. (мах. 45, min. 20), сила подниманія = 111 кил. (мах. 170, min. 45). Эти цифры могутъ получить значеніе, конечно, только при сравненіи. Къ сожалѣнію, пр. Маліевъ не производилъ параллельныхъ наблюденій надъ русскимъ населеніемъ Приволжья и для сравненія силы давленія напр. приводитъ между прочими народами Англичанъ (71,4) и Французовъ (69,2)⁽¹⁾. Цифровыя данныя освѣщаютъ результаты непосредственныхъ впечатлѣній, которыя получаютъ отъ Вотьяковъ наблюдатели. Почти всѣ наблюдатели говорятъ о слабосиліи и худощавости Вотьяковъ. Г. Кошурниковъ говоритъ, что за свою слабую мускулатуру Вотьяки пользуются отъ сосѣдей-русскихъ прозвищемъ сухопарныхъ и тонконогихъ⁽²⁾. Г. Верещагинъ подтверждаетъ эту характеристику своими наблюденіями и прибавляетъ, что рѣдкій Вотьякъ поднимаетъ тяжесть въ 5 пудовъ, а нести 3 пуда для него составляетъ уже большой трудъ⁽³⁾.

Питаніемъ опредѣляется не одинъ habitus, но и количество жизнедѣятельности, энергіи, которое проявляетъ Вотьякъ. Всѣ наблюдатели соглашаются въ томъ, что Вотьяки во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отличаются вялостью. „Въ дви-

⁽¹⁾ Мат. для ср. антр.—Тр. К. О. В. IV², 14.

⁽²⁾ I. с. 6.

⁽³⁾ Вот. Сос. кр. 3.

женіяхъ, въ занятіяхъ, въ ѣдѣ, говоритъ г. Верещагинъ, Вотяки тихи, вялы и неповоротливы; на дѣло, на которое нужно употребить два часа, они употребляютъ три и четыре часа; причеиъ любятъ все дѣлать съ отдыхомъ⁽¹⁾. Беремъ у другаго наблюдателя еще нѣсколько характерныхъ чертъ: „походка Вотяка, говоритъ г. Бехтеревъ, невѣроятно медленная; въ день онъ пройдетъ не болѣе 20 верстъ, отдыхая на каждой третьей — четвертой верстѣ. Ни къ какой работѣ, гдѣ требуется поспѣшность и проворство, Вотякъ рѣшительно не способенъ“⁽²⁾.

Слабость физическаго развитія Вотяковъ мы не должны еще принимать за признакъ вырожденія этого племени. Существенный признакъ вырожденія—слабый приростъ населенія, равновѣсіе между рождаемостью и смертностью или даже перевѣсъ послѣдней—отсутствуетъ у Вотяковъ. По изслѣдованіямъ пр. Маліева среднимъ числомъ на 100 семействъ приходится 493 ребенка, изъ которыхъ выживаютъ 263 человека; общій годовой приростъ населенія въ 1872 г. былъ опредѣленъ имъ въ 1,6%.⁽³⁾ Можно думать, что приращеніе населенія у Вотяковъ можетъ еще болѣе подняться, если устранить случайныя (съ точки зрѣнія конституціонной) причины смертности—напр. болѣзни, связанныя съ условіями промысловой жизни. Лѣсные промыслы при ихъ современной постановкѣ должны отражаться самымъ невыгоднымъ образомъ на здоровьи Вотяковъ. Вотъ какъ описываютъ вятскіе статистики обстановку зимняго труда смольяконовъ. „Живутъ смольяконы въ шалашахъ всю осень и зиму. Печи въ шалашѣ нѣтъ, а только очагъ, сбитый изъ земли и скрѣпи-

(1) I. с. 3.

(2) I. с. VIII, 645.

(3) I. с. 10.

ленный съ боковъ досками. Шалашъ по срединѣ бываетъ въ ростъ человѣка, а по бокамъ ниже. Длина шалаша аршинъ 9, ширина 6 аршинъ. Въ такомъ шалашѣ помѣщается человѣкъ 20. По бокамъ устроены земляныя нары для сна. На очагѣ поддерживается всю ночь огонь, чтобы не замерзнуть. Такъ какъ смольсконн самый бѣдный народъ, то зимой у нихъ шубъ не бываетъ и ночью покрываются только „чезелкомъ“ изъ сняго холста. Огонь большой на очагѣ разводить бываетъ нельзя, очень дымно становится, да и потолокъ можетъ загорѣться, оттого тепла въ шалашѣ бываетъ мало⁽¹⁾. Лѣсорубы устриваются не лучше. На отведенныхъ подъ рубку участкахъ „они ставятъ пзбушки изъ валжника или помѣщаются въ землянкахъ—чадовкахъ“⁽²⁾. Домашняя обстановка Вотяка также не удовлетворяетъ скромныхъ гигиеническихъ требованій. Вотяки любятъ жить большими семьями — человѣкъ по 20 и болѣе. Это имѣетъ очень крупное значеніе въ экономическомъ отношеніи, но съ точки зрѣнія санитарной сопровождается крайне нежелательными результатами. Избы Вотяковъ тѣсны для паполяющаго ихъ количества людей и животных; въ силу этого въ нихъ зимой держится губительная для здоровья атмосфера.

На смертность дѣтей должны вліять сильно простудныя заболѣванія, которымъ подвергаются вотскія дѣти зимой. Причиной является зимнее одѣяніе дѣтей или точнѣе отсутствіе зимняго одѣянія: какова бы ни была погода, вотскія ребятки бѣгаютъ дома въ неизмѣнной холщевой рубашенкѣ и безъ всякой обуви⁽³⁾.

(¹) Мат. I, 33.

(²) Ibid. 29.

(³) Верещагинъ Вот. Спр. у. 43.

Многое из того, что мы перечислили, Вотакъ можетъ устраничь собственными средствами — большей внимательностью къ своей жизни, — но есть зло, страшное для народности будущности, зло, съ которымъ бороться собственными силами: оупь не съумѣеть. Это сифилисъ. Пессимисты — наблюдатели говорятъ, что у Вотаковъ нѣтъ двора, гдѣ бы не было больныхъ сифилисомъ.

Грозная туча, которая виситъ надъ вотскимъ народомъ и въ видѣ губительной болѣзни, по видимому, мало пугаетъ его. Жизнь его идетъ тѣмъ-же чередомъ, какъ и у предковъ, которые не знали еще этого бича. Также, какъ и прежде, борьба за существованіе не захватываетъ собою всей жизни Вотака. Періодъ напряженнаго труда для стараго и малаго смѣняется длиннымъ періодомъ относительнаго досуга, заботы чередуются съ спышками безпечнаго веселья. Зимой вотскія деревни сохраняютъ значительное количество досужихъ людей: безусловно свободны подростки, не зачалеы дѣломъ и оставшіеся взрослые. Женщины и дѣвушки прядутъ, ткуть и вышиваютъ, цари и женатые ухаживаютъ за хозяйствомъ. Эти работы не поглощаютъ всѣхъ силъ человѣка и тотъ, кто ихъ чувствуетъ въ себѣ, находитъ для нихъ приложеніе въ играхъ. Остановимъ на нихъ наше вниманіе. Народныя игры имѣютъ какое-же право на вниманіе этнографа, какъ и различныя формы труда. Мы можемъ оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія гигиенической, какъ физическія упражненія, съ точки зрѣнія воспитательной, какъ приготовленіе дѣтей къ жизни зрѣлаго возраста, наконецъ съ точки зрѣнія культурно исторической, какъ переживанія явленій, которыя имѣли нѣкогда серьезное жизненное значеніе.

Вотскія дѣтскія игры подробно описаны г. Верещагинымъ. Мы находимъ у него описаніе игры въ ворона и курицу (съ цыплятами), въ мячъ, въ лунки, тюрага („жаво-

ропокъ", вапомпнасть по пріемамъ русскую м у х у), въ городки, въ прятки, въ веревочку (скаканье черезъ нее). Игры эти мало отличаются отъ русскихъ и потому мы не приводимъ ихъ описанія.

Большаго вниманія заслуживаютъ игры взрослыхъ. Онѣ имѣютъ обрядовое значеніе и стоятъ въ связи съ бракомъ, вѣрованіями и культомъ. Хорошо извѣстная Русскимъ игра въ горѣлки имѣетъ у Вотяковъ, несомнѣнно, тѣсное отношеніе къ первобытныхъ формамъ брака. Доказательство этого заключаетъ въ себѣ языкъ. Слово б и з и с'к о означаетъ „бѣгу при игрѣ въ горѣлки" и „иду замужъ". Въ двойственномъ значеніи слова мы видимъ слѣды той эпохи, когда игра была однимъ изъ моментовъ въ установленіи отношеній между молодымъ человѣкомъ и дѣвушкой. Дѣвушка, которую преслѣдовалъ молодой человѣкъ, поступала въ его распоряженіе. Г. Богаевскій описываетъ другую игру „кмыкмы". Играющіе раздѣляются на двѣ партіи. Изъ одной выходитъ паренъ и, обращаясь къ другой, говоритъ „кмыкмы" (?); ему отвѣчаютъ „кмымарть луэмъ" (?). Тогда партія вышедшаго называетъ какое либо женское имя и дѣвушка, посещая его, бѣжитъ до намѣченной черты. За ней гонятся и, если она успѣетъ добѣжать до нея, отправляется обратно къ своимъ, если же не успѣетъ, то захватывается въ противную партію ('). Съ отношеніями между полами стоитъ въ связи игра въ жены, которая имѣетъ мѣсто въ отдѣльныхъ частяхъ Глазовскаго уѣзда. Каждый паренъ выбираетъ дѣвушку по сердцу; такъ образуются женнины пары. Поигравъ вмѣстѣ, пары хоропятся другъ отъ друга въ укромныхъ мѣстахъ, потомъ снова сходятся и продолжаютъ игру. Покойный Харушнъ нашелъ эту игру и у дѣтей въ с. Шар-

---

(') I. с. III, 54.

канѣ Сар. уѣзда. Здѣсь уже не считается однако необходимымъ, чтобы пару составляли мальчики и дѣвочки. Бываютъ случаи, когда пары составляются изъ 2-хъ мальчиковъ или 2-хъ дѣвочекъ⁽¹⁾.

Г. Богаевскій описываетъ далѣ игры Саранульскихъ Вотяковъ, въ которыхъ изображается похищеніе невѣсты. „Играющіе раздѣляются на двѣ партіи: одна изображаетъ родителей (родныхъ) невѣсты, другая родителей жениха. Невѣстина сторона становится такимъ образомъ, чтобы противники не могли разстроить ее. Во время схватки невѣста похищается“. „Въ иныхъ мѣстахъ, говоритъ тотъ-же авторъ, существуетъ варіантъ этой игры. Женихова сторона какъ будто приглашаетъ невѣсту къ себѣ въ гости. Последняя должна объѣзжать кругомъ этой стороны. Если она не успѣетъ сдѣлать этого, такъ какъ за ней гонятся, то забирается въ плѣвъ“⁽²⁾.

Въ Музеѣ Отечествовѣдѣнія при Казанскомъ университетѣ находится фотографія, снятая подъ нашимъ руководствомъ съ группы вотскихъ молодыхъ людей обоего пола, начавшихъ игру подъ названіемъ „скованъ дурьск'коцъ — свадебное закладничество“. Группа дѣвушекъ становится въ колонну и беретъ за руки. Къ дѣвушкѣ, стоящей въ головѣ колонны подходитъ молодой человѣкъ и спрашиваетъ: изъ - за чего сковывалась (закладывалась)? Дѣвушка называетъ какойнибудь предметъ — платокъ, кольцо, кафтанъ; находчивыя и болѣе или менѣе остроумныя не пропускаютъ случая пошеватся надъ парнемъ и отпускаютъ на его счетъ остроты: „изъ — за твоего криваго носа“, „изъ - за твоего рванаго кафтана“ — отвѣчаетъ какаянибудь

(1) Юрм. Вѣст. 1883. 267.

(2) I. с. 42.

бойкая дѣвушка и вызываетъ смѣхъ всѣхъ присутствующихъ. Старшая уяснить себѣ условія возникновенія этой игры, мы, кажется, имѣемъ право сдѣлать предположеніе, что она представляетъ собою переживаніе изъ далекаго прошлаго Вотяковъ, когда должникъ закладывался кредитору, чтобы обезпечить уплату займа.

Честь ознакомленія этнографовъ съ вотскими играми, имѣющими религиозное значеніе, принадлежитъ Глазовскому изслѣдователю П. Г. Первухину. Въ заключеніе праздника „гуждора“, по словамъ г. Первухина, совершается особая религиозная игра, называемая „тау каронъ“ — приношеніе благодарности. Въ этой игрѣ принимаютъ участіе только попы, тыренукиси, параси и домохозяева. Выбираютъ самаго здороваго мужика и даютъ ему въ руки хвостъ заколотого быка, очищенный отъ шерсти и дѣя крѣпости заваренный въ водѣ. Этотъ мужикъ получаетъ названія бычка (ош-пи) и исполняетъ его роль; онъ машетъ сзади себя хвостомъ, голову пригибаетъ къ груди и начинаетъ мычать и реветъ, а тыре-пукиси, сидя за столомъ, паливаютъ пиво и зовутъ быка. „Быкъ“ съ мычаніемъ и ревомъ подходитъ къ столу, гдѣ ему предстоитъ задача, держа сзади обѣими руками бычачій хвостъ и наклонясь къ столу верхней частью туловища выпить прямо изъ чашки кумышку. . . Мужики окружаютъ его, толкаютъ и мѣшаютъ ему исполнить задачу. Изображающій быка дѣлаетъ видъ, что разсердился на помѣху, беретъ въ правую руку хвостъ и бросается на окружающихъ. Тѣ разбѣгаются. „Быкъ“ снова съ мычаніемъ идетъ къ столу, снова встрѣчаетъ при питьѣ препятствія со стороны окружающихъ, снова бросается на нихъ, угрожая ударами своего хвоста-бича. Такъ происходитъ до тѣхъ поръ, пока чашка съ кумышкой не будетъ выпита. Мы отказываемся объяснять смыслъ этой странной игры, но въ в-

ду того, что дѣйствующими лицами въ ней является солидные люди—главы семей и жрецы—нельзя не признать, что она имѣетъ серьезное значеніе (¹).

Другая игра съ религіознымъ характеромъ имѣетъ мѣсто во время втораго осенняго праздника э-келяна. Мы имѣли уже случай объяснять ея значеніе въ своей лекціи „Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній въ поэзи и религіозныхъ обрядахъ преволжскихъ Финновъ“ (²). Праздникъ заканчивается тѣмъ, что молодые парни и дѣвки сталкиваютъ молодую, вышедшую только что прошедшей зимой замужъ къ рѣкѣ, поднимаютъ ее надъ водой и грозятъ бросить туда. Чтобы избавиться отъ купанья, молодуха что нибудь обѣщаетъ своимъ похитителямъ и тѣ освобождаютъ ее. Мы объяснили эту игру, какъ переживание изъ той поры, когда рѣкамъ приносились человѣческія жертвы. Такія игры имѣютъ мѣсто не у однихъ Вотяковъ. Они извѣстны и Черемисамъ. Въ Бирскомъ уѣздѣ нѣчто подобное совершается во время засухи на берегу рѣки (³).

Во время такъ называемаго „шортъ—мыс'кова“ или „мытъя мотовъ“ имѣетъ мѣсто таже игра, но она мотивируется уже иначе самими участниками. Если моты въ рѣкѣ перепутаются, женщины говорятъ, что ихъ запуталъ домовой (ворка—муртъ) въ наказаніе за то, что такая-то молодуха не соблюла супружеской вѣрности. Когда женщины называютъ имя молодухи, нѣсколько человѣкъ бросаются на нее и тащутъ къ проруби. Молодуха упрашиваетъ отпустить ее, обѣщаетъ кумышки, но ей все таки хотъ немного мочать ноги и подолъ одежды. Смыслъ игры доста-

(¹) Первухинъ. I. с. II, 39—40.

(²) Стр. 8—9.

(³) Уфим. Губ. Вѣд. 1889, № 41.

точно асень. Основной мотивъ ея—наказаніе супружеской невѣрности—заставляетъ видѣть въ ней обломокъ древняго брачнаго права.

Г. Верещагинъ въ своемъ новѣйшемъ трудѣ „Вотакъ Саранульскаго уѣзда“ описываетъ дѣтскую игру, которая возникла изъ забытаго взрослыми религіознаго обряда. На рождественской недѣлѣ дѣти ходятъ со двора на дворъ и собираютъ говядину. Набравши достаточное количество кусковъ, дѣти прихватываютъ крупы, соли, котелокъ, кумышки, забираютъ съ собою какого нибудь старика и отправляются въ лѣсъ. Здѣсь разводятъ костеръ, варятъ кашу, старикъ принимаетъ роль жреца и ставши предъ елью причитаетъ молитвенныя формулы въ то время, какъ каждый мальчикъ угощаетъ его кумышкой. По окончаніи предполагаемаго моленія ѣдятъ кашу, допиваютъ кумышку, сажаютъ старика въ лубянку (корытообразное помѣщеніе съ полозьями) и везутъ старика съ криками и смѣхомъ въ деревню. Доставивши мнимаго жреца по назначенію, дѣти вооружаются палками и ходятъ изъ дома въ домъ, выгоняя стукомъ и шумомъ Чера (болѣзнетворное существо). Серьезное значеніе этой игры мы увидимъ ниже въ главѣ о вѣрованіяхъ и культѣ (*).

У того-же автора мы находимъ описаніе совершаемой взрослыми религіозной игры, которая широко распространена у европейскихъ дѣтей. Въ ночь на Вербное Воскресенье парни и дѣвушки вооружаются прутьями и ходятъ изъ дома въ домъ. Хозяинъ дома, къ которому зашла толпа, зажигаетъ лучину, сходитъ съ ней на дворъ и бросаетъ ее на землю. Одинъ изъ толпы поднимаетъ тлѣющую лучинку и бросаетъ ее въ товарища; тотъ подхватываетъ и бросаетъ

(*) I. с. 104—105.

въ другаго; такъ лучинка перекидывается, пока въ ней не потухнет огонекъ. Въ промежуткахъ между перебрасываніями, ее стегаютъ прутьями, если она падаетъ на землю. Когда лучинка потухнетъ, толпа отпускаетъ хозяина: „ступай въ избу, шайтана выгнали“. Хозяинъ уходитъ, а в ерва ч п и к и, забравши лучинку, идутъ въ другой докъ и тамъ продѣлываютъ тоже самое; обошедши всю деревню, перчатники сжигаютъ за деревней и лучинки и свои прутья (¹).

Игра эта напоминаетъ черемисскій обрядъ изгнанія шайтана съ вѣтвями дерева-покровителя (²).

На играхъ мы заканчиваемъ обзоръ явленій внѣшняго быта; онѣ представляютъ собою мостъ, черезъ который мы переходимъ въ сферу высшихъ явленій человеческого творчества—соціальной организаціи и культуры.

(¹) Вер. Вот. Сос. кр. 69.

(²) Подр. см. въ нашей очеркѣ «Черемисы» Стр. 175—176. Ср. Тайлоръ. Перв. кул. I, 71.

Глава III.

Развитіе семейной и общественной организаціи. Слѣды первичнаго гетеризма въ языкѣ и современныхъ нравахъ. Вопросъ о материнствѣ у Вотсковъ. Формы выживающей полиандріи: снохачество и левиратъ. Полигамія. Моногамія. Эндогамія и Экзогамія. Формы пріобрѣтенія невесты въ ихъ историческомъ развитіи. Современный строй вотской семьи. Куз'о. Положеніе женщины. Остатки родоваго быта. Сосѣдскія отношенія. Современная община. Кенешъ. Экономическія отношенія въ предѣлахъ общины. Слѣды болѣе крупныхъ общественныхъ сочетаній: мэръ и эль, такъ религиозные союзы.

Матеріалы для исторіи семьи и общества заключаются въ языкѣ и поэзіи народа, въ обычаяхъ и обрядахъ, сопровождающихъ важнѣйшія явленія въ жизни человека, и наконецъ въ современномъ строѣ жизни.

Языкъ является свидѣтелемъ тѣхъ измѣненій, которыя происходили въ поватіяхъ народа относительно тѣхъ или другихъ явленій жизни. Въ очеркѣ „Черемисы“ мы на основаніи названій различныхъ степеней родства пришли къ заключенію, что семья восточныхъ (т. е. волжско-камскихъ и сибирскихъ) Финновъ развивалась путемъ перехода отъ коммунальнаго брака черезъ левиратъ и снохачество къ полигаміи и моногаміи. Настоящая глава имѣетъ своею дѣлюю показать, что вотская семья пережила такъ-же, какъ и черемисская, всѣ эти стадіи развитія.

Возьмемъ слова, служащія для обозначенія основныхъ семейныхъ отношеній.

а н — отецъ, самецъ.

п ъ р е с - а н — дядя старше отца, дѣдъ.

а г а й — старшій братъ, отецъ, дядя, дѣдъ.

н ю н я — отецъ, дядя, старшій братъ.

м у м ы — мать, самка.

е к е — мальчикъ, младшій братъ, сынъ — ни.

н ы л ь — дѣвочка, дочь.

д ы д ы — дитя, дочь, дѣвушка. мепьшая сестра, жена
младшаго брата.

а п а й — тетка, старшая сестра; бадзимъ, пѳресъ а. тетка
старше отца.

а к а й — старшая племянница, старшая сестра, тетка.

с у з ѳ р — младшая сестра, племянница.

в ы н — младшій братъ, племянникъ.

Просматривая значенія приведенныхъ нотскихъ словъ, мы останавливаемся прежде всего на томъ обстоятельстве, что языкъ не имѣетъ специальныхъ терминовъ для обозначенія особыхъ кровныхъ отношеній, соединяющихъ мальчика или дѣвочку съ кѣмъ-либо изъ взрослыхъ; сынъ обозначается тѣмъ-же словомъ, что и всякій мальчикъ, дочь тѣмъ-же, что и всякая дѣвочка. Различаются не кровныя связи, а возрастъ членовъ семьи или общины. Тоже явленіе замѣчается, когда мы начинаемъ всматриваться въ значеніе словъ н ю н я, в ы н ѳ, а г а й, а п а й, с у з ѳ р ѳ, а к а й. Словъ, которыя обозначали бы кровныя отношенія между людьми, происшедшими отъ однихъ, извѣстныхъ родителей (братъ, сестра) не оказывается. Языкъ даетъ выраженія для группированія членовъ семьи по возрастамъ: н ю н я и а г а й означаютъ вообще мужчину старше меня — будетъ-ли это по русской терминологіи старшій

племянникъ, старшій братъ, дядя и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отецъ; в ы н—мужчину м о л о ж е меня—младшаго брата, младшаго племянника; а п а й и а к а й—женщину старше меня—старшую сестру, тетку, старшую племянницу; с у з ѳ р—женщину м о л о ж е меня—сестру, племянницу. Когда Вотяку приходится употребить слово б р а т ѳ я, онъ говоритъ, что данные люди агайо-выно, т. е. находятся въ отношеніяхъ старшаго родственника къ младшему. Въ значеніяхъ словъ агай и нюня слѣдуетъ отмѣтить еще, что они употребляются и для обозначенія отца, когда лицу приходится опредѣлять свои отношенія къ окружающимъ. Ограничимся пока этими данными. Вотская терминологія родства вводитъ насъ въ такой міръ, гдѣ лице, пытающееся опредѣлить свои отношенія къ окружающимъ мужчинамъ и женщинамъ, видитъ только различіе въ возрастахъ и не выдѣляетъ изъ среды ихъ такихъ, съ которыми чувствовало-бы себя связаннымъ ближайшимъ образомъ, въ силу происхожденія отъ однихъ родителей, мало того—не въ состояніи даже выдѣлить изъ числа мужчинъ старше себя такого, котораго могло бы назвать родителемъ. Оно видитъ вокругъ себя группу самцовъ, мужчинъ, способныхъ къ дѣторожденію (аи) и среди этихъ самцовъ нѣсколько старѣйшихъ (пѳрес-аи). Было бы громадной ошибкой думать, что Вотяки находятся въ такомъ состояніи теперь. Современный семейный строй вотскій ничѣмъ не отличается отъ русскаго, но терминологія родства находится въ коренномъ противорѣчій съ нимъ и это противорѣчіе въ высшей степени интересно для историка. Оно говоритъ намъ, что вотскій языкъ отразилъ въ себѣ совокупность условій, среди которыхъ создавалась терминологія родства, или точнѣе общественныхъ отношеній, и сохранилъ эту картину въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, не смотря на медленные измѣненія, которыя совершались въ жизни. Бы-

говая картина, которая поднимается предъ исследователямъ послѣ ознакомленія съ вотскими терминами родства, хорошо знакома антропологамъ и этнографамъ. Она носитъ въ наукѣ названіе коммунальнаго брака или гетеризма. При неупорядочившихся еще половыхъ отношеніяхъ членъ общины не могъ различать среди окружающей его мелкотѣхъ, которые ему обязаны жизнью. Пытался опредѣлить свои отношенія къ взрослымъ, онъ въ состояніи былъ различать ихъ только на группы: въ одну группу входятъ люди, которые по условіямъ возраста могли быть его родителями; въ другую всё лица моложе его. Въ первой группѣ онъ кромѣ того различалъ стариковъ отъ людей средняго, зрѣлаго возраста. Для этихъ группъ онъ создалъ термины, которые обвиняютъ весьма разнообразныя родственныя отношенія.

Слѣды первичнаго гетеризма сохранились не въ однихъ названіяхъ кровнаго родства; они заключаются также въ терминахъ, которыми обозначаются отношенія между мужчиной и женщиной. Слово картъ означаетъ у Вотяковъ мужчину, любовника, жениха и мужа; кышно—женщину и жену, парасъ любовницу, жену, стрянуху. Смѣшеніе различныхъ съ нашей точки зрѣнія значеній указываетъ на тотъ періодъ, когда права на обладаніе женщиной еще не индивидуализировались, когда достаточно было быть мужчиной извѣстнаго возраста для того, чтобы быть для каждой женщины тѣмъ, что позднее стали обозначать словами женихъ, мужъ, любовникъ. Далѣе—эпоха гетеризма не знаетъ различія между дозволенными и не дозволенными половыми отношеніями (прелюбодѣянствомъ); не долженъ имѣть терминовъ для такихъ различій и языкъ народа ее переживающаго—и въ вотскомъ языкѣ мы, дѣйствительно, не находимъ такихъ терминовъ. Слова, записанныя Видеманомъ, означаютъ только физиоло-

гическій процессъ, а не квалифицируютъ его съ юридической или нравственной стороны.

Въ соотвѣтствіи съ данными языка стоитъ современная бытовая картина. М. Вичъ приводитъ поразительный случай кровосмѣшенія — сожителства матери съ сыномъ, хладнокровно констатированный одной Вотячкой. Другія, менѣе рѣдкія формы кровосмѣшенія имѣютъ, по словамъ того-же автора, мѣсто во время попойскъ и не вызываютъ никакого смущенія въ виновникахъ⁽¹⁾. Всѣ наблюдатели вотскаго быта единогласно свидѣтельствуютъ, что дѣвушки пользуются у Вотяковъ безграничной свободой въ своихъ отношеніяхъ съ мужчинами. „Царевъ гѣвушку не любитъ, говоритъ вотская пословица, Богъ не любитъ“⁽²⁾. Въ смлѣ такого разсужденія родители игнорируютъ поведеніе дочерей, а женихъ не только мало заботится о дѣвственности невѣсты, но, какъ утверждаютъ нѣкоторые наблюдатели, бываетъ даже въ претензіи на невѣсту, которая сохранила ее. Дѣвушка иногда уже съ 12 лѣтъ обзаводится любовниками⁽³⁾. Въ 15—16 л. любовника не имѣетъ уже рѣдка⁽⁴⁾. Если послѣдствіемъ вѣбравной любви является беременность, дѣвушка не теритъ, а выигрываетъ въ общественномъ мнѣніи; она получаетъ массу предложеній отъ жениховъ, такъ какъ дала доказательство способности производить дѣтей. П. Г. Первухину вотскіе старики Глазовскаго уѣзда разсказывали, что лѣтъ 50 тому назадъ невѣста цѣнилась тѣмъ дороже, чѣмъ больше разъ она родила, особенно, если родившіеся были мальчики и жили долгое время. Такую дочь родители долго не выдавали замужъ и го-

(1) М. Вичъ. Die Votjaken. Acta Soc. scient Fenn T. XII, 511.

(2) Островскій. I. с. 27.

(3) Гауриловъ. I. с.

(4) Островскій. I. с. 27.

ворили сватамъ: „она у насъ и сама хорошая работница и работниковъ въ домъ достаточно дава и безъ мужа“ (1).

Лѣтомъ игрища (шудон'ы), зимой—посидѣнкія (шукон-ти) представляются временемъ, когда молодежь предается безъ всякихъ стѣсненій кратковременной любви. Мѣстомъ зимнихъ посидѣнокъ бывають обыкновенно нежилыя стросніа, чаще всего бани. Здѣсь до поздней ночи парни плетуть ланги, дѣвушки прадуть, тѣ и другія не позабываютъ угощаться кумышкой и затѣмъ нѣкоторые остаются тутъ-же попарно почевать. Дѣвушка даетъ право на себя парню, если позволяетъ ему снять съ своей руки кольцо (2). Воспоминаніемъ о свободѣ нравовъ, царившей на посидѣнкахъ, являются извѣстныя уже намъ изъ предыдущей главы игри.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ посидѣнкія, сопровождаемыя женихавіемъ, имѣють мѣсто въ особенности около времени прохода рекрутовъ.

Связи между парнемъ и дѣвушкой не отличаются устойчивостью: бывають случаи, когда дѣвка цѣлое лѣто гуляетъ съ однимъ, чаще въ Глазовскомъ уѣздѣ—у дѣвушки бывають нѣсколько любовниковъ.

Полную противоположность правамъ, которыми пользуются дѣвушки, представляютъ права женщины. Замужество полагаетъ конецъ свободѣ чувства. Распущенная дѣвушка сразу становится вѣрною женою. Современное положеніе женщины относительно мужа представляетъ собою одною результатъ развитія супружескихъ правъ. Еще въ прошлой столѣтїи Вотякъ такъ-же мало цѣнилъ вѣрность жены, какъ и невѣрность невольнїи. Палласъ говоритъ относительно Уфимскихъ Вотяковъ, что у нихъ былъ обычай предлагать ну-

---

(1) Вост. Губ. Вѣд. 1839, №

(2) Вережанинъ. Вост. Сибир. кр. 6.

тешественнику свою жену⁽¹⁾. Г. Бехтеревъ говоритъ, что у изыскскихъ Вотяковъ Елабужскаго уѣзда этотъ гостеприимный гетеризмъ сохранился до сихъ поръ⁽²⁾. Свободой дѣвушки замужняя женщина пользуется и теперь еще до беременности. Дѣвушки зовутъ ее на посидѣнки и она держитъ себя на нихъ, конечно, такъ-же какъ, и ее подруги. Въ знакъ своего дѣвчества она носитъ такью. Когда у молодой женщины обнаруживается беременность, деревенскія женщины идутъ къ ней, чтобы снять съ нея такью и ввести въ свой кругъ⁽³⁾. Остаткомъ свободы, которой пользовались женщины, являются такъ называемые бабы праздники (кышно - праздники) у Глазовскихъ Вотяковъ. Первыя указанія на нихъ въ литературѣ мы встрѣчаемъ въ не разъ уже цитованныхъ „эскизахъ“ Н. Г. Первухина. Въ старину Глазовскія Вотячки среди лѣта уходили на нѣсколько сутокъ въ такъ называемыя дээкъ - квалы и проводили время въ оргіяхъ съ жрецами⁽⁴⁾. Не обходились, вѣроятно, безъ нарушенія супружеской вѣрности и другіе бабы праздники — чистый поведѣльничекъ и 7-ое Января. Въ настоящее время они заключаются только въ томъ, что бабы кутятъ, совершенно освободившись отъ опеки своихъ супруговъ⁽⁵⁾.

Съ коммунальнымъ бракомъ или гетеризмомъ весьма часто, если не всегда, связанъ такъ называемый материнетъ — то есть счетъ родства по матери. Одной изъ задачъ, которую мы предполагали выполнять во время своего путе-

---

(1) Путеш. по разн. пров. у. III, ч. 2.

(2) I. с. VII, 629. Ср. М. Вост. I с. 512.

(3) Вост. Сос. кр. 217.

(4) I. с. II, 137.

(5) Ibid. 109—110.

шествія къ Вотьякамъ, было изслѣдованіе вопроса—не сохранились-ли у Вотьяковъ слѣды этого явленія. Интересъ и важность вопроса обязываютъ насъ признаться, что добытыя нами данныя не способствуютъ еще окончательному рѣшенію вопроса въ томъ или другомъ направленіи.

Уже со времени издавія Видемановскаго словаря было извѣстно, что Вотьяки имѣютъ особый терминъ, точнѣе особый предикатъ для обозначенія родства по матери чуж—: чуж-муртъ отецъ матери или братъ ея, чужъ-а п а й сестра матери, чуж-вэнэ бабушка, чуж-буѳм дѣдушка, чуж-ата й отецъ матери, чуж-анай мать матери, чуж-одыкъ дѣти сестры матери. Мы встрѣчаемъ указанія на эту терминологию у г. г. Багаевскаго и Верещагина (*). Но изслѣдователи ограничивались до сихъ поръ констатированіемъ факта, не пытаясь выяснитъ значеніе этого термина—и по понятнымъ, намъ кажется, причинамъ. Слово чуж—не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ вотскомъ языкѣ; оно употребляется лишь, какъ приставка, въ терминологіи родства. Пытаясь уяснить смыслъ этого предиката, мы обратились къ родственнымъ съ вотскимъ языкомъ зырянскому и пермяцкому и нашли корень чуж въ пермяцкомъ. Здѣсь имѣются глаголы чужны, чужтывны, чужтынн, существительныя чуж-йомъ, чуж-тѳмъ, чуж-ака и т. д. Глаголы означаютъ родить, существительныя рожденіе. Мы имѣемъ такимъ образомъ слово общаго пермяцко-вотяцкаго достоянія, исчезнувшее у Вотьяковъ. Пермяцкій языкъ даетъ намъ возможность уяснить не только предикатъ чужъ, но и абстрактный терминъ для обозначенія родства. Г. Багаевскій недавно высказалъ убѣжденіе, что у Вотьяковъ не существуетъ такого термина (**). Почтенный авторъ, намъ кажется

(*) Багаевскій. Мат. III, 61. Верещагинъ. Вот. Свр. у. 36.

(**) I. с. 61.

ся, правъ только на половину. Онъ самъ ниже приводитъ терминъ, которымъ пользуются для этой цѣли Вотяки—чыжи—выжи. Слово это обозначаетъ въ настоящее время совокупность родственниковъ по матери и отцу и состоитъ изъ арханческаго чыжи, означающаго родство по матери и выжи (вуж—корень), означающаго родство по отцу. Сложный терминъ, которымъ располагають современные Вотяки, даетъ намъ возможность выдѣлить названіе, обозначающее совокупность людей, связанныхъ актомъ рожденія отъ известной матери—чыжи. На этомъ названіи стоитъ остановитъ вниманіе. Оно показывасть, что въ пониманіи родства Вотяки существенно отличаются отъ Русскихъ. И Русскіе, и Вотяки приписываютъ рожденію, происхожденію существенную роль при возникновеніи тѣхъ ближайшихъ связей, которыя принято опредѣлять словомъ родство. Но у Русскихъ родство означаетъ отношенія по отцу и матери; у Вотяковъ соответствующее слово (чыжи) означаетъ только отношенія по матери. Изъ этого различія терминовъ вытекаетъ, что Вотяки нѣкогда знали только родство по матери, придавали въ вопросѣ о рожденіи этой послѣдней преимущественное значеніе, тогда какъ Русскіе обоимъ родителямъ (*). На этой точкѣ зрѣнія Вотяки остались и тогда, когда явилась потребность опредѣлить отношенія по отцу. Вотякъ не абстрагировалъ, какъ Русскій, стараго термина, а присоединилъ къ нему новый, описательный. Новая отношенія онъ понялъ, какъ отношенія отдѣльныхъ частей дерева къ корню, и обозначилъ ихъ словомъ выжи (вуж—корень). Въ тотъ моментъ, когда складывался терминъ для обозначенія родства; вообще, Вотякъ отношенія по матери ставилъ выше, чѣмъ отношенія по отцу: въ сложномъ словѣ первое мѣсто

(*) Ср. Г. Мэнъ. 155—156.

заняло слово, означающее отношенія по матери, второе—отношенія по отцу. Пробѣжавши эти строки, читатель может упрекнуть насъ въ томъ, что мы дѣлаемъ важные выводы изъ мелочей и случайностей языка. Этотъ упрекъ будетъ основателенъ только на половину. Слово, обозначающее бытовое явленіе, конечно мелочь въ сравненіи съ другими источниками, но возникновеніе его не случайно, оно представляетъ плодъ сознательнаго отношенія къ предмету. Вотакъ въ образованіи сложныхъ терминовъ, замѣняющихъ наши абстракціи, тщательно подчеркивается, какому элементу оны придаютъ большее значеніе, какому меньшее. Братья по Вотски а г а й о в ы н о, т. е. старшій и младшій—и преимуще-ство, которое Вотакъ отдаетъ старшинству, выразилась въ томъ, что агайо занимаетъ первое мѣсто; дѣтя—и н а з ъ т. е. сынъ—дочь; преимущество, которое отдаетъ Вотакъ сыну, выразилось въ томъ, что п и (сынъ) стоитъ впереди н и л (дочь).

Рядомъ съ данными языка, которыя намекаютъ на возможность материнства въ отдаленную пору жизни вотскаго народа, можно поставить нѣсколько фактовъ изъ широкой области обычнаго права. Н. Г. Первухинъ первый, сколько намъ извѣстно, обратилъ вниманіе на своеобразный обычай, котораго держатся Вотяки Глазовскаго уѣзда въ своихъ обращеніяхъ къ женамъ. Вотикъ называетъ жену не по имени и не по отчеству, а такъ сказать по материнству—именемъ, которое его жена унаслѣдовала отъ матери, а та въ свою очередь отъ своей матери или бабушки⁽¹⁾. Мы имѣемъ такимъ образомъ имя, которое обнимаетъ совокупность всѣхъ женщинъ, происшедшихъ отъ одной родоначальницы—явленіе, равнозначущее съ фамильнымъ прозвищемъ, которое гово-

(1) См. I, 37.

рить о происхожденіи отъ одного родоначальника. Этотъ обычай прекрасно гармонируетъ съ догадками, которыя мы сдѣлали на почвѣ языка. Мы имѣемъ въ немъ несомнѣнный обломокъ древняго материнства. Мать уступила отцу право передавать свое имя сыну, но сохранила за собой право передавать собственное имя дочери. Въ Глазовскомъ уѣздѣ повивальная бабка, нарекая имя новорожденной дѣвочки, говоритъ „будь ты хорошая Чабы, Эбга (имя матери)“ (1). Въ Бирскомъ уѣздѣ этотъ обычай начинаетъ уже понемногу выходить изъ употребленія. Тамъ довольствуются тѣмъ, чтобы имя дочери только походило на материнское—если мать зовутъ Шарби, дочь называютъ Шарбинатъ, Шарбике, Шаррика, Шарназъ (по указанію матери). Въ обычай совершился такой-же компромиссъ, какъ и въ языкѣ. Пойдемъ далѣе.

Имена, которыми Потяки называютъ своихъ женщинъ, совпадаютъ съ такъ называемыми воршудными или родовыми именами. Значеніе воршудныхъ именъ еще недостаточно установлено въ литературѣ. Иногда говорятъ о воршудномъ имени, какъ родовомъ прозвищѣ, иногда говорятъ объ „имени воршуднаго божества“, которое передается поклоняющемуся ему роду. Г. Первухинъ, посвятившій объясненію слова „воршудъ“ нѣсколько прекрасныхъ страницъ, повидимому колеблется въ рѣшеніи вопроса, духу-ли придается имя рода, которому онъ покровительствуетъ, или роду имя божества, покровительствующаго ему. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что воршудъ родовое божество, которое носитъ имя родоначальника или родоначальницы (2), въ другомъ—объ имени воршуднаго божества, о коробахъ, посвященныхъ это-

---

(1) Вят. губ. Вѣд. 1889,

(2) Эск. I, 19.

му имени (¹). Г. Богаевскій, лично признавая, что имена, съ которыми являются воршудныя божества, принадлежатъ родоначальникамъ, приводитъ народныя толкованія діаметрально противоположнаго характера. Основываясь на совпадении между воршудными именами и такъ называемыми банными женскими именами, нѣкоторыя Вотяки выражали ему мнѣніе, что первыя имена принадлежатъ древнимъ, забытымъ теперь богинямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ богинь, по предположеніямъ вотскихъ мыслителей, были богаты и сильны, потому и роды ихъ отличаются силой и могуществомъ (²). Судя потому, что богинямъ приписывается возможность быть сильными и богатыми, можно предположить, что рѣчь идетъ не о богиняхъ, а о героиняхъ, подобныхъ патрарамъ. Такое предположеніе оправдывалось бы тѣмъ, что Вотяки не имѣютъ слова для обозначенія богини. Г. Богаевскій отчасти обезцѣнилъ свое сообщеніе, не приведя вотскаго термина. Сказанія о женщинахъ-родоначальницахъ, женщинахъ-героиняхъ, окруженныхъ богатырями, имѣютъ мѣсто въ Глазовскомъ уѣздѣ; такова легенда объ Эбгарѣ, который владѣла нѣкая Эбга (³). ✕

Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что самъ народъ не въ состояніи рѣшить вопроса, занимающаго этнографовъ. И затрудненіе народа вполне понятно. Мы знаемъ уже, что воршудныя имена не объясняются за ничтожными исключеніями изъ вотскаго языка; но мы знаемъ также и то, что однѣ изъ этихъ именъ соответствуютъ банному женскому, а другія мужскому, и это обстоятельство даетъ намъ право признавать то рѣшеніе вопроса, въ силу котораго воршудное

(¹) Эск. I, 36.

(²) I. с. 40.

(³) Эск. IV, 11.

ния представляется прозвищем рода, переносщимся и на его покровителя, генія-хранителя счастья. Если одни из родовыхъ прозвищъ представляютъ собою женскія имена, другія мужскія, то мы вправѣ сдѣлать изъ этого обстоятельства новый выводъ, благопріятный для констатированія у Вотяковъ матернитета: рядомъ съ родами, связанными сознаниемъ происхожденія отъ общаго родоначальника, у Вотяковъ были роды, связанные когда-то сознаниемъ происхождения отъ общей родоначальницы и эта связь обнимала уже не однихъ женщинъ, но и мужчинъ. Мы имѣемъ другими словами предъ собою полное проявленіе матернитета, хотя уже на степени крайняго вырожденія. Народное толкованіе, приводимое г. Богаевскимъ, также оправдываетъ его. Воспоминанія о былыхъ правахъ матери на дѣтя сохранились затѣмъ въ брачномъ обрядѣ. Въ Саранульскомъ уѣздѣ матери первой даритъ деньги человекъ, пріѣхавшій сватать невесту; къ ней обращаются за позволеніемъ выпить въ знакъ заключеннаго сватовства отецъ и остальные члены семьи и однодеревенцы. „Никто, повидимому, не осмѣливался безъ разрѣшенія матери выпить рюмку водки, даже отецъ семьи“, говоритъ г. Верещагинъ, наблюдавшій этотъ обрядъ у рода Пыпя (¹).

Послѣднимъ фактомъ, который можетъ свидѣтельствовать въ пользу существованія у Вотяковъ матернитета, является связь домового божества съ основательницей дома, какъ отлѣльнаго хозяйства. По словамъ Н. Г. Первухина коробъ посвящается божеству не основателя, а основательницы дома (²).

(¹) Вот. Сар. у. 130—131.

(²) Эск. I, 36.

Количество фактовъ, которое мы привели, не достаточно еще для того, чтобы можно было съ увѣренностью говорить о матернитетѣ, какъ одномъ изъ моментовъ въ развитіи вотской семьи, но оно даетъ намъ право поставить вопросъ о немъ и намѣтить тотъ путь, по которому совершился переходъ отъ него къ патернитету. Судя по характеру названій, обозначающихъ родство и по правамъ, которыя обычай до сихъ поръ предоставляетъ женщинѣ, мы имѣемъ основаніе предположить, что патернитетъ долгое время держался рядомъ съ матернитетомъ и не замѣнилъ его, а вошелъ съ нимъ въ компромиссъ.

Переходными стадіями къ современному строю семьи у Вотяковъ являются различныя формы полиандріи. Г. Верещагинъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ (Вотяки Сарапульскаго уѣзда) приводитъ любопытное преданіе Завьяловскихъ Вотяковъ о своихъ предкахъ. Давно, когда Завьяловскую мѣстность покрывали непроходимые лѣса, появились въ ней два Вотяка язычника — Кайванъ и Ондра-батыръ. Спусти въ которое время къ нимъ присоединился Русскій, Завьялъ. Однажды Завьялъ ходилъ по берегу р. Позими и увидалъ на противоположной сторонѣ женщину. Завьялъ предложилъ ей переправиться на ихъ сторону; женщина согласилась; бросилъ Завьялъ съ Кайваномъ и Ондрой женщинѣ веревку и перетянули ее на свою сторону. Пока женщина пересодвигалась, товарищи стали совѣтъ держать, какъ раздѣлить женщину. „Она должна быть моею женою; первый нашелъ ее я“ — говоритъ Завьялъ. Кайванъ и Ондра не соглашались на это. Чтобы рѣшить споръ, положили спросить женщину, кого она выберетъ мужемъ. Женщина не сразу рѣшилась. Завьялъ между тѣмъ потихоньку ухаживалъ за ней и уговаривалъ выбрать его. Вотяки замѣтили это и положили быть женщинѣ женою всѣмъ троимъ. Жен-

щина получила кличку Кшино-кенакъ (желез-своха) (¹). Легенда о Кшино-кенакѣ известна и Малмыжскимъ Вотякамъ. Мы находимъ слѣды ея въ сказаніи о Бурсинѣ, записанномъ г. Мупкачи (²). Поставимъ рядомъ съ этимъ вотскимъ преданіемъ слѣдующія слова Генри Мэна: „въ высокой степени вѣроятно, что въ теченіе продолжительнаго періода своей исторіи различныя части человѣчества страдали неравенствомъ въ количествѣ мужчинъ и женщинъ. . . Значительная часть его находилась въ состояніи передвиженія. Отъ болѣе обширныхъ агрегатовъ отбивались известныя части, скитались вдоль и поперекъ то подъ напоромъ непріятелей, то подъ вліяніемъ стремленій найдти себѣ болѣе обильныя средства къ существованію. . . Весьма вѣроятно, что эти кочующія группы имѣли въ своемъ составѣ большее количество мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Излишне говорить о томъ, каковъ былъ-бы характеръ учрежденій, которыя установились бы при такихъ условіяхъ (Мэнъ разумѣетъ гетеризмъ и полиандрію)“ (³).— Тирада Генри Мэна даетъ намъ ключъ къ вотскому преданію. Въ послѣднемъ мы видимъ случай полиандріи, возникшей на почвѣ недостатка женщинъ, случай, подобный которому были, вѣроятно, не рѣдки при тѣхъ скитаніяхъ, на которыя долгое время были обречены Вотяки. На этой-же почвѣ развивается и другой видъ полиандріи, но уже скрытый—свохачество. Еще въ прошломъ столѣтіи у Вотяковъ былъ распространенъ обычай женить сыновей еще въ дѣтскомъ возрастѣ на взрослыхъ дѣвицахъ. Г. Верещагинъ на основаніи указа вятской духовной консисторіи отъ 22 февр. 1757 г. свидѣтельствуетъ, что Вотяки даже въ эпоху введе-

---

(¹) Вот. Свр. у. 18.

(²) Munkacsi V. Votjak Népköltészeti Hagyományok. 61.

(³) Древній законъ и обычай. М. 1884. 163.

нія христіанства женили своихъ сыновей въ возрастѣ отъ 8 до 12 л. на двадцатилѣтнихъ дѣвушкахъ. Духовное начальство запрещало эти браки, усматривая въ нихъ почву для снохачества, но обычай стойко держался и сохранился почти до нашихъ дней (¹). Въ селѣ Кильмезь-Селты намъ указывали на стариковъ, которые были женаты, едва достигли девяти лѣтъ. Браки между несовершеннолѣтними мальчиками и взрослыми дѣвками, имѣющіе мѣсто до сихъ поръ, поясняютъ намъ, какимъ образомъ возможны были еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія между Вотяками - христіанами союзы подобныя тѣмъ, на которые намъ указывали въ Селтѣ. „Иные малосемейные, говорить г. Верещагинъ, сватаютъ, когда жениху не болѣе пятнадцати лѣтъ и увозятъ невѣсту къ жениху до вѣнца, вѣчаютъ, когда женихъ съ невѣстой успѣютъ уже пожить и послѣдняя забеременѣтъ“ (²).

Снохачество при такихъ условіяхъ брака—явленіе неизбежное. Женщина живетъ подъ кровомъ свекра цѣлые годы прежде, чѣмъ мужъ ея достигнетъ возраста половой зрѣлости, живетъ радомъ съ свекровью, которая вышла за мужъ, можетъ быть, также за ребенка и является уже старухой.

Не смотря на свою неизбежность при извѣстныхъ условіяхъ, снохачество разсматривается въ настоящее время Вотяками, какъ позорное явленіе. Эта точка зрѣнія на него нашла свое выраженіе и въ народной поэзіи. Въ новѣйшемъ изданіи г. Первухина „преданія и сказки Вотяковъ Глазовскаго уѣзда“ мы находимъ преданіе о Весья-батырѣ и его женѣ Эбгѣ, въ которомъ разсказывается о ссорѣ, возникшей между сыномъ и отцемъ изъ-за подозрѣнія въ снохачествѣ (³).

(¹) Верещагинъ. Вот. Сер. у. 23.

(²) Вот. Сос. кр. 24.

(³) Эск. IV, 11.

Последними, современными стадиями въ развитіи вотской семьи являются полигамія, точнѣе полигинія, и наконецъ моногамія. Полигамія держится, конечно, у язычниковъ, но составляетъ, благодаря матеріальнымъ условіямъ, довольно рѣдкое явленіе. Г. Ф. Миллеръ говоритъ относительно Вотяковъ, что у нихъ большая часть за скудостью по одной или по двѣ жены держитъ⁽¹⁾. У Вотяковъ Уфимской губерніи случаи двоеженства довольно рѣдки и обусловливаются чаще всего безплодіемъ первой жены. Не желая уйти отъ мужа, жена предоставляетъ ему право взять другую женщину (Варяжъ).

Намеки на арханческія формы семьи не исчерпываются тѣми фактами, которые мы привели. Остается обширная область обряда, церемоній, гдѣ въ видѣ переживанія или символа сохраняются обычаи, связанные съ другимъ строемъ идей и общественныхъ отношеній. У Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда во время свадьбы, можетъ быть, до сихъ поръ имѣеть мѣсто слѣдующій своеобразный обычай. Когда поѣзжане, отправившіеся за невѣстой, остаются ночевать въ домѣ ея отца, старшій изъ нихъ спитъ на невѣстинной постели. Постель эта остается въ распоряженіи поѣзжанъ и тогда, когда невѣста привезена въ домъ жениха: на ней спятъ младшіе поѣзжане. Проспавшій кладетъ на утро подъ подушку немного денегъ. Намъ кажется, не будетъ натяжкой, если мы признаемъ, что этотъ обычай символизируетъ права всѣхъ мужчинъ семьи на вступающую въ него женщину и восходитъ къ эпохѣ полиандрій⁽²⁾.

Формы и условія приобрѣтенія невѣсты дополняютъ новыми чертами картину древнихъ семейныхъ отношеній. Періодъ беспорядочнаго полового сожителства есть вмѣстѣ съ

---

(1) Опис. аз. нар. 67.

(2) Верещ. Вот. Сос. вр. 24. Ср. Lippert. Kulturgegch. II, 19.

тѣмъ периодъ такъ называемой эндогаміи, т. е. заключенія брачныхъ союзовъ внутри рода или племени. Найти какіе-либо слѣды эндогаміи въ обрядахъ и обычаяхъ Вотяковъ намъ не удалось. Экзогамія вошла въ обычай у Вотяковъ еще въ ту эпоху, когда у нихъ господствовали материнство. Въ обычномъ правѣ современныхъ Вотяковъ очень тщательно разработанъ вопросъ о степеняхъ родства, дальше которыхъ не можетъ заключаться бракъ. Въ селеніи Варяжъ Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи Вотяки говорили намъ, что въ старину у нихъ не позволялось вступать въ бракъ лицамъ, носящимъ одно и тоже воршудное имя. Человѣкъ, принадлежащій напр. къ роду Эгра не могъ взять за себя дѣвушку, носящую тоже имя. Въ с. Кильмезь-Селты Малмыжскаго уѣзда намъ говорили тоже, хотя другими словами—молодые люди изъ домовъ, молящихся въ одной квалѣ (бадзып-квала) не могутъ вступать между собой въ бракъ. Ограниченія, о которыхъ мы говоримъ, установились, видимо, еще тогда, когда родство считалось по матери. Помимо связи ихъ съ культомъ воршудовъ въ пользу этого предположенія говорятъ и то обстоятельство, что особую заботливость о предупрежденіи запрещенныхъ обычаемъ союзовъ проявляютъ женщины (Варяжъ). Вліяніемъ строгой экзогаміи выясняется между прочимъ то обстоятельство, что въ празднествахъ, посвященныхъ памяти предковъ, у Вотяковъ Саргульского уѣзда не участвуютъ замужнія (т. е. ваятія изъ другаго рода) женщины⁽¹⁾. Воспоминаніемъ о первичной эндогаміи служитъ обычай, воспрещающій дѣвушкамъ данной деревни гулять съ парнемъ другой. У Вотяковъ этотъ обычай не имѣетъ мѣста—по крайней мѣрѣ въ Глазовскомъ уѣздѣ. Есть играща въ поляхъ, на которыя ско-

(¹) М. Висх. I. с. 610.

дятся съ нѣсколькихъ деревень. Зимой на посидѣнки данной деревни можетъ явиться парень изъ другой—правда, если его вводитъ азь-муртъ изъ мѣстныхъ парней.

Приобрѣтеніе невѣсты изъ чужаго рода прошло у Вотяковъ нѣсколько стадій развитія. Началось оно, какъ и у Черемисъ, похищеніемъ и заканчивается свободнымъ союзомъ между брачащимися. Похищеніе еще недавно было широко распространеннымъ явленіемъ среди Вотяковъ. Оно совершалось при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ: безъ согласія родителей и дѣвушки, съ согласія родителей, но безъ согласія дѣвушки и, наконецъ, съ согласія дѣвушки, но безъ согласія родителей. Первоначальной формой, конечно, является похищеніе безъ согласія дѣвушки и ея родителей. Домохозяинъ, задумавшій похитить дѣвушку, собиралъ себѣ помощниковъ изъ родичей. Съ наступленіемъ ночи похитители садились верхами на лошадей, вооружались палками и бичами и наадали на чумъ, въ которомъ спала намѣченная дѣвушка. Если на ея крики поднимались родные, на дворѣ происходила горячая борьба. Въ однихъ случаяхъ родители похищенной отбивали ее, въ другихъ похитители отражали ихъ и увозили дѣвушку, не взирая на ея крики и сопротивленіе (1). Родители похищенной бросались въ погоню; ихъ помогали въ этомъ сосѣди. Похитители ждали погони или нападенія родителей и ходили вооруженные, кто чѣмъ попало—вплэми и т. п. Г. Бехтеревъ сообщаетъ, что похищенная такимъ образомъ даже съ ея согласія дѣвушка предъ домою жениха поднимаетъ крикъ, зоветъ своихъ родныхъ. Когда женихъ слово вводитъ ее въ избу, она пачинаеть мотаться во все углы, какъ будто нища выхода (2). Вотяки Казанской гу-

---

(1) Вят. Губ. Вѣд. 1831, №

(2) I. с. IX, 144.

... так перестать так взаимной взаимности, т. е. заключен
... чинах ... внутри рода или племени. Найдя каки-
... е-либо случаи взаимности из образцов и означать Вотиков
... не удалось. Замечания вошли из обычая у Вотиков
... в то же время, когда у них господствовал материнство.
... в некоторых случаях современники Вотиков очень тщатель-
... но изучали вопросы о степенях родства, дальше по-
... шло не только заключаются браки. В селении Барзгы
... в Уфимской губернии Вотики говорили нам,
... что у них не дозволялось вступать из браки
... между племенами одно в то же воздушное племя. Человек,
... принадлежавший к плем. из рода Эгра не мог вступить за себя
... браку, вступая в то же племя. В с. Ельмень-Селты Мал-
... оземельского плем. племя говорили тоже, хотя другие слова
... означали племя или племена, принадлежащие к одной племя
... племенам не могут вступать между собой из браки.
... племенам и племенам не говорили, установились, пони-
... мание, но племя племя родство считалось по матери. По-
... тому племя племя с племенами вступало в пользу этого
... племенам племя и по обстоятельству, что особую
... племенам и племенам запрещены означают со-
... племенам племенам племенам Барзгы. Влиянием строгой
... племенам племенам между племенам по обстоятельству, что
... племенам племенам племенам племенам, у Вотик-
... племенам племенам племенам не участвуют замужья (т. е.
... племенам племенам племенам). Племенам племенам о
... племенам племенам племенам означают означают племенам
... племенам племенам племенам с племенам
... племенам племенам племенам племенам
... племенам племенам племенам племенам

У Вотиков

В. М. С. и др.

нѣсколькихъ деревень. Зимой на посидѣнки данной
можетъ явиться парень изъ другой—правда, если
идти азъ-муртъ изъ мѣстныхъ парней.

Преобрѣтеніе невѣсты изъ чужаго рода прошло у Вотя-
нѣскольکو стадій развитія. Началось оно, какъ и у Че-
ль, похищеніемъ и заканчивается свободнымъ союзомъ
у брачащимися. Похищеніе еще недавно было широко
распространеннымъ явленіемъ среди Вотяковъ. Оно соверша-
лось при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ: безъ
согласія родителей и дѣвушки, съ согласія родителей, но
безъ согласія дѣвушки и, наконецъ, съ согласія дѣвушки, но
безъ согласія родителей. Первоначальной формой, конечно,
считается похищеніе безъ согласія дѣвушки и ея родителей.
Домохозяинъ, задумавшій похитить дѣвушку, собиралъ себѣ
помощниковъ изъ родичей. Съ наступленіемъ ночи похити-
тели садились верхами на лошадей, вооружались палками и
бичами и нападали на чумъ, въ которомъ спала намѣчен-
ная дѣвушка. Если на ея крики поднимались родичи, на
дворѣ происходила горячая борьба. Въ однихъ случаяхъ ро-
дители похищенной отбивали ее, въ другихъ похитители от-
ражали ихъ и увозили дѣвушку, не взирая на ея крики и
сопротивленіе ('). Родители похищенной бросались въ погоню;
ихъ помогали въ этомъ сосѣди. Похитители ждали погони или
нападенія родителей и ходили вооруженные, кто чѣмъ повало—
вилками и т. п. Г. Бехтеревъ замѣчаетъ, что похищенная
такимъ образомъ даже съ самаго начала дѣвушка предъ домомъ
женуха поднимаетъ крикъ и зоветъ къ родичамъ. Когда же-
нуха вводитъ ее въ чумъ, она начинаетъ мотаться во
всѣ стороны, крича: «буль-буль». Вотъ такъ Казанской гу-

берши, похитивши невѣсту безъ ея согласія, морили ее голодомъ до тѣхъ поръ, пока она согласится ('). Съ похищеніемъ, которое совершается съ согласіемъ невѣсты, знакомитъ слѣдующій разсказъ Вотика, записанный нами въ селѣ Кильмесс-Селты. „Моя жена дѣвкой была просватана за другаго, я познакомился съ ней въ нашемъ селѣ, когда она пріѣзжала къ роднѣ. Я заранѣе спросилъ ее, пойдешь-ли за меня; она сказала пойду. Тутъ мы съ отцомъ подговорили сосѣдей, посулили имъ $\frac{1}{2}$ ведра водки, чтобы они помогли намъ украсть дѣвку у братьевъ, когда они пріѣдутъ съ ней опять въ наше село въ гости. Дѣвка съ братьями скоро пріѣхала, только выходить за меня раздумала: братъ засердился, а она не посмѣла. Тутъ мы рѣшили отнять ее насильно. Подкараулили за деревней, хотѣли захватить—угнали; сноха надъ нами посмѣялась: гдѣ вамъ, говорить, отнять! Сосѣди не отступались, запрягли въ почтовую повозку тройку лошадей, сѣли въ нее семь человекъ, закрылись циновкой; я сѣлъ ямщикомъ. Мы дали красную фуражку, какъ курьеру. Въ шести верстахъ отъ деревни нагнали дѣвкиныхъ родныхъ. Я кричу: давайте дорогу, курьеръ! Они заворотили. Тутъ мы ихъ обогнали, остановились и стали ловить дѣвку. Невѣста опять вырвалась и угнала съ однимъ мужикомъ. Мы опять за ней. На шестнадцатой верстѣ у нихъ лошадь пристала (устала). Мы догнали, отняли дѣвку и угнали ее на сторону, чтобы не нашли. Тутъ она недѣлю сидѣла подъ карауломъ. Караулили молодые ребята“.

Тотъ-же Вотикъ сообщилъ намъ, что въ ихъ селѣ бывали случаи, когда похититель ложился съ дѣвкой на дорогѣ въ виду поговни, чтобы не отняли ее.

(') Ост. I. с. 30.

Дѣвушка, которая выражаетъ согласіе быть похищенной дастъ перстень.

Другой случай похищенія невѣсты съ ея согласіемъ разсказанъ въ деревнѣ Варяжъ Бирскаго у. Молодой парень познакомился во время осенняго богомоля въ дер. Алтаевой съ одной изъ мѣстныхъ дѣвушекъ; они вмѣстѣ ходили въ толпѣ молодежи по гостямъ и согласились вступить въ бракъ. Рѣшили, что она будетъ ждать, когда онъ пріѣдетъ за ней. На богомоли была и родня парня. Онъ посоветовался съ ней и родня рѣшила, что дѣвку стоитъ взять. Зимой парень пріѣхалъ въ Алтаево одинъ и остановился въ домѣ родственника. Дѣвка потихоньку пришла къ нему и онъ ее увезъ. Уѣзжая, онъ оставилъ своему хозяину полштофъ водки, чтобы угостить родителей невѣсты и сказать, куда она ушла.— Въ обоихъ описанныхъ случаяхъ похищеніе утратило уже свой первичный характеръ. Похитители признаютъ права родителей и выплачиваютъ за похищенную деньги.— Почему похищеніе держится въ этой переходной формѣ, мы узнаемъ ниже. Въ Глазовскомъ уѣздѣ похищеніе имѣетъ мѣсто только на границахъ съ Сарапульскимъ; въ окрестностяхъ города оно уже только символизируется: поѣзжане дѣлаютъ видъ, что похищаютъ невѣсту, невѣста и ея окружающіе дѣлаютъ видъ, что имѣютъ дѣло съ насиліемъ. Въ дер. Солдырь, по разсказамъ мѣстнаго уроженца Т. Р. Будина, во время свадьбы имѣютъ мѣсто слѣдующіе, напоминающіе о древнемъ умыканіи, обычаи. Когда женихъ съ поѣзжапами пріѣзжаетъ за невѣстой, она сидитъ въ чужомъ домѣ. Поѣзжане отправляются за ней и, выкупивши у родныхъ, ведутъ въ домъ жениха. На пути на нихъ нападаютъ одnodеревенцы невѣсты и дѣлаютъ видъ, что стараются отнять ее. Встрѣтивши отпоръ

со стороны поѣзжанъ, обыватели деревни начинаютъ надъ ними насмѣхаться и хулить невѣсту. Нападеніе на поѣзжанъ повторяется, когда они, забравши приданое, выходятъ съ нимъ изъ кѣти. Передъ выѣздомъ поѣзжане въ послѣдній разъ вступаютъ въ борьбу съ однодеревенцами невѣсты, которые стараются не выпустить ихъ изъ воротъ.

Въ другихъ мѣстахъ поѣзжанамъ объявляютъ, что дѣвушки, которую они ищутъ, нѣтъ. Получивши такой отвѣтъ, они уѣзжаютъ, потомъ ворочаются вновь. Такъ идетъ дѣло до тѣхъ поръ, пока дружка не посоветуетъ поискать невѣсту гдѣнибудь въ надворныхъ постройкахъ. Поѣзжане бросаются тогда на поиски, осматриваютъ избу, кѣти и накопецъ находятъ невѣсту въ какомънибудь уголкѣ, который извѣстенъ дружкѣ, лѣтомъ иногда въ полѣ, во ржи (¹).

Ее вытаскиваютъ; она упирается и плачетъ; дѣло доходитъ до того, что женихъ дѣлаетъ видъ, будто готовъ прибѣгнуть къ ней. На дворѣ растягиваютъ коверъ, раскладываютъ невѣсту и женихъ ударяетъ палкой по подушкѣ, которая положена у ней на спинѣ. Невѣста на время смиряется, но когда поѣзжане начинаютъ сажать ее въ телегу, она снова поднимаетъ крикъ и упирается. Эта сцена повторяется предъ воротами жениховскаго дома. Невѣста до тѣхъ поръ вопить и зоветь своихъ родныхъ, пока женихъ не прибѣгнетъ къ бичу (²). Слѣдующую стадію въ развитіи способовъ пріобрѣтенія невѣсты занимаетъ ея купля. Обычай продажи невѣсты сложился у Вотяковъ независимо отъ каковагонибудь чуждаго вліянія. Въ вотскомъ языкѣ рядомъ съ заимствованнымъ у Турковъ словомъ *кѣлымъ* имѣетъ мѣсто собственное слово *й н р-*

(¹) Харузинъ. Юрид. Вѣст. 1883,

(²) Бехтеревъ. I. с. IX, 144.

ду и ѣ (цѣна головы). Въ своей позднѣйшей формѣ продажа невѣсты есть одно изъ проявленій отцовскихъ правъ надѣтя. Мы увидимъ ниже, что Вотькамъ купля-продажа дѣтей знакома была и въ другихъ случаяхъ. Въ свадебныхъ обычаяхъ сохранились воспомнанія о томъ, когда цѣна невѣсты составила достоянїе цѣлой семьи или, что еще важнѣе, ея брата. Торговаться о калымѣ, по словамъ г. Бехтерева, ѣдетъ вся родня. Во время нахождения поѣзжанъ въ домѣ невѣстична отца, съ нихъ берутъ деньги. всѣ члены семьи: мать беретъ за челсики при выдачѣ сундука съ приданнымъ, дѣти при вносѣ приданаго въ избу, ододревенцы на улицѣ, при выѣздѣ жениха съ невѣстой и приданнымъ. Значеніе выкупа имѣютъ и тѣ дары, которыми невѣста уѣзжая въ домъ жениха, надѣляетъ всѣхъ своихъ родныхъ съ мала до велика.

Въ ряду лицъ, принимающихъ деньги отъ поѣзжанъ, особаго значанія заслуживаетъ братъ невѣсты; въ Глазовскомъ уѣздѣ онъ выдаетъ ее поѣзжанамъ, когда они находятъ ее въ домѣ сосѣда, онъ усаживаетъ ее при проводахъ въ телегу и вновь беретъ деньги. Намъ кажется, не будетъ большой натяжкой, если мы скажемъ, что выдающаяся роль брата ведетъ насъ еще разъ въ далекую эпоху материнства. Братъ женщины (матери или невѣсты) является первымъ мужчиной, который рядомъ съ матерью предъявляетъ несомнѣнныя родственныя права.

Въ исторїи купли невѣсты слѣдуетъ различить два главныхъ момента: первый—когда родъ жениха выдаетъ родителямъ цѣну невѣстной головы послѣ ея похищенія; второй, когда относительно цѣны происходитъ предварительное соглашеніе при посредствѣ свата. Въ настоящее время соглашеніе становится преобладающимъ. Посредникъ между двумя семьями или родами называется азъ-муртъ. Купля-продажа

въ послѣднее время у Вотяковъ также, какъ у Черенисъ, уступаетъ мѣсто свободному соглашенію между брачающимися, но этотъ моментъ еще не ясно выступаетъ на фонѣ цѣлаго ряда обрядовъ, въ которыхъ отражается вся исторія семьи и брака.

Послѣ замѣчаній, сдѣланныхъ относительно прошлаго вотской семьи, мы переходимъ къ современному ея состоянію. Крупнымъ отличіемъ современной вотской семьи, хотя и не всеобщимъ, являются ея размѣры. У Вотяковъ перѣлки семья изъ 25—30 человекъ, живущихъ въ одномъ домѣ. На С. отъ Ченды, по рассказамъ Вотяковъ, существуютъ семьи еще большаго размѣра—человѣкъ въ 40. По своему составу и строю такая крупная семья очень близко подходитъ къ южно-славянской задругѣ. Во главѣ ея стоитъ куз'о—набольшій, хозяинъ. Это или способный еще къ работѣ отецъ нѣсколькихъ женатыхъ и неженатыхъ братьевъ или старшій изъ этихъ послѣднихъ. Власть куз'о есть одновременно продуктъ двухъ началъ—трудоваго и начала кровнаго родства. Роль трудоваго начала выражается въ томъ, что отецъ является куз'о, когда онъ способенъ къ работѣ; сдѣлавшись дряхлымъ, онъ передаетъ старшинство тому сыну, которому пожелаетъ. „Въ Затцахъ, передавалъ намъ старикъ Вотякъ изъ с. Кильмезь-Селты, живуть вмѣстѣ шесть братьевъ и боятся большака пуще отца: при отцѣ жили плохо, держали одну лошадь, теперь поправились, держать шесть лошадей“. Братъ сохраняетъ старшинство, пока управляетъ семьей согласно съ ея интересами и самъ работаетъ впереди всѣхъ. Братья смѣняютъ большака, когда онъ начинаетъ лѣниться и особенно растрачивать семейное достояніе. Тутъ вступаетъ уже въ дѣйствіе выборное начало.

Основаніемъ выбора является не возрастъ, а хозяйственныя способности давнаго лица: при этомъ избирающіе

относятся безразлично къ вопросу, жевать или холость будущей куз'о. При дѣтяхъ малолѣткахъ большакомъ можетъ быть даже работникъ. Въ Саранульскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Богаевского, куз'о, выбранный не по старшинству, а по личнымъ качествамъ встрѣчается не часто.

Права старшаго въ семьѣ представляютъ собой перенесенныя на другихъ членовъ права отца. Объемъ личныхъ правъ главы вѣтской семьи очень обширенъ, хотя теперь уже значительно и прогрессивно уменьшается. При изслѣдованіи свадебныхъ обрядовъ мы имѣли уже случай указать на тотъ фактъ, что отецъ или семья властны продать дѣвушку другой семьѣ — и тогда-же замѣтили, что это только частный случай проявленія родительскихъ правъ. Сказки, преданія и обычаи Вотяковъ даютъ нѣкоторыя, хотя и скудныя, указанія на то, что родителямъ и въ частности отцу принадлежало когда-то право жизни и смерти относительно дѣтей. Прежде, чѣмъ приводить доказательства, слѣдуетъ условиться относительно того значенія, которое можетъ имѣть народное творчество, какъ историко-юридическій матеріалъ. Варьирова известное изреченіе „*nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*“, можно сказать, что нѣтъ той бытовой черты въ сказкѣ, преданіи или пѣснѣ, которая не существовала-бы когда нибудь въ жизни: произведеніе народного творчества переживаетъ вѣка: каждое поколѣніе приспособляетъ его по возможности къ условіямъ окружающей жизни, но эти приспособленія имѣютъ мѣсто въ деталяхъ; крупныя, основныя факты, дающіе смыслъ и интересъ произведенію, остаются неизмѣнными, не смотря на весь свой архаизмъ.

Г. Верещагинъ приводитъ разсказъ жителей села Полома (Саран. уѣзда?) объ одномъ Вотякѣ, который, узнавши, что въ озерѣ Котыресты лежитъ кладъ — бочка съ золотомъ и серебромъ — и добыть его можно, зарѣзавши на берегу

человѣка, заманилъ туда роднаго сына, но тотъ догадался и убѣжалъ. Вотъ такъ называли деревню и даже, кажется, имя этого вѣдунскаго скаталя (1).

Признавая всю исключительность явленія, подобнаго тому, о которомъ говоритъ г. Верещагинъ, мы все же можемъ сдѣлать изъ него выводъ, что вотскому уму не чужда мысль о правѣ отъда на жизнь своего порожденія. Другой примѣръ даетъ намъ помѣщаемая ниже въ приложеніи вотская сказка Уфимской губерніи. Оксей (князь), разсердившись на то, что малелькій сынъ нарушилъ его приказаніе, приказываетъ заложить лошадей и выгоняетъ на нихъ сына, куда его глаза будутъ глядѣть.

Въ повѣишемъ (V-мъ) эскизѣ Н. Г. Первухина мы находимъ драгоцѣнные слѣды разсматриваемаго права въ нѣкоторыхъ обрядахъ, имѣющихъ мѣсто въ случаѣ болѣзни дѣтей. Когда ребенокъ очесъ захирѣетъ, надъ нимъ совершается „жаго куштонъ“ или „шакта-выла куштонъ“ — т. е. выбрасываніе на соръ (отбросы разнаго рода? совершенно голаго ребенка выбрасываютъ, т. е. кладутъ на сложенную предъ избой кучу сора. Когда операція продѣлана, на улицѣ по близости появляется какой-нибудь подгрозенный заранѣе однодеревенецъ, поднимаетъ ребенка съ кучи, пронзноситъ надъ нимъ разныя благожеланія и входитъ за тѣмъ въ избу родителей, поздравляя ихъ съ поворожденнымъ, котораго тутъ-же называетъ повымъ имепемъ (2). Г. Первухинъ совершенно основательно видитъ въ этомъ обрядѣ смягченное переживаніе древняго обычая выбрасывать или умерщвлять больнаго, негоднаго ребенка. Подобный обычай широко распространенъ у первобытныхъ народовъ и, естественно, могъ имѣть

(1) Вот. Сос. кр. 123.

(2) Вот. Губ. Вѣд. 1889, № 56.

мѣсто у древнихъ Вотяковъ. Болѣе мягкое проявленіе родительской власти имѣетъ въ подобныхъ же случаяхъ мѣсто въ другихъ мѣстностяхъ Глазовскаго уѣзда; здѣсь совершаютъ „циналъ воштонъ“ (промѣнъ, обмѣнъ ребенка): ожидаютъ перваго проходящаго (чаще подговореннаго) и отдаютъ ему ребенка; спустя нѣкоторое время человекъ, взявшій ребенка, входитъ въ избу и говоритъ: „пашель ребенка; да благоустронтса“. Въ актахъ, которые приобрѣли въ настоящемъ случаѣ чисто символическій характеръ и совершаются тотчасъ одинъ за другимъ, нельзя не видѣть переживаній изъ другой поры. когда родители, не рѣшаясь убить ребенка или выбросить, отдавали его прохожему съ просьбой пристроить куда нибудь и найдти имъ новаго и черезъ нѣкоторое время дѣйствительно получили новаго ребенка, котораго отыскивалъ гдѣ нибудь у подобныхъ же родителей повѣренный (').

Въ связи съ этими обычаями и ихъ значеніемъ мы не считаемъ безусловно невѣроятнымъ предположеніе того-же автора, что у Вотяковъ нѣкогда имѣлъ мѣсто обычай, въ силу котораго отцу предоставлялось право принять новорожденнаго или непринять т. е. осудить на смерть. Г. Перухинъ основываетъ свое предположеніе на томъ обстоятельстве, что отецъ, извѣщая о новорожденномъ, не говоритъ: „у меня родился сынъ (или дочь)“, а „я нашель пахаря (или пряху)“; въ формулѣ извѣщенія онъ видитъ указаніе на то, что отецъ оцѣнивалъ нѣкогда трудовую годность новорожденнаго и въ зависимости отъ этой оцѣнки принималъ или не принималъ его (*). Чтобы принять существованіе подобнаго обычая, нужны еще другія доказательства, но какъ пер-

(') Вят. Губ. Вѣд. 1889, № 56.

(*) Ibid.

вое указаніе на него, данныя г. Первухина заслуживаютъ вниманія.

Въ Саранульскомъ уѣздѣ имѣеть мѣсто обычай, въ которомъ сохранилось воспоминаніе о власти родителей продавать дѣтей. Если у Вотяка не живутъ дѣти, онъ продаетъ ребенка своимъ-же семейнымъ или нищему (символическая продажа). Покупатель беретъ дитя на руки и отдаетъ за него въ уплату какуюнибудь мѣдную монету. Тотчасъ за совершеніемъ фиктивной сдѣлки ребенокъ переходитъ на руки матери ('). Обычай, который имѣютъ мѣсто при ввѣдѣ дѣтей въ домъ и усыновленіи, такъ-же говорятъ объ этомъ правѣ родителей. Приемышами являются въ настоящее время дѣти бѣдняковъ. Передавая дѣтей въ чужую семью, родители въ настоящее время берутъ за нихъ немного деньгами (около рубля) или хлѣбомъ (пуда два). О платѣ за приемишей говоритъ и г. Богаевскій, прибавляя, что по народнымъ понятіямъ ребенокъ иначе не будетъ жить. Названія, которыя существуютъ въ вотскомъ языкѣ для приемишей, обозначаютъ не только актъ приема или ввода, но и актъ купли (б а с' т э м-п и, п ы р т э м-п и; б а с' т ы н ы означаетъ брать и покупать).

Наиболѣе распространеннымъ въ настоящее время проявленіемъ родительской власти является отдача сына въ наемъ въ работники. Гораздо рѣже бываетъ, чтобы отецъ выгналъ сына изъ дома за непочтительность и лишалъ его наслѣдства. За то воля отца въ подобныхъ рѣдкихъ случаяхъ безапелляціонна; за сыномъ не признается правъ жакваться.

Власть надъ сыномъ распространяется и на его семью. Отецъ выбираетъ для сына невѣсту; онъ-же можетъ и выгнать жену сына, если недоволенъ ея поведеніемъ.

(') Верещагинъ. Вот. Сар. у. 44.

Дѣти составляютъ собственность родителей, какъ рабочая сила. Помимо приведенныхъ уже фактовъ это выражается и въ правахъ, которыя отецъ сохраняетъ на просватанную невѣсту. Согласившись выдать дочь въ известную семью, отецъ выговариваетъ себѣ право пользоваться ея трудомъ еще въ теченіе условленнаго періода времени. Въ старину, по словомъ Селтинскихъ Вотяковъ, невѣсту держали дома лѣтъ до пяти; въ настоящее время держать отъ двухъ до трехъ лѣтъ. У Вотяковъ Бирскаго уѣзда невѣста живетъ послѣ сватовства въ домѣ отца иногда всего недѣлю. Передаемъ здѣсь разсказъ Селтинскаго Вотика, который характеризуетъ эту рязу: „у меня сестра просватана съ уговоромъ на два года держать. У свата семья большая, у меня нѣтъ. Свать давалъ камень сразу, а не бралъ: возьмешь камень, пужно дѣвку отдавать, а мнѣ работницу пужно. Рядились при болякахъ (безъ нихъ не ловко); были съ трехъ домовъ—мужики и бабы—роспили четверть водки“. Со смертью мужа отецъ вступаетъ вновь въ свои права на дочь. Если семья умершаго желаетъ удержать женщину у себя, устроивши напр. (у некрещеныхъ) ея бракъ съ братомъ умершаго, она должна снова испрашивать согласія отца. Въ старину по словамъ Фр. Миллера для этой цѣли практиковался и другой обычай: братъ умершаго публично вступалъ съ его вдовой въ супружескія сношенія⁽¹⁾.

Имущественныя права отца соответствуютъ личнымъ. Дѣти при отцѣ не считаются экономически самостоятельными: если они дѣлаютъ долги или наносятъ ущербъ чьимъ нибудь интересамъ, за нихъ отвѣчаетъ отецъ. Наоборотъ экономическія обязательства отца распространяются на его дѣтей. Неотдѣленные дѣти отвѣчаютъ за неисправное отбываніе отцемъ повинностей, за долги отца; деревенскій судъ обязываетъ

⁽¹⁾ Опис. язык. нар. 70.

въ послѣднемъ случаѣ сына жить съ отцемъ до уплаты долга.

Всѣ права, съ которыми мы видимъ отца въ вотской семьѣ, принадлежать и заступающему его большаку—куз'о. Онъ также располагаетъ по своему усмотрѣнію членами семьи—отдаетъ напр. въ работники. Онъ является представителемъ семьи въ ея сношеніяхъ съ властями, судей между членами семейной общины (ссоры между семейными рѣдко поступаютъ на разсмотрѣніе сельскихъ властей и суда).

Рядомъ съ чертами сходства слѣдуетъ однако указать и различіе въ положеніи отца и куз'о. Въ то время, какъ отецъ распоряжается по своему усмотрѣнію, куз'о уже ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ семейнымъ совѣтомъ. Безъ совѣта съ взрослыми членами семьи куз'о не можетъ ничего ни продать, ни купить. Возвращаясь съ базара или изъ города съ покушками, онъ отдаетъ семьѣ отчетъ—сообщаетъ, сколько и на что онъ истратилъ денегъ. Совѣщаніе съ семейными обязательно предшествуетъ каждому предпріятію. Роль семейнаго совѣта рядомъ съ куз'о далеко не фикція. Куз'о всегда подчиняетъ свои соображенія мнѣніямъ семейныхъ.

Права семейнаго совѣта опредѣляются экономическимъ строемъ семьи. Со смертью отца большая семья превращается въ семейную общину съ отвѣтственнымъ распорядителемъ. Члены семьи въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь еще ведутъ общее хозяйство, обѣдаютъ за общимъ столомъ, хотя живутъ даже въ отдѣльныхъ избахъ, и предоставляютъ въ общее пользованіе заработанныя на сторонѣ деньги. Какъ бы ни былъ мелокъ тотъ расходъ, который какой нибудь членъ семьи предполагаетъ провѣсти изъ общихъ суммъ „(хоть табакъ купить)“, онъ долженъ получить

на него позволеніе куз'о. Только ускользящіе отъ контроля доходы („на водку“ у ямщиковъ) остаются въ полномъ распоряженіи работающаго. Рядомъ съ типомъ такой полной семейной общины имѣются семьи съ относительно широкой экономической независимостью членовъ; женатые братья, живущіе въ отдѣльныхъ избахъ, ведутъ самостоятельное хозяйство, копятъ, завѣщаютъ при смерти. Потребность экономической свободы, если она проснулась въ Вотякѣ, находить свое удовлетвореніе въ отдѣлѣ. Отдѣлъ рѣдко имѣетъ мѣсто при жизни отца, но если онъ становится необходимымъ, отецъ отпускаетъ сына, выдѣляя ему часть своего имущества. Доля, которую получаетъ отдѣляющійся, зависитъ исключительно отъ воли отца. Имущество находится въ полномъ распоряженіи послѣдняго; онъ можетъ, если вздумаетъ передать его при наличности дѣтей и жены зятю; на практикѣ рѣдко бывають, впрочемъ, случаи, чтобы отецъ отдавалъ предпочтеніе одному сыну предъ другимъ.

Отдѣляя сыновей, отецъ или мать оставляютъ себѣ обыкновенно меньшую часть сравнительно съ долей того или другаго отдѣляемаго члена. Женщины при дѣлѣжѣ не имѣютъ значенія. Замужнія дочери и вдовы не получаютъ ничего: дѣвушки также не получаютъ доли, но они остаются при томъ братѣ, котораго любятъ, и онъ одинъ выдаетъ ихъ замужъ.

Наибольшую стойкость семейная община проявляетъ тамъ, гдѣ Вотяки свободны отъ посторонняго вліянія — въ особенности татарскаго и башкирскаго. Въ Уфимской губерніи большія семьи у Вотяковъ совершенно неизвѣстны: два, три брата не могутъ ужиться послѣ смерти отца. Куз'о предъявляетъ такія притязанія, которыя неизвѣстны вятскимъ Вотякамъ: въ то время какъ у послѣднихъ куз'о первый работникъ, уфимскій кузо поровнитъ отдѣляться отъ

всякой работы и, естественно, вызывает неудовольствіе братьевъ.

Съ тѣми правами, которыя имѣетъ куз'о относительно младшихъ членовъ семьи, является мужъ въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ. Мужъ въ домѣ голова—но вотяцкииъ, какъ и по русскимъ, понятіямъ. Мы знаемъ уже, что онъ могъ въ старину уступить ее, какъ вещь, въ пользованіе другаго. Въ настоящее время некрещеные Вотяки Бирскаго уѣзда имѣютъ право прогнать жену въ случаѣ ея безплодія или измѣны. Крещеные Вотяки такъ же признаютъ за мужемъ право выгнать жену собственной властью изъ дома и лишить ее содержанія. Жена напротивъ не можетъ требовать, чтобы мужъ не уклонялся отъ сожителства съ нею. Народные суды не принимаютъ жалобъ на мужа. Всякое приказаніе мужа, хотя бы не законное, безнравственное, для нея законъ. Мужъ слѣдитъ за поведеніемъ жены и является отвѣственнымъ за него лицомъ.

О личныхъ правахъ жены сравнительно съ правами мужа лучше всего даютъ понятіе условія развода. Разводъ имѣетъ мѣсто у некрещеныхъ Вотяковъ. Самое слово, служащее для его обозначенія, показываетъ, что онъ направленъ противъ женщины — *кышво дюкыс'кэм* (прогнаніе жены). Разводъ производится выбранными стариками отъ имени общины--по три человека для каждой стороны. Старики по жалобѣ мужа постановляютъ разводъ, спросивши для формы согласіе жены. Въ случаѣ жалобы жены на мужа кенешъ старается только примирить супруговъ.

Зависимое положеніе женщины въ семьѣ обнаруживается и въ мелочахъ быденной жизни. Женщины обѣдаютъ отдѣльно отъ мужчинъ. У Вотяковъ Бирскаго уѣзда онѣ имѣютъ въ каибѣ особое мѣсто вдалекѣ отъ стола. Помѣща-

емый въ приложеніи рисунокъ схематически представляетъ положеніе семейныхъ около стола.

На почетное мѣсто и на стулъ куз'о женщина не имѣетъ права сѣсть въ присутствіи мужчинъ. Положеніе молодой невѣстки обставлено еще большими стѣсненіями. На первыхъ порахъ она должна прятаться отъ свекра и закрывать въ его присутствіи лице платкомъ до подбородка; потому она въ теченіе цѣлаго года не имѣетъ права сказать свекру хотя-бы слово, не можетъ упомянуть даже его имени. За каждое нарушеніе этого запрета она должна уплатить ему пеню—рубашку или что вибудь подобное. Въ присутствіи свекра, старшихъ деверей, сосѣдей и старшихъ снохъ молодуха не можетъ показываться боспкомъ или съ открытой головой (тоже явленіе имѣетъ мѣсто и въ отношеніяхъ зятя къ тестю и тещѣ). „Стыдѣніе“ молодухи предъ родными мужа имѣетъ мѣсто и въ Саранульскомъ уѣздѣ. По словамъ г. Верещагина молодуха во время сѣнокоса не имѣетъ права сама снять съ себя верхній холщевый кафтанъ и работать въ одной рубашкѣ. Шотъ деремъ предъ началомъ работы съ нея снимаютъ семейные и она угощаетъ ихъ за это кумышкой (').

Въ экономическомъ отношеніи жена болѣе обеспечена, чѣмъ въ личномъ. Здѣсь оказываетъ свое вліяніе то же уваженіе къ труду, которое мы видѣли регулирующимъ экономическія отношенія семейной общины. Любопытнымъ и ослзательнымъ доказательствомъ уваженія къ трудовому началу являются права женщины на распоряженіе кумышкой. Кумышка готовится изъ хлѣба, который принадлежитъ обоимъ супругамъ, но трудъ, который женщина вложила въ ея приготовленіе, предоставляетъ ей право распоряжаться продук-

---

(') Вот. Сос. кр. 216. Ср. Харуз. I. с. 272.

томъ и мужъ не смѣетъ безъ жены распорядиться хотя бы одной чашечкой любимаго напитка. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обычаи предписываютъ выступать мужчиной, напр. въ религиозныхъ обрадахъ, женщина не поступаетъ въ пользу мужчины своими правами. Покойный Кошурниковъ сообщаетъ, что священную кумышку, сваренную изъ муки пожертвованной Воршуду, доликаетъ тайно отъ другихъ старшая женщина въ родѣ. Она одѣвается въ мужскую одежду, молится и дополняетъ пустующій сосудъ⁽¹⁾. Тоже явленіе имѣетъ мѣсто относительно доходовъ отъ льноводства. Мужъ получаетъ за свой трудъ сѣмена, волокно, а добытый изъ него холстъ составляетъ полную собственность женщины. Личныя средства женщины въ вотской семьѣ состоятъ, по словамъ г. Первухина, въ Глазовскомъ уѣздѣ кромѣ того изъ доходовъ отъ поденщины въ семьѣ, отъ праздничныхъ заработковъ, отъ продажи приплода птицъ и животныхъ, полученныхъ ею въ приданое, отъ продажи тканей, приготовленныхъ изъ шерсти приданныхъ овецъ⁽²⁾.

Въ то время, какъ въ семьѣ женщина находится въ значительной зависимости отъ мужчины, въ общинѣ она пользуется правами, какія не вездѣ выпадаютъ на ее долю даже у болѣе цивилизованныхъ народовъ. Женщина является равноправнымъ съ мужчиной членомъ общины именно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ въ другихъ мѣстахъ мужчина стремится завоевать для себя монополию—въ области религіи, культа. Вотъ такъ не устраняютъ женщину отъ участія въ общественномъ богослуженіи. Мало того, есть случаи, когда женщина или дѣвушка играетъ въ немъ даже главную роль. Въ окрестностяхъ Ижевскаго завода дѣвушки однѣ совершаютъ обрядъ изгна-

(1) Л. с. 23.

(2) Вят. Губ. Вѣд. 1889, № 73.

нiа шайтана, вооружившись для этого палками (¹). Въ Сосновскомъ краю дѣвушки избирають жреца во время лѣтняго праздника гуждора; мужчины и замужня женщины играютъ въ праздникѣ второстепенную роль (²). Во время такъ называемаго шортъ-мыс'коя старшая изъ женщинъ принимаетъ на себя роль жреца, читаетъ молитву и приносить жертву рѣкѣ, бросая въ нее хлѣбъ и возливая кумышку (³). Рычковъ говоритъ о весеннемъ жертвоприношенiи, которое совершали женщины въ честь богини Калдык-мумы, а Фуксъ объ освещенiи женщиной-жрицей брачнаго союза. Въ другихъ случаяхъ женщины принимаютъ въ религiозныхъ актахъ равное участiе съ мужчинами. Передъ весеннимъ праздникомъ „тулысь куала пыронъ“ женщины и мужчины деревни вмѣстѣ избирають изъ среды мужчинъ двухъ жрецовъ и двухъ заклателей, парчасей (⁴). Во время жертвоприношенiя женщины играютъ и здѣсь главную роль. Жрецы принимаютъ отъ нихъ для жертвы кумышку. Тоже явленiе имѣетъ мѣсто при домашнихъ моленiяхъ во время гер-бера, при экстренныхъ жертвоприношенiяхъ Ивмару во время засухи и Нюлесь-Мурту весной. Въ послѣднемъ случаѣ жрецы принимаютъ отъ женщинъ не только кумышку, но и strapю (⁵). Въ Глазовскомъ уѣздѣ во время гуждора съ жрецами сидятъ тырѣпукисъ и тырѣба (⁶). Исключаются женщины только изъ нѣсколькихъ жертвоприношенiй. По словамъ Макса Буха въ окрестностяхъ Ижевскаго завода замужня женщины не

(¹) I. с. 617.

(²) Верещагинъ. Вот. Сос. кр. 38.

(³) Первухинъ. Эск. II. 111.

(⁴) Вот. Сос. кр. 43.

(⁵) Ibid. 53.

(⁶) Первухинъ. I. с. 37.

допускають до участія въ общественныхъ жертвоприноше-
ніяхъ предкамъ (¹). Здѣсь исключеніе понятво: участвуютъ
только лица, связанные кровнымъ родствомъ съ умершими;
женщины, какъ взятая изъ другихъ родовъ, не имѣютъ ни-
какихъ отношеній къ поминаемымъ предкамъ. Затѣмъ жен-
щины не допускаются къ жертвоприношеніямъ Керемету (²). И
здѣсь мотивъ исключенія понятенъ: Кереметь есть духъ,
занимаемый Вотяками, можетъ быть, чрезъ Черемисъ у
Турковъ; при служеніи ему должны соблюдаться, естественно,
тюркскіе обычаи. Въ иныхъ случаяхъ исключеніе женщинъ
нужно приписать вліянію Татаръ—сосѣдей, напр. въ Мана-
дышскомъ уѣздѣ, гдѣ женщина не имѣетъ права войти въ
священную рошу (³). Женщина не участвуетъ при такъ назы-
ваемомъ сизъ-ковѣ и при экстремномъ жертвоприношеніи
Юлесъ - мурту осенью въ случаѣ особаго множества вол-
ковъ, но здѣсь отсутствуютъ не однѣ женщины, а и всѣ
члены семейства, кромѣ домохозяевъ (⁴). Затѣмъ въ жизни Во-
тяковъ имѣетъ мѣсто цѣлый рядъ праздниковъ, когда женщины
деревни держатъ себя совершенно независимо отъ мужей и
последніе не рѣшаются проявлять въ ихъ компанію.
Бабы выбираютъ себѣ изъ мужиковъ старшину и двухъ за-
щитниковъ (помоложе) и кутятъ одиѣ. Выбранные мужики
должны защищать ихъ отъ остальныхъ мужиковъ деревни (⁵).
Старшина въ бабьей компаніи далеко не пользуется соот-
вѣтствующимъ своему званію авторитетомъ. За какое нибудь

(¹) I. с. 610.

(²) Верещагинъ. Вот. Сос. кр. 53.

(³) Островскій. I. с. 37.

(⁴) Верещагинъ. Вот. Сос. кр. 45.

(⁵) Первушинъ. Эск. II, 109.

нелюбимое распоряженіе и въ особенности за непослушаніе бабей толпѣ его подѣ часъ порать розгами (*).

Семейная община составляетъ элементарную общественную единицу, которую знаютъ Вотяки. За предѣлами ея имѣются другія, болѣе обширныя, но менѣе тѣсныя сочетанія индивидуумовъ. Первое мѣсто по близости къ семейному союзу представляетъ союзъ сосѣдей, или ббляковъ. Новѣйшіе наблюдатели констатируютъ важную роль ббляка въ жизни Вотяковъ, но недостаточно объясняютъ ее. Сосѣдскія отношенія у Вотяковъ представляютъ развитіе семейныхъ. Уяснить смыслъ ихъ всего лучше поможетъ намъ языкъ. У Вотяковъ Малмыжскаго уѣзда ббляк означаетъ не всякаго сосѣда, но отдѣленнаго родственника. Однородное явленіе представляетъ значеніе слова быче (биче) у Глазовскихъ и Слободскихъ Вотяковъ. Въ Слободскомъ уѣздѣ (д. Омсинская—Чабыя-гурть) быче означаетъ сосѣда, въ Глазовскомъ близкаго родственника. Параллелизмъ этихъ значеній уясняется изъ обычая старинныхъ Вотяковъ, заводя отдѣльное хозяйство, селиться рядомъ съ своими родными. Ббляк — членъ рода, сохраняющій при экономической обособленности личныя, нравственныя связи съ семьей. Свидѣтельствомъ связей, соединяющихъ ббляковъ, являются общія: по основнымъ элементамъ тамги (подѣм-пусы). Ббляк не участвуетъ въ экономическихъ операціяхъ данной семейной общины; какъ отдѣлившійся членъ, онъ не дѣлитъ ни ея тягостей, ни ея прибытковъ.— но въ вопросахъ личнаго характера онъ пользуется такими-же правами, какъ и членъ семьи. Мы видѣли уже, что его присутствіе необходимо для сдѣлки между сватами. Онъ призывается и въ другихъ предпріятіяхъ семьи. Въ Бирскомъ уѣздѣ ббляки

(*) Ibid. 107.

призываются на моленіе, которымъ заканчивается обрядъ усминовленія. Усминовляющій варит кашу и молится съ ней одинъ на дворѣ, моля Инмара послать усминовляемому счастье; затѣмъ зоветъ въ избу бѣлаковъ, изъ которыхъ каждый также молится, взявши въ ложку каши и обернувшись лицомъ къ двери т. е. къ солнцу. На свадьбѣ совохунность участвующихъ лицъ составляютъ бѣляки. Бѣляе-же участвуетъ въ похоронахъ, онъ первый будетъ извѣщенъ и о всякомъ несчастіи, постигшемъ Вотяка (¹). Помимо кровныхъ связей бѣлаковъ объединяетъ и общность культа: люди, находящіеся въ отношеніяхъ бѣлаковъ между собою, молится въ одной квалѣ. Въ средѣ бѣлаковъ не можетъ быть браковъ. Союзъ бѣлаковъ также экзогамиченъ, какъ и семейная община. Какъ въ главѣ семьи, такъ и въ главѣ бѣлаковъ стоитъ куз'о, которому они оказываютъ, по словамъ одного наблюдателя, слѣное помяновеніе. Случится бѣда, собирается секретный кеменъ и на немъ по совѣту коштанъ постановляется тотъ или другой способъ дѣйствій. Такой коштанъ пользуется значительными выгодами отъ своего положенія. Сосѣдъ ничего не посмѣетъ продать, не предложивши ему (²).

Бѣлацкія отношенія сливаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ отношеніями ододеревенцевъ, которыя можно обозначить отношеніями буск'ел'ей.

Громадная масса селеній своими названіями указываетъ на происхожденіе отъ одного основателя. На пространствахъ Глазовскаго, Малмыжскаго, Сарапульскаго и Елабужскаго уѣздовъ мы встрѣчаемся съ селеніями, которыя носятъ патронимическія названія—Налага-пи, Малек-пи, Шем-пи, Така-пи, Маде-пи, Брюж-пи, Бисар-пи. Въ виду того, что и и во

(¹) Богасевскій I. с. 41.

(²) Вят. кал. на 1880 г. 85.

вотски значить сынь, мы можем поставить эти селенія рядомъ съ русскими: Марковцы, Аласеновцы и т. д. Не смотря на форму единственнаго члена, п и означаетъ группу людей, имѣющихъ общаго претка. Это очевидно изъ того, что въ Малмыжскомъ уѣздѣ совокупность бѣлаковъ обозначаютъ терминомъ п и такого-то (Ардагы-п и въ Кильмезь-Селты). Обычай называть жителей того или другаго селенія дѣтьми такого-то распространень гораздо шире, чѣмъ это позволяютъ констатировать официальные источники—списки населенныхъ мѣстъ. Въ то время, какъ селеніе носитъ официальное названіе Дзятца, Пышья, народъ называетъ жителей ихъ Дзятца-п илюсь, Пышья-п илюсь — сыновья Дзятца, Пышья (¹). Въ Казанской губерніи, по словамъ г. Островскаго, почти каждая вотская деревня представляетъ совокупность пидвидуумовъ одного рода (²).

Другимъ свидѣтельствомъ въ пользу того, что общинныя отношенія развились у Вотяковъ изъ родовыхъ, является значеніе слова г у р т ъ. Мы уже видѣли, что это слово означаетъ одновременно и домъ — жилище семьи — и деревню. Само собою разумѣется, что послѣднее значеніе явилось позднѣе, какъ результатъ разрастанія семьи.

Происхожденіе общины до извѣстной степени даетъ намъ возможность уяснить себѣ объемъ правъ, которыми пользуется въ жизни Вотяка общинный совѣтъ — к е н е щ, з и н и п т ъ связи, которыя объединяютъ одводеревенцевъ. Община охватываетъ своимъ вліяніемъ всю совокупность жизненныхъ отношеній — отношенія между родителями и дѣтьми, мужемъ и женой, членами отдѣльныхъ семей. Такія важныя въ жизни деревни дѣла, какъ начало тѣхъ или

(¹) Вят. Губ. Вѣд. 1851, 385 стр.

(²) I. с. 26.

другихъ полевыхъ работъ, совершаются вѣнзѣвно послѣ совѣщанія домохозяевъ. Передъ началомъ паши (гѣри-поттовъ) всѣ домохозяева собираются въ одну избу и послѣ совѣщанія опредѣляютъ день, въ который выѣзжать въ поле. Кенешъ опредѣляетъ затѣмъ время жертвоприношенія и родъ жертвы ('). У некрещеныхъ Вотяковъ Бирскаго уѣзда совѣтъ деревенскихъ стариковъ слѣдитъ за поведеніемъ молодежи и регулируетъ семейныя дѣла. Мы знаемъ уже, что старики расторгаютъ связь между супругами. Извѣстны случаи, когда роль выборныхъ стариковъ въ жизни семьи обнаруживается и положительнымъ образомъ. У Бирскихъ Вотяковъ имѣетъ широкое распространеніе такъ называемый левиратъ, т. е. обычай меньшаго брата жениться на вдовѣ старшаго. Обычай этотъ держится въ виду выгодъ, которыя онъ представляетъ для дѣтей умершаго. Подобные браки обязательно устриваются при участіи стариковъ деревни, которые уговариваютъ обѣ стороны. У крещеныхъ Вотяковъ вліяніе общины на брачныя дѣла сказывается въ тѣхъ же случаяхъ, но въ иной формѣ. Если умираетъ единственный работникъ семьи и остается молодая женщина, кенешъ указываетъ ей мужа, котораго она должна принять въ домъ (пѣртось) или предлагаетъ выйти замужъ въ другую деревню. Всякій раздоръ въ семьѣ подлежитъ суду кенеша. Кенешъ наказываетъ сына, который не повинуется отцу, семейныхъ, которые ссорятся между собою, жену, которая оказывается невѣрной мужу. Онъ является свидѣтелемъ при семейныхъ раздѣлахъ, когда они производятся полюбовно, — совершаетъ дѣлежъ собственной властью, когда между братьями нѣтъ согласія, гарантируетъ раздѣлившимся обладаніе ихъ долями. Если одинъ изъ дѣла-

(') Вот. Сос. кр. 35.

щихся не подчиняется постановленію кенеша, его наказывают тѣмъ, что лишаютъ участія въ принадлежащихъ общинѣмъ угодьяхъ или назначаютъ на какую нибудь хлопотливую общественную должность (въ разсмыльные). Въ случаѣ драки въ деревнѣ на другой-же день собирается кенешъ, который старается уладить дѣло.

Кенешъ, далѣе, является воспитателемъ и судьей по отношенію къ каждому члену общины. Онъ борется всѣми зависящими отъ него средствами съ нищенствомъ—оказываетъ помощь въ случаѣ независящихъ отъ воли человѣка бѣдствій, производитъ давленіе на лѣнтя, который разстраиваетъ свои дѣла, заставляя его работать и указывая самую работу. Кенешъ является далѣе ближайшимъ, чаще единственнымъ судьей человѣка, нарушившаго своимъ поведеніемъ интересы общины. Онъ разбираетъ дѣло и налагаетъ на виновнаго штрафъ. Эрдманъ приводитъ замѣчательныя по своей арханчности формы испытанія, которымъ подвергаются тяжущіяся стороны. Въ случаѣ спора изъ-за межъ на истца возлагается обязанность пройти съ кускомъ земли на головѣ до границы своего участка. Немногіе рѣшаются переступить свою межу и вступить на чужую землю изъ страха керекета (sic!). Въ другихъ случаяхъ тяжущихся заставляютъ съѣсть съ ножа кусокъ хлѣба съ солью, вырѣзанный изъ цѣльнаго карава вѣ мѣру специально для этой цѣли назначенной дощечки или выстрѣлить изъ лука въ поставленную на столъ медвѣжью голову (*).

Разъ заговоривши объ испытаніяхъ, приведемъ судебный обычай, имѣющій мѣсто не на кенешѣ, а въ домѣ потерпѣвшаго. Если воръ неизвѣстенъ, потерпѣвшій пригла-

---

(*) Reisen im Innern Russlands II, 23.

шаетъ всѣхъ ододеревенцевъ и предлагаетъ съѣсть съ коза кусокъ хлѣба, положеннаго на икону, перебирая въ рукахъ волчьи жилы и особыя травы⁽¹⁾. Чтобы испытаніе не показалось обиднымъ, а искъ напраснымъ, потерпѣвшій нервный продѣлываетъ всѣ требуемыя операціи⁽²⁾.

Совокупность наказаній, которой располагаетъ кенешъ, довольно разнообразна. Кромѣ классическаго снисканія съ виновнаго, на него по усмотрѣнію общины налагается обязанность или уплатить часть ведомки за умершихъ членовъ общины или внести извѣстную сумму для покупки жертвы при общественномъ богослуженіи. Иногда наказаніемъ, которое налагаетъ община, является безчестье. Намъ рассказывали случай, когда Вотяку, укравшему дровъ, привѣсли на шею полѣно и водили въ такомъ видѣ по улицѣ подъ стукъ лутешекъ. Въ другой разъ такая-же процессія была устроена съ Вотякомъ, который укралъ мѣшокъ овса. Злополучный мѣшокъ висѣлъ на шеѣ у вора. Н. Г. Первухину старики - Вотяки сообщали, что въ былое время кенешъ располагалъ даже правомъ лишить жизни преступника. Стоило кенешу, обсуждающему дѣло, замолкнуть и виновный зналъ, что ему грозитъ смерть.

Ознакомившись съ происхожденіемъ вотской деревенской общины и ея внутреннимъ строемъ, мы можемъ сдѣлать попытку опредѣлить права въ ней отдѣльныхъ членовъ.

Языкъ даетъ намъ право заключить, что въ предѣлахъ вотской общины имѣетъ мѣсто нѣкоторая правовая дифференціація. Вотяки различаютъ массу, простыхъ людей „тока калыкъ“ (слов. Зеленова) и куз'о-йосъ, узыр-йосъ, толшав-йосъ. Первые состоятъ изъ извѣстныхъ уже намъ куз'о. Зна-

(1) Врещанинъ. Вот. Сос. кр. 211.

(2) Ibid.

ченія богатѣй, руководитель, коштапъ, господинъ, купецъ, которыя имѣеть это слово рядомъ съ названіемъ старшаго въ семьѣ даетъ намекъ на ихъ соціальное значеніе. Узыр-йось — люди, выдающіеся изъ толпы своимъ богатствомъ. Толшак-йось означаетъ коштановъ, людей, которые выдаются изъ толпы не богатствомъ, а личными качествами — умомъ, жизненнымъ опытомъ, характеромъ. Между коштанами встрѣчаются люди прямо бѣдные. Старкѣй вятскій наблюдатель даетъ намъ картину кенеша, которая знакомитъ съ взаимнымъ положеніемъ всѣхъ этихъ общественныхъ элементовъ. „На кенешахъ рѣшаютъ дѣла узыр-йось и толшак-йось. Ктонибудь изъ этихъ лицъ высказываетъ свое сужденіе по дѣлу и обращается къ окружающимъ съ вопросомъ „озь'-а“? (такъ-ли?) — озь, озь („такъ-такъ“), отвѣчаютъ другія вліятельныя лица и толпа постановляетъ согласно мнѣнію лучшихъ людей.

Изъ преобладанія коштановъ не слѣдуетъ однако заключать о развитіи и роли въ вотской общинѣ кулачества. Вотяки вышли, конечно, давно уже изъ той поры, когда между ними не было имущественныхъ различій и возникающихъ на этой почвѣ зависимыхъ отношеній бѣднаго отъ богатаго. Уже одинъ языкъ, помимо живыхъ наблюденій, въ состояніи показать, что въ вотской общинѣ имѣютъ мѣсто долги (тырон, с'отон', шег) и проценты (пель), должники (уджась) и кредиторы (ростовщики — пел' бас'тыс'-йсс), хозяева (мод) и работники — наемщики (медо, вар). Но формы кредита не отличаются у Вотяковъ особой суровостію. Въ вотскихъ общинахъ еще достаточно широко развита безвозмездная ссуда. Если у одного изъ сосѣдей есть лишняя лошадь, а у другаго нѣтъ, первый уступаетъ таковую второму на время безъ всякаго вознагражденія. Ссуда денегъ имѣеть такой же характеръ, какъ и ссуда вещей. Селтискіе Вотя-

ки говорили намъ, что у нихъ рѣдкій беретъ проценты— въ особенности у богатыхъ. Во время податей богатые вносятъ за бѣдныхъ, не договариваясь на счетъ процентовъ. Въ случаѣ несостоятельности должникъ уплачиваетъ работою или позволяетъ кредитору отобрать, у себя вещи на сумму долга. Вещи эти можетъ выкупить онъ самъ, а за смертью его наследники. Въ томъ случаѣ, если назначается процентъ, онъ не превышаетъ 10 въ годъ. Людей, которые специально занимались-бы ростовщичествомъ, въ такомъ большомъ селеніи, какъ Кильмезь-Селты, не оказалось.

При отсутствіи экономического гнета богатѣйшихъ членовъ общины роль узур-йосъ и толшак-йосъ слѣдуетъ приписать той дисциплинѣ и уваженію къ старшимъ, которыя прививаются Вотьякамъ въ предѣлахъ большой семьи.

За деревенской общиной слѣдуютъ болѣе крупныя общественныя сочетанія мэръ и эл'и. При настоящихъ условіяхъ тѣ и другіе не имѣютъ уже гражданскаго характера и сохранились, какъ религіозные союзы. Мэръ представляетъ собою общественную группу, которая извѣстна не однимъ Вотьякамъ. Онъ извѣстенъ и Черемисамъ. Можно думать, что мэры имѣли мѣсто и у Чуди. Нѣкоторымъ намекомъ на это является названіе одного урочища въ Малмыжскомъ уѣздѣ—Чудимэръ-бусы. Это названіе можно перевести „поле чудскаго мэра (Чуди)“. Въ настоящее время мэры сохранились въ Бирскомъ уѣздѣ и означаютъ союзы нѣсколькихъ деревень, связанныхъ общими жертвоприношеніями. Семь деревень, сосѣднихъ съ Варяжемъ, напр., составляютъ мэръ. Что касается эл'ей, то они означаютъ совокупность всѣхъ лицъ, связанныхъ происхожденіемъ отъ одного родоначальника. О количествѣ членовъ эл'я можно судить потому, что главы ихъ—эль-йир'ы—являлись сотниками въ XVIII в. Эл'и, по своему значенію, мы думаемъ, совпадаютъ

съ тѣмъ, что новѣйшіе изслѣдователи Вотяковъ обозначаютъ терминомъ „племя“, и что имѣетъ своимъ показателемъ общее родовое имя. Собранія эл'ей имѣютъ мѣсто такъ-же, какъ и мэровъ, исключительно для общихъ молитвъ и жертвоприношеній. На былую обособленность эл'ей указываетъ интересный обычай обучать родныхъ невѣстки своимъ пѣснямъ (молитвамъ?), имѣющій мѣсто на Ю. Саранульского уѣзда.

Глава IV.

Время Вотяковъ. Предварительныя замѣчанія о языкѣ въ связи съ вѣрованіями. Возрѣнія Вотяковъ на сонъ и смерть. Понятія о душѣ и духахъ умершихъ, обнаруживающіяся въ произведеніяхъ народного творчества, погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ. Происхожденіе культа предковъ.

Предшествовавшія главы были посвящены уясненію условій, среди которыхъ проходитъ жизнь вотскаго народа. Мы видѣли природу, которая его окружаетъ, познакомились съ тѣми средствами, которыми онъ поддерживаетъ свое существованіе, изучили по мѣрѣ возможности тѣ формы организаціи, которыя даютъ возможность личности извлекать наибольшую сумму выгодъ изъ своего труда. Съ настоящей главы мы вступаемъ въ новую область явленій, въ область идей, вѣрованій, обрядовъ и созданій творчества, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ и формами особенностямъ духовной природы народа.

Большая часть этихъ явленій говоритъ о прошлыхъ, пережитыхъ эпохахъ духовнаго развитія: слова языка, космологическія идеи, вѣрованія, обряды не сейчасъ возникли въ сознаніи народа; они держатся въ силу традиціи, веками подчасъ въ немъ корней. Исследователь долженъ пользоваться ими прежде всего, какъ матеріаломъ для исторіи духовнаго развитія народа.

Первымъ продуктомъ духовнаго творчества народа является языкъ. По своимъ связямъ съ физиологіей и психологіей языкъ можетъ разсматриваться съ весьма разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Для историка и этнографа важны не звуковыя и морфологическія законы, а такъ называемая семазіологическая сторона языка—т. е. значенія составляющихъ его словъ. Здѣсь первое ядро духовныхъ силъ народа, здѣсь ключъ къ уясненію многихъ явленій изъ другихъ областей его духовной жизни.

Вотскій языкъ извѣстенъ еще весьма недостаточно. Единственный словарь Видемана, по отзывамъ спеціалистовъ, очень далекъ отъ желательной полноты. Это обстоятельство не должно однако удерживать насъ отъ попытки сдѣлать изъ наличнаго матеріала кое-какіе культурно - историческіе выводы.

Первое, что бросается въ глаза всякому послѣдователю, болѣе или менѣе внимательно проштудировавшему названный вотскій словарь, это отсутствіе у Вотяковъ такихъ словъ, которыя требовали-бы предварительной обобщающей и абстрагирующей дѣятельности мысли. Мы знаемъ уже, что Вотякъ для обозначенія братьевъ употребляетъ описательный терминъ старшій-младшій (агайо-влю), для обозначенія понятія дѣтя—мальчикъ - дѣвочка (пипаль). Такой строй словъ указываетъ намъ на то, что они создавались на такой ступени умственнаго развитія народа, когда общія черты, соединяющія въ одну логическую категорію мальчика и дѣвочку, старшаго и младшаго брата были еще недоступны сознанію. На отсутствіе или слабое развитіе отвлекающей способности у древнихъ Вотяковъ указываетъ то, что слова отвлеченнаго характера они или заимствовали у Тюрковъ или по типу тюркскихъ, съ ихъ суффиксами, создали собственные слова. Въ первой главѣ, въ отдѣлѣ словъ, заим-

ствованныхъ Вотьяками у Татаръ, мы видѣли уже достаточное количество заимствованныхъ абстракцій; примѣромъ созданія собственныхъ словъ по аналогіи съ заимствованными можетъ служить слово б а д з м и л м к — начальство (отъ вотскаго корня б а д з м и большой, начальникъ).

Всматриваясь далѣе въ семасіологию вотскаго языка, мы находимъ, что слабое развитіе анализирующей способности ума породившее два первыхъ явленія, имѣеть и другія послѣдствія въ языкѣ. Въ связи съ низкимъ развитіемъ анализа стоитъ обыкновенно неудовлетворительность представленій о сходствѣ и несходствѣ между предметами. Умъ, обладающій слабыми аналитическими способностями, но несущественнымъ признакамъ сближаетъ въ одну категорію различныя по существу явленія. Такія сближенія нашли свое выраженіе въ вотскомъ языкѣ въ рядѣ разнородныхъ значеній, которыя имѣеть одно и то же слово. И н (ни') означаетъ напр. небо, занавѣску у кровати и банный полкъ; п м д (нога) въ сочетаніи съ словомъ ш у н д м — солнце означаетъ лучъ (нога солнца); с и н (глазъ) въ сочетаніи съ словомъ о ш м е с' (ручей) означаетъ отверстіе, изъ котораго бьетъ вода. (Ср. Чер. шлпза); б ѳ р (задъ) въ сочетаніяхъ означаетъ конецъ (арня-бѳръ — суббота, конецъ ведѣли) п м д е с, означающее почву, поверхность на которую ступаетъ нога, употребляется для обозначенія темени и ладони; б а н (щека, лицо и остree) въ сочетаніяхъ гурез — б. холмъ, нмрбанъ — небо, п у н м с — начало, конецъ, вершина, вѣтъ. Дальнѣйшимъ проявленіемъ слабого развитія анализа является неспособность разобраться между дѣйствіемъ и дѣятелемъ, дѣйствіемъ и причиною, дѣйствіемъ и предметомъ, на который оно простирается. Результатомъ такого состоянія сознанія являются такіе факты, какъ то, что о ж означаетъ войну, битву и войско, д ѳ й нужду, страданіе

болѣзнь и ядъ, порчу, колдовство; пукъ с'о и—сидѣніе (въ смыслѣ акта, закаты) и стуль.

Особенности, которыя обнаруживаетъ вотскій языкъ, должны послужить основаніемъ для того, чтобы научнымъ образомъ истолковать вѣрованія и образы вотской мифологіи. Отсутствие ясности и раздѣльности сознанія и слабость анализа, обнаружившіяся въ языкѣ, отразились и на тѣхъ представленіяхъ объ окружающемъ, которыя нашли себѣ выраженіе въ вѣрованіяхъ и космологическихъ идеяхъ, отразились въ силу того, что на первой стадіи развитія вѣрованіе ничѣмъ не отличается отъ какого бы то ни было сужденія, которымъ формулируется впечатлѣніе, произведенное на человѣка тѣмъ или другимъ явленіемъ природы.

Изъ массы сужденій, которыя ежедневно выработывалъ Вотякъ, одно легло въ основаніе всего зданія его міровоззрѣнія и системы обычаевъ; это сужденіе: всякій предметъ въ природѣ имѣетъ душу или духа. Духъ есть причина, *causa efficiens* явленія. Вотяки Бирскаго уѣзда очень опредѣленно выразили это воззрѣніе, когда говорили намъ, что урожаи не бываетъ тогда, когда хлѣбный духъ (дію уртъ) уходитъ куда нибудь на другое поле (').

Прежде, чѣмъ приступить къ изученію духовъ отдѣльныхъ явленій, мы должны ознакомиться съ вотскими воззрѣніями на того духа, который подалъ поводъ создать массу другихъ—на человѣческую душу. Языкъ и поэзія Вотяковъ даютъ намъ возможность прослѣдить, какимъ образомъ у нихъ сложилось представленіе о присутствіи въ человѣкѣ особаго начала, которое они называли л у л или у р т и въ какихъ отношеніяхъ это начало представляется съ тѣломъ. Когда сильный испугъ парализируетъ на нѣкоторое

(') Ср. Тайлоръ. Перв. культ. I, 53—«душа риса».

время члены Вотака, онъ, подобно окружающимъ, замѣчаетъ разницу между этимъ состояніемъ и послѣдующимъ и дѣлаетъ заключеніе, что изъ него сначала вышло, а потомъ опять вошло нѣчто, дававшее его тѣлу возможность совершать разнообразныя дѣйствія. Это возрѣвіе отражается въ языкѣ тѣмъ, что для обозначенія сильнаго испуга у Вотаковъ употребляется выраженіе уртэз кошкэм—духъ ушелъ. Подобнымъ же образомъ Бирскіе Вотаки объясняютъ путешествія, которыя человѣкъ совершаетъ во снѣ: въ то время, какъ тѣло лежитъ на одномъ мѣстѣ, духъ выходитъ изъ него и странствуетъ по разнымъ мѣстамъ. У Казанскихъ и Глазовскихъ Вотаковъ есть сказка, въ которой это вѣрованіе нашло яркое конкретное выраженіе. „Въ древнее время, читасмъ мы у Гаврилова, два человѣка пошли въ лѣсъ драть лыки. Одинъ изъ нихъ былъ „табачникъ“. Устали они драть лыко, сѣли отдыхать; одинъ курилъ, а другой спалъ. Когда одинъ курилъ, душа (дулма) спящаго вышла изъ рта со звукомъ шыр (т. е. скоро) и, полетѣвши на сосну, вошла въ дупло и опять вернулась назадъ; потомъ, вошедши въ ротъ, разбудила спящаго. Тотъ, когда проснулся, сказалъ товарищу: я сейчасъ виѣлъ сонъ. Тотъ сказалъ: какой?— Въ дуплѣ одной сосны я нашелъ деньги въ двухъ трубахъ. Потомъ они вернулись. Табачникъ пошелъ опять туда и, посмотрѣвъ въ дуплѣ сосны, нашелъ деньги въ двухъ трубахъ.“⁽¹⁾ Эта замѣчательная сказка заключаетъ въ себѣ полную вотскую теорію сновидѣнія; душа выходитъ изъ тѣла, приходитъ, видимо для окружающихъ, въ различныя соприкосновенія съ предметами внѣшняго міра, затѣмъ возвращается въ тѣло и будитъ его, т. е. возвращаетъ ему жизнедѣятельность; то, что человѣкъ виѣлъ во снѣ т. е. что виѣлъ его духъ, выйдя временно изъ тѣла, такъ же реально,

(¹) Гавриловъ I. с. 124. Ср. Тайлоръ. I. 23. «душа Гунтерама».

как и то, что человекъ видитъ въ бодрственномъ состояніи: именно тѣ предметы и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ видѣлъ спавшій, находитъ другой человекъ, которому свидѣніе сообщено. При такихъ воззрѣніяхъ на сонъ вполне понятно, почему Вотакъ спѣшитъ принести жертву умершему, когда увидитъ кого-либо изъ нихъ во снѣ: онъ вѣритъ въ то, что его духъ дѣйствительно встрѣтился съ духомъ покойнаго. Въ нихъ-же источникъ происхожденія вѣры въ обратное: обращеніе человекъ въ звѣря, видѣнное во снѣ, признается также реальнымъ, какъ и все видимое на яву⁽¹⁾.

Въ виду тѣхъ объясненій, которыя даются временному прекращенію полной жизнедѣятельности отъ испуга и во снѣ, естественно рѣшениіе, къ которому пришелъ умъ Вотака предъ фактомъ смерти. То состояніе мысли, при которомъ различныя вещи сближаются по несущественнымъ, случайнымъ признакамъ сходства въ одну категорію, вполне объясняетъ намъ, почему древній Вотакъ понавлялъ смерть, какъ временный выходъ души изъ тѣла, подобный сну и испугу (духъ потонъ—смерть, выходъ души, дыхавіа).

Лучшимъ матеріаломъ для изученія вотскихъ воззрѣній на смерть служатъ сказки, напечатанныя въ вышедѣанныхъ за послѣдніе годы трудахъ г.г. Верещагина и Первухина. Молодая Вотачка, у которой умеръ мужъ, приглянулась Нюлесь-мурту, говорить одна сказка. Чтобы добиться ея любви, Нюлесь-муртъ является къ ней, принявши видъ мужа. Молодая женщина сначала удивилась, но когда мнимый мужъ объяснилъ ей, что ему стало тяжело смотрѣть на ея слезы и онъ рѣшилъ вернуться къ ней, она обрадовалась, накормила его ужиномъ и провела съ нимъ ночь.—Сказка эта имѣетъ, несомнѣнно, очень древнее происхожденіе: въ ней нѣтъ и поминна о томъ

---

(1) Ср. Г. Спенсеръ. Основ. социол. I, 154.

страхъ предъ умершимъ, который былъ привить позднѣйшими воззрѣнiями на покойника; она проникнута самой глубокой вѣрой въ то, что умершiй можетъ, если вздумаетъ, снова возвратиться на землю, къ своей обыденной жизни. Другая сказка о покойницѣ-людоедкѣ вполне объясняетъ отношенiе молодой вдовы къ рѣчамъ Нюлесь-мурта. Купецъ, нанявъ мальчюка караулить свою умершую дочь - людоедку, обѣщаетъ черезъ третью ночь выдать покойницѣ за него замужъ. Мальчюкъ на третью ночь запасся скрпикой и почти всю ночь игралъ плясовые мотивы. Покойница такъ увлеклась пляской, что позабыла время, когда ей нужно было ложиться въ гробъ, и вышла за мальчюкомъ изъ церкви. Послѣ этого она вышла за мальчюка замужъ (¹). Если возможность возвращенiя въ среду живыхъ представляется естественной для человѣка, который умеръ на глазахъ людей, котораго заведомо погребли въ могилѣ, то тѣмъ естественнѣе вѣра въ возвращенiе такихъ людей, которые погибли невидимымъ для другихъ образомъ, напр. утонули. Вотскiй эггесъ показываетъ, что люди не сразу приходятъ къ мысли о томъ, что утонувшiй человѣкъ умеръ и не можетъ вернуться къ жизни. Въ томъ-же эггесѣ г. Первухина имѣются двѣ сказки, въ которыхъ рассказывается о томъ, какъ утопленницы, жившiя въ работницахъ у водянаго, съ согласiя этого послѣдняго выходятъ замужъ за людей и возвращаются на землю (²).

Древне-вотское воззрѣнiе на отношенiе души и тѣла послѣ смерти нашло свое выраженiе въ сказкѣ, записанной г. Верещагиннымъ въ Сосновскомъ краѣ: въ одномъ домѣ блуждалъ по ночамъ духъ неотпѣтаго покойника; нашелся сол-

(¹) Первухинъ. Эск. IV, 79, 52.

(²) Ibid. 67.

дать, который выслѣдилъ, откуда появляется привидѣніе; когда добрались до мѣста, откуда выходило оно, то увидѣли трупъ колодника въ кандалахъ. Тѣло покойника не обнаруживало признаковъ разложенія: щеки горѣли румянцемъ, какъ у спящаго. Конецъ сказки носитъ на себѣ печать христіанскаго вліянія: когда покойника отпѣли, трупъ разсыпался въ прахъ и привидѣніе болѣе не являлось⁽¹⁾. Въ этой сказкѣ ясно выражено вѣрованіе, что при извѣстныхъ условіяхъ жизнь тѣла не прекращается послѣ смерти. Въ другой сказкѣ, записанной тѣмъ-же изслѣдователемъ, это воззрѣніе выражается полнѣе: душа колдуньи входитъ въ тѣло и выходитъ изъ него. Чтобы предупредить такіа путешествія умершаго колдуна, Вотяки считаютъ необходимымъ вколотить въ могилу основной коль. Изъ содержанія сказокъ ясно, что смерть только на болѣе продолжительное время раздѣляетъ душу и тѣло, но не прекращаетъ существующей между ними связи. Съ этимъ выводомъ вполне согласны вотскія вѣрованія. Вотяки Сарапульскаго уѣзда говорятъ, что тѣло послѣ преданія землѣ видитъ сны, какъ и спящій, другими словами, духъ умершаго, какъ и духъ живаго человѣка, по временамъ выходитъ изъ тѣла и совершаетъ странствованія⁽²⁾.

Погребальные и поминальные обряды дополняютъ тѣ представленія о смерти, которыя нашли свое выраженіе въ языкѣ, поэзіи и вѣрованіяхъ.

Опишемъ прежде всего тѣ обряды, съ которыми мы ознакомились лично во время путешествія къ Вотякамъ. Подобно черемисскимъ, вотскіе погребальные обряды свидѣтельствуютъ прежде всего о мысли, что съ умершимъ или съ ду-

---

(1) Вот. Сос. кр. 84. Ср. Тайлоръ I. с. 1, 32.

(2) Ibid. 73, 83.

хомъ его можно говорить. Нѣтъ почти ни одного момента въ обрядѣ, который не сопровождался-бы обращеніями къ покойному. Когда обмытый и одѣтый покойникъ кладется на лавку, старшая женщина въ домѣ уставляетъ около трупа чашки и приготавливаетъ лепешки съ мясомъ (тукмачи). Старшій мужчина въ семьѣ беретъ лепешку, отламываетъ отъ нея трижды по кусочку и кладетъ въ одну чашку, въ другую трижды-же отламываетъ кумишки, говоря при этомъ:

Тааз дунпэни дзэч улд,
сопаз-но дзэч ул. Мил'аэмыс
ти эн лекат, эн аналты. Дзэч
животмэс дзэч ворды, кιάд пы-
дат бас'ты, пиналйосмэс-но
дзэч ут'и, кулэмйоссэ коты-
рад окты, калты. Дзэч жи-
вотмэс шур-лэс', гоп-лэс' воз-
ла. Со лэс'ана шумны, вера-
ны уг тодыс'кы, эн л'екат.
Сейаз дунпэни дзэч ул, бэр-
с'ад, аз'ад эн бас'ты, эн
ул'пас'кы.

На этомъ свѣтѣ жилъ
хорошо, живи хорошо и ва-
томъ. Насъ не мучь, не
тѣсни. Хорошую вашу ско-
тину хорошо береги, въ ру-
ки и ноги возьми, нашихъ
дѣтей смотри хорошо. Мерт-
выхъ вокругъ себя собери.
Хорошую скотину вашу отъ
рѣкъ и овраговъ побереги.
Кромѣ этого ничего не могу
сказать, не сердись. На томъ
свѣтѣ живи хорошо, сзади и
спереди не хватай, не го-
вайся.

За старшимъ ту-же операцію и съ тѣми-же рѣчами
продѣлываютъ и остальные члены семьи. Это — ты рси
(плата) умершему.

Такая же бесѣда съ умершимъ происходитъ и тогда,
когда трупъ кладутъ въ гробъ: „вотъ ты нашелъ новую из-
бу, говорятъ умершему; ее хорошо выстроили, живи хо-
рошо, не сердись“...

Покойникъ остается въ домѣ самое незначительное вре-
мя. Если смерть произошла утромъ, къ вечеру его уже ста-
раются схоронить.

Передъ тѣмъ, какъ выносить гробъ, въ избу умершаго являются сосѣди и другіе жители деревни. Каждый приноситъ кумышки, отливаетъ въ чашку покойника, пьетъ самъ и желаетъ ему счастья въ новой жизни: „будь здоровъ, живи хорошо, за нами не гопайся, не сердись на насъ“. Когда покойника поднимаютъ, чтобы выносить изъ избы, оставшіеся просятъ его оставить свое счастье:

Шуд-дэ, дэлэт-дэ со с'эры счастье и удача съ нимъ пусть
эв лэз', мэд кыл'оз маным. не уходятъ, пусть останется
мнѣ

Выносъ трупа совершается при обстановкѣ, къ которой мало привыкли Русскіе. До околицы покойника несутъ на рукахъ съ пѣснями, потомъ кладутъ гробъ на сани или на телѣгу и везутъ на кладбище. Съ провожающими бываетъ обильный запасъ съѣстнаго и питій: блины, ячница, яйца, пироги, кумышка, пиво или водка. Провожать собираются съ нѣсколькихъ домовъ и всѣ являются съ своей провизіей. Надъ могилкой умершаго происходитъ трапеза; умершаго приглашаютъ вмѣстѣ съ старыми покойниками прійти поѣсть и попить съ своей родней. Часть запасовъ оставляется имъ на могилѣ, часть закапывается въ ямки. Настроеніе провожающихъ далеко отъ печали—они распѣваютъ веселыя пѣсни.

Въ могилу въ Глазовскомъ уѣздѣ бросаютъ кусочки пирога, дѣтямъ сезонныя лакомства—ягоды, овощи. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ къ съѣстному присоединяются деньги.

Тани азвэс', зарни с'отмс'- Тебѣ даю серебра и золота,
кѣйат пыдат кут, вождэ лота, не давай гнѣва, не бро-
эв нѣй, у'род-лы эв кушты, сай злобу, сыновей и дочерей
нылдэ, нидэ дзэч ворды, бэр- хорошо смотри, остатки смо-
кы'лэмзэ дз'эч ут', ворды; со три хорошо, на томъ свѣтѣ
дун'йад ачиннэ дз'эч ул. самъ живи хорошо.

Деньги эти называются въ Барскомъ уѣздѣ „муз'лямъ кертимъ“—плата землѣ. Изъ поминокъ, которыя устраиваются для покойнаго, наиболѣе важными являются годичныя, послѣ которыхъ покойникъ удаляется уже изъ сосѣдства живыхъ. Въ этотъ день колятъ животное, которое обѣщали покойнику, когда оно родилось. Приглашается жрецъ, который передъ трапезой обращается къ усопшему съ приглашеніемъ придти на свой пирь.

ар-уйэд вуна, виро вэ'-
раммы, вал, в'про с'отис-
ком, чун'и сабрас гонвизм,
бур изначо, вождэ эп вай,
дзэч-животмэс дзэч ворды,
асмэс-во. Бэрс'амы, азѣмы
эвни в'отлы ул'пас'кы, уан',
кулэмэ: котрадъ окты, калты.
С'абас'. Лыкты с'инны, юмны
чоч котрадъ калыкэныд.
Тиво п'эр'эс' айос, п'эр'эс'
мумийос лыктэлэ чоч с'инны,
юмны.

Твои годины поспѣли, да-
емъ кровавую жертву, же-
ребенка саврасаго по шерсти,
съ густой гривой. Не сердись,
хорошую скотину хорошо смо-
три и самихъ насъ сзани, спе-
реди не хнатай. Всѣхъ умер-
шихъ около себя собери. Будь
здоровъ! Вмѣстѣ съ окружаю-
щимъ народомъ приходи ѣсть,
пить. И вы дѣды, бабушки
выходите ѣсть, пить.

Стоитъ покойнику явиться послѣ похоронъ во свѣ и
ему немедленно устраивается т ы р о н ъ. Тотчасъ послѣ про-
бужденія на жолобъ погреба или на какое нибудь другое
высокое мѣсто кладутъ яйца и обѣщаютъ устроить помин-
ки, т. е. приготовить кушанье. Обѣщанное угощеніе (каша,
щи) тотчасъ же варится. Часть его съѣдаетъ семья, часть
кладется въ чашку и выносится за уголъ квалы. Совершая
этотъ т ы р о н ъ, глава семьи обращается къ умершему съ
тѣми-же мольбами, что и при первомъ.

Дополнимъ эту картину отдѣльными подробностями, ко-
торыя даютъ другіе авторы. Въ былое время въ Глазов-

скомъ уѣздѣ умершему клали въ ротъ масла или сушеной говядины (¹), мать и теперь кормить ребенка грудью. Чтобы покойникъ не нуждался въ пищѣ, ему на ночь выбрасывали кое-чего на крыльцо (²). Въ Саранульскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Богасевского, тыровъ, устраиваемый тотчасъ послѣ смерти, совершается иначе, чѣмъ въ Глазовскомъ: подъ порогъ крошится хлѣбъ, поливаемый кумышкой, на столъ подъ образами въ тоже время ставятся всевозможныя кушанья и кумышка (³). Тотъ же авторъ сообщаетъ, что кумышка льется и въ гробъ покойнику. Г. Верещагинъ говоритъ, что Сосновскіе Вотяки провожаютъ умершаго для того, чтобы задобрить его; иногда изъ провожавшихъ онъ потомъ будетъ встрѣчать на томъ свѣтѣ и знакомить съ тѣми мѣстами, гдѣ живутъ умершіе (⁴). По словамъ М. Висх Вотяки окрестностей Ижевскаго завода провожаютъ покойниковъ съ пожеланіями, которыя мы знаемъ у Черемисъ: ребенку желаютъ вырасти, не женатому парню или дѣвушкѣ счастливо вступить въ бракъ (⁵). Обстановка, которой окружаютъ умершаго, показываетъ, что похоронный обрядъ сложился въ ту пору, когда Вотяки считали тѣло способнымъ ко всѣмъ тѣмъ функціямъ и ощущеніямъ, которыя оно проявляетъ у живаго человѣка. Мертвый сохраняетъ, судя по ней, всѣ свойства и потребности живаго человѣка. Онъ нуждается не только въ пищѣ и питьѣ, но и въ одеждѣ, теплѣ, въ вещахъ, животныхъ и людяхъ, къ которымъ онъ привыкъ на землѣ. Въ былое время зимой покойника накрывали въ гробу шубой (⁶), теперь въ могилу опускаютъ съ покой-

---

(¹) Бехтеревъ. I. с. IX, 154.

(²) Гауриловъ. I. с. 184. Бехт. I. с.

(³) I. с. 63.

(⁴) Вот. Сос. вр. 29.

(⁵) I. с.

(⁶) Вот. г. 1839. Прил. къ № 3.

никомъ котель, кочельи для плетевія лантей, топоръ и др. вещи; спустя нѣкоторое время для покойника мужчины вольется любимая лошадь, для женщины корова (¹). Г. Богачевскій приводитъ разсказъ о томъ, какъ объясняли Вотяки смерть двухъ церковныхъ сторожей въ одномъ селѣ: „ихъ взялъ батько“ (равѣ умершій) (²). По словамъ г. Филимонова Вотяки и Черемисы убѣждены, что если умершихъ не поминаютъ, то они уведутъ съ собой не только скоть, но и живыхъ родственниковъ, которые имъ нужны въ будущей жизни для работъ (³).

Какъ долго по воззрѣнiямъ Вотяковъ продолжается такое существованiе умершаго, можно видѣть изъ вѣрованiй, которыя высказываются самими ими вообще, изъ произведенiй народнаго творчества и наконецъ изъ поминальныхъ обрядовъ. Идеи вѣчности Вотяки, какъ мы уже знаемъ, не имѣютъ; они взяли слово для обозначенiя ея у Тюрокъ (ешгад-дiнѣ), но все же усопшiе считаются способными существовать неопредѣленно долгое время. По словамъ г. Верещагина, Вотяки питаютъ убѣжденiе, что души умершихъ людей одного колѣна живутъ вмѣстѣ, составляя какъ бы общую семью, въ главѣ которой стоитъ родоначальникъ (⁴). Это убѣжденiе лежитъ въ основѣ обычая отъ времени устраивать кормежки всѣмъ умершимъ родичамъ.

Съ способностью ощущать твердость или мягкость обрुжающихъ предметовъ, потреблять пищу и питье, съ чувствительностью къ температурѣ Вотяки представляютъ себя тѣло человека до тѣхъ поръ, пока не зароятъ его въ мо-

(¹) Бѣст. Геогр. Общ. 1859. II, 107.

(²) I. с. 63.

(³) Черемисы. Каз. 1889. 153.

(⁴) Вот. Сар. у. 73.

гялу. Съ тѣми затрудненіями, которыя представляетъ для существованія погребеннаго челоуѣка насыпанная на него земля, вотская мысль справляется очень пехптримъ способомъ. Могила съ поелевіемъ въ ней умершаго обращается въ избу обыкновеннаго земнаго типа. Въ обѣихъ сказкахъ, говорящихъ о визитѣ къ усопшимъ, на это имѣются опредѣленныя указанія. Какъ совершается эта церемѣна обстановки, до этого Вотяки не додумываются. Что касается другаго вопроса, какимъ образомъ умершій выходитъ изъ могилы, когда надъ ней возвышается земляная насыпь — то Вотяки рѣшаютъ его двояко. Во первыхъ умершему приписывается искусство оборачиваться. Въ сказкѣ о колдунѣ, которую мы приводили уже раньше, обстоятельно рисуется способъ, путемъ котораго духъ умершаго выходитъ изъ могилы на землю. Колдунья-покойница выходитъ мышкой изъ маленькаго отверстія въ могилѣ; затѣмъ она обращается изъ мышки въ кошку, изъ кошки въ собаку, добѣгаетъ до деревни и въ деревнѣ обращается изъ собаки въ челоуѣка (¹). Рядомъ съ этимъ фактомъ слѣдуетъ поставить широко распространенное вотское вѣрованіе, что покойники собираются на мѣста, куда имъ выбрасывается пища, въ видѣ звѣрей (²). Въ другой сказкѣ разсказывается, какъ Вотякъ встрѣтилъ на кладбищѣ свою умершую своаченицу. Она стояла на своей могилѣ и заговорила съ нимъ. Спросивши, куда онъ идетъ, она велѣла закрыть ему глаза. Когда спустя нѣкоторое время онъ по приказу покойницы открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ четырехугольной избѣ. Хозяйка покойницы предупредила его, что къ ней скоро придетъ сватѣба, надѣла на него рубашку своего приготовленія и спрятала подъ заловокъ. Ско-

¹ Вот. Сос. кр. 91.

², Вот. Сос. у.

ро къ ней, дѣйствительно, съ иѣснами взошли покойники и привесли два ведра крови. Хозяйка обмакнула палецъ въ кровь и вышла провожать своихъ гостей. Вернувшись, она велѣла зятю снова закрыть свои глаза и онъ очутился на бѣломъ свѣтѣ. Когда онъ вернулся домой и сталъ разговаривать съ родными, они съ изумленіемъ стали смотрѣть по сторонамъ—слышенъ знакомый голосъ, а чело-вѣка не видно. Вотякъ догадался, въ чемъ дѣло, вышелъ въ сѣни, снялъ рубашку, подаренную свояченицей, и тутъ всѣ стали его видѣть ('). Вариантъ этой сказки, приводимый тѣмъ-же авторомъ далѣе, рассказываетъ просто, что парень и умершая дѣвушка черезъ небольшую пору явились въ могилу (").

Въ обѣихъ сказкахъ мы видимъ указанія на то, что покойники приобретаютъ знанія, которыхъ не имѣютъ и не должны имѣть живые люди. Они могутъ въ своихъ чудесныхъ рубашкахъ незримо присутствовать среди живыхъ. Способы, посредствомъ которыхъ мертвые выходятъ изъ могилъ и приходятъ въ соприкосновеніе съ живыми, показываютъ, что по востскимъ вѣрованіямъ духъ умершаго тотчасъ послѣ погребенія приобретаетъ сверхъестественныя силы и способности, которыхъ онъ не имѣлъ въ земной жизни. Этотъ выводъ стоитъ въ полной гармоніи съ тѣми представленіями о покойникахъ, слѣды которыхъ мы открываемъ въ молитвахъ, обращаемыхъ къ нимъ на поминкахъ. Таинственныя силы, которыми, судя по нимъ, обладаютъ умершіе, вполне объясняютъ и то почтеніе, которое къ нимъ питаютъ живые. Приводимъ одну изъ такихъ молитвъ, записанную нами въ селѣ Кильмезь-Селты Малмыжскаго уѣзда:

(') Вот. Сар у. 178—179.

(") Ibid. 180.

П'эр'эс ан эн чэрэ кар Дѣдушка не посылай бо-
лѣзни, бабушка не посылай
лѣзни, маму чэр эн кар, ас- лам болѣзни, мать не посылай бо-
лам муму чэр эн кар, ас- лам болѣзни, отецъ не посылай бо-
ан чэр эн кар, н о м и н а т ь лѣзни, я вотъ устраиваю по-
в о т карыс'ко, уродлы эн лѣзни, мивки. не отдавай злу, хо-
кушты. джэч' ут', джэч' вор- рошо смотри, хорошо береги,
ды. ачидно джэч ул, мовэно рошо смотри, хорошо береги,
джэч ворды. самъ живи хорошо и намъ
и намъ хорошее создай.

Вотки Сарапульскаго уѣзда изъ окрестностей Пжевскаго завода къ перечисленнымъ просьбамъ прибавляютъ прошеніе, чтобы умершіе дали хорошій хлѣбъ и всякую ѣду (1). Тексты Аминова вносятъ новыя черты въ характеристику того вліянія, которое приписывается умершимъ: „берегите нашу скотину и лошадей, дайте здоровье дѣтямъ“ (2). Ярче всего рисуется жизнь и могущество умершихъ въ слѣдующей молитвѣ, сообщаемой Первухиннымъ: „въ свѣтѣ ходите, о старики, въ ную землю ушли вы; пусть же будетъ у васъ и хлѣба и соли вдоволь и съ пріятелями пусть вы дружно живете! Мы остались послѣ васъ сиротами и мало-мощными; не отрывайте-же вы нашихъ рукъ отъ работъ, семействъ нашихъ не разстраивайте, скотину не мучьте. . . ѣшьте, пейте и пойте иѣсни!“ (3). Представленія объ отношеніяхъ умершихъ къ живымъ обнаруживаются въ обстоятельствахъ, при которыхъ имъ приносятся жертвы.

Нѣтъ мало-мальски выходящаго изъ обыденной жизни предпріятія, по случаю котораго Вотакъ не счелъ бы нужнымъ задобрить умершихъ предковъ подачками. Отправляется-ли Во-

(1) М. Вост. I. с. 609.

(2) Ibid.

(3) Первухинъ. Эск. II, 122.

такъ на свадьбу или въ гости, онъ бросаетъ къ забору или къ деревенскимъ воротамъ кусочки хлѣба и проситъ у умершихъ благословенія. „Ярашыса“, везущіе невѣсту въ жениху, при выѣздѣ изъ деревни и у каждаго встрѣчающагося поленыхъ воротъ бросаютъ съ той-же просьбой кусочки хлѣба (¹). Оканчивается пашня—и деревня приноситъ жертву предкамъ, прося ихъ не сердиться (²). Приступаетъ семья къ жатвѣ. сѣнокосу—и старикамъ возносятся молитва, чтобы они не покидали свою родню и дали полный урожай (³). Также стереотипная просьба повторяется, когда переносить воршуду въ новую куалу (⁴). Выстроить Вотякъ новую конюшню и первымъ дѣломъ торопится принести въ ней жертву предкамъ, чтобы они не давили лошадей и не мучили коровъ (⁵). Въ случаѣ недостаточной внимательности „старика“ самими разнообразными способами даютъ почувствовать свое неудовольствіе. Если у человека во время ѣды выпалъ изъ рта хлѣбъ, онъ знаетъ уже, что этотъ кусокъ вытащилъ покойникъ (⁶). Умершіе затрудняютъ для мучающейся женщины роды, задерживаютъ душу у родившагося младенца и заставляютъ упрашивать себя бабу; „предки, братья, дайте душу“—умоляетъ въ такихъ случаяхъ въ Саранульскомъ уѣздѣ бабу (⁷). Затѣмъ они посылаютъ на провинившихся потомковъ болѣзни, затаскиваютъ въ лѣсъ скотъ или посылаютъ на него морь (⁸). Однимъ изъ наказаній, которыя практикуются

(¹) Вот. Сар. у. 104, 125—126.

(²) Вот. Сос. кр. 47.

(³) Ibid 215.

(⁴) Вот. Сар. у. 93.

(⁵) Вот. Сос. кр. 59.

(⁶) Munkacsí B. Vol. Népk. 14.

(⁷) Вот. Сос. кр. 85.

(⁸) Ibid. 207. Отсюда всегдашняя просьба: «онъ чыртъ, онъ шыжты».

покойниками, являются щипки: если у Вотяка появится на шеѣ небольшое синеватое пятно, онъ говорить, что его уцѣпнунуль покойникъ — родственникъ ('). Покойники между прочими винами наказываютъ за истребленіе своихъ насѣкомыхъ; такова напр. молочайная гусеница (кулакъ муртъ бу-были) (').

Откуда же взялось представленіе, что покойники, обладаютъ сверхъестественными силами? Происхожденіе этого вѣрованія намъ представляется совершенно яснымъ. Мы знаемъ уже, что мертвые сохраняютъ всѣ свойства живыхъ, а о древнихъ людяхъ Вотяки рассказываютъ, какъ о богатыряхъ и существахъ, способныхъ творить чудеса, оборачиваться въ разныхъ звѣрей и т. д. Эти древніе богатыри и дали, конечно, первую идею о могуществѣ предковъ. Сказки даютъ намъ ключъ къ объясненію и того обстоятельства, какимъ образомъ обыкновенные смертные приобрѣтаютъ сверхъестественное могущество: какъ дѣвушка даетъ парню рубашку, которая дѣлаетъ его невидимымъ, такъ ранѣе умершіе предки вообще могутъ обучать своимъ тайнамъ позднѣйшихъ. Что касается страха предъ умершими, то основаніемъ его является, конечно, вѣра въ то, что умершіи могутъ взять къ себѣ живущаго, если тотъ не будетъ ублажать его.

Поэзія, вѣрованія и поминальные обряды привели насъ къ убѣжденію, что Вотяки смотрятъ на смерть, какъ на переходъ въ другую жизнь, гдѣ человекъ сохраняетъ свою природу, свои потребности, привычки и обстановку. Есть основанія думать, что совокупность этихъ представленій держится въ настоящее время у Вотяка наполовину уже въ

(') Вост. Сос. кр. 76. Ср. Тайлоръ. — душа бабочка.

(') Ibid.

силу традиціи. Лучшимъ свидѣлемъ того разрушенія, которому, незамѣтно для самихъ Вотяковъ, подвергается ихъ взглядъ на усопшихъ и загробную жизнь, служитъ культъ или точнѣе одинъ изъ элементовъ его—жертвы, приносимыя усопшимъ. Здѣсь замѣчается колебаніе между двумя воззрѣніями: 1) что покойникъ живетъ духомъ и тѣломъ, 2) что покойникъ живетъ только духомъ. Первое вѣрованіе выражается въ томъ, что покойнику поступаетъ въ пищу то же, что и живымъ—хлѣбъ, кумышка, мясо; второе сказывается въ представленіи, что умершему въ пользузаніе поступаетъ душа жертвы—подобное ей существо. Въ одной вотской сказкѣ говорится, что солдату, котораго принимали за умершаго и поминали въ то время, какъ онъ возвращался на родину все мерещилась утка; когда онъ пришелъ домой, оказалось, что его поминали уткой⁽¹⁾.

Что первое воззрѣніе утратило уже свою ясность, начинаетъ стираться, видно изъ качества и количества яствъ, достающихся усопшимъ отъ поминальной трапезы. Отъ поминальныхъ яствъ умершимъ откладываютъ лишь по кусочку въ буракъ или въ ямку, сдѣланную въ могилѣ съ пожеланіями, чтобы это предстало предъ ними⁽²⁾ (у нѣкоторыхъ родовъ кусочки, предназначенныя для умершихъ, выставляются на столбъ на дворѣ),⁽³⁾ отъ животнаго, которое колетъ Вотякъ, имъ посвящается кровь и кости, которыя выбрасываются на особое мѣсто⁽⁴⁾. При жертвоприношеніи въ новой конюшнѣ для умершихъ зарываются въ передній уголъ кости⁽⁵⁾. При закланіи въ память мужскимъ лошади,

(1) Вот. Сос. кр. 208.

(2) М. Вух. I. с. 610. Перв. Эск. II, 120—121.

(3) Верещагинъ. Вот. Сар. у. 101.

(4) Ibid. 611. «Лы-кушан».

(5) Вот. Сос. кр. 59.

въ память женщины коровы для нихъ выдѣживается въ особую посудину кровь (¹). Мясо ѣсть семья, кости собираются для усопшихъ въ одно мѣсто, затѣмъ въ головной черепъ кладется копѣйка, все это двое мужиковъ относить ночью въ пестерикѣ въ лѣсъ подѣ елку; тамъ же оставляютъ рюмку съ кумышкой (²).

Если во всемъ подобныя людямъ существа начинаютъ довольствоваться ничтожными частицами принесенной жертвы или негодными для живущихъ ея элементами, это самымъ положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ о разрушеніи прежняго вѣрованія въ полное тождество умершихъ съ живыми по природѣ и говоритъ о зародышахъ новыхъ, болѣе спиритуалистическихъ представленій. Намекомъ на возникновеніе ихъ является извѣстное уже представленіе, что умершему (духу) поступаетъ въ распоряженіе духъ же жертвы; обычай отдавать усопшимъ кровь (жизнь) жертвы составляютъ переходъ къ этимъ новымъ представленіямъ (³).

(¹) Вот. Сос. кр. 60.

(²) Вот. Сар. у. 101, 207—208.

(³) Ср. «Кровь—душа». Тайлоръ. Перв. культ. II, 422. Bastian. Beitr. fur vergleich. Psych.

Глава V.

Вѣрованія Вотяковъ. Души явленія природы. Исторія Кивара. Фетишизмъ и антропоморфизмъ. Зарожденіе спиритуалистическихъ представленій о божествахъ и слѣды его въ культѣ. Вопросъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Вотяковъ и связь ихъ съ эпохой каннибализма. Вліяніе ислама и христіанства на развитіе вотскихъ религіозныхъ идей.

Въ предыдущей главѣ было высказано общее положеніе, что сужденія объ окружающихъ предметахъ Вотякъ формировалъ по образцу сужденій о самомъ себѣ. Признавши въ себѣ тѣло и духъ, Вотякъ перенесъ это возрѣніе на весь окружающій міръ и населилъ его массой существъ, по своей природѣ подобныхъ человѣку. Жертвуя іерархическимъ порядкомъ и культурно-исторической перспективой ради большей доказательности, мы начнемъ наше изложеніе съ сравнительно высокой стадіи развитія вотскаго анимизма, съ антропоморфныхъ духовъ дома, воды, полей, лѣсовъ, вѣтровъ, огня, земли, неба, солнца и луны. Лучшій матеріалъ для изученія ихъ природы заключается въ народномъ эпосѣ.

Ранѣе стихійныхъ духовъ, несомнѣнно, Вотяки создали цѣлый рядъ духовъ, обитающихъ въ разныхъ людскихъ постройкахъ; таковы Корка-муртъ (домовой), Гондырь-муртъ, живущій въ конюшняхъ, Тэди-муртъ — въ банѣ (— Муучо-муртъ), Обинь-муртъ — въ овинѣ, Вожо — въ заброшенныхъ постройкахъ.

Корка-муртъ—пожилой мужикъ въ тулупѣ, вывернутомъ наружу; видѣть его невозможно, но можно ощупать и схватить. Подобно русскому домовому, онъ исполняетъ иногда за хозяйку ея работы (¹). О его близости къ человѣку по природѣ свидѣлствуютъ два обстоятельства. Во первыхъ Корка-мурты подмѣниваютъ своихъ дѣтей вмѣсто человѣческихъ ребятъ; чтобы обезпечить ребенка, отъ подмѣна ему, когда оставляютъ одного, кладутъ какое нибудь рѣзущее орудіе (²). Во вторыхъ нѣкоторые Корка-мурты были обращены въ людей; для этого стоило надѣть на нихъ кресты. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ называютъ деревни, населеніе которыхъ будто-бы произошло отъ окрещенныхъ Корка-муртовъ. Жители ихъ отличаются темнымъ цвѣтомъ кожи и волосъ (³).—Гидь-муртъ ухаживаетъ за лошадьми. Это маленький старикашка ростомъ не болѣе ½ аршина (⁴). О природѣ его можно судить по тому, что въ Глазовскомъ уѣздѣ рассказываютъ про мужика, который сжегъ Гидь-мурта (⁵). По другимъ рассказамъ Гидь-муртъ имѣетъ видъ медвѣдя.—Тэди-муртъ—высокій мужикъ среднихъ лѣтъ: одѣвается въ бѣлую рубаху и такія-же штаны (⁶). Въ пустыхъ, заброшенныхъ за смертью хозяевъ, домахъ живутъ Вожо-йосъ. Въ первой книгѣ г. Верещагина мы находимъ темное опредѣленіе: „Вожо богъ страха и привидѣній; ему приносить въ жертву кодь (?) по случаю болѣзни ногъ и въ женскихъ болѣзняхъ, получаемыхъ отъ страха“ (⁷). Природа Вожо отчетливо вы-

(¹) Первухинъ. Эск. I, 91.

(²) Первухинъ. Эск. V. В. Г. В. 1889, №

(³) Верещагинъ. Бог. Сар. у. 27, 30.

(⁴) Первухинъ. Эск. I, 94.

(⁵) Ibid. 93.

(⁶) Ibid. 95.

(⁷) Бог. Сос. кр. 31.

испилось благодаря сказкамъ, изданнымъ въ текущемъ году г. Первухинымъ. Вожо-люс могутъ принимать разные виды; они являются предъ идущими поздно ночью людьми то угломъ избы, то столбомъ ⁽¹⁾; когда нужно Вожо, принимаютъ на себя, видъ людей ⁽²⁾. Сказки много говорятъ о ихъ прѣдѣлахъ, но даютъ недостаточно ясное представленіе о ихъ внѣшнемъ видѣ и природѣ. Между Вожо есть мужчины и женщины; тѣ и другіе не прочь отъ сношеній съ людьми и людскихъ работъ. Одинъ парень выдалъ ихъ на своемъ гумнѣ молоташни ⁽³⁾; другой, говоритъ Гвинская сказка, чуть не женился на дѣвкѣ Вожо; попъ надоумилъ его и сказалъ, что это вовсе не дѣвка, а деревянный чурбанъ ⁽⁴⁾. Они плодятся, какъ люди; плачь маленькихъ Вожо Вотяки часто слышать около нежилыхъ построекъ ⁽⁵⁾. Сказка, записанная г. Первухинымъ въ Поломской волости, устанавливаетъ какую-то связь между Вожо и Ву-муртами. Съ пѣниемъ пѣтуха Вожо убѣгаютъ съ земли и скрываются въ воду ⁽⁶⁾. Въ Вожо можетъ обратиться всякій человѣкъ, стоитъ только Вожоюмъ снять съ него крестъ ⁽⁷⁾.

Къ числу существъ, охраняющихъ интересы человѣка относятся Межа-Утисъ, Мушуръ-Утисъ, Шудъ, Воршудъ. Межа-Утисъ — бородатый мужикъ въ бѣлой одеждѣ и сѣрой шапкѣ; онъ ходитъ по межамъ и охраняетъ отъ насѣкомыхъ

⁽¹⁾ Первухинъ. Эпз. I, 100.

⁽²⁾ Ibid. IV, 56.

⁽³⁾ Ibid. 59.

⁽⁴⁾ Ibid. 58.

⁽⁵⁾ Ibid. 60.

⁽⁶⁾ Ibid. 61.

⁽⁷⁾ Ibid.

и птицъ засѣявныя поля⁽¹⁾. Мушур-утись оберегаетъ рѣчки отъ пересыханія⁽²⁾.

Образъ Шуда рисуется отчетливо въ сказкѣ, записанной въ Елабужскомъ уѣздѣ г. Потанинымъ. Раздѣлились два брата. Одинъ послѣ раздѣла сталъ богатѣть, другой бѣднѣть. Проснулся разъ бѣднякъ во время страды на полосѣ и видитъ, что какой то человекъ ходитъ по полю, собираетъ разсоренныя колосья и зерна и прячетъ ихъ въ снопы. Этотъ человекъ былъ Шудъ брата - богача. Гдѣ-же мой Шудъ? — спросилъ бѣднякъ. Шудъ богача сказалъ ему, что онъ увидитъ своего Шуда въ лѣсу подъ елкой; пошелъ Вотякъ въ лѣсъ, сталъ подъ елку и явился къ нему его Шудъ въ видѣ мужика въ пливовыхъ штанахъ и Александровской рубашкѣ. Щеголь Шудъ объявилъ Вотяку, что только тогда будетъ помогать ему, когда онъ начнетъ торговать⁽³⁾.

Духи явленій окружающей природы обладаютъ, подобно духамъ домовымъ, способностью обращаться въ различныя существа. Нюлесъ муртъ является иногда старикомъ въ телеграфный столбъ вышней, иногда обыкновеннымъ человекомъ; случалось, что онъ оборачивался солдатомъ⁽⁴⁾. Нюлес-муртовъ множество, они живутъ въ лѣсу въ избушкахъ похожихъ на вотскія⁽⁵⁾. Избы эти устроены совершенно, какъ вотскія, съ полатями и печкой⁽⁶⁾. Иногда Нюлесъ мурты живутъ въ ямахъ-землянкахъ⁽⁷⁾. Они носятъ такую же

(1) Верещагинъ. Вот. Сор. у. 92.

(2) Ibid.

(3) Изв. К. О. А. М. и Э. III, 231.

(4) Верещ. Вот. Сос. кр. 155, 167.

(5) Ibid. 157.

(6) Пера. IV, 81.

(7) Ibid. 82.

одежду, какъ и люди (ихъ видали, какъ они плетутъ заги), ведутъ хозяйство и забираютъ людей въ работники (¹). Какъ люди, Нюлесъ-мурты устраиваютъ браки и пируютъ на нихъ. Место, по которому проѣхала свадьба Нюлесъ-муртовъ, можно узнать по тому, что тутъ бываетъ навалено множество сломанныхъ деревьевъ. Для своихъ поѣздовъ Нюлес-мурты выбираютъ участки людей, которые не приносятъ имъ жертвъ (²). Лошади Нюлес-муртовъ отличаются отъ человѣческихъ тѣмъ, что летаютъ надъ лѣсомъ (³). По своему внѣшнему виду Нюлесъ-мурты отличаются отъ людей чернымъ цвѣтомъ кожи (⁴). Отношенія Нюлес-муртовъ къ людямъ часто бываетъ дружественныя (⁵). Они вступаютъ въ связи съ женщинами (⁶). Сходство Нюлесъ-муртовъ съ людьми заключается и въ томъ, что, подобно людямъ, ихъ можно убивать, напр. застрѣлить изъ обыкновеннаго ружья, только зарядивши его липовой щепкой (⁷). Глазовскіе Вотяки рассказываютъ объ охотникѣ, который сжегъ на костре вѣскольکو маленькихъ нюлесъ-муртенковъ, которые подошли къ нему погрѣться (⁸). Въ отличіе отъ людей Нюлес-мурты обладаютъ необыкновенной силой. Они съ корнями вырываютъ небольшія деревья и пользуются ими, какъ простой палкой (⁹). Неподростій еще нюлес-муртенокъ, прыгнувши въ избѣ Вотяка, проламыва-

---

(¹) Вот. Сос. кр. 158.

(²) Перв. Эск. IV, 83.

(³) Ibid. 78.

(⁴) Ibid. 80.

(⁵) Ibid. 81.

(⁶) Ibid. 80.

(⁷) Вот. Сар. у. 195.

(⁸) Перв. Эск. IV, 77.

(⁹) Вот. Сар. у. 158.

еть дыру въ потолокъ (¹). Свистъ Нюлесъ-мурта производить буря, которая способна разметать человѣческія постройки (²). Благодаря его способности производить вѣтеръ, безъ его участія не проходитъ ни одной войны: пустить Нюлесъ-муртъ на встрѣчу войску вѣтеръ и пыль—и тѣ, которымъ онъ помогаетъ, вавѣрное побѣждаютъ (³). Роль Нюлес-муртовъ въ лѣсу выражается между прочимъ въ томъ, что они разрѣшаютъ звѣрямъ залегать въ норы и берлоги, посылаютъ охотникамъ добычу, скотниѣ кормъ (⁴).

Казанскіе Вотяки говорили о. Миропольскому, что въ старину въ лѣсахъ было много разныхъ духовъ—но перевелись лѣса, перевелись и духи (⁵). Слова своихъ казанскихъ родичей могли бы подтвердить вятскіе Вотяки, окруженные до сихъ поръ еще дремучими лѣсами. Въ ихъ лѣсахъ живутъ Искаль-пидъ-мурты, Палэсъ-мурты, Кузьпинэ-мурты, Кукри-баба, калмык-кышно. Искаль-пид-муртъ имѣетъ видъ человѣка съ ногами, покрытыми шерстью и заканчивающимися копытами. Онъ врагъ людей и питается ихъ мясомъ (⁶). Палэсъ-муртъ представляетъ собою нѣкоторымъ образомъ половину человѣка. У него одна рука, одна нога, одинъ глазъ: только носъ и ротъ, какъ у человѣка (⁷). Кузьпинэ-муртъ—человѣкъ страшнаго вида съ длинными, какъ-бы волчьими зубами. Онъ живетъ въ лѣсу и питается человѣческимъ мясомъ (⁸).

(¹) Вот. Свр. у. 191.

(²) Вот. Сос. нр. 158.

(³) Вот. Свр. у. 190.

(⁴) Перв. Эск. IV, 82—83.

(⁵) Прав. Соб. 1876, XII, 354.

(⁶) Перв. I, 88.

(⁷) Ibid.

(⁸) Вот. Сос. нр. 158.

Какъ и другіе духи, Кузьпине - мурты не обезпечены отъ смерти. Г. Верещагинъ приводитъ сказку о томъ, какъ три брата - Вотяка попали въ избушку Кузьпина-муртовъ, накарили двухъ изъ нихъ въ печи, а третьяго убили (¹). Кукрибаба и Балмык-кшно тождественны по своему виду съ нашей бабой-ягой(²).

Природа Ву-муртовъ въ вотскомъ эпосѣ обнаруживается еще ярче. Ву - мурты живутъ въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ. Ихъ матеріальность выражается въ томъ, что людиѣды вотскихъ сказокъ имѣютъ заготовленнымъ мясо людей и Ву-муртовъ (³). Наружность Ву-мурта описывается Вотяками различно. Чаще всего овъ рисуется въ видѣ обыкновеннаго человѣка, но, по словамъ г. Верещагина, нѣкоторые описываютъ его чудовищемъ съ однимъ глазомъ въ спинѣ и длинными волосами. Иногда у нихъ отпадаютъ пальцы и вырастаютъ новыя. Женщины Ву-муртовъ отличаются необыкновенной красотой (⁴). Ву-мурты, подобно людямъ, нуждаются во врачебной помощи и обращаются за ней по временамъ къ людямъ. Безусловно необходимой для Ву-муртовъ человѣческая помощь оказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь броситъ въ воду живиши щенковъ. Щенки вдѣпляются зубами въ грудь женѣ Ву-мурта и она не въ состояніи оказывается освободиться отъ нихъ (⁵). Подобно людямъ, они живутъ семьями и плодятся. Жены Ву - мурты испытываютъ такіа - же муки роженія, какъ и обыкновенныя женщины (⁶). На помощь

(¹) Вот. Сос. кр. 160.

(²) Ibid. 166. Ср. Вот. Свр. у. 185.

(³) Гавр. Пронзв. Нар. Слов. Вот. 130.

(⁴) Вот. Свр. у. 87.

(⁵) Пера. I. с. 62.

(⁶) Пера. IV, 62.

родильницамъ Ву-мурты приглашаютъ бабъ повитухъ съ земли. Говорятъ между собою Ву-мурты по человѣчески (*). Одѣваются они какъ деревенскіе богачи (*). Подобно Ню-лесь-муртамъ, они хорошо живутъ съ людьми, принимаютъ ихъ къ себѣ въ гости, сами ходятъ къ нимъ и караютъ только за непочтенеіе (*). Дочери Ву-муртовъ выходятъ иногда замужъ за людѣй (*). Въ свою очередь Ву-мурты не прочь вступать въ браки съ дочерями людей (*). Иногда Ву-мурты совѣтъ даже устраиваются на житье среди людей. Въ одномъ городѣ Ву-муртъ открылъ торговлю рыбой (*). Ву-мурты такъ-же, какъ и люди, смертны. Одинъ Вотякъ застрѣлилъ Ву-мурта изъ ружья; убитый упалъ въ воду и вся вода сдѣлалась отъ крови красной (*).

Какъ могутъ существовать Ву-мурты въ водѣ, это такая-же тайна, какъ и существованіе умершихъ въ могилахъ. Въ водѣ для Ву-муртовъ такая-же дорога, какъ на сушѣ. Намазавшись особой, извѣстной имъ мазью, здѣсь можно ходить, какъ по землѣ (*). Эта же мазь дѣлаетъ человѣка невидимымъ и помогаетъ ему видѣть Ву-муртовъ. Человѣкъ, знакомый съ Ву-муртами, можетъ ходить въ водѣ, какъ въ пузырь (*).

Когда человѣку случается вступить въ владѣнія Ву-мурта, онъ такъ же долженъ закрыть глаза, какъ и живой, проши-

---

(*) Перв. Эск. IV, 70.

(*) Ibid. 72.

(*) Ibid. 70.

(*) Ibid. 69.

(*) Ibid. 72.

(*) Ibid. 76.

(*) Ibid.

(*) Вот. Свр. у. 193—194.

(*) Вот. Сос. кр. 114.

кающій за мертвецомъ въ могилу (¹). Но разъ проникнувши въ воду, человекъ, какъ и въ мирѣ усопшихъ, видитъ такую-же близкую къ человѣческой обстановку — избу, дворъ, устланный тесовымъ поломъ, кругомъ двора высокіе амбары (²). Передъ амбарами Ву-мурты, какъ и люди, держатъ собакъ (³). У нѣкоторыхъ Ву-муртовъ дома стеклянные. Для своихъ хозяйственныхъ надобностей они, подобно Нюлесь-муртамъ, берутъ людей въ работники (⁴). Дома ихъ отапливаются дровами, которыя они возятъ изъ лѣсовъ (какихъ?) на лошадяхъ (⁵). Лошадь эти — превращенные люди, которыхъ Ву-мурты хватаютъ во время купанья (⁶). Проникая въ воду, Ву-муртъ ударяетъ по ней палкой и она разступается. Ву-мурты обладаютъ искусствомъ оборачиваться въ разныхъ звѣрей и неодушевленные предметы (⁷). Въ нашей сказкѣ Ву-перн оборачивается пламспемъ, периной. Оборачиваясь въ людей, Ву-мурты разгуливаютъ по базарамъ и ихъ не отличаютъ отъ другихъ въ базарной толпѣ. Но средства узнать Ву-мурта есть: одна старуха, принимая ребенка у жены Ву-мурта, помазала себѣ дѣтскими испражнениями глаза и стала съ тѣхъ поръ видѣть Ву-муртовъ (⁸); другая примѣта Ву-мурта заключается въ томъ, что лѣвая поля его кафтана всегда мокра (⁹).

(¹) Пера. I. с. 62.

(²) Ibid.

(³) Ibid. 64.

(⁴) Ibid.

(⁵) Ibid.

(⁶) Ibid.

(⁷) Пера. IV, 73. Ср. наши приложенія.

(⁸) Ibid. 62.

(⁹) Ibid. 65.

Лудь - мурты не встрѣчаются въ извѣстныхъ до сихъ поръ произведеніяхъ вотской народной словесности. Вотскими съ представленіями о нихъ насъ знакомятъ разсказъ одного Казанскаго Вотяка, записанный священникомъ Мирнопольскимъ. Вотякъ во время болѣзни видѣлъ цѣлую семью Лудь - муртовъ — мужику и жевщину съ груднымъ ребенкомъ⁽¹⁾. По представленію Глазовскихъ Вотяковъ это маленькій человѣчекъ ростомъ съ патылѣтняго ребенка. Ростъ его можетъ уменьшаться или увеличиваться, смотря по тому, гдѣ онъ находится—между колосьями или луговой травой⁽²⁾. Имя духа вѣтровъ Тылъ-мурта упоминается впервые у Шестакова⁽³⁾; о Тылъ-пэри говоритъ въ своемъ первомъ эскизѣ г. Первухинъ. У Глазовскихъ Вотяковъ этотъ духъ рисуется по видимому, съ недостаточной ясностью: г. Первухинъ говоритъ, что свойства и наружность этого божества неизвѣстны: именемъ Тылъ-пэри Вотяки называютъ вихрь⁽⁴⁾. —

Намъ посчастливилось найти матеріалы, въ которыхъ природа Тылъ-пэри обнаружилась съ такой-же ясностью, какъ и природа выше описанныхъ муртовъ; это прилагаемая ниже сказка Вотяковъ Бирскаго уѣзда. Въ изображеніи Бирскихъ Вотяковъ Тыл-пэри рисуются въ тѣхъ-же чертаніяхъ, какъ и другіе стихійные духи. Тылъ-пэри или Даупэри имѣютъ человѣкообразную природу: они живутъ подъ землей въ роскошныхъ домахъ и похищаютъ себѣ въ жены земныхъ женщинъ. Они отличаются громадной силой, но человѣкъ можетъ, напившись особаго ниты, бороться съ Тыл-пэри и даже побѣждать ихъ. О приближеніи Тылъ - пэри свидѣтельствуютъ черныя тучи.

---

(1) Прав. Соб. 1876, XII, 353.

(2) Пера. Эск. I, 87.

(3) Вѣст. Геогр. Общ. 1859. II,

(4) Пера. I, 87.

За духами, которые во множествѣ населяютъ окружающій Вотака міръ, слѣдуютъ одиночные духи, свойственныя одиночнымъ же явленіямъ природы—таковы духи солнца, луны, неба и земли, грома, молніи, дождя. Въ представле-ніяхъ объ этихъ духахъ у Вотаковъ совершился тотъ-же процессъ, который намъ извѣстенъ у Черемисъ. Вотаки знаютъ Шунды-мумы, Музьэмъ-мумы, Гудури-мумы, т. е. мать солнца, мать земли, мать грома и рядомъ съ ними въ сказкахъ солнце и луна рисуются въ видѣ мужчинъ.

Нѣкоторые изъ этихъ духовъ имѣютъ въ сказкахъ вполне ясныя антропоморфныя черты. Солнце и луна рисуются въ воображеніи Вотаковъ въ видѣ существъ мужескаго пола, столь близкихъ по природѣ своей къ людямъ, что между ними возможны брачные союзы. Венгерскій изслѣдователь Вотаковъ г. Мункачи приводитъ въ своемъ сборникѣ сказку, въ которой рассказывается о томъ, какъ одинъ человекъ женился на сестрѣ солнца—дочери Шунды-мумы. У г. Верещагина напечатана другая сказка—о мужикѣ, который выдалъ двухъ своихъ дочерей за Солнце и Луну. Обѣ сказки опредѣленными чертами рисуютъ природу этихъ существъ. Солнце и Луна—человѣкообразныя существа. Солнце—плѣшивый старикъ, на голсомъ темени котораго, какъ на сковородѣ, можно печь блины. Луна—мужикъ, у котораго пальцы испускаютъ свѣтъ. Оба живутъ въ избахъ, съ разными хозяйственными пристройками—погр. бани и пр. Изба солнца отличается отъ обыкновенной человѣческой только тѣмъ, что въ ней нѣтъ печи (¹). Въ сказкѣ г. Мункачи обстановка солнца рисуется болѣе подробно. На краѣ земли стоитъ пышный дворецъ, какого нѣтъ и у царя. Здѣсь живетъ солнцева мать. Сюда прилетаетъ каждый вечеръ, отсюда выле-

---

(¹) Вот. Сос. кр. 139—140.

тасть каждое утро солнце. Во дворцѣ стоитъ два котла: одинъ съ ледяно-холодной, другой съ кипящей водой. Вылетая изъ своего дворца утромъ, солнце сначала погружается въ холодный, потомъ въ кипящій котель; возвращаясь оно проходитъ сначала черезъ кипящій, а потомъ черезъ холодный. Способность не мерзнуть, не жечься и держаться на небесной высотѣ солнце можетъ сообщить человѣку, какъ Вумуртъ способность ходить въ водѣ и духи умершихъ способность проникать въ могилы. Герой сказки, записанной г. Мункачи, въ теченіе одного дня выполнять на небѣ должность солнца — съ его позволенія. Но царь, которому онъ сообщилъ секретъ, погибъ въ кипящемъ встлѣ. Сестры солнца обладаютъ такимъ же могуществомъ, какъ и Вумурты: жена Вотяка въ одну ночь, созвавши духовъ, воздвигаетъ громады постройки (¹). Вотскія легенды, изданныя въ новѣйшее время г. Первухинимъ, даютъ матеріалъ для характеристики вотскихъ воззрѣній на природу духа земли — Му-кылдысына. Пока свѣдѣнія объ этомъ существѣ ограничивались именемъ и устраиваемыми въ честь его жертвоприношеніями, его — природа была неясна. Одни говорили о женскомъ божествѣ, матеря — землѣ, другіе о мужскомъ, третьи видѣли въ словѣ Кылдысынъ простой эпитетъ Ипмара — творецъ-небо (²). Два обстоятельства даютъ намъ въ настоящее время право констатировать, что въ представленіяхъ о землѣ у Вотяковъ имѣетъ мѣсто таже двойственность, что и въ представленіяхъ о солнцѣ. Было время, когда земля представлялась женщиной. Кромѣ имени, которое держится еще до сихъ поръ, въ пользу этого предположенія говорить и аналогія. У родственныхъ Вотякамъ Зырянъ со-

---

(¹) Munkacsí B. Votjak Népköl. Nag. 69—72.

(²) Гаур. I. с. 157, М. Вач. I. с. 593, Перв. I, 12.

хранилось воспоминаніе о богинѣ, которая исполняла функціи вотскаго Кылдысна—ходила по межамъ и охраняла посѣвы. Эта богиня поситъ въ настоящее время русское имя полосницы—пѣлѣвича (¹). Позже въ этихъ представленіяхъ совершился переворотъ; мѣсто женщины у Вотяковъ занялъ старикъ съ длинными сѣдыми волосами, въ длинной бѣлой одеждѣ. Онъ жилъ въ такой-же куалѣ, какъ и всѣ Вотяки и ходилъ по широкимъ межамъ, заботливо поднимая каждый пагнувшійся хлѣбный колосокъ (²). Два образа, которые явились одинъ за другимъ въ сознаніи Вотяка, онъ примирилъ, породивши земную мать и Кылдысна. Вмѣсто матери—земли явилась Кыдыснѣ-муми.

Особо отъ цѣлаго ряда антропоморфныхъ божествъ стоятъ Инмаръ и Квазъ. Надъ объясненіемъ имени перваго божества работали не одинъ этнографъ. Всѣ толкованія сводятся къ тому, что имя Инмара составилось изъ двухъ вотскихъ словъ ии или ии'—небо и мар—что. Такое толкованіе намъ представляется недостаточно удовлетворительнымъ. Прежде всего противъ него говоритъ довольно таки бессмысленная композиція; перевода буквально это сочетаніе словъ, мы получимъ „небо-что“. Можно сказать наѣтрное, что другаго примѣра такого построенія слова не укажетъ въ вотскомъ языкѣ ни одинъ филологъ. Пускай этимъ именемъ первобытный Вотякъ пытался обозначить то нѣчто, которое владычествуетъ надъ доступнымъ его чувствамъ объектомъ, и не сумѣлъ оформить яснѣе свою свою мысль. Но почему-же тогда мы не найдемъ рядомъ съ Инмаромъ—Шупды-мар'а, Ву-мар'а, Гудуры-мар'а Нюлес-мар'а, Тыл-мар'а. Вѣдь нѣчто, предполагаемое Вотяками за этии:

(¹) Рефер. Кандиискаго въ М. О. Л. Е. А. и Этн.

(²) Перв. Эск. I, 8.

явленіями также мало ясно для нихъ, какъ и вѣчто, стоящее за видимымъ небомъ. Какъ объяснить то, что обозначивши для воды, лѣса, вѣтра, грома и солнца стоящаго за ними духа именовемъ м у р т ь или м у м ы, Воткакъ сочинилъ для неба неуклюжую смѣсь вопросительнаго мѣстоименія съ названіемъ предмета? Не логичнѣ ли было бы ожидать, что создавши муртовъ воды, вѣтра, лѣса и т. д. онъ создалъ и Ин-мурта или Ин-морта — небснаго человѣка? Мы рѣшаемся утверждать, что имя И н м а р ь смѣнилось первичное И н м у р т ь: за такое толкованіе логика вотской мифологіи, противъ него, повидимому, и фонетическій составъ слова — гласный а вмѣсто у или о и отсутствіе въ концѣ согласнаго т. Было-бы желательно, чтобы спеціалисты-филологи высказались въ пользу или противъ подобнаго измѣненія слова. Считать такую замѣлу теоретически невозможной мы не видимъ основанія. Въ пользу нашего предположенія говорить одна изъ индукцій общаго языковѣдѣнія: устойчивость фонетическихъ элементовъ слова зависятъ отъ того, въ какой степени народъ сознаетъ значеніе морфологическихъ частей его (Будуэнь-де-Куртэвэ). Теряетъ народъ въ силу тѣхъ или другихъ причинъ представленіе о томъ, что означаетъ данный комплексъ звуковъ и устойчивое равновѣсіе его нарушается: звуки, не сдерживаясь морфологическимъ чутьемъ, подвергаются разнообразнымъ измѣненіямъ, которыя вызываються физиологическими и другими причинами. Представимъ себѣ, что по какимъ нибудь причинамъ Воткакъ, произнося слово Ин-муртъ, пересталъ понимать его, какъ небо-человѣкъ или небесный человѣкъ, что для него стало невозможнымъ сочетать понятіе о небѣ и человѣкѣ. Чего должны мы ожидать въ силу приведеннаго выше положенія? Морфологическая часть сложнаго слова Ин-муртъ — м у р т ь переставеть

вызывать идею человека, утратить свои корни в сознании, обратится в нечто не знающий комплекс звуков, сольется нераздельно с первой частью (И н) и может подвергнуться самым разнообразным изменениям в зависимости от фонетических законов вотского языка; согласный т в конце слова отпадет, как отпадают лишние согласные в сотнях подобных случаев. История религиозных идей у Вотяков констатирует, как факт, то, что мы приняли, как предположение. Припаятая нами перемѣна въ представленіяхъ о небѣ, дѣйствительно, совершилась у Вотяковъ. Вотскій анимизмъ, вѣроятно, не позже XIII в. пришелъ въ соприкосновеніе съ мусульманскимъ монотеизмомъ. Въ сознаніе Вотяковъ вторгнулись новыя идеи. Въмѣсто сонма разныхъ духовъ, управляющихъ явленіями природы, имъ стали говорить о единомъ Богѣ, создавшемъ міръ и управляющемъ имъ. Гдѣ обитаетъ этотъ великій Богъ—спрашивалъ естественно анимистъ-Вотьякъ мусульманина и получилъ отвѣтъ на небѣ. Какъ смотрѣть на духовъ, управляющихъ водами, лѣсомъ и т. д.?—Это шайтаны, враги Бога. Прошли вѣка, въ теченіе которыхъ Вотьякъ колебался между двумя религиозными міровоззрѣніями; на смѣну ислама явилось христіанство и снова Вотьякъ слышитъ о единомъ Богѣ, снова въ отвѣтъ на вопросъ, гдѣ его жилище, ему указываютъ на небо, снова называютъ шайтанами, бѣсами тѣхъ духовъ, которыми онъ населялъ міръ. Не естественно-ли было при такихъ условіяхъ, что у Вотьяка подъ давленіемъ новыхъ идей исчезла изъ сознанія та черта, которая объединяла духа неба съ другими духами—его человѣчность (мурт-ство, если простителенъ въ интересахъ ясности такой варваризмъ). Съ тѣхъ поръ, говоря Инмуртъ, Вотьякъ не представлялъ уже себѣ небснаго человѣка; это имя оторвалось отъ дѣйствительныхъ по морфологическимъ элементамъ и строю имени

другихъ стихійныхъ духовъ—и слово муртъ обратилось въ простой комплексъ звуковъ, устойчивость котораго утратила свою основу въ сознаниі. Что такой разрывъ между духами совершился въ сознаниі Вотяковъ, мы видимъ изъ отношеній, которыя возникли между духами земли и небомъ. Вумурты и Юлес-мурты сохранили свои добрыя отношенія къ человѣку, по старому дружатъ съ нимъ; по съ небеснымъ духомъ они уже во враждѣ: стоить помянуть его имя и могущество ихъ обращается въ ничто. Подробнѣе объ этомъ переворотѣ въ міросозерданіи Вотяка мы скажемъ ниже. Здѣсь намъ нужно было констатировать его только для того, чтобы включить Ин-мара въ серію муртовъ, управляющихъ отдѣльными явленіями природы.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ духовъ, имя которыхъ ясно указываетъ на ихъ функцію, остается Квазь, котораго рядомъ съ Инмаромъ и Кыдысиномъ призываютъ въ своихъ молитвахъ Глазовскіе и Слободскіе Вотяки. Квазь неизвѣстенъ, какъ божество пегдѣ, кромѣ этихъ уѣздовъ. Н. Г. Первухинъ на основаніи а) выраженія к в а з ь-л э н, употребляемаго Вотяками въ случаѣ какой нибудь болѣзни б) того, что Глазовскіе Вотяки употребляютъ три способа передачи костей божеству (сожженіе, зарываніе въ землю и складываніе на сучья), в) обычая ихъ молиться Инмару подъ сосной, Кыдысину подъ березой, приходитъ къ заключенію, что Квазь богъ—атмосферы и властитель надъ жизнью и смертью людей. Мы позволяемъ себѣ не вполне согласиться съ толкованіемъ уважаемаго изслѣдователя. Въ виду недостаточности данныхъ, на которыхъ онъ строитъ свой выводъ, мы во время своей поѣздки по Глазовскому и Малмыжскому уѣзду производили спеціальныя распросы относительно Квазя. Намеки на значеніе слова квазь мы нашли еще предварительно въ Вят. Губ. Вѣд. Здѣсь въ статьѣ 1839 г. имѣется указаніе, что

у Вотяковъ Глазовскаго уѣзда К в а з ь значитъ богъ. Въ рукописныхъ вотскихъ словаряхъ священниковъ Мышкина и Зеленова мы нашли подь словомъ к в а з ь выраженія, дающія нѣкоторые намеки на природу этого существа. Показаніе стараго автора подтвердилось переводомъ кваз'-зепринкъ = воля судьбы, божья.

Затѣмъ выраженіе „Квазь шукирйаскэ — гремитъ, градъ идетъ“ навело насъ на мысль, что подь Кваземъ нужно разумѣть или небо или громовника. Въ с. Еженскомъ на вопросъ, предложенный бесермянину: „какъ по вашему небо“? мы получили въ отвѣтъ — Куаз'. На задавшие затѣмъ вопросы: „какъ сказать — громъ гремитъ, молнія блеситъ“, мы получили отвѣты: „Ку а з' гыдыр'й а, Ку а з' шуэр'й а с'к э“. Представленіе о небесномъ богѣ, творцѣ грома и молнія выяснилось изъ этихъ отвѣтовъ вполне. Въ деревнѣ Чурашурѣ (бесермянско-вотяцкой) на вопросъ: „какъ по вашему — богу молюсь“? мы получили отвѣтъ „Куаз'ли вос'ас'ко“. Въ селѣ Кильмезь-Селты на вопросы: „какъ по вашему небо, громъ гремитъ, молнія блеситъ“ мы получили тотъ-же отвѣтъ, что и въ Еженскомъ: „Кваз', Кваз' гудыр'й а, Кваз' чил'екй а“ (тѣже фразы мы слышали въ д. Варяжъ Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи). Русскую фразу „сегодня небо синее“ намъ перевели по вотски; „туняэ Куаз' лыз“. На новыя вопросы: „какъ сказать: дождь идетъ, снѣгъ идетъ“ мы получили: „Ку а д з' з о р э, Ку а д з' лым'й а“. Небо, покрытое тучами, Вотякъ называлъ Ку а д з' пилем о, небо безоблачное — Ку а д з' пилем тэм. Въ то же время на вопросъ, какъ по вашему „богъ“, „молиться богу“ намъ отвѣчали „И н м а р ь“, „И н м а р л и вос'ас'кон“. Мы повторяли затѣмъ тѣ же вопросы въ селеніяхъ Пудга и Ягшуръ — Бодья Сарapulьскаго уѣзда и въ отвѣтъ получали: небо — И н м а р ь, И н м а р б а м ь, громъ гремитъ — И н

марь гудурйа, молнія сверкаетъ — Имарь чилекйа. Фразу „на небѣ звѣзда“ здѣсь намъ переводили „Имар-бамъ-квзили“. Синонимичность словъ Имарь и Ин обнаружилась въ томъ, что въ Варяжѣ Уфимской губерніи ту же фразу — „на небѣ звѣзда“ намъ перевели „Имын кизили“. Власть повелителя неба надъ громомъ и молніей констатирована была кромѣ того всеобщимъ употребленіемъ выраженія „И чашшем (или чашьем)“ для русской фразы „громъ разбилъ (дерево) или убилъ (человѣка, животное).

Сопоставляя данныя языка, мы приходимъ къ заключенію, что Квась и Имарь тождественны по своей природѣ и кругу дѣятельности: оба являются въ глазахъ Вотяковъ одухотвореннымъ небомъ, оба располагаютъ громомъ и молніей. Фигура Квази рисуется испѣ въ языкѣ—онъ не только производитъ молнію и громъ; въ его власти тепло и холодъ, свѣтъ и тьма, дождь и свѣгъ—т. е. все то, что видимымъ образомъ даетъ небо. Какимъ образомъ у Имара явился двойникъ, которому нельзя выдѣлать особой сферн дѣятельности? Намъ кажется, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ только въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что образъ Квази заимствованъ Вотяками у одного изъ тѣхъ народовъ, съ которыми они пришли въ соприкосновеніе на первыхъ порахъ своей исторіи (у Чуди или Булгарь). Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что культъ Квази распространенъ главнымъ образомъ въ Глазовскомъ уѣздѣ въ бассейнѣ Чепцы. Отсюда съ Вотяками переселенцами онъ проникъ, нужно думать, на с. Мамыжскаго уѣзда. Чѣмъ далѣе удаляемся мы отъ Чепцы, тѣмъ блѣднѣе становится образъ Квази въ сознаніи Вотяковъ и на вопросъ „что такое Квась!“ въ отвѣтъ получается не „богъ“, какъ на югѣ Глазовскаго уѣзда, а „погода“.

Предъ нами прошли образы духовъ, стоящихъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ явленіямъ природы. Следъ теперь черты, соединяющія ихъ въ сознаниіи Вотанъ въ одну категорію существъ. Существа эти вполнѣ человѣкообразны. Вотская мифологія знаетъ случаи полнаго превращенія духа въ человѣка и обратно. Они тѣлесны, смертны, плодятся и множатся, какъ люди, женятся сами на земныхъ жещинахъ и отдають за людей своихъ дочерей. Сверхъестественными ихъ дѣлають нѣкоторыя тайныя знанія, которыми они обладаютъ. Прежде всего они обладаютъ способностью принимать разные виды: по желанію они являютъ великанами или обыкновенными людьми, животными, рыбами, птицами, неодушевленными предметами (столбомъ, периной) и стихіями (огнемъ). Затѣмъ у отдѣльныхъ духовъ есть свои спеціальныя тайны. Ву-мурты обладаютъ таинственной мазью, которая ихъ дѣлаеть невидимыми и позволяетъ имъ ходить по водѣ, какъ по сушѣ, и не приходитъ въ соприкосновеніе съ стихіей. Солнце владѣеть тайной не жечься, проходя сквозь котель съ кипящей водой. Эти тайны не составляютъ однако спеціальныхъ отличительныхъ чертъ духовъ; отдѣльные люди (колдуны, ведин'-лос) при жизни обладаютъ тѣми же способностями (умѣемъ оборачиваться); всѣ люди вообще по смерти пріобрѣтають тайну являться незримо среди живыхъ въ особыхъ рубашкахъ или саванахъ и преодолевать препятствія, которыя ставитъ могильная насыпь. Въ положеніи стихійныхъ духовъ и умершихъ могутъ съ ихъ союзотенія оказаться и обыкновенные люди и никакихъ затрудненій отъ новаго, необычнаго положенія не испытываютъ; но проникать въ свои тайны людямъ духи позволяютъ не охотно. Человѣкъ долженъ закрыть глаза, не видѣть, какъ совершается то, что переходитъ за предѣлы обыкновенныхъ человѣческихъ силъ; за попытку овла-

дѣтъ ихъ тайвой духи жестоко наказываютъ виновныхъ—вырываютъ напр. глаза, намазанныя таинственной мазью.

Въ представленіяхъ объ отношеніяхъ, въ которыхъ стоятъ антропоморфные духи къ предметамъ и явленіямъ природы, у Вотяковъ совершился тотъ-же процессъ, что и у Черемисъ. На первыхъ порахъ явленія были связаны съ духами отношеніями рожденія; духи представлялись въ видѣ женщины — матерей явленій (Шунды-мумы, Гудыри-мумы, Муземъ - мумы, матери болѣзней) (1). Эта стадія развитія антропоморфнаго анимизма соотвѣтствуютъ эпохѣ материнства въ развитіи общественныхъ отношеній. Слѣдующій моментъ въ развитіи идеи о духахъ явленій составляетъ представленіе о духѣ властителя, хозяинѣ стихій или группы явленій. Ву-муртъ-водитъ съ собой воду, не допускаетъ пловца двигаться по водной поверхности (2), Тыль-пэри провозводитъ бури и т. д.

Исторія Воршуда даетъ намъ возможность перейти отъ яснаго антропоморфизма къ такимъ вѣрованіямъ, которыя восходятъ къ болѣе раннимъ, предшествующимъ эпохамъ развитія космологическихъ идей. Определеніемъ Воршуда съ давнихъ поръ уже занимаются исследователи и наблюдатели вотскаго быта. Наиболѣе интересныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ передаются покойнымъ Кошурниковымъ, хотя онъ думаетъ, что именемъ В о р ш у д Вотяки называютъ Иямара по имени жреца. Воршудъ (въ однихъ кладахъ)—это идолъ, помѣщающійся въ переднемъ углу клады на возвышеніи, къ которому ведутъ три ступени. Идолъ состоитъ изъ деревянной, грубо сдѣланной головы, къ которой прикрѣплены въ видѣ бороды болотныя травы; въ другихъ—ащикъ съ малень-

---

(1) Гагаринъ. I. с. 165.

(2) В. Г. В.

нимъ отверстіемъ въ видѣ оконца, съ боку, въ которомъ ставится слѣпленный изъ хлѣбнаго тѣста идолъ; ящичъ стоитъ на столѣ или тумбѣ. Во время моленія оконце открывается, чтобы идолъ могъ наблюдать усердіе молящихся; для Воршуда на особыхъ полотнахъ хранять въ особыхъ коробкахъ кости жертвенныхъ животныхъ ('). Съ показаніями Кошурникова совпадаютъ позднѣйшія свѣдѣнія относительно тѣхъ-же Саранульскихъ Вотиковъ М. Вич'а. Вичъ выражаетъ предположеніе, что Воршудъ въ былое время представлялъ собою домашняго идола, который стоялъ на связкѣ древесныхъ вѣтвей, называемой м у д р о м ъ ("). Г. Верещагинъ въ первомъ своемъ трудѣ опредѣляетъ Воршуда во первыхъ, какъ духа— „бога счастья семейной жизни“, во вторыхъ какъ предметъ—коробку съ монетой или оловянной и свинцовой бляшкой, ложкой, хвостикомъ бѣлки, золой. Во второй книгѣ своей г. Верещагинъ устанавливаетъ отношеніе между двумя этими значеніями—обиталище Воршуда. Тутъ-же онъ прибавляетъ, что подъ коробкой находятся всегда древесныя вѣтви, которыя мѣняются хозяиномъ куланъ каждый годъ. Вѣтви у каждаго рода принадлежать особому дереву ("). Изъ темныхъ до нельзя выраженій, которыя мы встрѣчаемъ далѣе, можно вывести, что Воршуды принимаютъ имя своего поклонника.

Г. Первухинъ подтверждаетъ сообщенія Кошурникова и М. Вич'а относительно того, что Воршудъ означалъ идола или вообще предметъ, который носился между прочимъ на шеѣ, и дополняетъ сообщенія г. Верещагина о содержаніи воршудной коробки. По его словамъ кромѣ ден-

(') I. с. 20—21.

(") I. с. 506.

(*) I. с. 212—213.

дорки или серебряныхъ денегъ въ коробѣ имѣли мѣсто бѣличья шкурка, перевязанная красной досталью, крылышки или хвостъ рыбчика, перья тетерева, жертвенная посуда, кусокъ особо-приготавлиаемаго хлѣба, сучекъ дерева, чаще всего березы, сушеная рыбка, частица послѣдней принесенной жертвы (косточка съ частью мяса), комки шерсти, пасмы льна, мука и крупа завязанная въ тряпички, л э м я н'— смѣсь сливасмыхъ при жертвоприношеніи пива, браги и кумышки. Къ тремъ извѣстнымъ уже ранѣе значеніямъ слова воршудъ г. Чернухинъ прибавилъ новое четвертое; воршудъ есть слово, обозначающее родъ и относящееся исключительно къ лицамъ женскаго пола (¹).

Всѣ эти опредѣленія не даютъ еще намъ точнаго понятія о воршудѣ. Мы видимъ предметы, но не видимъ духа, котораго призываютъ Вотяки въ своихъ молитвахъ.

Съ природой Воршудовъ знакомить насъ впервые сказка, записанная г. Верещагинымъ.—Давно, когда еще Вотяки только начинали принимать христіанство, былъ одинъ Вотякъ, который разомъ порѣшилъ бросить языческую вѣру. Вѣру бросилъ—а куалу не разрушилъ. Вотъ и стали его каждую ночь мучить Воршуды, давили ему грудь, какъ тяжелымъ камнемъ. Долго мучился Вотякъ, наконецъ рѣшился разстрѣлять Воршудовъ: зарядилъ ружье и легъ посреди двора, направивши дуло ружья къ куалѣ. Около полуночи выходятъ изъ куалы три Воршуда въ бѣлыхъ одеждахъ: одинъ юноша безъ бороды, другой постарше съ бородой, третья женщина. Выстрѣлилъ Вотякъ и Воршуды исчезли (²). Съ этого времени Воршуды переселились въ другую куалу, но за то напустили на Вотяка жестокою болѣзнь. Если-бы г. Вер-

(¹) Эск. I, 18—41.

(²) Вот. Свр. у 175.

шагивъ оказался менѣе строгимъ къ произведеніямъ народнаго творчества, мы имѣли-бы въ своемъ распоряженіи болѣе обильный матеріалъ для рѣшенія вопроса. „По словамъ Сарапульскихъ Вотяковъ, читаемъ мы у него, Воршуды многимъ являлись на яву, о чемъ въ устной словесности ихъ существуютъ отдѣльные рассказы“. Къ сожалѣнію авторъ „Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда“ призналъ ихъ бессодержательными и почелъ за лучшее познакомить читателей съ своими соображеніями о „причинахъ явленій некультурнымъ людямъ разныхъ мифическихъ существъ“.—Для большаго уясненія природы Воршуда слѣдуетъ еще привести обрядъ перенесенія его изъ старой квалы въ новую. Г. Верещагинъ вѣсело и вразумительно описываетъ его въ своемъ послѣднемъ трудѣ. Когда сынъ, отдѣляясь отъ отца, обзаводится новымъ хозяйствомъ, то первымъ дѣломъ строитъ новую квалу и переноситъ (переводитъ) изъ отцовской квалы Воршуда (какъ родительское благословеніе). Сопровождаемый женой, отцомъ, матерью, новый хозяинъ входитъ въ отцовскую квалу и черезъ особо выбраннаго жреца проситъ Воршуда идти за нимъ въ новое мѣсто (въ то же время предки приглашаются не сердиться).

Принявши отъ торе хлѣбъ, приготовленный отцемъ, новый хозяинъ отказываетъ кусочекъ дерева отъ крюка, на который въ квалѣ вѣшается котелъ и беретъ щепотку зола изъ очага квалы (очагъ каждаго Вотяка сохраняетъ связь съ очагомъ родоначальника, такъ какъ въ немъ сохраняется частица зола этого послѣдняго, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ дома въ домъ). То и другое бросается въ огонь въ новой квалѣ. Перенесеніе совершается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при звонѣ колокольчиковъ ('). Описа-

---

(') Вот. Сар. у. 81, 93—94.

ніе, сдѣланное г. Верещагинымъ, неудовлетворительно въ томъ отношеніи, что заставляетъ предполагать, будто сынъ уводитъ Воршуда въ новую квалу, оставляя старую, отцовскую, безъ покровителя. По вотскимъ воззрѣніямъ этого не можетъ быть, да въ такомъ отчужденіи Воршуда нѣтъ и надобности. Мы видѣли уже выше, что въ квалѣ Воршудовъ бываетъ по нѣскольку. Сомнѣвіе увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что опредѣленія, которыя Верещагинъ даетъ Воршуду самъ, представляютъ нѣчто до крайности трудно понимаемое. М. Вушъ поясняетъ то, что оставилъ темнымъ г. Верещагинъ. Переселяющійся въ новую квалу зоветъ съ собою изъ старой квалы именно одного, младшаго изъ Воршудовъ (').

Сопоставляя значенія слова Воршудъ съ тѣмъ представленіемъ, которое даетъ намъ народная поэзія, мы получаемъ слѣдующую исторію слова и обозначаемого имъ предмета. Воршудъ означаетъ прежде всего антропоморфнаго духа-покровителя; затѣмъ это слово стало употребляться для обозначенія его идола, мѣста на которомъ стоитъ идолъ, ящика съ частями или изображеніями принесенныхъ ему жертвъ и накопецъ совокупности людей ему поклоняющихся. Далеко не всѣ эти значенія сохраняются въ сознаніи народа: Саранульскіе и Елабужскіе Вотяки слово Воршудъ иногда употребляютъ, какъ синонимъ Имары.

Исторія Воршуда не ограничивается тѣми рамками, которыя мы сейчасъ намѣтили. Въ Саранульскомъ, Елабужскомъ и Бирскомъ уѣздахъ или вмѣстѣ съ воршудомъ или какъ синонимъ его употребляютъ слово м у д о р ь. Значенія этого послѣдняго слова также разнообразны, какъ и значенія слова Воршудъ. Г. Богаевскій говоритъ, что му-

---

(') Вот. Сар. у. 80—82. М. Вуш. I с.

дворомъ называется на Ю. Саранульскаго уѣзда духъ - покровитель рода (¹). Въ словарь Зеленова мы нашли объясненіе: мудоръ — икона, образъ. М. Висъ говоритъ, что мудоромъ называется постилка изъ древесныхъ вѣтвей, на которой стоялъ идолъ Воршуда. Вотикъ изъ Ягшуръ-Бадья Саранульскаго уѣзда употребилъ въ разговорѣ съ нами слово мудоръ въ значеніи жертвы (осенняя жертва — с и з и м у д о р ь). У слова мудоръ есть наконецъ значеніе, котораго не имѣетъ Воршудъ, значеніе, констатированное единственнымъ разъ въ XVIII в. Рычковымъ, это—пучъ вѣтвей отъ дерева-покровителя. Уфимскіе Вотяки говорили Рычкову, что въ этихъ вѣтвяхъ заключается счастье семьи (²). Если съ извѣстіемъ Рычкова мы сопоставимъ новѣйшее и опять таки единственное въ литературѣ сообщеніе М. Висъ'a о томъ, что у Вотяковъ изъ окрестностей Саранульскаго уѣзда каждый основатель новаго хозяйства идетъ въ лѣсъ и выбираетъ себѣ березу-покровителя, тогда цѣль фактовъ, относящихся къ мудору, или Воршуду будетъ закончена (³). Мудоръ возводитъ насъ къ первичной стадіи анимизма, къ эпохѣ, когда каждому отдѣльному предмету приписывался особый духъ, къ фетишизму. Исторія развитія понятія о мудорѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Это дерево-покровитель, или точнѣе духъ дерева покровителя, и его части—вѣтви, хранимыя въ култѣ, затѣмъ духъ покровитель вообще и его изображеніе, наконецъ мѣсто присутствія духа и приносимая ему жертва. Появленіе антропоморфнаго духа вмѣсто вѣтвей дерева покровителя представляется намъ слѣдующимъ образомъ. Когда анимистическія воззрѣнія вступи-

(¹) I. с. 40.

(²) Днев. Зап. 159—160. М. Висъ. 587.

(³) I. с. 590.

ли въ высшій фазисъ и мѣсто духовъ отдѣльныхъ предметовъ запыли духи, управляющіе группами однородныхъ предметовъ, деревья должны были дать два рода духовъ: какъ одинъ изъ элементовъ окружающей природы, они должны были дать духовъ, управляющихъ совокупностью деревьевъ — лѣсомъ, лѣсныхъ, Нюлес-муртовъ; какъ носители духовъ, покровительствующихъ отдѣльнымъ человѣческимъ семьямъ, они должны были выдѣлнить изъ себя группу духовъ-покровителей, подателей счастья—Воршудовъ. Съ этому моменту относится, несомнѣнно, возникновеніе антропоморфныхъ представлений объ особомъ существѣ Воршудѣ, живущемъ уже въ кралѣ. Если бы измѣненіе воззрѣній на природу духовъ, управляющихъ деревьями, сопровождалось тѣми послѣдствіями, которыя мы сейчасъ предположили, мы должны были бы предположить нѣкоторую аналогію между отношеніями Нюлес-мурта и Воршуда къ быту человѣка—и эта аналогія оказывается въ дѣйствительности. Исследователи вотскаго быта отмѣтили то обстоятельство, что помощь Нюлесъ-мурта призывается далеко не въ тѣхъ только дѣлахъ, которыя подлежатъ его настоящей компетенціи. Если на беременную женщину нападаетъ по ночамъ безсонница или она видитъ страшные сны, свекровь потихоньку отъ всѣхъ занекаетъ яйцо, а свекоръ уноситъ его куда либо на дворъ въ жертву Нюлесъ-мурту и проситъ его объ облегченіи беременной⁽¹⁾. Во время родовъ повитуха въ затруднительныхъ случаяхъ призываетъ помощь Инмара, Кылдысна, Квазя и Воршуда; не замѣчая облегченія, она адресуется къ Нюлесъ-мурту, а за нимъ къ предкамъ⁽²⁾. У Вотяковъ Казанской губерніи, живущихъ въ мѣстности, гдѣ лѣсовъ

(¹) Вят. Губ. Вѣд. 1889, № 18.

(²) *ibid.*

уже не сохранилось, роль Нюлесъ-мурта занимает Лудь-муртъ. Ему стараются напр. угодить, нарекая имя ребенку, и убѣждены, что онъ не любитъ христіанскихъ именъ⁽¹⁾. Какое отношеніе имѣетъ Нюлесъ-муртъ при настоящихъ условіяхъ къ семейнымъ событіямъ, не ясно, но если мы примемъ во вниманіе, что онъ замѣнилъ массу духовъ отдѣльныхъ деревень, среди которыхъ находилось и дерево-покровитель данной семьи, то его роль станетъ для насъ понятной, понятно будетъ и то, почему онъ призывается съ Воршудомъ и умершими предками.

Анализъ понятій о Мудорѣ-Воршудѣ, привелъ насъ къ фетишизму, однимъ изъ проявленій котораго служитъ культъ растений. Культъ этотъ въ настоящее время находится у Вотяковъ на степяхъ полнаго вырожденія. Въ каждой родовой воршудной коробкѣ находятся вѣтви особаго дерева; каждый родъ, читаемъ мы у г. Верещагина, молится съ особыми вѣтвями,—но почему это дѣлается, ни авторы, сообщаящіе эти свѣдѣнія, ни ихъ источники не объясняютъ. На бывшее значеніе его указываютъ однако отдѣльные обычаи, въ которомъ онъ выступаетъ довольно ярко. При переходѣ въ новый домъ Вотякъ-хозяинъ (въ Сосновскомъ краѣ) беретъ съ собою молодую елочку съ аршинъ вышиной, втыкаетъ ее въ передній уголъ, отламываетъ отъ нея вѣтвь, ставится передъ ней на колѣни и молится... Процедура моленія ясно говоритъ о поклоненіи дереву—фетишу, но молитвы и просьбы относятся уже къ другому періоду развитія религіозныхъ вѣрованій: молитва возносится Пимару, жертва обѣщается Бу стургану⁽²⁾.

(1) Прав. Соб. 1876, XII, 353.

(2) Вот. Сос. Кр. 37.

Сюда же можно было бы отнести извѣстіе, сообщаемое Бехтеревымъ, что въ лудѣ (жертвенной рошѣ) каждый Вотякъ имѣеть свое собственное дерево, подъ которымъ и молится (¹).

Остаткомъ культа растений въ настоящее время можно считать, кромѣ Мудора, вѣру въ предохранительную силу отъ глаза и болѣзней, посылаемыхъ нечистыми духами и колдунами вѣточекъ можжевельнаго дерева и шиповника. Ихъ носить завернутыми въ тряпку на шеѣ не только люди, но и животныя, ихъ втыкають около оконъ и дверей (²). Сюда же относится уваженіе къ осокѣ, которую въ былое время держали на мѣстѣ нынѣшнихъ иконъ (³). Въ Глазовскомъ уѣздѣ вѣтви можжевельника, которыми изгоняють въ ночь на великій четвергъ шайтановъ, прикрѣпляютъ и къ деревенскимъ воротамъ (⁴). Былая связь деревьевъ съ духами оставила и другіе слѣды въ міровоззрѣніи народа. И теперь Вотяки рассказываютъ, что лѣсные духи (напр. Палес-мурты) забирають съ наступленіемъ дня въ дупла деревьевъ. Въ связи съ старой идеей о связи деревьевъ съ духами-фетишами стоитъ несомнѣнно мысль, что богамъ и духамъ умершихъ нужно молиться и приносить жертвы предъ спеціально для того выбранными деревьями: боги спускаются на вѣтви такихъ деревьевъ внимать мольбамъ своихъ поклонниковъ и принимать ихъ дары. „Сойди благосклонно, о Пиву, на березовыя вѣтви“ — молить жрецъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ Воршуда - Пиву въ день общественнаго моленія (⁵). Молитвенныя рощи и кладбища, гдѣ позволяютъ обсто-

(¹) I. с. IX, 133. р

(²) Прав. Соб. 1876, XII, 356. Вот. Сос. кр. 65.

(³) Вот. Сос. кр. 96.

(⁴) Перев. II, 117.

(⁵) М. Вост. I. с. 632.

ательства, устраиваются непременно въ гѣсу. У каждаго божества есть свое излюбленное дерево. Инмару напр. преимущественно молятся подь сосной, Кыдысину подь березой, остальнымъ духамъ чаще всего подь елкой (').

Тотъ процессъ мысли, въ силу котораго за существующими въ отдѣльныхъ деревьяхъ духами фетишами явились особо живущія, антропоморфныя существа, имѣлъ мѣсто и въ отношеніи остальныхъ явленій природы. Антропоморфнымъ Вумуртамъ, живущимъ въ водѣ такъ же, какъ люди живутъ на землѣ, предшествовали духи воды, нераздѣльно сливавшіеся съ самымъ существомъ ея. Былая связь водяного духа съ водяной стихіей помнится однако, хотя смутно, и до сихъ поръ Вотяками. Г. Верещагинъ въ очень короткомъ разсказѣ сообщаетъ споръ между Нюлезь-муртомъ и Ву-муртомъ о томъ, кто изъ нихъ могущественнѣе. И уйдутъ, сказалъ Ву-муртъ — и воды не будетъ. Богѣе ярко одухотворенная вода рисуется въ разсказѣ Вотяковъ Казанской губерніи, записанномъ священникомъ Миропольскимъ, отомъ, какъ озеро ушло, разсердившись на то, что проѣзжавшіе по близъ лежащей почтовой дорогѣ люди осквернили его воды мытьемъ нечистаго бѣлья. Приводимъ этотъ характерный разсказъ цѣлкомъ. „(Когда озеро рѣшило уйти) появилось изъ озера нѣсколько солдатъ, приготовили ему мѣсто на горѣ въ двухъ верстахъ отъ дороги. Въ одну ночь всколыхнулось озеро и стали изъ него выходить черныя быки; потомъ тронулась вода съ шумомъ отъ волнъ и въ сопровожденіи множества солдатъ и огромнаго стада черныхъ быковъ двинулась на то мѣсто, гдѣ находится теперь. Переходить озеру пришлось чередъ довольно большую рѣку Шошму. Когда оно дошло до этой рѣки, быки подняли ревь.

(') Перв. I, 14—15.

отъ неудобства переходить черезъ воду. Услышавъ ревъ, рѣка раздѣлилась на двое и озеро съ солдатами и быками перешло по сухому дну, не смѣшавъ своихъ водъ съ водами рѣки*.

Въ замѣчательной по чистотѣ первично-анимистическаго міросозерцанія сказкѣ Калалскихъ Вотяковъ мы видимъ, какъ смотрѣли на воду Вотяки на первой стадіи анимизма. Воды извѣстной рѣки или озера обладаютъ связностью, единствомъ и способностью проникаться едиными общими чувствами и рѣшеніями. Благодаря этимъ свойствамъ воды озера поспѣваютъ свое былое ложе и передвигаются, не растекаясь, не пропадая, на другое мѣсто; благодаря имъ рѣка раздѣляется надвѣ половины и пропускаетъ озеро черезъ свое русло, не смѣшавши своихъ водъ.

Какимъ образомъ возникъ у Вотяковъ фетишизмъ, при современномъ состояніи нашихъ знаній о вотскихъ вѣрованіяхъ рѣшить еще трудно. Есть факты, которые позволяютъ предположить вѣкоторую генетическую связь между духами умершихъ и духами явленій природы. Нѣкоторые духи находятся въ настоящее время въ народномъ сознаніи на пути превращенія изъ духовъ умершихъ въ духовъ стихійныхъ. Таковы напр. Кутыси и Убиры. Въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляется выраженіе Ву кутысь для обозначенія существа, производящаго извѣстныя болѣзни напр. коросту, зудъ. Существо это предполагается живущимъ въ ручьяхъ и по близости ихъ⁽¹⁾. Жертва ему приносится путемъ возланиа крови въ ручей. Если-бы мы знали о свойствахъ ихъ только то, гдѣ они живутъ и что производятъ, мы имѣли бы полное основаніе соединить ихъ въ одну категорію съ стихійными духами; всѣ писатели, упо-

---

(1) Перв. I, 60—62. Верст. Вот. Сос. кр. 30.

мывающіе о кутысяхъ, такъ именно и дѣлаютъ; между тѣмъ намъ, во время путешествія, удалось собрать свѣдѣнія, которыя представляютъ природу кутысей совсѣмъ иной; кутыси—духи умершихъ не своей смертью, не получающіе обычнаго прощанія: духи утопленниковъ, убитыхъ, подкидышей, духи погубленныхъ незаконорожденныхъ младенцевъ и т. д. Озлобленные, голодные, они выпускаютъ на тѣхъ, кто имѣлъ несчастье съ ними столкнуться, болѣзни и вынуждаютъ дать жертву, который никто имъ не приносить добровольно, точь въ точь какъ черемисскіе вадыши. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства появленія кутыси помнятся, онъ занимаетъ мѣсто между душами умершихъ,—но наступаетъ моментъ, когда они забываются и являются въ кутыси, которые естественно помѣщаются рядомъ съ душами ручьевъ, рѣкъ—Бу-муртами. Другой классъ духовъ, находящихся на пути къ превращенію въ стихійные, представляютъ собою Убирьы. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ они рисуются уже, не какъ духи колдуновъ, выходящіе у могилъ, а какъ дѣти Бу-мурта, живущіе въ лѣсу и своими вѣшными чертами сливающимися съ другимъ классомъ лѣсныхъ обитателей Кузьпина-муртами (¹) Духовъ, заключенныхъ въ животныя, вотская мифологія прямо представляетъ человѣческиими. Вотяки Елабужскаго уѣзда, по словамъ г. Потанина, рассказываютъ, что медвѣдь образовался изъ колдуна, который принималъ такой видъ (²). Вотяки Сарапульскаго уѣзда убѣждены, что медвѣдь и лягушка произошли отъ проклятыхъ богомъ людей. Медвѣдь можетъ вступать въ половныя отношенія съ женщинами. Кукушка, по повѣрію Бирскихъ Вотяковъ, произошло изъ дѣвушки, которую обольстил Бу-

(¹) I. с. 223.

(²) Вот. Сос. кр. 70. Вот. Сар. у. 147.

мурть.—Мы далеки от того, чтобы ради нескольких фактов вместе с Спенсером сделать всех стихийных духов духами давно умерших людей, но считаем нужным констатировать несомненную геветическую связь, существующую между теми и другими в отдельных случаях и обратить на нее внимание дальнейших исследователей.

Особо от стихийных духов стоят рядъ существъ, которыя можно назвать возведенными на степень особаго существа состоянiямъ людей. Мы сдѣлали уже изъ особенностей языка выводъ, что Вотякъ не могъ разобраться между дѣйствиємъ и дѣятелемъ, причиною и слѣдствиємъ, предметомъ и свойствомъ. Въ силу этого обстоятельства, рядомъ съ чер и дей, которыя означаютъ болѣзненное состоянiе, явились Черъ и Дей—болѣзнетворныя существа. Вотяки представляютъ болѣзненное состоянiе, какъ поѣданiе челоуѣка болѣзнетворнымъ существомъ. Въ разговорахъ, записанныхъ г. Мункачи этотъ взглядъ выражается самымъ опредѣленнымъ образомъ „когда будетъ то-то и то-то (невозможное), тогда, говоритъ ворожецъ, ѣшь-ней этого челоуѣка“ ('). Логическимъ послѣдствиємъ такого взгляда являются мѣры, которыя принимаются для предотвращенiя или исцѣленiя болѣзни. Болѣзнетворному существу предлагается угощенiе въ томъ и другомъ случаѣ. Что Черъ есть одухотворенная абстракцiя состоянiя, испытываемаго челоуѣкомъ, показываетъ языкъ: для обозначенiя акта, посредствомъ котораго производится въ челоуѣкѣ такія состоянiя, Вотяки располагаютъ двумя глаголами, сохранившимися въ молитвахъ: чыртыны, мыжтыны. Случай, въ которыхъ эти слова употребляются, объясняютъ намъ происхожденiе Черы (овъ?). Формула съ названными глаголами употребляется исключи-

---

(') Munkacsí B. Votjak Népköl. 177—178, 185.

тельно въ обращеніяхъ къ умершимъ (¹). Стало-быть, имъ приписывается способность производить болѣзни.

Антропоморфный анимизмъ не представляетъ собою высшей стадіи вѣрованій, до которой дошли Вотяки самостоятельнымъ путемъ.—Первобытно-анимистическія и антропоморфныя представленія о духахъ, управляющихъ явленіями природы, имѣютъ одну общую черту: они одинаково матеріалистичны. На первой стадіи анимизма духи сливаются съ самымъ существомъ той или другой стихіи,—на другой они вполне матеріальны, но антропоморфныя существа. Формы культа позволяютъ намъ установить переходъ къ инымъ, спиритуалистическимъ воззрѣніямъ на существо духовъ. Что предлагается въ настоящее время поклонниками антропоморфнымъ, обладающимъ человѣческимъ аппетитомъ богамъ?

Сроки, въ теченіе которыхъ богамъ предлагается угощеніе, служатъ первымъ свидѣтельствомъ вырожденія первопачальныхъ антропоморфно-матеріалистическихъ воззрѣній. Хотя Вотяковъ до сихъ поръ еще нельзя упрекнуть за скудность по отношенію къ богамъ, но все же они заставляютъ ихъ постыдиться въ теченіе большихъ промежутковъ времени.

Боговъ угощаютъ, когда въ нихъ является надобность. Весной, только что просохнетъ земля, каждая деревня на общественный счетъ устраиваетъ напольное моленіе—бусивос'. Количество и родъ предлагаемаго угощенія варьируется по мѣстностямъ. Въ Бирскомъ уѣздѣ напр. даютъ двухъ овецъ черную и бѣлую. Во второй разъ и также на общественный счетъ жертва приносится въ Бирскомъ уѣздѣ послѣ яроваго сѣва (бѣлая овца). Затѣмъ около 29 Іюня устраивается такъ называемый мэр'эн-вос'—жертвоприношеніе отъ нѣсколькихъ сосѣднихъ и связанныхъ единствомъ происхож-

---

(¹) Вер. Вот. Сар. у. 125.

денія деревень. Въ Елабужскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Поганина, на одни моленія собираются съ 5—7 деревень, на другія съ нѣсколькихъ десятковъ (¹). Кромѣ того разъ въ годъ устраивается угощеніе боговъ болѣе крупными общественными союзами—элями. Бирскіе Вотачи на эль-эи-вос'яхъ сходятся вмѣстѣ съ Осинскими Пермской губерніи. Мѣсто сходокъ назначается въ одной изъ трехъ (старѣйшихъ)? деревень Бирскаго и Осинскаго уѣздовъ—Варяжѣ, Алтаевой и Каргѣ. Аналогичное явленіе имѣетъ мѣсто въ Елабужскомъ уѣздѣ, гдѣ такъ называемая „булда“ празднуется поочередно въ одной изъ трехъ деревень уѣзда—Ст. Зюмьѣ, Арліановой и Варзи-ятчи (²). Здѣсь угощеніе предлагается болѣе обильное, чѣмъ когда либо; колятся двѣ лошади (гнѣдая и рыжая), двѣ коровы (рыжая и бѣлая), двѣ овцы (черная и бѣлая) и нѣсколько птицъ, между которыми занимаетъ мѣсто бѣлая гусыня для Шуды-мумы. О времени и мѣстѣ моленія объявляютъ педѣли за двѣ на базарахъ. Скотина оглачивается всѣми молящимися. Осенью у Бирскихъ Вотачковъ каждый приноситъ жертву за свою семью.

Тѣ періоды, въ которые предлагаются богамъ жертвы въ Бирскомъ уѣздѣ, соблюдаются и въ другихъ мѣстахъ вотскаго края.

Кромѣ жертвъ очередныхъ имѣютъ мѣсто и экстренныя угощенія, обусловленныя какими нибудь бѣдствіями—морозъ, неурожай. Тогда устраиваются общественныя моленія (— эль-эи-вос') иной разъ нѣсколькихъ десятковъ деревень, приносятся въ жертву коровы, жеребята (³). Частныя моленія совершаются въ случаѣ болѣзни по указанію ворожеца то-

---

(¹) И. К. О. А. П. и Э. III, 204.

(²) Ibid.

(³) Вот. Свр. у. 84.

му или другому кумысю (').

Рѣдко угощаемые, боги и въ дни своихъ пировъ получаютъ немного отъ своихъ поклонниковъ. Во время весенняго праздника гѣрвы—поттовъ Му-кылдыснну зарывается въ землю каждымъ домохозяйномъ яйцо, кусокъ говядины, яичный блинъ, стаканъ пива, рюмка кумышки, въ домахъ въ Глазовскомъ уѣздѣ бросается въ очагъ ребро съ мясомъ. Тогда же (въ гуждоръ) другимъ богамъ (Инамару) отливается въ огонь кумышка ('), бросаются кровь и кости бѣлаго быка. По окончаніи пашни совершается угощеніе духовъ покровителей рода (Ивву-йос, Воршудъ-йос); имъ также достаются отъ жертвенныхъ птицъ—гуса и утки—одни кости, которыя жертвующіе бросаютъ въ огонь ('). Тоже дѣлается во время совершаемаго за тѣмъ въ полѣ снѣжона (обѣщаніе жертвы). Кромѣ костей, божеству достается небольшое количество кумышки, которое оставляется въ берестяной коробкѣ на специально для этого пристроенной къ ели полочкѣ ('). Самое обильное по количеству жертвъ угощеніе предлагается богамъ во время общественныхъ иапольныхъ праздниковъ—въ Глазовскомъ дзег-луд-дурѣ, въ Саранульскомъ и другихъ южныхъ уѣздахъ тулмыс' сура и бусы-вос'а. На первомъ отъ цѣлой деревни богамъ предлагаются черный быкъ (въ Глазовскомъ красный), черная или сѣрая овца, гусь; на второмъ два жеребенка, два теленка, два барана. Достается на нихъ долю отъ этого обилія очень немного. Попъ бросаетъ въ огонь по небольшому кусочку отъ печени, сердца и легкихъ каждаго животнаго; жрущіе — обглоавныя кости (въ

(') Верещ. Вот. Сар. у. 103.

(') Вот. Сос. кр. 36. Перв. II, 55.

(') Ibid. 44.

(') Ibid. 45. Ср. Перв. II, 49.

Глазовскомъ у. кости зарываются) (¹). Только въ случаѣ грозящаго неурожая зарываются въ землю остатки мяса, кости и шкура жертвенной лошади. Въ гѣрбар (копецъ пашни), который совершается около 29 Юня, въ Бирскомъ и Осинскомъ уѣздахъ, какъ мы знаемъ уже, предлагается значительное количество животныхъ, по богамъ отъ нихъ достается только кровь, которую спускаютъ въ выкопанныя въ землѣ ямы, и кости, выбрасываемыя въ мелкорастущій лѣсокъ. Въ Елабужскомъ уѣздѣ кровь (на будахъ) сливается въ берестяной чумачъ (корыто), куда бросаются кромѣ того кусочки лешешекъ, плещется кумышка и наваръ отъ жертвеннаго мяса. Это корыто оставляется въ полѣ.—На третій день праздника Му-кличину приносится въ жертву черный быкъ, кости котораго зарываются въ большую яму и прикрываются сверху бревнами (²). Въ ту же, яму опускается чумачъ съ кусками лешешекъ и ковригъ и выливается чаша съ кровью (³). Въ Елабужскомъ уѣздѣ болѣе состоятельныя хозяева колятъ передъ посѣвомъ ржи на своемъ полѣ черную огечку и кости ея зарываютъ въ землю (⁴). Во время осенняго озимь-дурэ каждый домохозяинъ закалываетъ на своей полосѣ птицу, кровь которой выпускается въ землю. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда угощеніе боговъ совершается по экстреннымъ поводамъ напр. по случаю засухи, когда колятъ заразъ быка, двухъ жеребятъ, телку, утку, двухъ гусей, на долю Пимара достаются капельки кумышки, первая струя крови отъ каждаго закалаемаго животнаго, по частицѣ отъ печени и сердца каждаго животнаго, въ рѣдкихъ случаяхъ оставшіяся части мяса.

(¹) Вот. Сос. кр. 47—8. Перв. II, 59.

(²) П. К. О. А. П. и Э. III.-204.

(³) Ibid.

(⁴) Ibid.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ въ былое время оставлялась на деревѣ кожа жертвеннаго животнаго; теперь она виситъ, пока только молятся.

Нюлесь-муртъ во время спеціальныхъ моленій ему весной объ охраненіи скотины, осенью о подачѣ счастья на охотѣ получаетъ тѣже капельки кумыши, кости сѣраго барана и гуся, заколотыхъ въ честь его, въ Глазовскомъ уѣздѣ кровь и кости краснаго быка (¹). Ему-же осенью въ Глазовскомъ уѣздѣ на землѣ оставляютъ кровь, потроха и перья жертвеннаго гуся, на дерево подвѣшиваютъ блины, часть мяса и полотенце. Въ южныхъ частяхъ Сарапульскаго уѣзда кости послѣ весенняго общественнаго моленія не сжигаются, а складываются въ лукошко, накрываются лоскуткомъ холста, поверхъ котораго кладется монета и относятся въ глубину лѣса, гдѣ и подвѣшивается на сучкѣ ели (²).

Бу-мурту весной во время э-кеяна льется въ воду пиво, бросаются куски хлѣба и ячницы, передъ сѣнокосомъ и въ случаѣ прорыва мельницы льется въ воду бульонъ отъ сваренной утки и бросаются обглоданныя кости; ему-же, чтобы курицы не переставали нестись бросаютъ въ рѣчку яичную скурлуну, въ Глазовскомъ уѣздѣ кромѣ того осенью бросаютъ кровь и потроха двухъ утокъ (³). Обычныя кости получаютъ и домовою (бустурганъ) при переходѣ въ новый домъ; эти кости зарываются въ землю (⁴). Воршудъ при новосельи довольствуется даже меньшимъ: ему бросаютъ въ

(¹) Вер. Вот. Сос. кр. 53. Пера. II, 93.

(²) Вот. Сар. у. 97—8. Пера. II, 98.

(³) Пера. II, 44, 95, 102. Вот. Сос. кр. 56.

(⁴) Вот. Сос. кр. 102.

огонь горбушку хлѣба и кусочекъ блина. Луд-муртъ получаетъ около времени смотрѣнія пчель кровь жертвенной утки (¹).

Кутысь, поразивши коростой Вотяка, получаетъ за излеченіе кровь, перья и кости зарѣзаннаго для него пѣтуха (²).

Не больше другихъ духовъ получаетъ и Обинь-муртъ: ему послѣ окончанія молотбы бросаютъ въ овинную зму кусокъ хлѣба съ солью и немного кумышки (³).

Однѣз Черъ (болѣзпотворное существо) получаетъ въ случаѣ конской эпизоотіи кромѣ обычныхъ костей и крови еще шкуру заколотої лошади, которая развѣшивается на четырехъ вставутыхъ въ землю кольяхъ (⁴).

Резюмирую все, что сказано объ угощеніи боговъ, мы приходимъ къ выводу, что въ настоящее время имъ предлагается и меньше, чѣмъ нужно для обыкновеннаго человѣка, и худшее—то, что остается за удовлетвореніемъ человѣческаго аппетита.

Мы констатировали такое же явленіе въ этюдѣ о Черемисахъ, и указали, что оно представляетъ собою результатъ длинной исторіи жертвы. На первыхъ порахъ богамъ приносилось жертвенное животное цѣликомъ; потомъ люди стали дѣлить съ ними трапезу и подъ конецъ захватили себѣ львиную долю. Не всегда боги довольствовались у Вотяковъ такими ничтожными подаяніями. Намекъ на то, что въ былое время жертва поступала всецѣло въ пользу боговъ, мы видимъ въ словахъ молитвъ, записанныхъ г. Первухинымъ: „вмѣстѣ съ добрыми сосѣдями и милой семьей мы приносимъ бычка. . . руками ногами примите его“; „обѣщаннаго тебѣ во время посѣва ржи ягненка вотъ мы въ насто-

(¹) Пера. II, 102.

(²) Вот. Сар. у. 103.

(³) Вот. Сос. кр. 54.

(⁴) Пера. II, 86.

ящее время отдаемъ тебѣ... прями руками и ногами* (¹). Тому духу, обрать котораго рискованно, до сихъ поръ приносится жертва дѣлкомъ. Г. Брызгаловъ сообщаетъ, что Вотякъ, котораго онъ сопровождалъ на мѣсто жертвоприношеній Керемету, зарылъ утку дѣлкомъ въ землю, а блины, яйца и патрушки подвѣсилъ къ елкѣ въ корзины (²). Лучше, чѣмъ по молитвамъ, первоначальный обычай отдавать богамъ жертву дѣлкомъ можно констатировать по нѣкоторымъ удѣлѣннымъ еще обычаямъ и переживаниямъ, относящимся къ человѣческимъ жертвоприношеніямъ. Написавши два послѣднихъ слова, мы считаемъ необходимымъ войти въ подробное разсмотрѣніе затрогнуемаго нами вопроса. Въ публичной лекціи „слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у приволжскихъ Финновъ“ мы высказали мысль, что было время, когда всѣ приволжскіе Финны приносили въ жертву людей и выяснили по мѣрѣ возможности связь этого ужаснаго обычая съ еще болѣе отдаленнымъ явленіемъ въ исторіи этихъ народовъ—съ каннибализмомъ. Наша мысль была встрѣчена съ недоумѣніемъ. Рецензентъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ упрекнулъ насъ въ поспѣшности обобщеній и злоупотребленіи теоріей переживания. Чтобы не вызывать подобныхъ—по нашему неосновательныхъ—нареканій вновь, мы начинаемъ съ положительныхъ указаній, которыя имѣются по этому вопросу и которыя, признаемся, въ пору составленія лекціи намъ оставались неизвѣстными. Первое указаніе на человѣческія жертвы у Вотяковъ мы встрѣчаемъ въ статьѣ г-жи Фуксъ, которая говоритъ объ обычаяхъ приносить въ жертву предкамъ самаго дряхлаго старика деревни (³). Затѣмъ о принесеніи въ

(¹) Первухинъ. III, 18, 29.

(²) К. Г. В. 1885, № 36.

(³) Каа. В. Г. В. 1844, 338.

жертву предкамъ старика сообщилъ въ 1855 г. со словъ одного священника Вятской губерніи г. Максимовъ ⁽¹⁾. При всемъ сходствѣ его извѣстія съ извѣстіемъ г-жи Фуксъ мы не считаемъ возможнымъ обвинять извѣстнаго этнографа въ плагиатъ и сочинительствѣ. Оба автора говорятъ объ обычаяхъ, какъ о дѣлѣ давно минувшихъ дней. Въ статьѣ неизвѣстнаго автора, напечатанной въ В. Г. В. за 1861 г., мы читаемъ о человѣческихъ жертвахъ не предкамъ, а богамъ. Авторъ говоритъ, что Вотяки принимали громадныя хлопоты, чтобы добыть человѣка того цвѣта волосъ, который указанъ туо. Въ 1877 г. рѣчь о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у Вотяковъ шла на IV археологическомъ съѣздѣ въ Казани. Е. Т. Соловьевъ заявилъ о древнемъ обычаѣ Казанскихъ Вотяковъ приносить въ жертву богамъ человѣка чуждаго племени ⁽²⁾. Сообщение его было встрѣчено съ недовѣріемъ, но г. Соловьевъ обрисовалъ этотъ обрядъ такими спеціально-вотскими и архангелскими чертами, что мы безъ колебанія принимаемъ его рассказъ за вотское преданіе человѣка, говорилъ онъ, привязывали къ дереву и разстрѣливали всѣ участвующіе въ жертвоприношеніи. Обычай убивать жертву міромъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ вотскихъ мѣстностяхъ не вышелъ изъ употребленія. Въ селѣ Ежевскомъ намъ со словъ очевидцевъ рассказывали, что сосѣдніе Вотяки убивали жертву медленной смертью, ударами ножей, которые наносились всѣми участвующими въ жертвоприношеніи. Онъ констатированъ былъ и въ литературѣ—въ статьѣ И. Попова въ В. Г. В. за 1851 г. Последнее, сбивчивое и, кажется, умышленно сбивчивое ука-

---

⁽¹⁾ Библ. для чт., 1855, XII,

⁽²⁾ Труды IV арх. съѣзда. Т. I,

ловіе на человѣческія жертвоприношенія мы находимъ въ книгѣ г. Верещагина „Вотяки Сосновскаго края“. Авторъ говоритъ о педоброй молвіѣ, которая идетъ объ одномъ родѣ Саранульскихъ Вотяковъ, будто они приносили или приносятъ въ жертву людей. „Нѣкоторыя вотскія деревни пользуются педоброй молвой о приносящихъ въ жертву людяхъ, которыхъ, по повѣрью требуетъ шайтанъ за предлагаемые имъ клады“—говоритъ авторъ на своемъ несовсѣмъ вразумительномъ языкѣ и прибавляетъ, что нѣкоторые вмѣсто головъ приносятъ „шайтану“ волосы, срѣзанные съ человѣка, и шайтанъ уже самъ забираетъ послѣдняго. Затѣмъ онъ рассказываетъ туманно и съ собственными домыслами, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, преданіе о томъ, какъ Вотяки (этого рода)? въ пугачевскую пору убили (принесли въ жертву?) куца, бѣжавшаго къ нимъ отъ пугачевцевъ, какъ онъ ихъ проклиналъ и какъ подъ вліяніемъ его проклятія они продолжали убивать (приносить въ жертву) людей. Только въ заключеніи туманнаго разсказа мы узнаемъ, что г. Верещагинъ несомнѣнно говоритъ о жертвоприношеніи, такъ какъ онъ прямо употребляетъ это слово (*).

Послѣ ряда литературныхъ данныхъ прибавимъ то, что мы слышали сами во время своей поѣздки. Въ Бирскомъ уѣздѣ насъ прямо спрашивали, правда-ли, что вятскіе Вотяки жертвуютъ богамъ людей, и затѣмъ сообщали, что среди Бирскихъ Вотяковъ упорно держится такое убѣжденіе и они знаютъ или звали будто-бы людей, которымъ удалось съ незначительными поврежденіями урваться отъ Вотяковъ,—которые были обречены на жертву. Послѣ ряда фактовъ, которые мы привели, насъ, надѣмся, не будутъ упрекать въ натяжкахъ, если мы, пользуясь теоріей переживания,

---

(*) Вот. Сос. кр. 80—81.

истолкуемъ согласно съ перечисленными прямыми указаніями нѣкоторые жертвенные обряды. Въ лекціи, о которой уже сказано выше, мы замѣтили, что разсматриваемъ, какъ переживаніе изъ эпохи, когда приносились человѣческія жертвы, обычай подвѣшивать къ деревьямъ к л а л б н щ а человѣческихъ куколъ, имѣющій мѣсто въ приходѣ села Игривскаго Глазовскаго уѣзда ('). Въ настоящее время мы болѣе, чѣмъ прежде расположены такимъ явнымъ образомъ комментировать упомянутый обычай въ виду извѣстій о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ предкамъ. Тамъ-же мы истолковывали, какъ переживаніе весенней человѣческой жертвы водѣ обычай во время такъ называемыхъ „проводъ льда“ пугать одну изъ молодушекъ, поднявши ее подъ водой и угрожая бросить. Слѣды обычая приносить человѣческія жертвы, намъ кажется, можно отыскать и въ поэзіи народа. Припомнимъ разсказъ о быкахъ и солдатахъ, которыхъ увело съ собою озеро, переходя на новое мѣсто. Разсказчики объясняли происхожденіе быковъ—это жертвы, принесенныя озеру. Такимъ же образомъ нужно объяснить и происхожденіе солдатъ (sic), которыхъ располагало озеро. Это принесенные въ жертву озеру люди.

Чтобы покончить съ вопросомъ вполне, намъ нужно рассмотреть его съ другой стороны, нужно показать, что духи способны требовать человѣческихъ жертвъ. Не имѣя возможности сказать этого относительно всѣхъ, мы приведемъ здѣсь данныя, извѣстныя намъ относительно духовъ дома, земли и воды. Въ одной изъ сказокъ, помѣщаемыхъ въ приложеніи, разсказывается, какъ Ву-пери потребовалъ отъ одного мужика, чтобы онъ отдалъ ему своего двѣнадцатилѣтняго сына, котораго онъ задумалъ съѣсть.

(') Стр. 8.

Въ сказкахъ, записанныхъ г. г. Верещагинимъ и Мункачи, Албасты или домовые съѣдаютъ дѣвущку, которая не могла ночью попасть въ домъ и легла переночевать на сѣнищѣ⁽¹⁾. Въ связи съ людоедствомъ Албастовъ или Корка-муртовъ стоитъ несомнѣнно повѣрье, записанное г. Мункачи: если при переходѣ въ новый домъ умретъ хозяинъ, семья его будетъ жить счастливо и богато⁽²⁾. Смыслъ этого повѣрья заключается въ томъ, что домовый духъ, удовлетворенный человѣческой жертвой, которую онъ самъ взялъ у семьи, будетъ милостиво относиться къ потомству. Между лѣсными обитателями Паласъ-мурты и Кузьпина-мурты являются специальными людоедами. Человѣческихъ жертвъ требуютъ затѣмъ духи—хранители кладовъ⁽³⁾.

Какимъ образомъ антропоморфные боги приобрѣли вкусъ къ человѣческому мясу и человѣческимъ жертвамъ, мы объяснили въ своей лекціи: именно антропоморфизмомъ боговъ объясняется здѣсь, какъ и вездѣ, происхождение человѣческихъ жертвъ; обычай приносить человѣческія жертвы возстановляетъ предъ нами стертую страницу исторіи народа: боговъ каннибаловъ создали по своему образу люди - каннибалы. Если-бы мы не имѣли другихъ указаній на былой каннибализмъ Вотяковъ, одного факта человѣческихъ жертвоприношеній было-бы достаточно для его констатированія—но у насъ есть и другія свидѣтельства; они заключаются въ вотскомъ эпосѣ. Анализу этихъ свидѣтельствъ мы намѣрены посвятить особый этюдъ.—Въ человѣческихъ жертвахъ больше, чѣмъ въ другихъ, удержался, стало быть, первоначальный обычай отдавать всю жертву божеству.

---

(1) Верещагинъ. Вот. Сос. Кр. 166. Munkacsí. 82.

(2) I. с. 14.

(3) Вот. Сос. кр. 115—127.

Постепенное соращение жертвенных приношений показывает, что боги въ сознаниі народа уже нѣсколько отдѣлились отъ людей: они довольствуются кровью, которая является основой жизни, и тѣми элементами, которыя даютъ форму животному—костякомъ и кожей или опереніемъ. Здѣсь заключаются первые элементы для перехода въ спиритуалистическимъ воззрѣніемъ на божество. Отъ жизненнаго начала и формы жертвуемаго животного не труденъ переходъ къ духу или душѣ жертвы, которая поступаетъ въ пользу боговъ. Мы не встрѣчаемъ въ литературѣ о Вотякахъ указанія на то, чтобы они формулировали подобное вѣрованіе, какъ это извѣстно относительно Черемисъ, но два факта говорятъ намъ, что такое воззрѣніе имѣется у Вотяковъ, и знакомятъ насъ по пути съ вотскими взглядами на природу души животного. Припомнимъ прежде всего случай, констатированный въ предыдущей главѣ—видѣніе утки, которое преслѣдовало солдата, въ память котораго по ошибкѣ была съѣдена эта птица. Другой фактъ заключается въ приведенномъ уже выше разсказѣ о переходѣ озера съ одного мѣста на другое. За озеромъ шло стадо быковъ: это стадо, поясняли г. Миропольскому Вотяки, накопились изъ быковъ, принесенныхъ въ жертву озеру. Чтобы устранивъ всякое недоразумѣніе въ комментаріи этого факта, прибавимъ, что быкъ здѣсь, какъ и вездѣ, съѣдался поклонниками и озеру на берегу оставались одни кости (и, вѣроятно, кровь). Эти два факта даютъ намъ достаточный матеріалъ для того, чтобы характеризовать вотскія воззрѣнія на душу животного: это нѣчто, остающееся послѣ потребленія животного и сохраняющее его форму. Нѣкоторая матеріальность этого нѣчто выражается въ томъ, что быки кричатъ, птица производитъ движенія о воздухѣ. Отъ такого представленія далеко еще до чистаго спиритуализма или метафизическаго представ-

ленія о душѣ, но шагъ къ этому послѣднему оно уже представляетъ. (Сравнимъ при этомъ представленіе о чело-вѣческой душѣ, которая производитъ своимъ перелетомъ звуки ш р и опущенное въ IV главѣ представленіе о тѣни, какъ средѣ, въ которой помѣщается духъ человѣка. Г. Верещанинъ сообщаетъ, что кто хочетъ убить колдуна, тотъ долженъ стрѣлять или бить его тѣнь (*)).

Переходимъ въ область религіозныхъ заимствованій, сдѣланныхъ Вотяками. Поволжье, съ которымъ въ лицѣ Болгаръ столкнулись Вотяки, представляло собою почву, на которой пришли въ соприкосновеніе самыя разнообразныя элементы. Здѣсь нашелъ себѣ приютъ монотеизмъ въ видѣ юдаизма на Югѣ въ Этнлѣ, и въ видѣ ислама на С. въ Булгарахъ; здѣсь стали своими иранскіе духи пѣри и, можетъ быть, иранскій дуализмъ; здѣсь наконецъ у кореннаго населенія были свои, неизвѣстныя намъ вѣрованія, обломки которыхъ, можетъ быть, сохранились въ тѣхъ духахъ, которыми заселяютъ міръ Татары, Башкиры, Чуваши. Всю эту пеструю смѣсь элементовъ принесли съ собою къ Вотякамъ Булгары и Татары. Нѣкоторые изъ новыхъ элементовъ Вотяки переварили, ассимилировали: иранскіе пѣри и напр. замѣнили собою вотскихъ муртовъ. Другіе образы остались на степени явныхъ заимствованій, не породившись съ міровоззрѣніемъ народа; къ числу такихъ заимствованій слѣдуетъ отнести дуализмъ пачаль добраго и злаго—бога и шайтана (сатаны). Онъ находится въ противорѣчій съ тѣми отвошеніями, въ которыхъ стоятъ духи, созданныя благодаря анимистическимъ воззрѣніямъ на природу. Мурты, которыхъ знаетъ вотская мѣология, не всѣ въ ладахъ между собою (Нюлесъ-мурты напр. постоянно воюютъ съ Ву-муртами);

(*) Вот. Свр. у. 140.

но они не раздѣляются на два враждебныхъ одинъ другому лагеря—въ сторонѣ отъ борьбы лѣшаго и водянаго стоятъ полевикъ, вѣтеръ, домовой, Вотякъ не представляетъ себѣ однихъ изъ нихъ источниками зла, другихъ источниками добра. Они все могутъ быть по своему полезны человѣку, все почти не прочь съ нимъ породниться, со всеми онъ находитъ возможность безъ вреда для себя дружить. Даже тогда, когда Ни-муртъ выросъ въ сознаниіи народа на степень единого бога въ смыслѣ ислама и христіанства, прочіе мурты потихоньку отъ него сохраняютъ свои прежнія, простые и добрыя отношенія къ человѣку. Подъ двойнымъ давленіемъ христіанства и ислама Вотякъ начинаетъ, правда, отъ времени до времени называть шайтанами всехъ духовъ природы, — но тамъ, гдѣ это давленіе слабѣе, Вотяки не смѣшиваютъ своихъ муртовъ съ шайтанами и помѣщаютъ рядомъ съ ними шайтана или керемета, какъ особое, злое существо. Има Керемета всего чаще можно слышать въ юго-западныхъ волостахъ Глазовскаго уѣзда (¹). Любопытно противорѣчіе, въ которомъ стоятъ легенды о шайтанѣ и его роли въ мірозданіи съ тѣми образами, которые даетъ этой идее фантазія народа. Глазовскіе называютъ шайтанами духовъ, которые живутъ въ лѣсахъ, въ темныхъ оврагахъ, на кладбищахъ и отдѣльныхъ могилахъ (²) (воззрѣніе, въ силу котораго умершіи обращается въ злаго духа, дѣлается „добычей шайтана“, находится въ несомнѣнной связи съ дуализмомъ добраго и злаго начала, отводящимъ первому область блага, и *de ipso* жизни, другому сферу зла и смерти). Шайтанъ, или Кереметъ, какъ братъ Имара, стремящійся по злобѣ испортить его созда-

---

(¹) Первухинъ. I, 57.

(²) *Ibid.*

пія,—образъ совершенно чуждый основамъ вотской мовологіи, которая между прочимъ не устанавливаетъ родственныхъ отношеній между богами.

Г. Потанинъ сообщаетъ легенду о шайтанѣ, слышанную имъ отъ Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. На небѣ было семь братьевъ, которые молотами разбивали камень; всѣ братья говорили при каждомъ ударѣ: Господи благослови (осте, Имаре?), а шайтанъ—одинъ изъ братьевъ—говоритъ: будь проклятъ! Изъ каждаго, осколка, отбиваемаго шайтаномъ, становился ему товарищъ⁽¹⁾. Преслѣдуемый несчастіями, Вотякъ стремится умиловити шайтана, ихъ виновника, жертвами.

Къ числу заимствованій, примиренныхъ съ собственнымъ міровозрѣніемъ, относятся образы Албаста, Бустургапа, Алды, Дерсію, смѣявшихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вожа, Корка-мурта и Нюлесь-мурта.

Въ связи съ солнцемъ стоитъ заимствованное, повидному, у сосѣдей-же представленіе объ особомъ существѣ зарѣ—Акшанѣ⁽²⁾. У Бессермянъ ежедневная вечерняя и утренняя заря называется акшанъ.

Бирскіе Вотяки называютъ зарю джуза или дюгыгъ.

Личный характеръ Акшана едва-едва намѣчается въ томъ, что есть дѣйствія угодныя и негодныя ему: дѣлать, что нибудъ напр. утромъ до появленія первыхъ лучей солнца, вечеромъ до наступленія полной темноты считается не угоднымъ для Акшана.

Религіозныя идеи высшаго порядка Вотяки заимствовали уже изъ болѣе развитыхъ религій — ислама и христіанства

⁽¹⁾ Вот. Сос. кр. 30.

⁽²⁾ Изв. К. О. А. Н. и Э. III. 222.

черезъ посредство Турковъ и Русскихъ. При заимствованіи этомъ съ Вотьяками произошло совершенно тоже, что съ Черемисами. Они приняли эпитеты, съ которыми обращались мусульмане въ единому Богу за особія божественныя сущности. Такъ явился напр. Салтавъ-двсъ („благой владыка“), о которомъ говорилъ еще Георги и которому, по словамъ г. Потанина, приносятся особія отъ Инмара жертвы.

Монотеистическія представленія ислама не въ состояніи были вытравить изъ народнаго сознанія вѣрованій, возникшихъ на почвѣ анимизма. Вотьяки говорятъ о единомъ Богѣ, считаютъ его въ антагонизмѣ съ духами явленій природы, призываютъ по мѣстамъ этихъ послѣднихъ противниками Инмара, шайтанами и тѣмъ не менѣе поклапаются имъ по старому. Христіанство оказалось также не въ состояніи вытѣснить старыхъ вѣрованій. Напротивъ, съ своими святыми и тремя постаыями божества оно показалось удобнымъ для религіознаго компромисса, которому помогали между прочимъ и сами миссіонеры. Инмарь, Кыдыснвъ и Квазъ слились съ христіанскимъ Богомъ Отцой, Сыномъ и Духомъ Святымъ, Воршуды съ ангелами (—хранителями), а отдѣльные святыя съ духами явленій природы—Нюлесъ-муртъ напр. съ Николаемъ Чудотворцемъ.

Слѣвіе русскихъ святыхъ съ языческими богами имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что Вотьяки-язычники начинаютъ имъ молиться наравнѣ съ христіанами. Въ село Николо-березовку ходятъ молиться язычники Бирскаго и Осняскаго уѣздовъ; Березовскимъ Николой пугаетъ Вотьяк-язычникъ своего врага и страшнѣе этой угрозы онъ не знаетъ ничего.

Усвоивши мусульманскія и христіанскія представленія о божествѣ, Вотьяки приписали имъ свойства, которыми обладали ихъ собственные боги — потребность въ пищѣ и питьѣ.

Въ селахъ Глазовскаго уѣзда всюду распространены такъ называемыя напоильныя молебны—въ Повнинскомъ приходѣ около Троицы въ озимомъ предѣ началомъ пашни подъ рожь. Молебенъ пригоняется обыкновенно къ воскресенью; наканунѣ въ субботу совершается языческое моленіе. Въ полѣ устраивается скамейка для иконы и обставляется срубленными березками. Предѣ иконой служатъ молебенъ и приносить жертву. Жертва состоитъ въ томъ, что въ поле приводится жертвенный быкъ, купленный на общественныя деньги. Здѣсь его колятъ. Парчасемъ является или выборное лице или первый желающій. Жрецъ беретъ въ руки березовую вѣтку и читаетъ вотскую молитву. Въ это время съ мясомъ заколотаго животнаго варится каша для всей деревни. По окончаніи языческаго моленія приѣзжаетъ священникъ, служить молебенъ и освящаетъ жертвенныя яства; по окончаніи молебна священнику подносятъ на блюдѣ голову животнаго, священникъ кропитъ ее водою и дѣлаетъ на ней крестъ. Голова и внутренности поступаютъ на угощеніе духовенства; остальное сѣдаютъ молящіеся; кожа идетъ на дерковъ. Для освященія своего жертвеннаго мяса Вотски яляются даже въ Глазовскія церкви: въ нѣкоторыхъ случаяхъ кусками жертвеннаго мяса уставляется весь церковный помостъ.

При нѣкоторыхъ церквахъ Вятской губерніи, какъ намъ передавали, устраиваются спеціальныя „жертвенники“, напоминающіе своимъ расположеніемъ вотскія дзекъ-квалы; это палатки, въ которыхъ по краямъ разставлены скамьи, въ серединѣ столы. Столы устаканяются жертвоприношеніями, которыя послѣ благословенія священника тутъ-же и поѣдаются съ возліаніемъ кумыщи. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ также весной въ озимомъ полѣ закалается быкъ, надъ которымъ совершается сначала вотская молитва, а затѣмъ хри-

стіанское благословеніе. Закланіе жертвеннаго животнога совершается послѣ отъѣзда священника. Около Петрова дня совершается при такомъ-же участіи христіанскаго священника общественное моленіе въ ржаномъ полѣ Му-кычнну: голова и кости жертвеннаго животнога кладутся въ яму, вырытую на полѣ.

Ярче всего вліяніе старыхъ воззрѣній сказалось на языческомъ празднованіи прямо христіанскихъ праздниковъ— наир. престольнаго дня и Ильи-пророка. Въ оба праздника обязательно приносится рѣзанное мясо. Приѣхавши къ церкви одни раскладываются въ сторожкѣ, другіе около ограды, третьи несутъ части мяса въ церковь (голову и бокъ).

По окончаніи службы сидящіе въ сторожкѣ просятъ священника отслужить молебень; священникъ служитъ, благословляетъ и кропитъ св. водой кушанья и кумышку, выпиваетъ и закусываетъ первый; за нимъ начинаютъ угощаться и прихожане. Такое же благословеніе даетъ священникъ и тѣмъ, которые расположились съ своими припасами около церковной ограды.

На компромиссѣ между язычествомъ и христіанствомъ мы заканчиваемъ очеркъ вотскихъ вѣрованій и переходимъ къ послѣдней главѣ нашей книги.

Глава VI.

Характеристика духовной природы современных Вотяковъ. Умъ, воображеніе, чувства, воля. Поэзія и мораль.

Рядъ переживаній въ обрядахъ, и церемоніяхъ, связанныхъ съ важнѣйшими моментами жизни человѣка, языкъ, поэзія, вѣрованія и формы культа дали намъ возможность проникнуть въ духовное прошлое вотскаго народа. По разнымъ, случайнымъ поводамъ мы имѣли уже случай высказать, что культурныя состоянія, которыя нашли свое выраженіе во всѣхъ этихъ видахъ духовной дѣятельности человѣка, стоятъ въ извѣстной преемственности. Далеко не къ одному и тому же періоду развитія мысли относятся данныя языка и поэзіи, культа и вѣрованій. Языкъ позволяетъ намъ составить понятіе о размѣрахъ тѣхъ классифицирующихъ, обобщающихъ способностей, которыя обнаружилъ народъ въ древнѣйшую эпоху своей духовной исторіи, въ эпоху созданія звуковыхъ символовъ для сложившихся въ его мысли понятій. Поэзія сохранила въ неприкосновенными образы духовъ, создавшіеся въ воображеніи народа цѣ другую пору, когда зародились вопросы о причинахъ явленій, и сущности въ пору анимистическаго созерцанія природы. Формы культа носятъ слѣды борьбы, которая позднѣе происходила въ сознаніи Вотяковъ между старыми матеріалистическими воззрѣніями

на духовъ и зарождавшимися спиритуалистическими съ одной стороны, между стремленіемъ угодить жертвой богу и своими собственными потребностями съ другой. На почвѣ этой борьбы сложились компромиссы между старыми и новыми идеями и эти компромиссы стоятъ въ противорѣчій съ образами, которые сохранила отъ предшествующей эпохи поэзія. Вѣрованія стоятъ еще въ большемъ противорѣчій съ старинной, нашедшей свое выраженіе въ поэзіи. Въ нихъ выражались когда-то сужденія народа о природѣ и генизель явленій окружающаго міра. Эти сужденія пришли со временемъ въ столкновеніе съ чуждыми, сильнѣйшими: рядомъ съ разказами о множествѣ духовъ—источниковъ явленій—Вотакъ сталъ слышать о единомъ творцѣ и причинѣ всего существующаго; въ то время, какъ одни говорили ему о борьбѣ человѣка съ духами природы и о случаяхъ гибели послѣднихъ, другіе говорили о безконечномъ, бессмертномъ и всегильномъ Богѣ; рядомъ съ морально безразличными, при однихъ условіяхъ злыми, при другихъ добрыми духами въ его сознаніи запали мѣсто благой, хотя и карающей иногда, Богъ и враждебные ему и человѣку силы низшихъ духовъ. И здѣсь оказались необходимыми компромиссы, послѣ которыхъ завѣщанные дѣдами образы вышли стертыми до неузнаваемости: при самыхъ отчаянныхъ усиліяхъ мысли Вотакъ XVI—XVII в., очутившійся среди своихъ выѣшнихъ соплеменниковъ, не узналъ бы своего Нюлесъ-мурта въ стоящей въ церкви иконѣ Николая Чудотворца. Вотакъ выѣшній признаетъ эту комбинацію возможной.

Сочетаніе въ одной головѣ идей о единой причинѣ вещей и множествѣ таковыхъ, о смертности и вѣчности духовъ и т. д. одво уже въ состояніи показать, на какой высотѣ стоитъ въ настоящее время вотская мысль, но мы по-

свѣщаемъ спеціальную главу характеристикѣ духовнаго *habitus* Вотяковъ для того, чтобы ввести въ предѣлы своего очерка факты, которыхъ до сихъ поръ не виѣли еще случая касаться. Планомъ этой характеристики мы обязаны между прочимъ заключительнымъ главамъ „Основаній психологій“ и первымъ главамъ „Основаній соціологій“ Г. Спенсера. Нашъ анализъ мы начинаемъ съ умственныхъ свойствъ Вотяка.

Всѣ изслѣдователи, которые обращали вниманіе на умственные способности Вотяковъ, говорятъ о высокомъ развитіи у нихъ наблюдательности. „Бѣ лѣсу Вотякъ говоритъ т. Бехтеревъ, никогда не потеряется: по корѣ деревъ, толщивъ ихъ, по просвѣту и чащѣ, по запаху, по мху и т. д. — по тѣмъ признакамъ, которые для насъ неуловимы, онъ легко ориентуруется въ самыхъ глухихъ мѣстахъ“⁽¹⁾. Кошурниковъ рассказываетъ, что въ его присутствіи два вотяскихъ мальчика вытащили изъ подъ прилегающихъ къ землѣ вѣтвей ели шесть молодыхъ тетеревовъ, которыхъ никакъ нельзя было замѣтить подъ скрывающими ихъ вѣтвями. Мальчики съ весны подмѣтили частный перелетъ около этого дерева двухъ старыхъ тетеревовъ²⁾. Оба свидѣтельства стоятъ въ связи съ той суммой опытовъ, которая дала жизнь цѣлому ряду предшествовавшихъ поколѣній Вотяковъ и въ заключеніе современному; оба говорятъ о тонкой способности воспринимать впечатлѣнія, входящія въ сферу повседневнаго опыта, о быстротѣ, съ которой возникаютъ въ сознаніи въ силу ассоціаціи представленія, сотни разъ связывавшіяся ранѣе. Перейдемъ теперь къ другимъ случаямъ, гдѣ классифицирующая способность мысли обнаруживается

(1) Бехтеревъ. I. с. VIII. 652.

(2) Кошурниковъ. I. с. 12—13.

при явнѣхъ условіяхъ. Въ распоряженіи нашемъ имѣются два источника для уясненія вопроса, въ какой степени Вотякъ способенъ классифицировать факты и отношенія окружающаго міра. Это загадки и народныя примѣты. У народа, умственные интересы котораго ограничены, а духовное творчество только начинается, загадка имѣетъ иное значеніе, чѣмъ у людей развитыхъ. Загадка есть одинъ изъ побочныхъ продуктовъ классификаціи фактовъ и отношеній, которая совершается въ умѣ Вотяка. Возникло у Вотяка случайно представленіе о сходствѣ между двумя ранѣе стоявшими обособленно предметами и онъ спѣшитъ подѣлиться своимъ открытіемъ, какъ дѣлится ученый нашего времени своимъ, — но дѣлится не вдругъ, а заставивши предварительно своего собесѣдника перебрать весь запасъ своего опыта, все факты и отношенія, обладающіе въ некоторомъ общими чертами. Разсматривая вотскія загадки, помѣщенные въ сборникѣ Гаврилова, мы находимъ между ними рядъ такихъ, которыя поражаютъ отсутствіемъ всякихъ общихъ чертъ, въ силу которыхъ ихъ можно классифицировать въ одну группу. Такова напр.

Царская шапка безъ шва—айцо.

Шилькъ-шалькъ (шумать) колосья полбы—вышиваніе
жепскаго платка.

Мелкіе кусочки говядины—огарки лучины.

Среди огня дай батманъ—перина.

Кругомъ поля лѣстница изъ говядины—рабина.

Одинъ сурымъ (участокъ) загороди разберешь, а послѣ
какъ сложить не знаешь—щепаніе лучины.

Сидитъ, сидитъ, а тѣни отъ него нѣтъ—погребъ.

На днѣ сундука думающая пуговка—сердце.

За избой лагетъ щевокъ—кананіе воды съ крыши.

Щепки всего народа, живущаго на землѣ, собираются
въ одно мѣсто — податныя деньги.

Длинная жердь достаетъ до неба — глаза.

Двое мужичинъ цѣлое лѣто скидаютъ съ себя рубахи
и кладутъ въ колодезь — сниманіе и моченіе мочала.

Одна кочерга мѣшаетъ въ двухъ печкахъ — языкъ коровы.

Сани идутъ, а рогожа остается — вода и ледъ (¹).

Примѣты знакомятъ насъ съ однимъ изъ результатовъ классификаціи отношеній, представленіями о причинной связи между явленіями. Есть наблюдатели, которые высоко цѣнятъ вотскія примѣты. „Вотакъ по различнымъ примѣтамъ, своимъ, которыя онъ беретъ съюлета птицъ, съ крика животныхъ, съ лѣсу и воды, читаемъ мы у Кошурника, угадываетъ заранѣе какова будетъ погода будущей весной и лѣтомъ — тепла или холодна, суха или сыра, потому такъ и подготавлиетъ почву, такъ и разбрасываетъ сѣмена свои и весьма рѣдко обманывается. Выручаютъ вотскія примѣты и русскаго крестьянина, пользуются ими и судовщики и промышленники для своихъ выгодъ“ (²). Къ сожалѣнію авторъ не знакомитъ своихъ читателей съ этими „несобманывающими“ метеорологическими примѣтами и даетъ намъ право поставить сравнительную успѣшность вотскаго земледѣлія въ зависимость отъ извѣстныхъ уже намъ факторовъ — большаго труда и удобренія, которые Вотакъ вкладываетъ въ почву. Сами Вотяки глубоко убѣждены въ вѣрности своихъ примѣтъ. Тотъ-же Кошурниковъ рассказываетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Вотяки тащили бочки съ водой и пожарные инструменты къ волостному правленію, изъ котораго вывозили

(¹) Гаар. I. с. 112—122.

(²) I с. 12.

(лѣтомъ) тараканы. Стоять отъ сильнаго вѣтра „застовать“ сосны и Вотякъ ждетъ уже бѣды; цѣлая деревня всполошится, начнется бѣготня изъ дома въ домъ ¹⁾). Нѣкоторыя примѣты способны привести Вотяка къ ужасающимъ преступленіямъ. Въ сборникѣ г. Мункачи имѣетъ мѣсто, между прочимъ, такая примѣта: „если покойникъ оживетъ въ церкви, погъ долженъ у б и т ь его; иначе онъ самъ умретъ“ ¹⁾). Анализируя образцы примѣтъ, которыя приводитъ Кошурниковъ, мы далеко не видимъ того, чтобы Вотякъ различалъ простую послѣдовательность во времени отъ причинныхъ отношеній между явленіями. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Если во время паденія снѣга зимой онъ липнетъ къ стѣнамъ, то пчелы дадутъ много роевъ.

Какого рода зерновой хлѣбъ истребляютъ по преимуществу мыши, на тотъ родъ хлѣба и будетъ преимущественно неурожай.

Если лутошка, выброшенная на снѣгъ на нѣкоторое время, покроется темными пятнами, будетъ урожай на горохъ.

Если свищи изрываютъ лукокъ, урожай ржи не будетъ.

Присоединяемъ сюда нѣсколько примѣтъ изъ сборника Мункачи:

Кто увидитъ ежа развернувшимся, умретъ въ этотъ годъ.

Если лягушка квачетъ въ подпольи, будетъ покойникъ.

Весной много желтковъ не ѣшь — желтуха будетъ (№ 42).

При закатѣ солнца не спи — голова будетъ болѣть (№ 48).

Если при солнцѣ будешь выносить ледъ, будетъ гроза съ сильнымъ дождемъ (№ 46).

Если лѣтомъ будешь брызгать въ верхъ воду, дождь будетъ (№ 47).

---

¹⁾ I. с. 39—40.

Если изо рта падаетъ хлѣбъ, его тащатъ покойники (№ 83). (¹)

Всматриваясь въ эти примѣты, мы видимъ, что въ нихъ связаны причинной связью такіе явленія, которыя не имѣютъ между собой ничего общаго. Однѣ изъ нихъ основаны на убѣжденіи, что животныя обладаютъ такими же, если не большими умственными силами, какъ человѣкъ, могутъ чувствовать и предсказывать ближайшія событія, другія на простой ответственности явленій, третьи на внѣшнемъ, бросающемся въ глаза сходствѣ.

Послѣдній родъ примѣтъ даетъ намъ возможность уяснить себѣ взглядъ Вотаковъ на отношеніи между предметами и свойствами. Мы видѣли, что человѣкъ, съѣвшій желтый предметъ (въ определенное время) приобретаетъ болѣзнь, сопровождаемую желтизной кожи: свойство приобретается съ потребленіемъ предмета, которому оно принадлежитъ. Этотъ взглядъ лежитъ въ основѣ многихъ произведеній восточнаго эпоса. Человѣкъ, съѣвшій сердце богатыря (²) и кусокъ его мяса (³), выпившій ибну, которая выходитъ изъ него предъ смертью (⁴), приобретаетъ его силу. Глаза кошки, вставленные человѣку, дѣлаютъ то, что онъ всюду видитъ мышей; руки вора, приставленные честному до тѣхъ поръ мужику, обращаютъ его въ вора; языкъ свиньи, вставленный въ ротъ человѣка, сообщаетъ ему потребность и вкусъ къ свиной пищѣ (⁵).

(¹) Мункачи I. с. 14.

(²) *ibid.* 62.

(³) *ibid.*

(⁴) Вер. Вост. Сос. Кр. 147.

(⁵) Мункачи. I. с. 86.

Въ рядѣ примѣтъ, записанныхъ г. Мункачи, мы находимъ еще нѣсколько, которыя служатъ прекрасными образцами вотскихъ представленій объ отношеніи между предметомъ и свойствомъ.

Если продаешь, либо мѣняешь скотину, сказавши покупателю „мое счастье на скотину пусть не переходитъ къ тебѣ“ возьми у него либо деньги, либо поясъ (№ 134).

Если ударишь кого вибудъ сухой лучиной, онъ высохнетъ, какъ лучина (№ 146).

Не растапывай упавшихъ съ свѣтца углей, рожъ будетъ черная (№ 147).

Изъ этихъ примѣтъ оказывается, что одинъ признакъ хозяйства — хорошій приплодъ скотины — составляющій результатъ разнообразныхъ причинъ, умѣлаго выбора породы, пищи, помѣщенія и т. п. Вотакъ представляетъ, какъ особое свойство хозяина (шудъ) переходящее на скотину, съ скотины къ другому человѣку и возвращающееся съ предметомъ, который даетъ продавцу покупатель. Сухость лучины переходитъ на человѣка, котораго ей ударили. Чернота угля переходитъ на рожъ, которая посѣяна на полѣ.

Слѣдующая ниже примѣта знакомитъ насъ съ представленіемъ Вотакъ объ отношеніи между дѣйствиємъ и причиной.

Если щенка будешь кормить съ топора, онъ будетъ сердитъ, какъ топоръ⁽¹⁾.

Здѣсь разрушительныя дѣйствія, производимыя топоромъ, приписываются ближайшему предмету — топору; онъ называется сердитымъ, а не человѣкъ, который имъ дѣйствовалъ; онъ, подобно лучинѣ, передаетъ свое свойство чрезъ прикоснувшуюся къ нему пищу щенку.

Другой рядъ примѣровъ того, какъ классифицируетъ Вотакъ, представляютъ вотскія пѣсни. Съ конструкціей

(1) I. с. 23.

стихъ пѣсенъ васъ можетъ познакомить слѣдующій образецъ:

Много мы ходили по темному лѣсу, но не нашли
кнутовища;

И много ходили и мало ходили, но не нашли лучше васъ.

Пѣсенъ такого размѣра и такой конструкціи мы встрѣтимъ множество въ сборникахъ Гаврилова и Мункачи. Здѣсь все характерно—и размѣръ пѣсни и ея построеніе. Задача пѣсни выразить чувство. О размѣрѣ выразительныхъ средствъ, которыми располагають. Вотяки свидѣтельствуетъ величина и содержаніе пѣсни. Выразивши въ сжатой фразѣ владѣющее имъ чувство, импровизаторъ стремится пояснить его образами, но бѣдность фантазій, недостатокъ образовъ, понимающихся въ его сознаніи въ силу ассоціаціи того или другаго рода, заставляютъ его ограничиться однимъ параллельнымъ образомъ и далеко не всегда удачнымъ. Приведемъ примѣры.

Мы встали рано утромъ и посмотрѣли на верхушку
зеленаго дуба.

Хотя я и былъ далеко, но не забылъ твои черныя
брови

Около рѣчки Шунн есть пестрогрудая цапля;

Приходи не смотря на то, что темно; если пѣтъ луны,
есть звѣзды

Птевцы ястреба противъ вѣтра чешутъ крылья;

Юноша, пришедшій въ возрастъ, собираетъ богатства въ
карманѣ.

Въ вашемъ мѣдномъ чайникѣ есть кислый медъ;

По рѣкѣ Шунн ты слависья своимъ умомъ.

Изъ серебра сплели мы нагайку; гдѣ мы васъ увидимъ?

Если, вставши рано утромъ, пойдете за водой, то на
дорогѣ увидимъ

Два молодца косить сѣно, поворачиваясь исторопливо.
Желаю скрыть своегоре, плачуть въ уединенныхъ мѣстахъ.

Съ высокой горы бѣжитъ съ шумомъ снѣговая вода;
Если съ малолѣтства будешь богатъ, то сердце твое
никогда не успокоится.

Выступая за предѣлы пары образовъ, Вотякъ нагро-
мождасть кучи сравненій которыя вызываютъ недоумѣніе
относительно условій ихъ совмѣстнаго возникновенія.

Въ сосновомъ лѣсу есть ульи, вырубленные въ деревьяхъ.
Жена моя стара, сынъ мой молодъ.

Зятя Амвросія одинъ писарь, а другой бурлакъ.

Товкій холстъ не можетъ быть товаромъ.

Тетенька Гольжанъ ужь не можетъ быть дѣвушкой.

Отношенія, въ которыхъ Вотякъ представляетъ себѣ
стоящими явленія, далеко не таковы, чтобы дать ему воз-
можность отдѣлать естественное отъ сверхъестественнаго,
возможное отъ невозможнаго. Отсюда въ связи съ идеями,
составляющими подкладку вѣрованій, происходитъ то легко-
вѣріе, которое характеризуетъ Вотяка рядомъ съ чрезмѣр-
ной подозрительностью. „Вотяки оказываются въ особенво-
сти легковѣрными въ предметахъ, выходящихъ изъ сферы
ихъ старинныхъ вѣрованій. Можно рассказывать Вотякамъ
какія угодно неблицы и они примутъ ихъ за чистую мо-
нету, если рассказчикъ будетъ вести рѣчь серьезно. Если
рассказчикъ разсмѣется надъ своимъ врагьемъ или засмѣются
его товарищи, тогда и Вотякъ засмѣется пельному раз-
сказу“⁽¹⁾.

Благодаря своему легковѣрію Вотякъ эксплуатируется
на разные манеры Русскими и Татарами. Осокниъ расска-

(1) I. с. 63.

зываетъ, какъ одинъ „каналеръ индустрии“, войдя въ соглашеніе съ богатымъ Вотякомъ, эксплуатировалъ самымъ грубымъ образомъ долгое время цѣлый округъ. Выждалъ этотъ промышленникъ день, когда Вотяки должны были молиться въ рошѣ и поставилъ на священное дерево заведенную табакерку съ музыкой. Вотяки вообразили, что этой музыкой богъ выражаетъ свое благоволеніе. Фокусъ этотъ продѣланъ былъ три раза; Вотяки были въ восторгѣ отъ того, что богъ такъ благоволитъ къ нимъ. Но вотъ приходитъ разъ они въ рощу—музыки нѣтъ. Подумали, погадали и рѣшили отпратить въ рощу жреца узнать, чего хочетъ богъ. Жрецъ говоритъ, что богу нужно быка. Зарѣзали быка—музыки вѣтъ. Тутъ выступаетъ Вотякъ—пайщикъ въ этой спекуляціи и говоритъ, что богу, вѣроятно, нужны деньги. собрали Вотяки денегъ, отнесли въ рощу—музыка возобновилась. Съ этихъ поръ къ дереву стали приносить все больше и больше денегъ не только изъ этой деревни, но и изъ всего округа. Владѣлецъ табакерки нажилъ себѣ такимъ нехитрымъ путемъ капиталецъ⁽¹⁾.

Обманутый разъ, два, три, Вотякъ бросается въ другую крайность и начинаетъ съ недоувѣріемъ относиться къ самымъ естественнымъ вещамъ, если они въ той или другой мѣрѣ затрагиваютъ его карманъ.

Не одно легковѣріе сопровождаетъ у Вотяка отсутствіе представленій о возможномъ и естественномъ порядкѣ вещей. Послѣдствіемъ находящагося на такой ступени сознанія является еще равнодушіе къ новому, отсутствіе любознательности. О равнодушіи, флегматичности Вотяковъ мы читаемъ слѣдующій характерный разговоръ у г-жи Фуксъ: вынула она часы съ ренетичіей, завела и поставила на столъ; Вотяки,

(¹) *ibid.*

которые стояли въ избѣ у порога и никогда не видали ничего подобнаго, ни единымъ движеніемъ мускуловъ не показали своего удивленія (¹). Объ ограниченной любознательности у Вотяковъ говорятъ авторы, относящіеся вполне сочувственно къ нимъ. „Въ отношеніи предметовъ, являющихся вновь по части сельскаго хозяйства, жители очень любознательны, говоритъ г. Верещагинъ... Къ другимъ-же предметамъ; напр. къ явленіямъ природы они остаются равнодушными (²).

Тотъ пріябрь равнодушія къ новому, о которомъ мы сказали нѣсколькими строками выше, даетъ намъ возможность перейти къ характеристикѣ эмоціональных особенностей Вотяка. Онъ характеризуетъ одновременно и состояніе мысли и состояніе чувства. Безстрастіе, съ которымъ Вотякъ относится къ новой для него вещи, онъ проявляетъ и вообще въ своихъ отношеніяхъ къ явленіямъ. Мы говорили уже о вотской способности терпѣть.

Лучшимъ источникомъ для изученія силы эмоцій Вотяка служатъ его лирическая поэзія. Исследователь можетъ перебрать всѣ нѣсни, которыя помѣщены у Гаврилова и Мункази, и не найдетъ въ нихъ ни одной фразы, въ которой сказалось бы сильно возбужденное чувство. Для примѣра нѣсколько наиболее сильныхъ фразъ:

Мы съ малолѣтства жили вмѣстѣ;
пусть бы сдѣлалось
такъ, чтобы намъ не разлучаться.

Утромъ (безъ солнца?) туманъ не проясняется;
безъ
посѣва озимъ не восходитъ

Безъ всякой игры и смѣха не проясняется молодое сердце.

Братъ, что я тебѣ, когда нѣтъ у меня товаровъ изъ

Бухары.

(¹) I. с.

(²) Вот. Сос. кр.

Увидавши тебя, братъ, я не могу стаять отъ радости.
Хорошо было бы, если бы въ то время, какъ я скучаю
по тебѣ, твой образъ былъ предо мной.
Въ этой деревни много людей, но я люблю только
одного.

Какъ солнце подвѣшавшееся утромъ, лице твое показывается
глазамъ моимъ.

... Не станемъ разлучаться до смерти.

Мои глаза и въ долгій день не могутъ посмотрѣться
на твой станъ.

Что бы ни стремился выразить въ пѣснѣ Вотякъ—любовь, радость, горе, тревогу—онъ одинаково закониченъ.

Лучшимъ образчикомъ ясно выраженного чувства тревоги предъ грядущими бѣдствіями представляетъ пѣсня № 15.

За темнымъ лѣсомъ идетъ черная туча; хорошо если
бы была густая елка (укрыться).

Когда приходять эти тяжелые годы, хорошо, если бы
я былъ ребенкомъ въ зыбкѣ.

Есть пѣсни съ полнымъ отсутствіемъ эмоциональнаго элемента, по своей природѣ соответствующія пословицамъ. Такова напр. у Гаврилова пѣсня № 86.

Бодрость рыжаго коня узвашеь тогда, когда запражешъ
его въ сани.

Изъ всѣхъ эмоцій одна выражается у Вотяковъ рѣзкимъ образомъ это страхъ. Страхъ Вотяковъ предъ начальствомъ, говоритъ Осокинъ, не имѣеть предѣловъ ⁽¹⁾. Страхъ предъ грядущей бѣдой, въ особенности предъ судомъ, доводитъ Вотякъ зачастую до самоубійства ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Гаври. I. с.

⁽²⁾ Кошури. I. с. 40.

Указавши на высоту эмоциональных способностей Вотяка, мы перейдемъ къ специальнымъ замѣчаніямъ о тѣхъ чувствахъ, которыя ложатся въ основу общественныхъ отношеній и морали.

Переживанія въ области общественной организаціи и вѣрованій говорятъ намъ, что изслѣдователи, стремящіеся представить настоящее состояніе вотскаго народа, какъ результатъ деградации, глубоко заблуждаются. Далекое прошлое Вотяковъ вовсе не представляетъ собою золотого вѣка. Изъ исторіи культа и вотскаго эпоса мы имѣемъ полное право заключить, что Вотяки пережили такую эпоху общественныхъ отношеній, когда человѣкъ былъ для человѣка не братомъ, а вкуснымъ кушаньемъ. Альтруистическія чувства выросли у нихъ постепенно: сначала Вотяки сами отказались отъ употребленія человѣчины въ пищу, но продолжали угощать ею боговъ (при чемъ жертвой являлся старикъ или человѣкъ чужаго племени), затѣмъ в богахъ стали приносить въ жертву одни человѣческіе волосы въ предположеніи, что богъ, если захочетъ, возьметъ уже самъ остальное. Въ обрядахъ, совершающихся въ случаѣ болѣзненности ребенка или при отдачѣ его въ дѣти, сохранились воспоминанія о той эпохѣ въ развитіи родительскихъ чувствъ, когда родители выбрасывали или продавали больного или лишняго ребенка. Стоитъ сравнить настоящій уровень развитія альтруистическихъ чувствъ съ тѣмъ, который мы только что очертили, чтобы убѣдиться въ томъ, что настоящее Вотяковъ есть результатъ развитія, къ которому они оказались способными, а не деградации. Современный Вотякъ производитъ очень выгодное впечатлѣніе на наблюдателей высокимъ развитіемъ симпатическихъ чувствованій. Вотякъ — вѣжливый отецъ, мягкій мужъ, добрый родственникъ и сосѣдь.

Съ своимъ братомъ Вотякомъ, говоритъ Кошурниковъ, Вотякъ сохраняетъ самыя дружественныя отношенія;

каждый Вотякъ имѣеть доступъ къ другому при встрѣчающихся неблагопріятныхъ случаяхъ жизни. Недостало у Вотяка хлѣба для обмѣненія полей, онъ идетъ къ сосѣду и получаетъ нужное; осталась не выжатой его полоса въ полѣ за болѣзнью. ее выжнуть услужливые сосѣди. Попасть Вотякъ въ бѣду, вся деревня за него ходатайствуетъ и, гдѣ нужно, не жалѣеть денегъ" ('). Другой писатель для характеристики сочувствія, съ которымъ Вотяки относятся къ чужимъ несчастіямъ, приводитъ случай, когда на его глазахъ сгорѣла одна вотская деревня. Не успѣло еще затухнуть пожарище, какъ со всѣхъ сосѣднихъ деревень паѣхали Вотяки съ хлѣбомъ и другими необходимыми предметами ('). Хлѣбъ, который лежитъ на столѣ у Вотяка, къ услугамъ всякаго желающаго. Чужой человѣкъ, не спросивши позволенія хозяевъ, можетъ садиться за столъ и ѣсть. Заколетъ Вотякъ какую нибудь скотину и уже зоветъ ѣсть мясо всѣхъ своихъ сосѣдей. Нѣтъ ни одного праздника, въ который бы Вотяки не устроивали складчинъ, общественныхъ пировъ, не ходили толпой изъ дома въ домъ. Съ чувствомъ состраданія, которое заставляетъ Вотяка прійти на помощь ближнему, вполне гармонируетъ потребность мира, согласія, которая такъ сильна въ Вотякѣ. Одной мыслью, въ одну рѣчь— вотъ идеаль вотскихъ общественныхъ рѣшеній. Этотъ девизъ мы находимъ во всѣхъ почти вотскихъ молитвахъ, когда божеству заявляется, что жертву ему приносятъ община. Вотякъ весь въ семьѣ и общинѣ и почти не имѣеть личной инициативы. Мы знаемъ, каково положеніе членовъ семьи подъ властью кузо—по эту зависимость Вотякъ выносить безъ малѣйшаго труда, можно сказать—съ наслажденіемъ.

(') Кошура. I. с. 41.

(') В. Г. В. 1883.

Способность подчиняться куз'о, кевешу, всякому другому мѣстному авторитету у Вотяка, кажется, безгранична.

Факты, которые мы перечислили, таковы, что на основании ихъ очень легко идеализировать Вотяковъ и нѣкоторые писатели ихъ, дѣйствительно, идеализируютъ. Мы далеки отъ заблужденій на счетъ того уровня, на которомъ стоитъ нравственное развитіе Вотяковъ. Альтруистическія чувства у Вотяковъ очень претензивны—это безспорно; но безспорно и то, что простираются они на очень ограниченную сферу. Вспомнимъ, что Вотяки почти не вышли еще изъ родового быта, что сосѣдъ и родственникъ у нихъ синонимы, что до сихъ поръ дѣля деревни еще ведутъ происхождение отъ одного родоначальника и мы не будемъ удивляться той степени расположенія другъ къ другу, которую проявляютъ сосѣди. Что за тѣсные предѣлы рода или въ крайнемъ случаѣ своего племени ихъ альтруизмъ не простирается, намъ говорить многіе наблюдатели. Чужой проѣзжіи человекъ не такъ давно не могъ добиться ничего отъ Вотяковъ даже за деньги. Можетъ быть, подобныя такіе факты вырвали у Осокина такой суровой приговоръ надъ Вотяками: „Вотяки не дѣлаютъ зла никому, но и не чувствуютъ удовольствія дѣлать добро. Они никогда не покормятъ бѣднаго (чужаго?), хотя умирай онъ съ голоду, если знаютъ, что бѣды имъ отъ этого не будетъ“¹⁾... Не считая приговоръ Осокина вполне справедливымъ, мы позволяемъ себѣ все же сказать, что онъ подмѣтилъ одну черту, которая составляетъ подкладку многихъ проявленій вотякской добродѣтели—страхъ бѣды, которая можетъ постигнуть за преступленіе. Мы не хотимъ сказать, что страхъ начальства дѣлаетъ Вотяковъ сострадательными. Вотяки боятся сосѣдъ другаго. Человекъ,

---

¹⁾ I. с. 80.

которому сдѣланъ вредъ, можетъ мстить послѣ смерти, какъ злой духъ. Въ этомъ страхѣ, по словамъ новѣйшаго наблюдателя М. Виса одна изъ основъ вотской морали⁽¹⁾. Здѣсь прибавимъ мы первый и единственный намекъ на то, что у Вотяковъ начинала возникать метафизическая подкладка для предписаній морали. Дальше этого перваго шага Вотяки не пошли: идеи святости и грѣховности, идея Бога, требующаго моральныхъ жертвъ, до сихъ поръ еще не усвоена Вотяками. Страхъ земнаго начальства можетъ сдерживать Вотяка отъ мелкихъ преступленій — отъ кражи напр. Съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣетъ это чувство на отношеніе Вотяка къ чужой собственности, насъ знакомитъ вотская поэзія. Въ вотскихъ сказкахъ довольно часто фигурируетъ рубашка, которая дѣлаетъ человѣка невидимой. Какая же мысль первой приходитъ въ голову обладателю волшебной рубашки?— „Теперь мнѣ можно идти воровать“⁽²⁾. Степени сочувствія, которую Вотякъ обнаруживаетъ по отношенію къ людямъ не его рода, соотвѣтствуетъ и способность сочетать свои интересы съ интересами другаго рода или совокупности родовъ. Свидѣтельствомъ того, что Вотякъ, выработавшій способность сочетать свои стремленія съ стремленіями родичей, не въ состояніи оказался распространить эту способность за предѣлы рода служитъ отсутствіе въ исторіи Вотяковъ какихъ либо слѣдовъ болѣе крупныхъ, чѣмъ родъ, хотя бы временныхъ общественныхъ сочетаній.

Характеристику душевныхъ свойствъ Вотяковъ мы заканчиваемъ волей. Въ узкой сферѣ своихъ интересовъ Вотякъ обнаруживаетъ значительную силу воли — упорную настойчивость въ осуществленіи своихъ цѣлей. Вотякъ, задумавъ

(1) I. с.

(2) Верещагинъ. Вот. Сар. у. Сказки.

маншій похитить поправившуюся ему дѣвushку, похитить ее, хотя бы ему пришлось потерпѣть нѣсколько разъ неудачу, хотя бы каждая неудача стоила ему жестокихъ побоевъ. Потерпѣвши рядъ неудачъ Вотякъ, по словамъ г. Магсимова, лучше удавится на дворѣ своего врага, чѣмъ откажется отъ цѣли (¹). Мы знаемъ уже изъ описаній Кошурникова, какую настойчивость и способность бороться съ препятствіями Вотякъ обнаруживаетъ на охотѣ. Тоже упорство въ трудѣ опъ обнаруживаетъ и на поприщѣ земледѣлія и въ составленіи капитала. Бережливость Вотяка изумительна, хотя результаты ея ничтожны: скопленные цѣною громадныхъ лишений деньги зарывались до послѣдняго времени въ землю и не приносили пользы ни обладателю, ни его потомству. Тайпа вотской энергія въ ограниченномъ кругѣ желаній. Здѣсь же и причина вотской косности. Вотяку не хватаетъ главнаго условія развитія—недовольства настоящимъ, окружающимъ. Вотякъ терпитъ грязь своей избы и одежды, не стремится улучшить свой скотъ, и на всякіе разговоры о лучшемъ отвѣчаетъ: „вамъ ладно; мы Вотяки (²)“.

Мы набросали въ самыхъ общихъ чертахъ духовную характеристику Вотяковъ. Картина вышла блѣдна. Нужнаго количества красокъ не даютъ ни наши личныя впечатлѣнія, ни литература. Отдѣльныя штрихи позволяютъ однако въ заключеніе сказать нѣсколько словъ по поводу практическаго вопроса, который выдвигается, какъ окончательный результатъ всѣхъ предшествовавшихъ соображеній. Вотяки находятся на пути сліянія съ русскимъ народомъ; не пройдетъ, можетъ быть, столѣтія до тѣхъ поръ, пока послѣдній Вотякъ

(¹) I. с.

(²) Бехтеревъ. I. с.

сѣласть Русскимъ. Что же внесутъ въ жизнь и характеръ русскаго народа эти новыя 300—400 тысячъ человекъ? Какъ съ пользою для будущаго слѣдуетъ намъ употребить теперь уже то, что несутъ съ собою эти люди? Отвѣтъ на эти вопросы намѣчается на немногихъ страницахъ нашей характеристики. Двѣ основныхъ и родственныхъ намъ черты можетъ принести съ собою обрусѣвшій Вотякъ — стойкую энергію и общинныя альтруистическіе инстинкты. Наша задача дать высшія цѣли — идеалы для первой и расширить сферу приложенія для вторыхъ.

Глава VII.

Обзоръ литературы о Вотяхахъ.

Вс. Ф. Миллеръ. Описание коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. II. М. 1887.

И. Семеновъ. Географическій словарь Россійской Имперіи. Т. I.

Труды Вс. Ф. Миллера и П. С. Семенова заключаютъ въ себѣ перечень русскихъ и иностранныхъ сочиненій и статей, въ которыхъ такъ или иначе толкуется о Вотяхахъ. Въ перечень вошли ись статьи и книги специально этнографическаго характера. Статьи и изданія историческія и статистическія не перечисляются и, намъ кажется, до нѣкоторой степени напрасно: въ такихъ изданіяхъ, какъ „Матеріалы для статистики Вятской губерніи“, издаваемые Земскимъ Статистическимъ Бюро, найдеть для себя не мало интереснаго всякій этнографъ, каковы-бы ни были его взгляды на задачи науки.

Древнѣйшія упоминанія (этнографическаго характера) о Вотяхахъ въ русской литературѣ мы встрѣчаемъ въ рукописной „Казанской исторіи“ анонимнаго автора, относящейся къ XVI в. и въ таковой-же космографіи XVII в. Въ обоихъ памятникахъ о Вотяхахъ даются смутныя понятія. Авторъ „Казанской исторіи“ не отличаетъ ихъ отъ Чер-

мисъ (¹), составитель „Космографин“, повторая его ошибку, присовокупляетъ, что Вотяки бѣжали изъ Ростовской земли (²).

N. Vitseu (Nord en Oest Tartarye. Amst. 1705).

Витсеувъ первый, кажется, изъ иностранцевъ упоминаетъ о Вотякахъ но, подобно приведеннымъ выше русскимъ авторамъ, только по имени (вятскіе азычники).

Первымъ писателемъ XVIII в., сообщившимъ кое какія черты изъ быта Вотяковъ, былъ Штраденбергъ. Штраденбергъ знакомитъ своихъ читателей съ территоріей, на которой живутъ Вотяки, съ физическими признаками ихъ, пускается въ соображенія объ ихъ прошломъ и между прочимъ приходитъ къ заключенію, что они представляютъ собою потомковъ Арамеевъ, о которыхъ упоминаетъ Плиній (сами себя зовутъ Аръ и страну свою Арима). Рядомъ съ такими вздорными вещами мы имѣемъ у него и цѣлныя въ историческомъ смыслѣ сообщенія. Мы не можемъ такъ рѣшительно, какъ это дѣлалъ Ф. Миллеръ, отвергать напр. справедливость Штраденбергскаго извѣстія, что въ началѣ XVIII в. на Немдѣ близъ Кукарки жили Вотяки. Преданія о нихъ тамъ сохранились и теперь.

Ger. Fr. Müller. Sammlung der Russischen Geschichte. Bd. III.

Его-же. Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи азычскихъ народовъ. Сиб. 1791.

Фр. Миллеру принадлежитъ первая цѣлостная картина быта Вотяковъ. Отправившись въ Камчатскую экспедицію, онъ на пути ознакомился со всеми инородцами, которыхъ могъ встрѣтить, собиралъ свѣдѣнія о ихъ языкѣ, вѣшнемъ бытѣ, вѣрованіяхъ и культѣ. Въ результатѣ оказался богатый запасъ драгоценныхъ извѣстій, которыя имѣютъ въ настоящее время уже по большей части историческое значеніе

(¹) Рычковъ. Каз. вст.

(²) Труды IV Арх. съѣзда. Т. I.

Мы находимъ впервые у Миллера настоящее самоназваніе Вотяковъ и опроверженіе басня, пущенной на счетъ его Штраденбергемъ, извѣстія о перекочевкахъ Вотяковъ, описаніе ихъ жилищъ, костюма (между прочимъ вышедшаго изъ употребленія жепскаго кафтана съ разрѣзными рукавами), промысловъ, пріемовъ гаданія (м. пр. неизвѣстнаго въ настоящее время гаданія посредствомъ нюхательнаго табака), культа, формъ брака (упоминаніе о двоеженствѣ, женатѣхъ жевитѣхъ малолѣтнихъ и похищенія невѣсты), погребальныхъ обрядовъ (обертываніе покойника въ бересту. 78).

Какъ первый опытъ, описаніе Вотяковъ, сдѣланное Миллеромъ, не чуждо ошибокъ и подчасъ довольно крупныхъ. Первымъ и главнѣйшимъ недостаткомъ характеристики Миллера съ спеціальной точки зрѣнія слѣдуетъ назвать то, что въ ней иногда не легко отдѣлать то, что свойственно Вотякамъ собственно, отъ чертъ общей культуры и породцевъ казанскаго края: авторъ характеризуетъ общими чертами Чурашъ, Черемисъ и Вотяковъ, не обращая вниманія на ихъ племенную разнь. Въ этихъ общихъ характеристикахъ онъ дѣлаетъ крупныя ошибки; такъ онъ увѣряетъ между прочимъ, будто всѣ три народа не имѣютъ годоваго счисленія и дѣленія года по мѣсяцамъ. Позднѣйшія извѣстія мѣстнымъ изслѣдователямъ показали, что у каждого изъ описываемыхъ народовъ имѣется собственная система счисленія времени. Говоря о жертвоприношеніяхъ, Миллеръ замѣчаетъ, что Вотяки не приносятъ въ жертву дикихъ птицъ и звѣрей. Это оказалось также ошибкой: позднѣйшіе наблюдатели показали, что въ жертву приносятся напр. тетерева и рябчики. Равнымъ образомъ ошибочными оказались сообщенія, будто у Вотяковъ при жертвоприношеніи вѣтъ спеціального лица, которое рѣзало бы животное, а при погребеніи въ гробъ не кладутъ „домоваго скарба“ (78). Ха-

характеристика свадебныхъ обычаевъ вотскихъ и блѣдна и несогласна съ истинной; „кромя пьянства, пѣсенъ и пляски“ во время сватъбы позднѣйшіе наблюдатели подмѣтили много обрядовъ, имѣющихъ связь съ исторіей развитія вотской семьи.

Рычковъ. Оренбургская топографія. Спб. 1762 г. I, 183—187.

На немногихъ страницахъ, посвященныхъ Вотьякамъ, Рычковъ толкуетъ объ исторіи и современномъ состояніи этого народа. Онъ приписываетъ Татищеву гипотезу, въ силу которой Вотьяки помѣщались первоначально на берегахъ Невы. О прошломъ вотскаго народа Рычковъ излагаетъ безъ критики соображенія Татищева. Характеристика современнаго быта очень блѣдна. Неопредѣленными чертами обрисовываетъ онъ культъ и погребальныя обряды Вотьяковъ, отмѣчая сходство съ чувашскими; еще неопредѣленнѣе описываетъ костюмы.

Рычковъ. Дневныя записки. Спб. 1770. 157—164.

Характеризуя современное состояніе Вотьяковъ, Рычковъ прежде всего касается религіозныхъ вѣрованій и съ перваго же шага дѣлаетъ ошибку, называя „первенствующаго бога“ Плеромъ вмѣсто Имара. Слѣдующимъ искаженіемъ является имя богини Калдыни-Мумасъ (очевидно, вмѣсто Калдынь-Мумызъ). Любопытны указанія на особые жертвоприношенія, совершаемыя собраніемъ вотскихъ женщинъ публично и домохозяйками частно, на весенній праздникъ въ честь богини Шунды мумы, на культъ дятла и принесеніе въ жертву ему дикой утки.

Искажая имена, Рычковъ еще сильнѣе искажаетъ тексты. Едва-ли кто изъ знатоковъ вотскаго языка отыщетъ напр. смыслъ въ слѣдующей фразѣ, съ которой будто-бы обра-

щается жрецъ къ солнечной богинѣ: „бурмата ивиі буркаты бурмата“.

Описание Модора, сходное въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, что позднѣйшіе писатели говорятъ о Воршудѣ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько темныхъ, хотя и очень интересныхъ вещей. Рычковъ говоритъ, что священныя вѣтви берутся съ одного дерева, которое предки избрали Модоромъ, что ихъ можетъ снять съ мѣста престарѣлый старикъ (жрецъ), который передаетъ свою власть сыну или ближайшему родственнику; смѣнять ихъ можно не прежде смерти старика, который совершалъ предъ ними жертвоприношенія. Говоря о брачномъ обрядѣ, Рычковъ ограничивается указаніями на продажу невѣсты и на обычай родителей держать ее послѣ сватовства въ теченіе нѣкотораго времени у себя. Обрядъ погребенія описанъ на нѣсколькихъ строчкахъ; Рычковъ ограничивается перечнемъ вещей, которыя кладутся съ умершимъ. Въ области вѣшьяго быта Рычковъ отмѣчаетъ отсутствіе контраста между бѣдными и богатыми и трудолюбіе Вотяковъ.

Schlizer. Allgemeine Nordische Geschichte. Halle. 1771.

Вотякамъ въ этой книгѣ посвящено нѣсколько строкъ, заключающихъ въ себѣ замѣчанія о племенномъ отношеніи ихъ къ Черемисамъ и Пермьякамъ и законическій, но суровый приговоръ надъ гипотезой Татищева о первоначальной родинѣ Вотяковъ (schwache Vermuthung).

Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. Пер. Зуева. Сиб. 1788. Ч. III.

Изъ краткихъ замѣтокъ Палласа заслуживаетъ вниманія сообщеніе, что Вотяки сего времени рассказывали о князьяхъ, подъ властью которыхъ они жили до Татаръ, близь Арска, и откуда отступили подъ напоромъ татаръ. Извѣстія отно-

нительно вѣрованій не отличаются достоинствомъ. Палась безпощадно искажаетъ имена вотскихъ боговъ (Намаръ вмѣсто Намаръ, Мулдіемъ-Калципъ вмѣсто Муземъ-Кылдсивъ, Бу-Нимаръ вмѣсто Бу-Мурта). Въ замѣткѣ относительно сѣвокоснаго праздника (вписесъко-нуналъ), интересно указаніе на обычай приносить въ жертву дятла (ивечо). Относительно жертвоприношеній Палась прибавляетъ къ тому, что сообщаетъ Миллеръ, нѣсколько деталей: сжиганіе костей, крови и желудка наполненнаго жиромъ, развѣшиваніе головъ быка и овцы съ лошадинымъ скелетомъ на ели.

Георги. Описаніе всѣхъ народовъ.

Въ характеристикѣ Георги встрѣчается нѣсколько новыхъ чертъ сравнительно съ тѣми, что даютъ Миллеръ и Рычковъ. Георги съ довѣріемъ говоритъ о гипотезѣ, отождествляющей Вотяковъ съ египетскими Арами. Характеризуя социальныя отношенія, онъ заключаетъ, что Вотяки сохраняютъ свое старинное раздѣленіе на поколѣнія или семьи „и даютъ по тому деревнямъ своимъ названія“. Любопытно приводимое Георги вотское названіе сотниковъ—Елпиръ. Георги не даетъ перевода этому слову и приводитъ его, намъ кажется, въ искаженной формѣ. Мы думаемъ, что настоящая форма его—Эл'пиръ (Эл'—поколѣніе, пиръ—голова)—глава поколѣнія. Искаженіе вотскихъ словъ, замѣтимъ мимоходомъ, составляетъ большое мѣсто Георги: мѣтка (пущъ) называется у него—п е с ъ, сватовство (арашонъ)—е р а ш у, хранитель куди (Ут'ис)—т і с ъ, изгнаніе шайтана болѣзни (Урвасъ)—О р в а с ъ, Богъ земли (Муз'пэм—Кылципъ)—Муціэнъ-Калципъ. Въ описаніи свадебнаго обряда введены указанія на роль торъкарта въ бракѣ и на обычай удерживать невѣсту въ домѣ отца. Относительно похороннаго обряда слѣдуетъ отмѣтить указанія на обычай отламывать кончикъ вола, который кла-

дети съ побойникомъ, и перешагивать при возвращеніи съ кладбища черезъ огонь, разложенный у воротъ. Наибольше новыхъ данныхъ представляетъ характеристика религіозныхъ вѣрованій и культа. Помимо замѣчаній о томъ, что для высочайшаго Бога у Вотяковъ имѣется нѣсколько названій—Имварь, Имму и Имварь—мы встрѣчаемъ указанія на Салтанъ Дыса (какъ особое существо), Му-Калцына (Муціанъ-Калцына, Муму-Калцына), Шунду-Мумы, Бу-Мурта, Паласть-Мурта, Алиду, Албаста (Коболта), Убира. Въ характеристикѣ культа новыми являются указанія на классы жрецовъ и ворожеевъ, жертвенное возношеніе, воззваніе къ огню, какъ посреднику, обычай въ бадзынь-квалѣ становиться лицомъ къ двери, обращенной къ югу.

Erdmann. Reisen im Innern Russlands. Leipzig. 1828.

Авторъ совершилъ путешествіе по Вятской губерніи по почтовому Сибирскому тракту изъ Вятки и имѣлъ случай видѣть Вотяковъ Слободскихъ, Глазовскихъ и Сарапульскихъ. Говоря о прошломъ Вотяковъ, онъ высказываетъ предположеніе, что ранѣе они жили по берегамъ Казанки и отсюда вытѣснены Татарами. О языческихъ вѣрованіяхъ народа Эрдманъ сообщаетъ со словъ глазовскаго чиновника Вичгардъа и Елабужскаго помѣщика Камешева. Свѣдѣнія не отличаются особымъ достоинствомъ. Между прочимъ о нареченіи младенцу имени ему говорили, что имя заимствуется у человѣка, котораго встрѣтитъ отецъ, выйдя на улицу; если отецъ заразъ встрѣчаетъ нѣсколько человѣкъ, ребенокъ получаетъ нѣсколько именъ. Въ числѣ обычаевъ, описываемыхъ Эрдманомъ, слѣдуетъ отмѣтить упоминаніе о гостепріимномъ гетеризмѣ (отдачѣ дѣвушки отцемъ въ пользованіе постороннихъ людей) и описаніе обычаевъ, употребляющихся для рѣшенія споровъ.

Характеризуя религію, Эрдманъ говоритъ о дуализмѣ и называетъ добраго и злаго духа ни у кого похитѣ не встрѣтающимися именами: *Urom-buss, Tasá-buss.*

Вотьяки и Черемисы. Вят. Губ. Вѣд. 1838. 1 №.

Замѣтка о Вотьякахъ заключаетъ въ себѣ мало интереснаго. Больше или меньше вниманія заслуживаютъ сообщенія о характерѣ Вотьяковъ и ихъ костюмѣ (авторъ говоритъ между прочимъ о шитыхъ шелкомъ мужскихъ рубашкахъ).

Описаніе Глазовскаго уѣзда. В. Г. В. 1839. Приб. № 2.

Описывая уѣздъ, авторъ говоритъ между прочимъ о Вотьякахъ, сообщаетъ первый о вѣник-ваэн'ѣ, который устранивается предъ сѣнокосомъ, о жертвоприношеніи рѣкъ, которое имѣетъ тутъ мѣсто для того, чтобы предохранить жертву отъ града и бурь. Описывая брачный обрядъ, онъ первый отмѣчаетъ то обстоятельство, что женщина въ первый годъ замужества или до беременности носить дѣвичью одежду. Описывая погребальный обрядъ, авторъ говоритъ объ обычаѣ зимой покрывать покойника шубой, класть умершему вина, хлѣба и соли.

Александра Фуксъ. Поѣздка къ Вотьякамъ Казанской губерніи. Каз. Губ. Вѣд. 1844 № 14—29.

Статья г-жи Фуксъ имѣетъ очень скромные размѣры и соответствуетъ, конечно, скромное-же содержаніе. По возможности авторъ говоритъ о всемъ—о вѣрованіяхъ, культѣ, свадебныхъ и поминальныхъ обрядахъ и вѣншемъ бытѣ народа. Кое-что изъ сообщаемаго носитъ на себѣ печать недостаточной внимательности автора къ тому, что онъ слушалъ; кое-что вызывается недоумѣніями благодаря корректурнымъ недостаткамъ. Недочеты статьи замѣтны особенно тамъ, гдѣ авторъ приводитъ вотскія названія. Весенній праздникъ напр. называетъ

ся Тыр-потъ-юонъ. Первая половина слова представляеть собою некажениое и авторомъ и наборщикомъ вотское названіе горы (гѳры)-поттонъ—вывозъ сохи; новый годъ называется віаръ вмѣсто виль-аръ, мудоръ у Казапскихъ Вотиковъ будто бы означаеть молиться, чего нельзя допустить въ виду полнаго отсутствія глагольнаго суффикса въ этомъ словѣ. Ву-муртъ названъ Вумардомъ; лѣшій рѣдко употребительнымъ именемъ Шуралъ. Не смотря на свои недочеты, статья г-жи Фуксъ сохраняетъ до сихъ поръ значеніе для этнографа. Главную цѣнность еѣ придаютъ извѣстія о роли старухи (жрицы) при совершеніи свадебнаго обряда и о принесеніи человѣческой жертвы на поминкахъ. Съ точки зрѣнія историко-литературной можно отмѣтить довольно подробное описаніе свадебнаго обряда, нѣсколько деталей въ описаніи праздничныхъ жертвоприношеній (прикрѣпленіе зажженныхъ свѣчъ къ ели во время сѣпокосаго праздника, бросаніе яицъ въ землю во время Гѳры—поттонъа), упоминаніе о большомъ моленіи, совершающемся черезъ три года. Въ характеристикѣ общественныхъ отношеній заслуживаетъ вниманіе голословное къ сожалѣнію указаніе, что видѣвшіяся семьи остаются въ зависимости отъ главы рода. Въ описаніи свадебнаго обряда авторъ даетъ одну неизвестную изъ другихъ писателей подробность: обычай давать казимъ чрезъ пукъ горячей соломѣ.

Воткин Вятской губерніи. В. Г. В. 1846.

Статья неизвестнаго автора имѣеть замѣтно-компилятивный характеръ. Религіозныя вѣрованія (Имаръ на солнцѣ, Муціев-кальципъ, Шунды - мумы, Салтанъ - днсь, Алнда, Албасть) очерчены по Георгіи. Авторъ говоритъ объ язычествѣ, какъ явленіи уже прошедшемъ. Въ описаніи брачнаго обряда обнаруживается болѣе самостоятельности. Авторъ новыми штрихами обрисовываетъ способъ похищенія невѣсты

приводить вотскіе термины для обозначенія сватовства и калыма—(первый, подобно Георги, въ сильно искаженномъ видѣ ерашу вмѣсто ярашовъ).

И. Поповъ. Историческое описаніе о селѣ Святницкомъ Глаз. у.
В. Г. В. 1851.

Статья заслуживаетъ вниманія благодаря нѣсколькимъ впервые являющимся въ литературѣ подробностямъ вотскаго быта. Авторъ рисуетъ картину вотскаго кенеша, указываетъ на роль узыр-восъ и толшак-вос, на слѣды родовой организаціи въ названіяхъ жителей деревни сыновьями такого-то (Пышья-пийосъ, Дзятца-пийосъ), на обычаи называть жепу воршуднымъ имевемъ, знакомитъ съ содержаніемъ воршудной коробки и особенными приемами закланія животного при общественномъ жертвоприношеніи (каждый домохозяинъ съ разбѣга ударяетъ жертвѣ въ горло или въ животъ).

Курочкинъ. Вотяки Малмыжскаго уѣзда. В. Г. В. 1851.

Авторъ, не сообщая новыхъ подробностей, описываетъ куалу, жертвоприношенія, жредовъ. Новыя подробности онъ даетъ въ описаніи обряда изгнанія шайтана (загораживание вырѣзанныхъ изъ дуба человѣческихъ фигуръ).

Описывая погребальный обрядъ, авторъ говоритъ объ обычаѣ слагать все, на чемъ лежитъ умершій, и класть ему въ ротъ масла или сушеной говядины.

М. Блиновъ. Историко-статистическое извѣстіе о Камско-воткинскомъ заводѣ и тамошнихъ Вотякахъ. Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1855. XI.

Характеристикѣ Вотяковъ посвящено въ этой статьѣ съ небольшимъ десяти страницъ. Авторъ повторяетъ извѣстныя вещи относительно трудолюбія Вотяковъ и ставитъ ихъ, какъ земледѣльцевъ, выше Русскихъ, удачно характеризуетъ вышнюю сторону ихъ жизни—устройство двора, дома—выда-

ющіея черты народнаго характера, иллюстрируя счастливыми примѣрами, даетъ понятіе о семейной и общинной организаціи (первый отмѣчаетъ азбарь, какъ общественную единицу), но въ характеристикѣ продуктовъ духовнаго творчества народа, рядомъ съ интересными сообщеніями, дѣлаеть, крупныя ошибки, обусловленныя, какъ кажется, малымъ знакомствомъ съ народомъ. По мнѣнію автора, у Вотяковъ существуетъ только одна поговорка: татаринъ—волкъ, рускій—медвѣдь, Вотякъ—рабчикъ; прѣсенъ они, будто-бы, вовсе не имѣютъ, а свою языческую религію съ припятіемъ христіанства такъ основательно забыли, что не въ состояніи передать, кому они поклонялись. Какъ нѣчто неизвѣстное прочимъ наблюдателямъ, въ статьѣ Блинова можно отмѣтить сообщеніе о праздникѣ Сѣла—восанъ (поклоненіе рябчику).

Максимовъ. Вотяки. Библіотека для чтенія. 1855. XII.

Статья Максимова имѣетъ беллетристическій характеръ. Съ многими чертами вотскаго быта авторъ знакомитъ, набрасывая картины, которыя будто-бы вставали въ его воображеніи по тому или другому поводу. Отдѣльныя штрихи и краски для этихъ картинъ авторъ заимствуетъ или изъ литературы или изъ разсказовъ, которые слышалъ во время своего путешествія. Максимову извѣстно Миллеровское описаніе инородцевъ Казанскаго края и онъ беретъ оттуда, хотя несовсѣмъ удачно, нѣкоторыя черты, извѣстныя приведенная выше статья Блинова, кое-какія статьи В. Г. В. и, кажется, статья г-жи Фуксъ. Между чертами вотскаго быта, о которыхъ говоритъ онъ, заслуживаютъ вниманіе описаніе молитвеннаго чума, совершенно вездѣ не упоминающагося обстановка гаданія, въ особенности костюмъ жреца (сильно отдающая, впрочемъ, фантазіей), мелкія подробности относительно мужскаго и женскаго костюма (украшеніе айшона

на надлюбной части блсеромъ), картина лѣтнаго жнля Вотяковъ въ чумахъ на лѣсныхъ полянахъ. строки, посвященныя экономическимъ отношеніямъ членовъ азбара, упоминаніе о принесеніи въ жертву умершимъ старика (по подробностямъ сильно напоминаетъ аналогичное сообщеніе г-жи Фуксъ), нѣсколько деталей, рисующихъ темпераментъ и душевный складъ Вотяка. Въ отличіе отъ другихъ авторовъ, проявляющихъ излишнее увлеченіе Вотяками, Максимовъ страдаетъ черезъ чуръ пессимистическимъ отношеніемъ къ вотской жизни и впадаетъ при этомъ въ ошибку. Такъ положеніе женщины въ семьѣ авторъ рисуетъ чертами далеко несогласными съ дѣйствительностью.

Гл. II. Осокинъ. Народный бытъ въ сѣверо-восточной Россіи. Современ. 1856, IX, 61.

Г. Осокинъ описываетъ бытъ завятскихъ Вотяковъ Малмыжскаго уѣзда. Подобно Максиму, онъ далекъ отъ идеализаціи описываемаго племени и подчеркиваетъ тѣ эксцессы *in vino et Venere*, которымъ предаются Вотяки во время празднествъ и которые доводятъ ихъ до кереметки, т. е. до конвульсій. Вопреки другимъ наблюдателямъ Осокинъ характеризуетъ Вотяковъ, какъ необыкновенно лѣнныи народъ, хотя прибавляетъ, что лѣнь нападаетъ на нихъ по окончаніи полевыхъ работъ. Въ характеристикѣ быта и вѣрованій мы не находимъ у автора почти ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже извѣстно изъ предыдущихъ авторовъ. Изъ замѣчаній, которыми онъ дѣлаетъ относительно жертвоприношеній, можно выдѣлать по новизнѣ сообщеніе о томъ, какъ узнаетъ община, какое животное нужно принести въ жертву, о хоровыхъ пѣсняхъ и пляскахъ вокругъ костра. Въ описаніи поминнаго обряда умолчано относительно главнаго—того, къ кому обращается молитва—зато сообщаются любопытныя детали о жертвоприношеніи (снабжение покойника ѣдой и тепломъ).

И. Блиновъ. Вотяки. В. Г. В. 1856.

Между прочими извѣстіями о Вотякахъ въ статьѣ Блинова характеризуются съ особенными подробностями воззрѣнія Вотяковъ на природу болѣзни (духъ) и средства ея умилостивленія (жертвы—шидиоттовъ). Описывая погребеніе, авторъ говоритъ объ обычаяхъ обертывать покойника берестой и класть ему въ руку монету (рубли), чтобы откупиться отъ шайтана, который будетъ его мучить за долгую жизнь. Характеристика вѣшняго быта заключаетъ одну любопытную подробность — извѣстіе о стараніяхъ Вотяка папегириками въ честь бѣлки добиться того, чтобы она установилась и дала время прицѣлится. Празднества Вотяковъ авторъ описываетъ общезвѣстными чертами, по отношению окаяшекъ даетъ новую подробность—обычай, чтобы бабы и дѣвушки поливали только-что засѣянную ниву.

Вотяки. В. Г. В. 1859. № 32—3, 42.

Не сообщая новыхъ бытовыхъ данныхъ, статья даетъ любопытныя извѣстія объ отношеніи Вотяковъ къ сосѣдямъ—Русскимъ и Татарамъ (независть Глазовскихъ Вотяковъ къ Татарамъ и Елабужско-Сарапульскихъ къ Русскимъ). Въ отношеніи религіозныхъ вѣрованій интересно сообщеніе о явленіи Будды въ Варзи-Ятчинскомъ приходѣ.

Шестаковъ. Глазовскій уѣздъ. Вѣсти. Геогр. Общ. 1859, II, 73.

Источниками свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ о Вотякахъ служили „единогласные рассказы въ которыхъ изъ коренныхъ жителей города (Глазова), которыхъ дѣды и отцы были природными Вотяками, а частію и собственными наблюденія“. Въ описаніи вѣшняго быта авторъ не дѣлаетъ бросающихся въ глаза ошибокъ, но, переходя къ разсужденіямъ о религіи, онъ начинаетъ говорить вещи, ясно показываю-

шія. что его корреспонденты смутно понимали дѣло. Оказывается, что у Вотяковъ существовали какія-то символическія изображенія три Муртіи (три богини) въ водѣ солнца, о ня и воды. Они по настоящее время почитаютъ солнце (шупды); огонь постоянно держать въ горячѣхъ, а водѣ приносить въ жертву хлѣбъ. Призывали Шуддизмъ и Буддизмъ, который, вѣроятно, почитали за высшія божества. . . О богиняхъ въ настоящее время никто ничего не знаетъ, также, какъ и о требожіи, и вмѣсто слова Шуддъ стали употреблять Шудъ медъ-ло и вмѣстѣ Буддъ Бур(д?)ъ Кедъ-ло, которые и понынѣ употребляются при благословеніи въ дальнюю дорогу*. Въ этомъ отрывкѣ всякое слово свидѣтельствуетъ о полнѣйшемъ непониманіи предмета. Можно догадываться, что Шестакову говорили о матери солнца Шудды-мумы; отсюда у него явилось представленіе о вотскихъ богиняхъ; затѣмъ еще пойдяшему говорили о Ву-муртѣ (водъномъ); „отсюда явилась Муртія. Откуда явилась „Муртія огня“, мы рѣшительно отказываемся понять. Можетъ быть, тутъ единственное въ литературѣ указаніе на богиню или бога огня (тул-мумы, тул-мурты); можетъ быть — и гораздо вѣроятнѣе — эта „муртія“ результатъ путаницы, которая образовалась въ головѣ автора отъ лапидарскихъ сообщеній Глазовскихъ гражданъ. Разсужденія автора о божествахъ Шуддизмѣ и Буддизмѣ подтверждаютъ послѣднее предположеніе. Авторъ прежде всего не понимаетъ, что суффиксъ не могъ употребляться въ словѣ, означающемъ личное имя божество. Затѣмъ онъ фантазируетъ надъ словами, которыя употребляются въ вотскихъ молитвахъ и означаютъ счастье — прибыль (шудда, бурдэ с'ог — счастье-удачу подай) и совершенно напрасно замѣчаетъ, что теперь объ этихъ богиняхъ (!) никто ничего не знаетъ: о нихъ не знали и раньше.

Вотяки. В. Г. Вѣд. 1861. № 10.

Статья неизвѣстнаго автора содержитъ въ себѣ нѣсколько въ высокой степени интересныхъ свѣдѣній относительно вѣрованій Вотяковъ. Авторъ говоритъ объ изображеніи (идолѣ) ковы или быка, который стоитъ въ куалѣ, и о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Извѣстія о человѣческихъ жертвахъ мы видѣли и выше, по по другому поводу. Тамъ говорилось о старикахъ, которыхъ приносили въ жертву на общественныхъ поминкахъ, здѣсь о чловѣкѣ неизвѣстнаго цвѣта волосъ, указанномъ ворожецомъ для обычнаго жертвоприношенія. Относительно поминокъ авторъ сообщаетъ, по какимъ поводамъ устраиваются частныя поминки и въ какую сторону обращается поминующій.

Статистическое описаніе Сызнерской волости. В., 1873.

Въ описаніи сообщаются кое-какія данныя о Малмыжскихъ Вотякахъ, но эти данныя не представляютъ ничего новаго сравнительно съ предшествовавшими свѣдѣніями.

Д. Островскій. Вотяки Казанской губерніи. Труды О. Е. при И. К. У. т. IV, в. I. К. 1874.

Очеркъ Островскаго представляетъ первый по времени трудъ, въ которомъ предпринята была попытка дать картину прошедшаго Вотяковъ рядомъ съ характеристикой современнаго быта. Г. Островскій начинаетъ съ вопроса о первоначальной родинѣ Вотяковъ, приводитъ гипотезы, высказывавшіяся по этому поводу въ литературѣ, склоняясь замѣтно къ Татищевскому предположенію о западной родинѣ Воти. Въ предѣлахъ Казанской губерніи Вотяки по предположенію г. Островскаго пропикли съ береговъ Вятки. Основательными аргументами въ пользу этой гипотезы у г. Островскаго оказываются сходство мѣстныхъ названій Мамадыжскаго уѣзда

съ таковыми же Глазовскаго, Сарапульскаго и Малмыжскаго и особое почтеніе къ р. Вяткѣ, которое питають Казанскіе Вотяки. Основываясь на мѣстныхъ названіяхъ авторъ приходитъ къ заключенію, что Вотяки когда то занимали оба берега Вятки отъ верховьевъ Ветлуги до Вазы и покинули западныя области подъ давленіемъ Черемисъ, двинувшихся на сѣверъ около X в. Соглашаясь съ сущностью соображеній автора, мы должны указать на неудовлетворительное обоснованіе ихъ. Выводы автора основаны на примитивномъ по своимъ приѣмамъ истолкованіи мѣстныхъ названій. Берется названіе, отыскиваются въ вотскомъ языкѣ созвучныя слова, что-бы они не означали, и объясненіе готово. Благодаря такой хозяйственной заготовкѣ получаются въ переводѣ названія рѣкъ, неслыханныя ни у какаго народа:

По(и)йма	Что лодка!
Недма	Что грязь.
Вожма	Что зеленый.
Юшуть	Окунь—вотъ.

По достоинству съ этими объясненіями можетъ соперничать только принадлежащее автору же производство слова Кереметь отъ керемъ—веревка. Появились Вотяки на низовьяхъ Вятки, по мнѣнію г. Островскаго, не по доброй волѣ, а какъ плѣнники татаръ, совершавшихъ набѣги на Вятскую землю. Доказательство своей гипотезы г. Островскій видитъ въ томъ, что поселенія Малмыжскихъ и Казанскихъ Вотяковъ окружены татарскими селеніями. Древнѣйшую культуру Вотяковъ г. Островскій рисуетъ частію на основаніи „Вят. Лѣтоп.“, частію по аналогіи съ современными явленіями, усматривая по тѣмъ или другимъ соображеніямъ отдѣльныя черты. Относительно древней религіи Вотяковъ г. Островскій дѣлаетъ рядъ грубыхъ ошибокъ: опираясь на Блинова онъ, говоритъ

что язычество остановилось у Вотяковъ на степени домашней религии, воршуды называетъ талисманамъ изъ нѣкоторыхъ частей животныхъ, увѣряетъ, что признаки общественнаго богослуженія у Вотяковъ едва замѣтны и то у однихъ Казанскихъ подъ вліяніемъ Черемисъ, что у Вотяковъ Вятскихъ болѣе обрусѣвшихъ языческія вѣрованія менѣе сохранились, чѣмъ у Казанскихъ. Авторъ оправдывается впрочемъ тѣмъ, что Вотяки уклоняются отъ разговоровъ о своихъ вѣрованіяхъ и молчіяхъ. Оцѣливая вліяніе на Вотяковъ Татаръ и Русскихъ г. Островскій указываетъ на то, что Вотяки Казанскіе и Малмыжскіе сильнѣе подчинились татарскому вліянію, чѣмъ Глазовскіе и Сарапульскіе русскому и приписываетъ это обстоятельство тому, что Русскіе (Вятчане) съ XII до XVI в. своими грабежами вызвали въ Вотякахъ чувство ненависти и заставляли ихъ видѣть въ Татарахъ мстителей за свои обиды. Такое объясненіе можно назвать во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ. Прежде всего грабежи и разбои Вятчанъ, какъ мы знаемъ, направлялись на русскихъ сосѣдей и на Болгаръ, а не на бѣдныхъ и породцевъ, Татаръ же въ свою очередь рисуются въ вотскихъ предавіяхъ вовсе не друзьями народа; затѣмъ авторъ не принимаетъ во вниманіе двухъ важныхъ факторовъ ассимиляціи — отношенія массъ сожительствующихъ народовъ и продолжительность совмѣстной жизни; наконецъ его свѣдѣнія о Глазовскихъ Вотякахъ вообще неудовлетворительны. Глазовскіе, Сарапульскіе и Елабужскіе Вотяки совсѣмъ не болѣе четырехъ столѣтій живутъ совмѣстно съ Русскими, какъ думаетъ авторъ, а никакъ не болѣе двухъ столѣтій и при томъ до послѣдняго столѣтія Русскіе въ этомъ краѣ составляли меньшинство и жили изолированно отъ Вотяковъ; Татары же Мамадышскаго и частію Малмыжскаго уѣздовъ, по словамъ самого г. Островскаго, съ XIV вѣка держали въ своихъ земляхъ

Вотяковъ въ качествѣ крѣпостныхъ.

Относительно народной поэзіи Вотяковъ г. Островскій выдаетъ въ ошибку своихъ предшественниковъ, будто у Вотяковъ нѣтъ пѣсенъ. Въ отдѣлѣ о культѣ слѣдуетъ отмѣтить противорѣчащее другимъ извѣстіямъ сообщеніе, будто женщины не допускаются ни къ общественнымъ, ни къ частнымъ жертвоприношеніямъ, и не совѣтъ свое сообщеніе объ обычаяхъ устривать чучело изъ кожи прѣвешеннаго въ жертву животнаго и разстрѣливать его. Интересно тутъ-же сообщеніе о томъ, какъ Вотяки добывали Керемету жену. вмѣстѣ съ госпожей Фуксъ Островскій говоритъ о поэтическомъ обычаяхъ выпускать пару лебедей во время большого моленія, совершающагося черезъ три года. Поминальный обрядъ г. Островскій описываетъ кратко, но сообщаетъ всѣ существенныя черты. По пути онъ сообщаетъ любопытную подробность, что Казанскіе Вотяки хоронилъ своихъ покойниковъ безъ гробовъ, а гробовыя доски бросали на кладбищѣ для слѣдующаго усопшаго.

Маліевъ. Матеріалы для сравнительной антропологіи. 2. Антропологическій очеркъ Вотяковъ. Труды К. О. Е. IV, № 2. Казань. 1874.

Профессоръ Маліевъ своимъ выводами, основанными на собственныхъ измѣреніяхъ, предпосылаетъ введеніе, въ которомъ налагаетъ взгляды, существующіе въ литературѣ русской и европейской относительно расы, къ которой принадлежатъ Вотяки и извлекаетъ изъ трудовъ всѣхъ извѣстныхъ ему предшествовавшихъ наблюдателей и изслѣдователей этого племени антропологическія характеристики. Въ ряду литературныхъ источниковъ, цитируемыхъ г. Маліевымъ, мы встречаемъ нѣсколько такихъ, на которые нѣтъ указаній ни у В. Ө. Миллера, ни у Семенова (таковы напр. статьи Егунова въ Р. В. К. 1856 г. и Эйхвальда въ Вѣстникѣ Ест. Наукъ за 1855 г.).

Мирнопольскій. Крещеніе Вотяки Казанской губерніи. Православн. Собѣс. 1876, XII.

Небольшая статейка о Мирнопольскаго представляет интересъ благодаря двумъ вотскимъ рассказамъ, изъ которыхъ одинъ выясняетъ природу Лудь-Муртовъ, а другой знакомитъ съ слѣдами фетишизма въ представленіяхъ Вотяковъ о духахъ явленной природы.

Вотяки. Природа и Люди. 1878. VIII.

Анонимный авторъ не вноситъ, за вычетомъ микроскопическихъ деталей, ничего новаго въ литературу; его короткий очеркъ скомпилированъ почти цѣликомъ изъ статей Вят. Губ. Вѣдомостей, хотя нѣкоторыя данныя указываютъ на то, что онъ соприкасался съ Вотяками и непосредственно.

Г. Гавриловъ. Произведенія народной словесности, обряды и повѣрія Вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Каз. 1880.

Сборникъ Гаврилова составляетъ первый по времени опытъ болѣе или менѣе научнаго изданія произведеній народнаго творчества Вотяковъ. Сказки, пѣсни и загадки записаны по вотски и переведены на русскій языкъ; для написанія вотскихъ словъ былъ принятъ алфавитъ, дополненный особыми знаками для звуковъ, которые имѣются въ вотскомъ языкѣ и отсутствуютъ въ русскомъ. Мы не беремъ на себя смѣлости судить о достоинствѣ филологическихъ записей Гаврилова, по въ пользу изданія можетъ говорить то, что тексты Гаврилова были переизданы съ венгерскимъ переводомъ въ Будапештѣ мадыарскимъ филологомъ Мункачи. Въ пользу ихъ содержанія говоритъ переводъ на нѣмецкій языкъ въ книгѣ M. Vuch. Первое мѣсто по количеству въ сборникѣ занимаютъ пѣсни, но съ культурно-исторической точки зрѣнія болѣе важнаго вниманія заслуживаютъ сказки и преданія. Сказка № 2 освѣщаетъ взглядъ Вотяковъ на при-

роду души, №№ 8 и 12 рисуютъ воззрѣнія на Бу-мурта. Преданія о Тугоѣ и Янгамырѣ, Ваткѣ и Калмезахъ, о книгѣ, о разрушеніи куалы въ Ваткѣ, объ Цдна-батырѣ заключаютъ весьма цѣнными историческія и бытовыя черты. Въ приложеніи къ книгѣ очеркъ вотскихъ повѣрій и обрядовъ также заключается немало новыхъ и интересныхъ деталей — изгнаніе шайтана въ ночь на великій четвергъ, отыскиваніе зеренъ предвѣстниковъ, перескакиваніе черезъ огонь, заклинаніе утки въ честь матери земли (155—157), жертва на полосѣ въ честь предковъ (158). Въ отдѣлѣ о Воршудѣ г. Гавриловъ высказываетъ, къ сожалѣнію безъ доказательствъ, предположеніе, что „воршуды получили свои имена отъ счастливыхъ по поватіямъ Вотявовъ женщинъ; даже можно думать, что подъ видомъ воршудовъ прежнія Вотяки молились когда-то этимъ бывшимъ счастливымъ женщинамъ“.... (161). Говоря о моленіи Воршуду г. Гавриловъ сообщаетъ между прочимъ, что женщины устраиваютъ для себя особый столъ у порога куалы, гдѣ возносятъ на равнѣ съ мужчинами чашку при моленіи (163). Въ описаніи общественныхъ и частныхъ жертвоприношеній авторъ сообщаетъ между прочимъ о жертвахъ матерямъ болѣзней (165).

Обряды, соблюдающіеся при крещеніи описаны г. Гавриловымъ впервые съ такой подробностью. Онъ говоритъ объ жертвѣ Луд-мурту (виро-снжемъ (165), о призывѣ Воршудовъ. Нюлесъ мурта и предковъ помочь трудно разрѣшающей роженіцѣ и особыхъ названіяхъ, которыя носятъ жертвы этимъ существамъ (167). Относительно нареченія имени г. Гавриловъ даетъ свѣдѣнія, несогласныя съ тѣмъ, что сообщаетъ позднѣйшій изслѣдователь г. Первухинъ: дѣвочки будто бы дается имя воршуда, къ которому принадлежитъ ея родитель (169). Свадебный обрядъ описанъ авторомъ съ такими подробностями, послѣ которыхъ трудно

прибавить что нибудь интересное. Въ отдѣлѣ о похоронахъ и поминкахъ авторъ знакомитъ со взглядомъ Вотяковъ на происхожденіе болѣзней (местъ предковъ или Лудъ—и Нюлезмуртовъ), съ обычаями, которые имѣютъ мѣсто предъ ложемъ умирающаго (не совсѣмъ точно: Вотяки Глазовскаго уѣзда рѣшительно отвергали приписываемый имъ обычай прощаться съ умирающимъ), съ молитвами, которыя обращаются къ умершимъ съ просьбой принять новоусопшаго, предосторожностями, принимаемыми для того, чтобы покойникъ не нашелъ дороги въ домъ, обычаемъ женщинъ кормить грудью умершее дитя въ церкви въ послѣдній разъ. Поминальный обрядъ изложенъ не такъ обстоятельно: не сказано ни слова о томъ, какъ совершается обрядъ проводовъ покойника.

Кошурниковъ. Бытъ Вотяковъ Саранульскаго уѣзда. Казань. 1880.

Небольшой очеркъ Кошурникова, подобно книжкѣ Остроградскаго, начинается съ исторіи Вотяковъ, которая излагается по Вештому. Какъ курьезъ на этихъ страницахъ можно отмѣтить мнѣніе автора, будто Вотяки въ XII в. употребляли п и ц а л и. Очеркъ вѣшняго быта составляетъ лучшую часть книжки. Здѣсь авторъ сообщаетъ интересные свѣдѣнія объ скотѣ и пчеловодствѣ у Вотяковъ. Въ главѣ о релігіозныхъ вѣрованіяхъ заслуживаетъ вниманія сообщеніе, будто въ вотскихъ шалашахъ (куа) скрывается изображение Инмара, въ видѣ грубоотесаннаго чурбана, представляющаго одну голову съ подвѣшенной къ подбородку бородой изъ болотныхъ травъ. Другой образчикъ вотскаго идола г. Кошурниковъ описываетъ ниже (20—21). Изъ примѣчанія очевидно, что авторъ говоритъ въ сущности о воршудахъ: „Вотяки утратили представленіе о кумирномъ (!) первобогѣ Инмарѣ... и стали приносить идольскія жертвы кумиру, называемому Воршутомъ, по имени жреца ихъ (Sic! 20).

Кромѣ сообщенія объ идолахъ въ этой главѣ интересно указаніе, что кости жертвенныхъ животныхъ (для Воршуда), по мнѣнію Вотяковъ, охраняютъ ихъ дома, берутся въ дальнюю дорогу и кладутся покойнику въ гробъ (21). Описаніе жертвоприношенія въ честь Воршуда на стр. 22 интересно по ярко выраженнымъ чертамъ шаманизма. Для характеристики положенія женщины въ семьѣ интересенъ обрядъ подливанія священной кумыши (23). Въ противоположность другимъ авторамъ, г. Кошурляковъ рисуетъ обрядъ изгнанія шайтана, какъ серьезную операцію, производимую старшими (23), и сообщаетъ совершенно неизвѣстныя подробности этого обряда. Въ описаніи свадебнаго обряда заслуживаетъ вниманія молитва, аналогичная по содержанию съ черемисскими пожеланіями, высказывающимися при подобныхъ-же случаяхъ (28). Въ поминальномъ обрядѣ кое-что новаго заключается въ описаніи помпюкъ, совершаемыхъ въ лѣсу (31). Характеристика душевныхъ свойствъ Вотяка представляетъ лучшее изъ того, что мы имѣемъ по этой части въ литературѣ (31—33, 37—42). Сопоставивъ очеркъ Кошурникова съ тѣмъ, что позднѣе и раньше было напечатано о Вотякахъ Сарapulьскаго уѣзда, мы находимъ въ немъ много чертъ, совершенно неизвѣстныхъ другимъ авторамъ и архангелскимъ по своему характеру. Это обстоятельство наводитъ насъ на предположеніе, что авторъ, помимо личныхъ наблюденій, пользовался какими нибудь старинными записями.

Бехтеревъ. Вотяки. Ихъ исторія и современное состояніе. Вѣст. Евр. 1880. VIII—IX; 621—654, 141—173.

Первая же страница статьи г. Бехтерева возбуждаетъ въ знакомомъ съ литературой читателѣ сильное недоразумѣніе. Г. Бехтеревъ жалуется на бѣдность извѣстій о Вотякахъ. Въ старой литературѣ заслуживаютъ упоминанія, по его сло-

вамъ, известное „Описание ивородцевъ“ Г. Ф. Миллера, въ новой трудъ Риттиха „Этнографическое описание Казанской губернии“. и г. Островскаго „Вотяки Казанской губернии“, но первый посвящаетъ Вотякамъ не болѣе десяти страницъ, а второй говоритъ исключительно о Вотякахъ Казанской губернии“. „Бѣдность“ литературы г. Бехтерева и рѣшили восполнить своими наблюденіями, какъ уроженецъ края и человекъ близко знакомый съ Вотяками. Просматривая цитаты статьи г. Бехтерева, читатель, дѣйствительно, не видитъ почти указаній на другія статьи, кромѣ трехъ вышеупомянутыхъ. Болѣе основательное знакомство съ статьей производитъ однако другое впечатлѣніе на читателя. Онъ встрѣчаетъ въ ней множество знакомыхъ фактовъ, припоминаеть, гдѣ ихъ встрѣчалъ, и убѣждается, что г. Бехтеревъ хорошо изучилъ но слишкомъ сурово оцѣнилъ статьи авторовъ которые съ конца тридцатыхъ годовъ сообщали въ „Вят. Губ. Вѣд.“ свои безхитровыя, но живыя наблюденія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Свѣдѣніе о похищеніи невѣсты безъ согласія ея и ея родителей какъ будто заимствовано изъ статьи В. Г. В. за 1851 г.

Преданіе о братьяхъ Николая Чудотворца—Булдахъ приводитъ на память статью незнакомца автора въ Вят. Губ. Вѣд. за 1859 г. Характеристика свадебнаго пира у Вотяковъ буквально сходствомъ нѣкоторыхъ выраженій напоминаетъ статью „Вятскіе Вотяки“, напечатанную въ № 10 — 14 за 1861 г. Характеристика вотскихъ построекъ очень близка къ той, которая имѣетъ мѣсто въ статьѣ Шестакова (Описан. Глаз. уѣзда), помѣщенной въ „Вѣстникъ Геогр. Общества“ за 1859 г. Объясненіе обычая класть съ покойникомъ нужныя ему вещи приводитъ на память известная статья Филимопова о религіи Черемисъ и Вотяковъ. Затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ статьи могутъ отыскаться слѣды зна-

комства съ другимъ матеріаломъ, статьей Осюкина напр. Мы очень хорошо знаемъ, что редакціи толстыхъ журналовъ не любятъ статей, испещренныхъ указаніями на литературу, но думаемъ, что г. Бехтеревъ обидѣлъ земляковъ своимъ умолчаніемъ объ ихъ трудахъ: написанное ими смѣло можетъ выдержать конкуренцію съ сообщеніями Миллера и особенно Риттха. Сдѣлавши эти библиографическія замѣчанія, скажемъ нѣсколько словъ о статьѣ г. Бехтерева по существу. Авторъ первый сдѣлать попытку подвести явленія вотскаго быта подъ категоріи современной этнографіи; онъ говоритъ объ общинномъ бракѣ, гетеризмѣ (VIII, 629), характеризуетъ хотя ошибочно вотскія вѣрованія, какъ Шаманизмъ, (IX, 149—50). Между фактическими данными, предлагаемыми авторомъ отиѣтнимъ описаніе игры въ жемъ (VIII 629), описаніе вотскихъ деревень, кеносовъ, лѣтнихъ жилищъ въ лѣсу, физическую и моральную характеристику Вотяковъ, очеркъ эпопического быта. Общій взглядъ на исторію Вотяковъ, какъ на дегенерацию физическую и культурную, представляется намъ сомнительнымъ. Въ лучшемъ памятникѣ отдаленнаго культурнаго прошлаго—въ языкѣ мы не видимъ никакихъ намековъ на былой высокій уровень вотской культуры. Зависимость Вотяковъ отъ Черемисъ совсѣмъ уже сомнительна. Увѣреніе, что Вотяки считали особой милостью Московскаго правительства подчиненіе Татарамъ, основано на неправильномъ пониманіи соответствующаго акта. Въ характеристикѣ вѣрованій религиозныхъ обрядовъ и представленій о загробной жизни мы не встрѣчаемъ ничего новаго. Авторъ повторяетъ Георгіа, присоединяя по временамъ толкованія, съ которыми нельзя согласиться: таково напр. увѣреніе, будто всѣ общія богомолья имѣютъ характеръ поклоненія керемету, а въ великій четвергъ Вотяки изгоняютъ хищныхъ звѣрей. Исключеніе представляютъ страницы, посвященныя

культу Керемета и обряду изгнания шайтана, Конецъ статьи г. Бехтерева посвященъ уясненію отличій черемисской религіи отъ вотской. Въ виду того, что вотскія вѣрованія, замѣтно, были мало изучены авторомъ, а съ черемисскими онъ знакомъ лишь по статьямъ Филимопова, это сравненіе нельзя назвать особенно поучительнымъ.

А. Андреевскій. Дѣла о совершеніи языческихъ обрядовъ. «Столѣтіе Вятской губерніи». Т. II. В. 1936.

Статья посвящена характеристикѣ Миссіонерской дѣятельности мѣстнаго духовнаго вѣдомства и администраціи въ первой половинѣ XIX в. Любопытны указанія на деревянные идолы, стоявшихъ въ Вотскихъ квалахъ (560, 563).

М. Харузинъ. Очерки юридическаго быта народностей Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи. Юрид. Вѣст. 1883. Т. I.

Статья Харузина касается всѣхъ народностей, населяющихъ южную часть Сарапульскаго уѣзда. Вотикамъ посвящено изъ очерка нѣсколько страницъ. Авторъ подробно описываетъ бракъ, внося новыя детали, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о положеніи кузо (262), объ исключеніи негодныхъ членовъ изъ семейной общины (263), объ усыновленіи (280) и въ приложеніи даетъ таблицу знаковъ собственности. Характеризуя религію, авторъ держится Бехтерева и прибавляетъ отъ себя ошибку, называя „воршутомъ“ сосудъ съ кумышкой, которая предлагается родовому бо- жеству.

Max Buch. Die Votjaken. Eine ethnologische studie. Acta Societ. Scient. fennicae. T. XII. Helsing. 1883.

Книга Макса Буха представляетъ первый опытъ обширной научной монографіи Вотяковъ. Она обладаетъ, помимо своего содержанія, многими внѣшними достоинствами—текстъ сопровождается рисунками и таблицами, на которыхъ между

прочимъ фигурируютъ вотскія вышивки. Помимо личныхъ наблюдений, дѣланныхъ въ теченіе двухъ лѣтъ въ окрестностяхъ Ижевскаго завода, авторъ знакомъ хорошо и съ русской литературой о Вотякахъ за вычетомъ, конечно, статей, напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и различныхъ другихъ провинціальныхъ изданіяхъ. Больше всего авторъ пользовался напечатанными на финскомъ и шведскомъ языкахъ статьями Аминова, который производилъ наблюденія надъ Вотяками въ Казанской и Вятской губерніяхъ. Выдержки изъ статей Аминова составляютъ, по нашему мнѣнію, самую цѣнную часть книги М. Вича.

Въ антропологической характеристикѣ Вича опирается на Малиева. Въ отдѣлѣ, посвященномъ семейнымъ и общественнымъ отношеніямъ, выдѣляются новизной извѣстія, что въ вотскихъ деревняхъ Сарапульскаго уѣзда имѣются неофициальные судьи (töge), изъ которые избираются обвинительно жрецы (489). Въ отдѣлѣ о нравственности половъ авторъ послѣ извлеченій изъ русскихъ писателей приводитъ рассказы о случаяхъ кровосмѣшенія: въ одномъ фигурируютъ сынъ и отецъ, печально помѣшавшіеся послѣ попойки женами (511). въ другомъ мать, отдающаяся сыну въ силу того, что его не любятъ дѣвки (ib). Тутъ-же мы встрѣчаемъ извѣстіе о существованіи до сихъ поръ у Сарап. Вотяковъ гостепріимнаго гетеризма (512). Въ главѣ о бракѣ авторъ отъ себя приводитъ рассказъ о Вотякѣ, женившемся 13 лѣтъ на 26 лѣтней дѣвушкѣ и объясняетъ причины такого брака (513), сообщаетъ обычай сватовства, имѣющіе мѣсто въ д. Нылги около Ижевскаго завода (514), брачный обрядъ, видѣнный въ Гондырь-гуртѣ (причемъ ошибочно называетъ молитву, съ пѣніемъ которой поѣзжане съ төре обходятъ вокругъ свѣтца, пѣсней (516). Съ такими подробностями до появленія работъ Верещагина никто еще не описывалъ

свадебнаго обряда (NB. 523). Пытаясь объяснить явленія, которыя имѣютъ мѣсто у Вотяковъ въ отношеніяхъ между полами, М. Вичъ приходитъ къ мысли, что въ безнравственности дѣвницъ нужно видѣть остатокъ первичнаго гетеризма (529), а большую часть обрядовъ объяснять, какъ переживанія изъ той поры, когда невіста похищалась (530). На слѣдующихъ страницахъ труда М. Вича мы находимъ систему цифръ, тождественную съ черемисской (570). Въ описаніи религіозныхъ вѣрованій Вичъ указываетъ на сплюснутость слов. мудоръ и воршудъ и описываетъ особую форму короба—ягичесъ съ дверцей (587), различные виды куалы (*gurt-k.*, *badzum k.*), опираясь на извѣстія Аминова, знакомить съ способомъ выбора мѣста для луда (588), полемизируетъ съ Бехтеревымъ относительно количества священныхъ деревьевъ въ роцѣ (589), констатируетъ существованіе *badzum-lud'ovъ* (по Островскому и Аминову (589)), обычай приносить въ честь покойниковъ общую жертву на главной улицѣ деревни (590), выбирать при основаніи особаго жилья бер-зу-почровителя (590). Говоря о жрецахъ и гадалцахъ, М. Вичъ ошибочно отождествляетъ *vedin-murt'a* съ *Ubig'omъ* (591). Анализируя вотскія вѣрованія, М. Вичъ комментируетъ значеніе Инву, которому поклоняются въ Сарапульскомъ уѣздѣ (593). Кылыспна (594), говоритъ о жертвахъ *Gudugi-mumu (ib)* дѣлаетъ правдоподобное предположеніе о *Салтанъ-дусѣ* (595). Интересны соображенія М. Вича относительно Воршудовъ (596, 599, 616). Въ числѣ духовъ авторъ называетъ козма, урвечъ, кыльдей (602). Говоря о Ву-муртахъ, онъ сообщаетъ о жертвахъ водѣ (603—4). Констатированіе анимизма (605) составляетъ важнѣйшую заслугу М. Вича въ дѣлѣ истолкованія вотской религіи. Любопытны соображенія автора относительно связи вѣрованій о загробной жизни (611) съ моралью (612). Обычай, имѣющіе мѣсто въ

Сарапульскомъ уѣздѣ при жертвоприношеніяхъ, М. Бухъ излагаетъ на основаніи собственныхъ наблюденій, причѣмъ сообщаетъ неизвѣстныя детали относительно времени домашнихъ жертвоприношеній (616). Въ описаніи празднествъ мы встрѣчаемъ много неизвѣстныхъ подробностей — участіе дѣвушекъ или нежеватыхъ парней въ обрядѣ изгнанія шайтана (617), формулы, произносимыя при этомъ обрядѣ (618), распределеніе жертвъ между богами при полевыхъ жертвоприношеніяхъ (621). Въ классификаціи моленій мы встрѣчаемъ впервые термины *tiŋen-vös*, *ei'en-vös*, но безъ разъясненія ихъ значенія. Въ описаніи *kuar-sug'a* встрѣчаются подробности, поясняющія извѣстія Рычкова относительно мудора (623); описанія *vil'-sug'a* (624) и *sizil-juon'a* (626) интересны по текстамъ молитвъ. Конецъ книги М. Висѣ посвящаетъ вопросу о существованіи идоловъ у Вотяковъ, рѣшая его положительнымъ образомъ на основаніи данныхъ, заимствованныхъ у Бехтерева и Островскаго, и опредѣленію мѣста, которое занимаетъ религія Вотяковъ въ системѣ религіозныхъ вѣрованій (шаманизмъ. 633).

Потанинъ. У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Изв. К. О. А. Н. и Э. III.

Въ теченіе своего короткаго пребыванія у Вотяковъ Елабужскаго уѣзда г. Потанинъ успѣлъ собрать нѣсколько интересныхъ и новыхъ свѣдѣній о Вотякахъ. Укажемъ на преданія о стеной родинѣ Елабужскихъ Вотяковъ (191), о великанахъ Алми-Гасарахъ или Нугаяхъ, Курукахъ (192), о Шудзѣ-батырѣ (193), о Морданѣ и его сынѣ Можгѣ (194). Характеризуя религіозныя вѣрованія, авторъ впадаетъ иногда въ ошибки: такъ онъ говоритъ между прочимъ, что слову Гудури Вотяки не придаютъ значенія божества, приписываютъ солидно значеніе Имару на основаніи молитвъ, во-

торы читаются въ большой куалѣ, но не приводятся авторомъ (202). Воршуда онъ законопически, хотя по существу основательно, называетъ фетишемъ (ibid), но по видимому предполагаетъ, что онъ имѣеть мѣсто только въ общей куалѣ и для цѣлой деревни. Въ числѣ заслуживающихъ вниманія по своей новизнѣ сообщеній отмѣтимъ характеристику Акташа и Султана (кереметь), подробности относительно культа Керемети (203), картину общественнаго моленія, обладающую деталями, неизвестнымъ изъ другихъ авторовъ (вънокъ на жертвенной березѣ—206), одѣянье жрецовъ (березовыя вѣтви, спускающіяся съ плечъ—207), толкованіе жертвеннаго сожженія (208), могила для костей жертвеннаго быка, названіе жертвы—Мукчиномъ (209). Въ числѣ произведений народнаго творчества, записанныхъ впервые г. Потанинымъ, слѣдуетъ поставить легенду о Кычявѣ—пахарѣ (213), сказки о золотомъ перѣ, о купеческой сестрѣ, о змѣѣ, Шудѣ, о царевнахъ, украденныхъ змѣями, и старикѣ Куать-Султушѣ, о жепитьбѣ царевича (интересна между прочимъ по указаніямъ на размѣры отеческой власти—237), о лѣшемъ Шурани и его дочери (240). Интересны по своей новизнѣ повѣртія о пожарѣ, произведенномъ грозой, о громовыхъ стрѣлахъ, о метеорахъ-колдунахъ, о пинахъ на гунѣ (221—22), о происхожденіи медвѣдя (223), о лебедяхъ (224), о арслан-каикѣ (221), въ описаніи свадебнаго обряда слѣдуетъ отмѣтить строки о поговихѣ (220). Соображенія на счетъ происхожденія легендъ о Кычиснѣ сомнительны, сближеніе Инмара съ Ингваромъ (Игоремъ) фантастично (217).

Муккаси В. оѣак Ныелытанналманнок. Вад 1884.

Книжка г. Муккаси состоитъ изъ двухъ частей. Въ одной мы имѣемъ перизданіе вотскихъ текстовъ, изданныхъ Гавриловымъ; въ другой перечень словъ, заимствованныхъ

Вотьяками изъ тюркскихъ и другихъ языковъ. Съ культурно-историческимъ значеніемъ этой части работы мы познакомили уже читателей выдержками, приведенными въ I-ой главѣ.

Брызгаловъ. Поѣздка на Кереметь. Вят. Губ. Вѣд. 1835. № 36.

Коротенькая статейка г. Брызгалова заключаетъ въ себѣ интересное по своимъ деталямъ описаніе мѣста жертвоприношенія предкамъ (лы-куйант), которое авторъ ошибочно, по обыденной мѣстной терминологіи, называетъ Кереметью („священная сѣка, узѣшаппая бурачками, коробками, корзинами, лоскутками, шапками и прочимъ хламомъ, принесеннымъ послѣ покойниковъ“).

Аминѣ. Exemples de la langue Votjak. Journal de la Soc. Fin.-Ougr. Hel. 1837. I.

Тексты, собранные Аминѣвымъ, могутъ служить показателемъ того, какъ трудно было еще въ концѣ 70-хъ годовъ добиться отъ Вотьяковъ произведеній, имѣющихъ какую нибудь связь съ вѣровааніями. Между сказками Аминѣова вѣтъ ни одной, которая имѣла бы мифологическій интересъ.

Мункасі. В. Votjak Nerköi. Naguom. Bud. 1837.

Въ сборникѣ, заглавіе котораго мы выписали, помѣщены тексты, собранные г. Мункаси во время своего пребыванія у Вотьяковъ въ 1884 г. Авторъ посѣтилъ вотскія деревни Мамадышскаго, Мамыжскаго, Глазовскаго и Бирскаго уѣздовъ, собирая разговоры, загадки, пѣсни, сказки, пословицы, повѣрья. Главную цѣнность книги г. Мункаси составляетъ необыкновенная тщательность, съ которой онъ транскрибируетъ вотскіе тексты. Какъ сводъ научно транскрибированныхъ вотскихъ текстовъ, книга г. Мункаси не имѣетъ подобныхъ себѣ въ нашей литературѣ и должна стать образцомъ для каждаго изслѣдователя, желающаго посвятить свой трудъ изданію вѣродческихъ текстовъ. Перехода къ содер-

жанию книги, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить въ ней то, что является новымъ для читателя, знакомаго съ русской литературой вопроса во всемъ ея объѣмѣ. Между эпическихъ произведеніямъ въ высокой степени интересны по своему мифологическому и культурно-историческому интересу легенда о Бурепѣ, сказки о зятѣ солнца и о зятѣ лягушки. Другія сказки представляютъ собою варианты извѣстныхъ изъ другихъ источниковъ сказокъ, но заключаютъ въ себѣ цѣнныя детали. Между повѣстями рядомъ съ извѣстными имѣютъ мѣсто и такія, которыя являются совершенною новостью въ литературѣ и имѣютъ высокую культурно-историческую цѣнность. Драгодѣнную новостъ составляютъ разговоры туво.

Богаевскій. Очеркъ быта Саранульскихъ Вотяковъ. Сборн. мат. по этн. изд. при Дашк. этн. музеѣ. Вып. III. М. 1888. 14—64.

Г. Богаевскій лично былъ въ Саранульскомъ уѣздѣ и передаетъ впечатлѣнія, вынесенныя изъ непосредственнаго знакомства съ мѣстными Вотяками. Не смотря на то, что о саранульскихъ Вотякахъ существуетъ двѣ крупныя монографіи Верещагина, не говоря о рядѣ мелкихъ статей, статья московскаго этнографа заключаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ и интересныхъ деталей. Главное вниманіе г. Б. было обращено на юридическія отношенія, религіи народа онъ почти не касается. Перечисляя существа, въ которыхъ вѣрятъ Вотяки, онъ ограничивается одними именами и ихъ переводомъ на русскій языкъ. Изъ этихъ переводовъ одинъ заслуживаетъ особаго вниманія: Иву-божество—дождя. Мы знаемъ таковой переводъ у Верещагина и считаемъ ошибкой со стороны г. Б. то, что онъ не указалъ — заимствовалъ-ли онъ такое толкованіе у Верещагина или слышалъ его отъ самихъ Вотяковъ. Этимологизаціи автора „Вотяки Сар. у.“ иногда нуждаются въ критикѣ. Характеризуя культуру, г. Богаевскій совершенно основательно отмѣчаетъ отсутствіе нравствен-

наго элемента въ молитвѣ. Затѣмъ въ этомъ отдѣлѣ можно отмѣчать сообщенія, будто Воршуду или Мудору запрещается приносить кровавыя жертвы, группировку молящихся и женщинъ во время жертвоприношенія, особенно интересно впервые появивающееся въ литературѣ описаніе выбора будничу-утнея и совершающейся при этомъ шаманской священной пляски видъ елки, предъ которой совершалось жертвоприношеніе, формы выбора жрецовъ, обычай зажигать передъ елкой свѣчи въ молелье совершаемое около Петрова дня. Относительно воршудныхъ именъ г. Богаевскій предполагаетъ, что это имена гепіевъ-хранителей. Въ текстѣ молитвы интересно прошеніе, не встрѣчающееся у другихъ авторовъ: „отъ страшныхъ дѣней . . . да будутъ они (дѣти) свободны“.

Въ области семейной организаціи г. Богаевскій свое вниманіе сосредоточиваетъ на родѣ, который онъ признаетъ древнѣйшей формой общежитія. Въ настоящее время, по его справедливому замѣчанію, родство кровное выродилось въ духовное. Уяснивши значеніе современныхъ религіозныхъ союзовъ, г. Б. сообщаетъ, что по преданіямъ вотскій народъ дѣлился на множество племенъ (выжи), которыя онъ отождествляетъ съ родомъ на основаніи термина, обозначающаго въ вотскомъ языкѣ оба эти понятія. Можно пожалѣть, что авторъ не сообщилъ преданій, о которыхъ онъ говоритъ.

[Къ стр. 275. Продолженіе статьи также мало заключаетъ въ себѣ смысла изпанія дѣла. Этимологія слово Шайтанъ (шаймон-пья, тон-ты) имѣетъ совершенно дѣтскій характеръ; объясненіе слова кереметь („жрецъ злаго духа“) невѣрно; слово, обозначающее адъ (итти) повидимому искажено; о культѣ предковъ сказана одна туманная фраза „подчинились волѣ своихъ предковъ: кому, что назначено, ты то и получишь“; названіе жрецовъ утисъ истолковано неправильно („управи-

тели народные^а); представленіе о размѣрахъ, въ которыхъ осталось язычество у Вотяковъ, не соответствуетъ даже настоящему времени, не только 50-мъ годамъ: авторъ говорить о язычествѣ, какъ объ явленіи исчезающемъ, тогда какъ оно существуетъ во всей неприкосновенности; русскій терминъ „кереметище“ истолковано самымъ невѣроятнымъ образомъ: „священные лѣса посвященные вѣроятно злomu духу. Они устраивались въ лѣсахъ на подобіе шалаша или чума“. Свадебные обряды у Шестакова очерчены блѣдно, но безъ ошибокъ. Въ описаніи похороннаго обряда заслуживаетъ вниманіе извѣстно что у Вотяковъ Глазовскаго уѣзда существовалъ обычай погребать покойника, обернувши его берестой и заколотъ для мужины, коня, на которомъ онъ работалъ, а для женщины ее любимую корову. Самый обрядъ смѣшанъ съ подробностями поминокъ и велсень.

Въ отдѣлѣ о праздникахъ интересно назвать Троицкыя днѣ—И въ-м у родомъ съ Кваръ-вошь (моленіе съ листомъ). О поминовеніяхъ предковъ авторъ говоритъ, какъ о дѣлахъ далекой стороны, хотя они имѣютъ мѣсто и до сихъ поръ.

Относительно изгнанія шайтана любопытное замѣчаніе, что обрядъ этотъ совершался четыре раза въ годъ.

Вотскія молитвы. Вят. Губ. Вѣд. 1838. Приб. къ № 19.

Первыя вотскія молитвы, напечатанныя 50 лѣтъ тому назадъ въ В. Г. В. даже до настоящаго времени сохраняютъ интересъ, въ первыхъ какъ памятники народнаго творчества, во вторыхъ по нѣкоторымъ чертамъ народнаго характера и быта, которыя нашли въ нихъ свое выраженіе: таково прошеніе, чтобы хлѣба было достаточно для званныхъ и незванныхъ.]

Сказавши о томъ, что каждый родъ имѣлъ особое божество Воршуда или Мудора, которому онъ давалъ свое

ния, авторъ дѣлаетъ резюме, возбуждающее въ некоторое недоразумѣніе: „такимъ образомъ появились Якшуръ, Бигра, Норья, Мудоредь“ (40). Изъ этой фразы, если тутъ нѣтъ корректураго недосмотра, выходитъ, будто Мудоръ есть родовое имя, какъ Бигра и Норья, тогда какъ всѣмъ извѣстно и самъ авторъ только что сказалъ, что это слово есть синонимъ Воршуда. На страницѣ, посвященной культу родовыхъ божествъ, авторъ даетъ цѣнное указаніе на то, что, по мнѣнію Вотяковъ, воршудныя имена — имена давно забытыхъ, богатыхъ и славныхъ богинь. Мы имѣли уже случай выразить сожалѣніе, что авторъ, сообщая это интересное толкованіе не привелъ подлиннаго вотскаго термина, соответствующаго русскому „богиня“. Констатировавши взглядъ Вотяковъ на происхожденіе воршудныхъ именъ, г. Богаевскій дѣлаетъ недостаточно мотивированный выводъ: „эти названія даютъ возможность предполагать существованіе у Вотяковъ коммунальнаго брака, формы общежитія, которая предшествуетъ сожительству родами“. Никакихъ соображеній, которыя оправдывали бы этотъ неожиданный, хотя, говоря вообще, и справедливый выводъ, мы раньше не встрѣчали. Замѣтимъ мимоходомъ, что и взглядъ автора на коммунальный бракъ не совсѣмъ ясенъ. Коммунальный бракъ есть архаическая форма брака, одного изъ явленій общежитія, по никакъ не форма общежитія, аналогичная роду: намъ кажется, что авторъ смѣшиваетъ несоизмѣрныя вещи.—Ниже авторъ приводитъ въ подтвержденіе своей гипотезы то обстоятельство, что для каждаго изъ родственниковъ со стороны матери въ вотскомъ языкѣ существуетъ особое названіе. Но это обстоятельство говоритъ прежде всего въ пользу материнства и уже чрезъ этотъ послѣдній въ пользу коммунальнаго брака. Между тѣмъ о материнствѣ авторъ не обмолвливается ни однимъ словомъ.

Въ замѣчаніяхъ о терминахъ родства по мужской линіи г. Богаевскій дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, одну ошибку. Отмѣтивши у Вотяковъ групповое обозначеніе родства, онъ говоритъ, что словомъ *нюнай* обозначаются лица, равныя данному по возрасту. Мы не встрѣчали такого толкованія ни въ литературѣ, ни лично, хотя изучали терминологию родства въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ вотскаго края. Въ известномъ обычаѣ называть жену *пмепемъ* рода, изъ котораго она взята, авторъ видитъ доказательство существованія у Вотяковъ родового быта, но не обращаетъ при этомъ вниманія на то, что это имя есть прежде всего имя матери. Доказательство родового быта авторъ видитъ, и на этотъ разъ вполне справедливо, въ двухъ имъ впервые описанныхъ играхъ, представляющихъ похищеніе невесты (42). Нѣсколькими строками ниже авторъ знакомитъ насъ, опять таки первый, съ интереснымъ обычаемъ, который *пмѣтеъ* мѣсто при свадьбѣ: обученіемъ жениховой родни пѣснямъ или молитвамъ (авторъ употребляетъ, къ сожалѣнію, оба термина безразлично) невестина рода. Авторъ съ полнымъ правомъ видитъ въ этомъ обычаѣ показатель былой обособленности родовъ. На стр. 43—44 авторъ сообщаетъ факты, имѣющіе значеніе для исторіи вотской колонизаціи. Переходя къ современному состоянію вотской семьи, авторъ обстоятельно описываетъ положеніе *куз'о*. Нѣкоторыя частности этой характеристики не совпадаютъ съ тѣмъ, что известно намъ. Г. Богаевскому говорили напр., что *куз'о* не можетъ заставить брата идти въ работники. Мы слышали другія сообщенія, но несогласія понятны въ области обычнаго права. Послѣ *куз'о* авторъ рельефно описываетъ положеніе жевщины въ семьѣ. Другое, несогласное съ нашими свѣдѣніями сообщеніе мы встрѣчаемъ на стр. 55, гдѣ авторъ говоритъ, что даже между членами одного и

того-же духовнаго рода возможно сватапіе. Въ описаніи свадебнаго обряда мы встрѣчаемъ фразу, которая порождаетъ нѣкоторое недоразумѣніе. „Дѣленіе свадебной церемоніи (на ирашовъ и сюанъ) указываетъ намъ на то, что оно возникло благодаря памяти народа о томъ времени, когда онъ жилъ родами (57)“. Между свадебными пѣснями, которыя приводитъ г. Богаевскій, есть нѣсколько неизвѣстныхъ по своимъ мотивамъ (60). Описаніе погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ содержитъ нѣсколько неизвѣстныхъ раньше деталей: дары покойнику, обычай снимать послѣ выноса двери съ петель и заметать путь (63), проводы умершихъ. Тутъ-же приводится молитва, поразительно напоминающая аналогичную черемисскую.

Матеріалы для статистики Вятской губерніи. Уѣздъ Малмыжскій. Вятка 1885. М. 1886. Уѣздъ Елабужскій. Вятка. 1889.

Изданія вятскаго земскаго статистическаго бюро имѣютъ высокую цѣнность для историка и этнографа, изучающаго вотскую народность: мы получаемъ въ нихъ свѣдѣнія о ходѣ русской колонизаціи въ вотскомъ краѣ, результатахъ соприкосновенія Русскихъ съ Вотяками, преданія о передвиженіяхъ Вотяковъ и наконецъ богатый запасъ данныхъ для характеристики современнаго экономическаго положенія народности.

- Спицынъ А. А. Сводъ этнописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ. В. 1883.
- Каталогъ древностей Вятскаго края. В. 1881.
- Новые свѣдѣнія по доисторической археологіи Вятскаго края. В. 1837.
- Изъ исторіи Вятскихъ племени. В. 1888.

Труды г. Спицына имѣютъ значеніе существеннаго пособія для изученія прошлаго Вотяковъ. Отдѣльными своими деталями они имѣютъ соприкосновеніе и съ чисто-этнографическими вопросами. Говоря о городищахъ, курганахъ и

могильникахъ, авторъ сообщаетъ о связанныхъ съ ними обычаяхъ и вѣрованіяхъ, поясняющихъ взгляды Вотяковъ на умершихъ.

Верещагинъ. Вотяки Сосновскаго края. Сиб. 1887. Зап. Имп. Р. геогр. общества. Т. XIV, вын. 2.

— Вотяки Саранульскаго уѣзда. Сиб. 1889. Тамъ-же, вын. 3.

Не смотря на разность времени, въ теченіе котораго вышли обѣ работы г. Верещагина, мы, какъ и географическое общество, соединяемъ ихъ въ силу ихъ внутренней связи. Книги г. Верещагина имѣютъ значеніе, какъ богатое собраніе сырого, но весьма цѣннаго матеріала. Среди сказокъ, преданій, повѣрій, обычаевъ, приводимыхъ авторомъ, большая часть только впервые становится извѣстной въ литературѣ. Какъ собиратели и издатели произведеній народнаго творчества до 1887 г. г. Верещагину предшествовали: русскій Гавриловъ, финляндецъ Амновъ, мадьярь Мункачи и нѣмецъ Максъ Бухъ (послѣдніе впрочемъ только перевели тексты Гаврилова). Одновременно съ первой книгой г. Верещагина появился богатый сборникъ Мункачи, но тексты Верещагина немного теряютъ по своей новизнѣ даже отъ этого сосѣдства.

Слабыя стороны обѣихъ работъ г. Верещагина составляютъ ихъ литературная неостѣланность, выражающаяся въ томъ, что авторъ говоритъ о предметахъ, недостаточно обращая вниманія на ихъ внутреннюю связь, затѣмъ разсужденія, въ которыхъ онъ пытается объяснить, анализировать описываемыя явленія, и наконецъ неясное представленіе о томъ, что въ окружающемъ его матеріалѣ имѣетъ цѣну для науки (86, 95; II, 13, 75).

Въ упрекъ автору слѣдуетъ поставить и его манеру налагать народныя преданія тяжелымъ, книжнымъ стилемъ (88). Благодаря этому чрезвычайно интересные вещи становятся

непригодными въ научномъ отношеніи. Что такое напр. „статуя сатаны“, которой должны были поклониться братья, желавшіе сдѣлаться волшебниками? Будь вмѣсто этого вычурнаго выраженія вотскій терминъ, извѣстіе было-бы драгоцѣнно. Теперь оно не имѣетъ никакого значенія.

Въ числѣ обычаевъ, на которыхъ мы въ первый разъ встрѣчаемъ указанія у г. В., слѣдуетъ указать на обычай запираеть въ новосбитую изъ глины печь на ночь цѣтуха (9), спать старшему изъ поѣзжанъ пріѣхавшихъ за невѣстой, на ея постели и класть за это денегъ (24—26), класть женщины въ могилу серебряныя монеты (29), вымалывать душу для мертворожденнаго младенца у предковъ (86).

Въ отдѣлѣ о вѣрованіяхъ г. Верещагина принадлежить первое извѣстіе о вѣрованіи, что покойникъ, котораго проводили, будетъ встрѣчать провожавшихъ (29), что духъ не отиѣтаго покойника блуждаетъ по землѣ и по временамъ входитъ въ тѣло (83), что болѣзни на скотнѣ происходятъ между прочимъ отъ падающихъ звѣздъ (74), что бури производитъ Нюлэсъ Муртъ (Таль-Пери. 80).

Въ ряду божествъ мы у г. Верещагина впервые встрѣчаемъ указанія на Ипъ-Вожо, Утьися, Чера, Калдыкъ-Муми, Налэсъ-Мурта, Бабасыра, Бустургава, Кутысей, Кузупинэ-Мурта, Акташа, Вожо, Искаль-Пыдо Мурта, Кукри-баба, Нуллисъ-Кысь, Мунчо-Мурта, Обивъ-Мурта, Порня, Татэ-рэмъ-Урома (200). Природа этихъ существъ рисуется не всегда ясно въ сжатыхъ характеристикахъ автора, но уже одно ознакомленіе съ ихъ именами составляетъ немаловажную заслугу.

Изъ преданій о языческой старинѣ слѣдуетъ отиѣтитъ преданіе о томъ, что въ старину почти для каждаго бога были особыя моельни (куа).

Говоря о храмахъ (куа), авторъ дѣлаетъ интересное описаніе куа, посвященной Керемету (?), но не объясняетъ,

почему все въ этомъ храмѣ имѣется въ тройномъ количествѣ — очаги, берестяныя коробочки, чаши, ложки (33).

Изъ образовъ г. Верещагинъ дополняетъ новыми чертами жертвоприношеніе Му-Кулдысину въ первый день пашни (36), дѣлаетъ любопытное сообщеніе, будто поцовъ при празднованіи Гуждора выбираютъ дѣвушки (38) и вообще о роли дѣвушекъ въ этомъ праздникѣ (43); затѣмъ впервые описана символическая игра въ рва чѣ, которая имѣетъ мѣсто въ ночь на Вербное воскресенье.

Между космологическихми идеями, впервые сообщенными г. Верещагинымъ, слѣдуетъ упомянуть о первобытномъ змѣѣ (72), посланшемъ камара узнать, чья кровь всѣхъ слаще, о громадной рыбѣ, которая лежала поперекъ Камы, о громадномъ звѣрѣ — Кайыкѣ (74), о происхожденіи возы (75).

Въ отдѣлѣ повѣрій г. Верещагинъ повсюду ясно толкуетъ о человѣческихъ жертвахъ, которыя будто бы приносились некоторыми деревьями шайтану въ уплату за клады и о замѣнѣ ихъ человѣческими волосами, которые срѣзываются для этой цѣли (80). Авторъ скептически относится къ этимъ преданіямъ и, повидному, старается обработать ихъ сообразно своимъ взглядамъ. Вслѣдъ за народнымъ возрѣніемъ онъ приводитъ рассказъ о русскомъ купцѣ, который въ пугачевскую эпоху попалъ въ руки къ Вотякамъ. „Они рѣшили убить его, чтобы раздѣлить между собою капиталъ“ поясняетъ, замѣтно отъ себя, г. Верещагинъ — но черезъ вѣсколько строкъ выдаетъ самъ операцію, которую онъ произвелъ надъ преданіемъ: „естественно, если-бы существовалъ подобный *обычай жертвоприношенія*, то равно-ли, поздно-ли преступленіе было-бы обнаружено (81).

Попытки г. Верещагина этимологизировать не поднимаются надъ уровнемъ обиходной этимологіи. Приведемъ для

примѣра объясненіе имени Кошкаръ (Кот-каръ — убирайся городъ).

Оторвавшись отъ своей почвы — сообщенія сырого матеріала — г. В. начинаетъ фантазировать безъ всякаго уваженія къ фактѣ. Пусть читатель познакомится съ картиной отвошеній, сложившихся между Вотяками послѣ того, какъ они отступили предъ Новгородцами въ Глазовскій уѣздъ (102—103). Пробѣжавши указанныя страницы, онъ въ недоумѣніи спроситъ, конечно, у кого почерпнулъ авторъ свои свѣдѣнія — и не найдеть отвѣта на этотъ вопросъ въ книгѣ. Сужденія о русскомъ вліяніи на семейный строй Вотяковъ отличаются, какъ и приведенный выше рассказъ, одной смѣлостью (Ср. II, 9, 41).

Преданіе объ Ожмегѣ, интересное съ точки зрѣнія происхожденія воршудныхъ именъ, испорчено „литературностью“ передачи. Выраженія въ родѣ „выбралъ въ лѣсу для поселенія мѣсто, построилъ шалашъ, назвалъ его Бадымъ-Куала и началъ молиться воображаемому божеству Илву“ немислимы въ устахъ Вотяковъ и выглядятъ фальсификаціей по своему содержанію (104).

Легенда объ Идна-батырѣ, извѣстная уже благодаря Гаврилову въ своей основѣ, у г. Верещагина передается съ большими и очень интересными подробностями. Богатырь проситъ напр. поставить ему памятникъ (107); русскіе, убивши его, жарятъ его сердце и съѣдаютъ его.

Выступая изъ предѣловъ своего уѣзда, г. Верещагинъ дѣлаетъ крупныя неточности въ своихъ сообщеніяхъ. Во второй книгѣ его мы видимъ напр. рѣшительныя увѣренія, что у Вотяковъ Глазовскаго уѣзда „нѣтъ такихъ обрядовъ языческаго жертвоприношенія, которые совершаются открыто въ Саранульскомъ уѣздѣ“, „нѣтъ обычаевъ, связанныхъ съ вѣрой въ многобожіе“ (5, 7). Эти увѣренія тѣмъ страннѣе,

что за годъ до появленія „Вотяковъ Саран. уѣзда“ появились „Эскизы“ г. Первухина, изъ которыхъ авторъ могъ бы убѣдиться, что язычество вовсе не такъ рѣшительно исчезло изъ Глазовскаго уѣзда.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ указать на через-чуръ строгое отношеніе г. Верещагина къ собратамъ-этнографамъ. „При составленіи статей и описаній, касающихся религіи и быта Вотяковъ, большая часть этнографовъ ограничивается только короткими распросами, а чаще всего свои статьи основываютъ на своихъ умозаключеніяхъ, которыя обыкновенно оказываются неудачными“. Чтобы познакомиться съ характеристикой (sic!) и бытомъ вообще известнаго народа, нужно пожить среди него, изучить на мѣстѣ все стороны жизни и, если описать, то описать только известную изучающую мѣстность и въ этомъ описаніи не приписывать все черты народа одной мѣстности жителямъ, обитающимъ въ другой мѣстности, хотя бы эти народы и принадлежали къ одной расѣ; народы одного племени характеристикой (sic!) и бытомъ рѣзко различаются другъ отъ друга, что происходитъ какъ отъ вліянія мѣстности, занимаемой ими, такъ и отъ вѣдѣній другаго племени, среди и около котораго они вращаются, и отъ другихъ причинъ и условій“. „Большая часть“ этнографовъ, можетъ быть, поблагодарить г. Верещагина за совѣты—не совѣтъ, правда, новые—но пожелаетъ освободиться отъ упрека за наполненіе статей умозаключеніями. Предшественники г. Верещагина, какъ мы уже знаемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дали литературѣ не меньше, чѣмъ онъ, и ихъ показанія способны выдержать всякую критику. „Большая часть“ этнографовъ имѣетъ тѣмъ большее право на снисхожденіе, что авторъ вышериведенной инструкціи на слѣдующей же страницѣ забываетъ се и говоритъ, что свидѣнія,

касающіяся Вотяковъ, живущихъ въ сосѣдствѣ Завьяловской волости, могутъ быть отнесены и къ цѣлому племени Вотяковъ (10). Ту же строгость проявляетъ авторъ къ своимъ собратамъ и по частнымъ поводамъ: всѣ свѣдѣнія о божествахъ, помѣщаемыя въ современныхъ изданіяхъ, не даютъ ничего удовлетворительнаго, на основаніи чего можно было бы предпринять систематическое изслѣдованіе о происхожденіи вѣрованій Вотяковъ и самыя свѣдѣнія эти ничто иное, какъ легкіе наброски со словъ рассказчиковъ, гдѣ пробѣлы пополнены умозаключеніями, которыя къ сожалѣнію обыкновенно оказываются неудачными (85)*.

Второй выпускъ отличается еще меньшей систематичностью содержанія, чѣмъ первый. Въ составъ его вошло нѣсколько новыхъ и цѣнныхъ данныхъ. Таковы напр. описаніе проводъ опухоли и болѣзни вообще (39), особенно цѣнное по безпретенціозности своего изложенія, описаніе фиктивной продажи ребенка, мѣрь, которыя употребляются Вотяками (70—71), чтобы сохранить его жизнь (44), особенностей, которыми отличаются обычаи жертвоприношенія Сарапульскихъ Вотяковъ отъ Глазовскихъ (76), выборъ вѣтвей при моленіи Воршуду (81), затѣмъ—черты, которыми въ пародномъ воображеніи рисуются Мышчо-Муртъ, Кулэмъ-Убиръ, Нюлэсъ-Муртъ, Ву-Муртъ (86—88), Ялпи-Муртъ, Бусгурганъ, Межа-Утьисъ, Мущуръ-Утьисъ (92), обряды, сопровождающіе перенесеніе Воршуда (93), особенности жертвоприношенія у Завьяловскихъ Вотяковъ (96—97), обрядъ пель-сіова (104—5), выльвосъ, или первой жертвы новобрачныхъ, особенности свадебнаго обряда (128—139).

Въ числѣ вѣрованій, вошедшихъ во второй выпускъ, отмѣтимъ вѣрованія въ Музьемъ-ош'а (135), Пн-муш'ей (136), мнѣ о происхожденіи горъ и долинъ (137).

Самую цѣнную часть второго труда г. Верещигина составляютъ космологическія представленія Вотяковъ и произ-

ведения народнаго творчества, записанныя по большей части впервые (139—140, 174). Между послѣдними мы отмѣчаемъ: Медвѣдь (147), Кузэмъ-Убирь. Воршуды, въ гостяхъ у покойницы (178—9, Калмыкъ-Кшво (185), Юлэсъ-муртевокъ (190—1), Ву-Мурты (191—3), Мимъ (194—6).

Разсужденія г. Верещагина о Воршудѣ показываютъ, что онъ слышалъ что-то такое очень интересное отъ Вотяковъ, но не уяснилъ себѣ слышаннаго самъ и, естественно, оказался не въ состояніи вразумительно изложить слышанное для читателей. „Происхожденіе божества Воршудъ древнее“, читаемъ мы у автора и готовимся выслушать вѣчто интересное, такъ какъ это вопросъ совершенно нетронутой. „Оно ведетъ свое начало со времени какихъ-нибудь важнѣйшихъ событій, встрѣтившихся въ жизни Вотяковъ, наир. переселенія отдѣльныхъ лицъ въ другую неизвѣстную страну, бѣгства отъ преслѣдованія начальства и пр., когда бѣжавшія отдѣльныя лица принимали различныя прозвища“ — поучаетъ насъ авторъ и повергаетъ въ сильнѣйшее недоумѣніе своими рѣчами. Какъ можетъ божество вести свое начало со времени бѣгства челоуѣка отъ начальства и пріятія имъ новаго имени—это тайна г. Верещагина. Черезъ строчку она впрочемъ разъясняется: авторъ смѣшалъ Воршуду, какъ божество, съ воршуднымъ именемъ и толковалъ о происхожденіи послѣдняго, опираясь на расказъ, построенный на народномъ словопроизводствѣ. Мы позволяемъ себѣ думать, что разсужденія о происхожденіи имени Пыпья г. Верещагинъ слышалъ отъ какого-нибудь грамотника, сообщавшаго ему преданіе о бѣглецѣ, котораго звали Опмегъ, (лич. имя) и пожелавшаго блеснуть умѣньемъ объяснять вещи темныя для необразованнаго народа. Имя Пыпья (Шыбья) явилось не въ Саранульскомъ уѣздѣ; родъ, носящій это имя, извѣстенъ и въ Глазовскомъ уѣздѣ и, ко-

нечно, съ болѣ ранняго времени, чѣмъ въ Завьяловской волости. Слѣдующія далѣ фразы— „это божество у племени Пульи связано съ повѣрьемъ, что, какое было счастье у родоначальника этого племени, такое-же будетъ и у колѣна его...божество это въ тоже время имѣетъ значенія благословенія родоначальниками...“—совсѣмъ не поддаются пониманію. Изъ всей страницы можно извлечь не колеблясь только одно извѣстіе: у Вотяковъ передавалось (и, можетъ быть, передается?) изъ поколѣнія въ поколѣніе вола съ очага родоначальника племени. На слѣдующихъ страницахъ авторъ поражаетъ своеобразнымъ пониманіемъ своей задачи: „...воршудовъ памп открыто значительное число, но перечислять ихъ считасмъ лишнимъ, такъ какъ это отвлечетъ насъ отъ нашей прямой задачи (!!)“—читасмъ мы на 82 стр., а на 86 встрѣчаемъ мало кому интересное объясненіе, какіе волосы Вотяки могли принять за волосы Мунчо-Мурта. На 94 стр. г. Верещагинъ говорить, что Воршуды, по словамъ Саранульскихъ Вотяковъ, многимъ являлись на яву, о чемъ въ народной словесности существуютъ отдѣльные рассказы“, но не приводитъ на мѣстѣ этихъ рассказовъ, какъ безсодержательныхъ, и на двухъ страницахъ пускается въ ненужное никому разсужденіе о томъ, почему некультурнымъ людямъ являются разныя мифическія существа.

Въ этомъ-же выпускѣ г. Верещагинъ приводитъ легенду о Завьялѣ, основателѣ деревни Завьяловой; легенда очень интересна по своимъ бытовымъ чертамъ, но сильно испорчена quasi—литературнымъ изложеніемъ.

Н. Г. Первухинъ. Эскизы преданій и бытъ инородцевъ Глазовскаго уѣзда I—IV. Вятка. 1888—1889.

Эскизы Первухина занимаютъ по богатству матеріала и систематичности изложенія одно изъ самыхъ видныхъ, если

не первое мѣсто между источниками первой руки. Цѣна ихъ увеличивается еще тѣмъ, что относительно состоянія язычества въ Глазовскомъ уѣздѣ существовали и существуютъ до сихъ поръ самыя невѣрныя представленія. Начиная съ Шестакова и кончая Верещагинымъ, писатели о Вотякахъ увѣрили, что Глазовскіе Вотяки обрусѣли и покинули свою языческую старину. Г. Первухинъ своими эскизами ставитъ крестъ надъ этими разсужденіями и констатируетъ въ Глазовскомъ уѣздѣ слѣды такой языческой старины, на которую нѣтъ указаній въ другихъ мѣстностяхъ Вотскаго края.

Первый эскизъ посвященъ описанію Вотскихъ божествъ. Съ нѣкоторыми положеніями автора, высказанными здѣсь, нельзя согласиться. Таково напр. утвержденіе, что воршудное божество есть одно изъ метаморфозъ Кылдысина. Прежде всего никакихъ метаморфозъ Кылдысина вообще мы не знаемъ. То, что разсказывали г. Первухину старики относительно причинъ присутствія въ коробкѣ крыла рабчика, шкуры бѣлки, сушеной рыбы и вѣтви, не можетъ служить основаніемъ для такого толкованія. При сравнительномъ и ученіи содержанія воршудныхъ коробокъ во всемъ Вотскомъ краѣ и формъ культа воршудовъ открывається возможность простаго объясненія этихъ вещей безъ помощи мифа. Соображенія о происхожденіи Кылдысина-Мумы также оказываются несогласными съ тѣмъ, что мы знаемъ о происхожденіи матерей другихъ явленій природы. Толкованіе слова Воршудъ— „скрытое, спрятанное счастье“ (51)—противорѣчитъ значенію морфологическихъ элементовъ слова и духу языка.

Эскизъ II знакомитъ насъ съ формами культа и празднествами. Между извѣстными уже ранѣе мѣстами общественныхъ жертвоприношеній авторъ впервые указываетъ вонны—старинныя могильники (4) и мѣста такъ называемыхъ губер-

носей, на которые стекались тысячи народа (ib). По поводу перенесения быдзымъ-квалы авторъ сообщаетъ любопытныя подробности относительно построения новой (9). На страницахъ, посвященныхъ вотскимъ жрецамъ, мы встрѣчаемъ впервые указаніе на особый костюмъ, который надѣвали глазовскіе жрецы во время общественныхъ жертвоприношеній (17—18). Переходя къ вопросу о языческихъ празднествахъ Вотяковъ, г. Первухинъ даетъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ другимъ писателямъ языческихъ торжествъ; таковы: э-калянъ, джегъ-лудъ-дурэ, кваръ-восянъ, гудырн-ниманникъ, пужымъ узэ-курбонъ, кутес-туй. Обиліе перечисляемыхъ праздниковъ заставляетъ поставить вопросъ, не представляютъ ли одни изъ предполагаемыхъ особыхъ праздниковъ отдѣльныхъ моментовъ одного праздника (таковы горы-потонъ, горы-сектанъ, кусо-азэ-вино и герберъ), другіе—называемыхъ вотскими именами христіанскихъ праздниковъ (джег-луд-дурэ, квар-восянъ, лэзэнь-лудэ, валь-ниманникъ) — ср. названія перваго Спаса и Крещенія ву-вылынъ-слонъ, э-вылынъ слонъ). Описывая отдѣльно каждый изъ перечисленныхъ праздниковъ, г. Первухинъ даетъ любопытныя подробности относительно рода и цвѣта приносившихся жертвъ (30), мѣста принесенія ихъ (31), гаданія и степени угодности ихъ богамъ (32), употребленія жертвенной крови (64) и каши молящимся (37), освященія кушаній, подносимыхъ жрецамъ отдѣльными домохозяевами (358), сжиганія, подвѣшиванія костей (39), или зарыванія въ землю (64), религіозныхъ символическихъ игръ, имѣющихъ мѣсто въ отдѣльныхъ случаяхъ (39, 45), бросанія жертвенныхъ яствъ къ корнямъ деревьевъ (49), въ домахъ на очагѣ (53, 55, 79), о культѣ деревьевъ (80).

Относительно нѣкоторыхъ изъ праздниковъ, какъ напр. относительно э-каляна, горы-сектана, джег-луд-дурэ, чегг-

сіона, косо-азэ-впро, кутесь-туз, осевней жертвы Нюлесь-Мурту авторъ даетъ цѣлыя картины вѣдѣ у другихъ не встрѣчающіяся (43—5. 57, 58, 59, 60, 61, 64, 72—3, 86—88, 98—100).

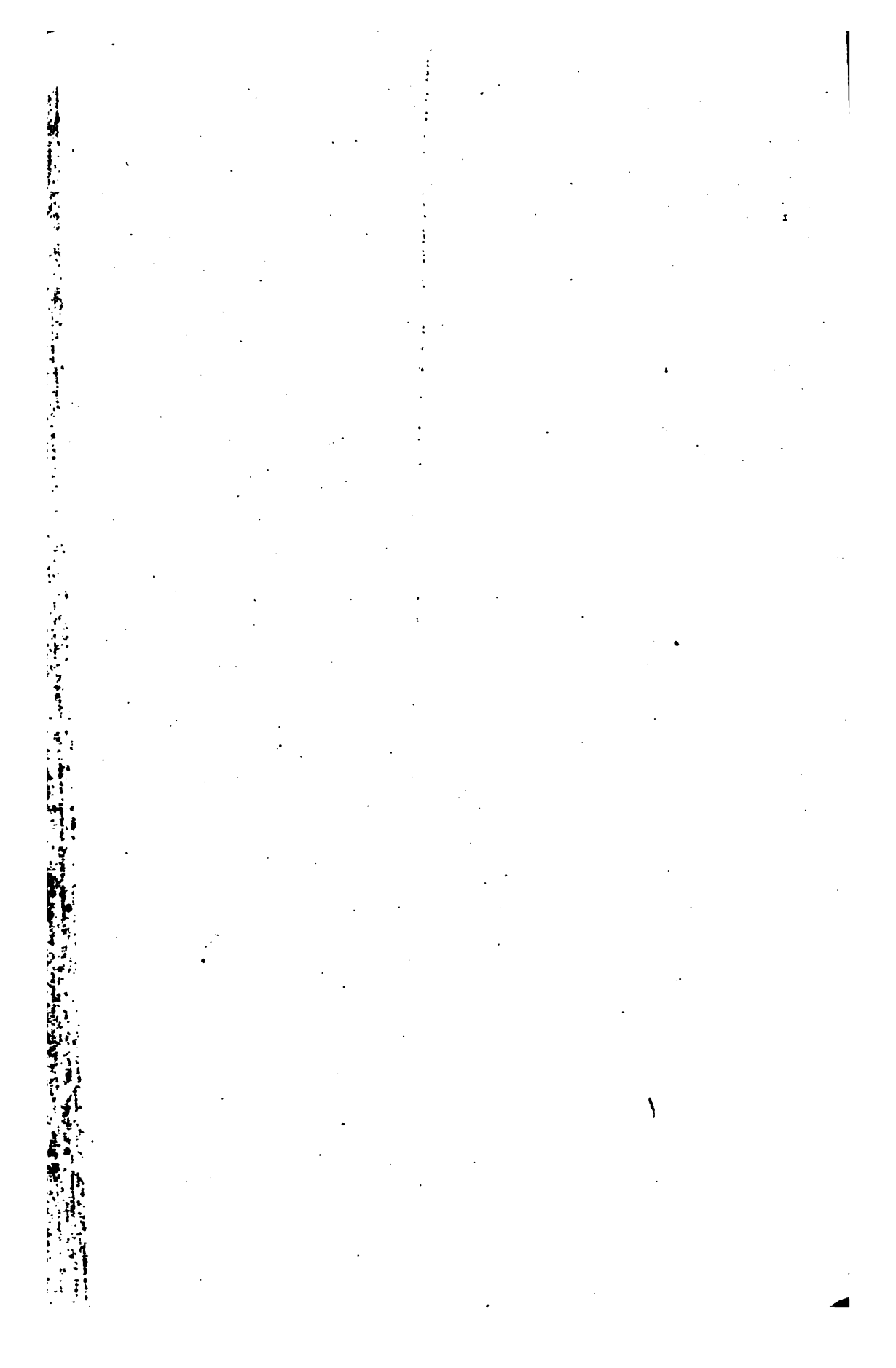
Описаніе номинальныхъ обрядовъ заключаютъ въ себѣ новыя детали сравнительно съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ Кошурникова, М. Вич, Гаврилова и др.: заклавіе утки на рѣкѣ въ радуяицу (120)

Эскизъ III даетъ прекрасные образцы вотскихъ молитвъ и цѣсень съ вотскимъ текстомъ en ge'gard. Жаль только, что послѣдніе испорчены массой опечатокъ.

Эскизъ IV содержитъ въ себѣ преданія и сказки Вотяковъ въ русскомъ переводѣ. Большая часть ихъ впервые появляется въ литературѣ. Особенную цѣнность эскизу придаютъ сказки о Пожо, природа которыхъ до сихъ поръ представлялась очень неясно.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Выжи жыл.

НА ВОТСКОМЪ НАРЪЧИ.

Улэм-пэ аз'ло одик мурт, солэн вылом кык пылыз-но ок ннэз, пудоэзэно туж ўно-пэвылэм. Окпол мнпэм-пэ со мурт л'ук м'эс дур'э пудоээ л'уктаны, талэп пудойосыз од'-но ук-пэ д'уо, нырзэс кыр-кор каро-но-пэ б'эрто; та-пэ но-шик ўл'аса мнэ-но, ношик кыр-кор каро-но-пэ б'эрто. Но-шик-пэ ўл'аса мнэ, пудойосыз ношик кыр-кор каро-но-пэ б'эрто. Та-пэ д'алк д'ў дэмво, б'ай-б'ай б'ай-пэ шуэ, та малы мннам пудойосы д'у-онтэм лунзы али-пэ шуэ? ток-тали-пэ шуэ ут'ис'ко али, мар мэда уан' л'үкм'эсми? оз'ы-пэ шуэм-но, ўт'ис'кэм-пэ л'үкм'э сэ выдыса, сокы сойэ кутэм-пэ л'үкм'эсис'эи тыштис бу п'э-ри. Та пэ з'ар' тэл'мырыса д'албарыса д'а,-пожалуста лэ-з'ывал монэ пэ шумса. Бу

Сказка.

ПО РУССКИ.

Жилъ некогда одинъ чело-вѣкъ, у него было трое дѣтей, двѣ дочери и одинъ сынъ. Скотинъ у него было тоже много. Разъ онъ гналъ контъ скоть къ проруби. Скотина чего-то бонтса и пнттса прочь отъ проруби. Онъ гонитъ въ другой разъ, опять не пьеть; гонитъ въ третій разъ, ско-тина опять не пьеть. Удив-ляется человекъ и говоритъ: „отчего это у меня скотина не пьеть? дайка посмотрю въ прорубь, видно тамъ что-нибудь есть“. Легъ къ про-руби и смотритъ, а его данъ за бороду ву п'ари. Человекъ сталъ умолять его, чтобы онъ отпустилъ, а ву п'ари гово-рить: „у тебя есть, кажется, двѣнадцатилѣтній сынъ; если ты дашь его мнѣ, то я от-пущу тебя“. Человекъ гово-

п'эри пэ в'эра та муртлы: тынад дас кык ар'эс п'нэд уан'-бугай-пэ шуэ со пидэ-кэ с'отид, мон товэ лэз'о-пэ шуэм. Ад'ами пэ в'эрам: кыз'ы мон тынды с'ото ас п'имэ ас с'им аз'ам и ас к'инныи? Ву п'эри-пэ в'эра тен сойэ лэз'ы алдаса м'пн'т'оэ мон сойэ отисан бас' тоно кошко-пэ шуэм. Та мурт д'удамно-пэ в'эрам: с'отикэ с'отонскэ-пэ шуэм. Сэбэрэ ву п'эри-пэлэз'эм Ад'ами бэртэмно-пэ дораз, пийэзлы-пэ в'эрам: п'нэ! тен дас'а аслыд вал эв'эраса, дас'аты анайэдлы с'ион д'уон с'ырсы, кызыр лэкетэ товэ вуыны ву п'эри пэ шуэм.

Пнэзлы-пэ да'сал'лямно кулэ н'астазэ. атайээлэс'-пэ д'уам п'нэз: Атай! мон-бон куд валэз кутонэ шуэм? атайээ-пэ в'эрам: кид доры мынно-пэ шуэм, с'эрмэчдэ сэззалты пэ шуэм, кудиск'э ўг'ис'кис тон шорат, сойэ куты-пэ шуэм.

П'нэз-пэ гид доры мынэм-но с'эрм'эдзэ-пэ сэз'залтэм, солы-пэ ўг'ис'кэм алама-гынэ вос'тэд вал, п'нэз, бэрдиса

рыть: „какже я могу своего сына отдать тебѣ при своихъ глазахъ своими же руками? Этого не возможно“. Ву п'эри говоритъ: „ты отпусти его въ баню, а я оттуда возьму и увесу“. Человѣкъ принужденъ былъ согласиться. Послѣ этого ву п'эри отпустилъ его домой. Когда же онъ пришелъ, то велѣлъ сыну своему приготовляться въ путь, такъ какъ сей часъ придетъ за нимъ ву п'эри. Мать его приготовила ему'разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Когда было все приготовлено, сынъ сказалъ отцу: „отецъ! какую-же лошадь прикажешь мнѣ осѣдлать“. Отецъ сказалъ: „возьми узду, иди къ стойлу и тряхни уздой; которая взглянетъ на тебя, ту самую и лови“. Сынъ взялъ узду и сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему отецъ; когда онъ трякнулъ уздой, то взглянула на него самая плохая и тощая лошадь. Онъ со слезами надѣлъ надѣлъ на нее узду и привелъ къ крыльцу. Осѣдлавъ, ее онъ сѣлъ на нее и лошадь у него вдругъ

б'ордыса-пе мынэмво, с'эрмэд-
зэ со валэз д'ыраз-пэ понэм.
Корказ' дораз вайэм - но пэ
ан'эраса со валэз вылэ пус-
с'эм-пэ. Сэ бэр'э ис'сб дасам
н'астазе бордаз бас'тыса ош
эм пэ, валэз талэнзэр' айс'ат
мотор-пэ луэм. Сэбэрэ уан'
б'ыл к'орыш'эс, ис'кавыни'осыз
лыктыса, б'ордыса - б'ордыса
тау карыса к'эл'аса лэз'нл'
лам-пэ. оз'ы к'эл'аса лэз'нл'
д'ам-но-пэ сойос доры лык-
тэм-пэ та п'эри, вай индэ
пидэ-пэ шуэ.

Атайэз-пэ в'эра со пилон:
п'нэ мынам кошкыз в'лэс
кы в'лэсавы-пэ шуэмъ. Ву
п'эри-пэ шуэм: оз'нэ вай
мыным заман-гыне туж ай-
бат-к'ой валдэ-пэ шуэм, мон
сойэ ф'ул'аса с'уто-пэ шуэм.
Ад'амы-пэ в'эрам мын гидэ,
ок валэз сайласа кутыно кош-
кы-пэ шуэм. Та ву п'эри за-
ман-гыне с'эрм'эд-пэ баст'эм-
но, гидэ мыныса з'ар' к'ой ва-
лэз кутыса вылаз пук'ыса
со пизэ ф'ымыса пэ кошкэм. Ок
(к'он'акэ)-к'онакэ мынэмво-пэ
ву п'эрилэн валэз жад'эм-пэ.
Ву п'эри валэз с'имса быдтэм-

стала такая хорошая, статная
и полная. Когда мальчик
собрался в путь, то к нимъ
собрались всѣ сосѣди и род-
ственники и проводили его
со двора со слезами. По отъ-
ѣздѣ мальчика пришелъ къ
нимъ самъ ву п'эри и ска-
залъ: „дай теперь мнѣ сына
своего, я его ждалъ, ждалъ
въ банѣ, но не дождался, дол-
женъ былъ придти къ тебѣ
самъ“. Человѣкъ сказалъ:
„сынъ мой уѣхалъ въ лѣсъ охо-
титься“. Ву п'эри сказалъ: „въ
такомъ случаѣ дай мнѣ скорѣе
самую лучшую лошадь, я его
догоню“. Человѣкъ сказалъ:
„поди въ конюшню, лови лю-
бую лошадь и ступай“. Ву
п'эри сейчасъ же взялъ узду,
отправился въ конюшню, пой-
малъ самую жирную лошадь
и поскакалъ за мальчикомъ.
Поскакавъ немноже, лошадь
ву п'эри устала, а ву п'эри
сожралъ ее цѣлнкомъ и по-
бѣжалъ за мальчикомъ самъ.
А мальчикъ доѣхалъ до од-
ной деревни и заѣхалъ тамъ къ
одному человѣку, у котораго
жила его родная сестра. Спа-

пэ тыртгэм. Анайэз-пэ вэрам: дуктали экэ. мон тынды ку-тани с'ото-пэ шумэ. Эжээз кут-таппээз бас'тэм но-пэ куштэм-пэ вал вылис'эныз па'лан па-лез пэлэс' с'эмыд м'эд луоз-пэ шумса. Со кут'эп'я зэр' бад'дын пмын-пэ луэмно, пи' с'оры ворттыса-па. кошк'эм. Солюс кошкэм-б'эр'э ок кби'а к'э улыса ву п'эри-нолэ орты-тыса кошк'эм. Даскык ар'эс ни'нош'ик ок гуртэ ммынса-пэ вуэм-но, т'ын (шглос') зэр' айб'ат д'ыр'тэ-пэ шрэм, отын улэм-пэ зима тол ор-тытос', п'лэсаса в'этыса ас-лэстмыно, пмыносыз лэс' но-пэ кодзэс тырыса. Та-пэ вы-тэмь ву п'эри'лэн анайэзлэн д'ыртыз. Та ни кодзэ-пэ ты-рэмно, та ву п'эри'лэн анай-эз дорын, пмыноссэно - пэ с'удэмно, кошком-п'э пмыно-смыз п'улэсаны, со с'оркы-ти лыктыса-пэ вуэм ву п'эри. Та ву п'эри к'эп'иш-пэ карэ анайэныз. кызы с'иом та пн-эз-пэ шумса. Анайэз-п'э в'э-ра: токталы-пэ шуэ, ая кай-гыры, ас'м'нос шоттом солы кайла. Ву п'эри-пэ в'эра: мар

будь тебѣ пригодится. Онъ взялъ щенка и бросилъ его съ лошади на лѣвую сторону, говоря: „пускай будетъ таже-лѣе камня“ и щенокъ превра-тился въ большую собаку и побѣжалъ за мальчкомъ. Когда онъ уѣхалъ, немного погодя пробѣжалъ и ву п'э-ри по деревнѣ. Мальчикъ заѣхалъ еще въ одну дерев-ню, въ самый хорошій домъ, расположенный на самомъ краю деревни въ этомъ домѣ жила сестра ву п'эри. Ког-да мальчикъ наѣлся, напился у нея и накормилъ собакъ, то отправился съ собаками на охоту; когда же они от-лучились, то пробѣжалъ къ сестрѣ и ву п'эри. Ву п'эри стала совѣтоваться съ сестрой, какимъ образомъ съѣсть это-го мальчика; сестра гово-ритъ: „постой не тужи: мы найдемъ на это средство“. Ву п'эри говоритъ: „какое же средство мы найдемъ на это?“ Сестра говоритъ: „ты садись въ печь, превратись въ пла-мя; когда онъ придетъ со-стужи, то прямо подойдетъ

кайла-бон шоттом солм-пэ шуэ? апайэз-пэ в'эра: тон гурэ пырыса пукс'мно, отын д'жуаса пукы-пэ шуэм, со кыммыса б'эртос-по, мынос гур доры шуптис'кыны-пэ шуэм. Та ву п'эри оз'ы-п'э ва-рэм. Гурэ-пэ пукс'мно тэ д'жуаса-п'э улэм. Та п'улэ-сас'лэн сак п'эл' шуон пыни-эв мс'со в'эрас'кэмзэс кылэм но, в'эрам-пэ влэс' с'экид шуон эптэшэзы.

Д'жыг шунды пукс'он аз'ып, тайос б'эртикмы со из-л'эс' с'экид шуон пыны ош-м'эсэ выдыса кыкпол чоже погыл'л'ас'кэм-пэ, отис'-пэ по-тэмно, лым'нэ выдыса нош олло к'он'апол-пэ погыл'л'ас'-кэм, сзб'эра солэн мугорыз шау дөгынэ-п'э луэм, оз'ылу-са корка-пэ пыр'эмно, в'с'ак-гыпэ д'жуас' гур'э пырыса-пэ выдэм. Д'жуас' гурч'ы-ж-ж-ж-п'э шуэмно кысэм. Ву пери-лэн апайэз кырш'эм-пэ сойэ ұл'л'аны туртгис'козна пыны п'ин'н'оссэ поттыса р-р-р-р-пэ шумса кыл'л'эм, матэ-но-пэ лэз'имтэ сойэ. Та ни чук-на-пэ султэмно, пынысыз

к'э печи обогр'эться, а ты тог-схватяшь пламенемъ и съ-б'шь его. Ву п'эри такъ и сд'блалъ, с'б'лъ въ печь и го-рить-сидить, а собака, ко-торая была очень чуткая слу-хомъ, слышала весь разговоръ и рассказала другой собак'э, той, которая была тяжел'е камня. Вечеромъ при закат'э солнца охотники стали сби-раться домой, а собака тяже-л'е камня легла въ ключъ и стала въ ключ'э валяться, когда вышла изъ ключа, то стала опять н'эсколько разъ валяться въ сн'бгу, такъ что все т'б'ло собаки стало совер-шенно, какъ ледъ. Когда приш-ли домой и вошли въ избу, то собака тяжел'е камня вскочила въ печь и легла ту-да, а огонь и пламя шипя потузли. Сестра ву п'эрия взяла кочергу и стала гвать ее, но собака оскалила зубы и урча не пустила ее даже близко къ печки. Мальчикъ всталъ утромъ, на'ввшись и накормивъ собак'э, опять от-правился съ собаками на охо-ту. Когда же они ушли, то

лэс'но аслэс'тызно кѡдзэс-пэ тыр'эмно, ношки-п'э кошк'ил'л'л'м н'улэсаы. Сойос кошк'эм'б'эрэ ву п'эр'н-пэ в'эра апайзэлы: эй апай-пэ шуэ эщѡ ѡжѡт'гынэ-кэ кыл'л'эвал, мон кулмсал-дкр-пэ шуэ, пыныз солэв туж с'экыт вылэм-лэ шуэ; тайэ бон кыз'ы быдтом нин апай-пэ шуэ? апай-эз-пэ в'эра: тон уал'эс лу нин-пэ шуэ, соб'эртозно, кѡдзэ тырмса ог'т'ы из'ыны выдоз-пэ шуэм; Сойэ из'эмбэраз отис'эя с'яот-пэ шуэм, оз'ы-пэ шуэмно та ву п'эри уал'эс лумса гурвылэ-пэ выдэм. Тайос нош майтак-пэ в'этл'л'л'амно, туж мвод'ан лыгэз, тырлы тыло - бурдозно-пэ кутил'л'амно-пэ, джытлапала бэртил'л'ам-пэ. Та излэс' с'экыт шуон пыны ношки корка-пэ пыр'эмно, гурвылэ тубмса в'эс'ак-гынэ, уал'эсвылэ-п'э выдэм. Оз'ы луэм'б'эрэ тайос чукпа султ'л'л'амно, кѡдзэс тырмса ношки кошк'ил'л'ам н'улэсаы н'улэскы. Сойос кошк'эм-б'эрэ та ву п'эри, ѡжѡт-гынэ-пэ кулмтэк кыл'мса султэмно, кыр-

ву п'эри говорить сестрѣ: эх! сестра, еслибы собака еще не лежала немного, то я непремѣнно-бы вздохъ; у него она страхъ какая тяжелая; какже теперь покончимъ его? Сестра говоритъ: „ты теперь превратись въ перину. Когда онъ вернется домой, то наѣвшись ляжетъ спать прямо на перину; когда уснетъ онъ, то тогда съѣшь его“. Послѣ этого ву п'эри превратился въ перину и легъ на печь. Охотники, поохотившись опять довольно порядочное время, наловили много разныхъ звѣрей и птицъ и потомъ подъ вечеръ возвратились домой, а собака „назэс' с'экыт“ вскочила на печь и легла на перину. По утру, наѣвшись, охотники опять отправились охотиться въ лѣсъ. Ву п'эри, оставшись чуть живъ, соскочилъ съ печи, бросился на сестру и началъ ее бить, говоря: „зачѣмъ ты меня обманула“ билъ, билъ ее и наконецъ убилъ, бросилъ ее неизвестно куда, а самъ спрятался. Охотникъ, наловивъ

шем-пэ анайзэ жугыны, малы
монэ алдат шумса, жугэм-
жугэм-но-пэ, анайзэ в'шыса
олло кыт'ы-пэ туштэм, сөбэ-
рэ ат'из-пэ уатис'кэм. Та п'у-
лэсас' пош туа; иво д'аплык.
ыно тылобурдо-пэ күтэмно
б'артемнэ пошек со ву п'ерн-
лэн анайзэлэн д'ыртаз, корка-
пырыса үт'ис'кэмно, шау в'пр-
гыпэ-пэ, отып-но (татын) та-
тын, д'үсэп-дукэп кыл'лэ-пэ
д'ыр'с'нос, к'эпос өс'д'ос ис'с'о
нас'пэ кыл'лэ. Талэн пыпи-
осыз ок кэнсы-пэ ырыл'л'ам-
во, ырышыл'л'ам-пэ и'из' с'пы-
пы. Та ву п'эри п'ушк'эмгы-
пэ-пэ лыктэмно бэ с'брти,
кэпослэ' өссэ кыл'л'эп-гыпэ
ворсаса тунгопэм-пэ ыры-
шем, сонэ шодэмно-пэ та дас-
кык ар'ас ни, вал ылаз-пэ
дуксэмно, пу-пэ-ворттэ, б'э-
раз ут'ис'кыса ут'ис'кыса; а
ву п'эри пыпиосыс замангы-
пэ тунгонам-но кэсы, эй-пэ
биз'э та ни с'бры, вуоопово
вуонтэм-гыпэ тазынк'эд'д'ис'-
кыса-пэ мыпэ. Майтак инты-
эз кошк'эм-б'эрэ, та илзэя
валэз жад'эмно, күз'өзлы-пе
п'эра: мон жад'и индэ-пэ шуэ,

опять много з'т'рей в птицъ,
возвратился въ домъ сестры
ву п'эри. Когда вошелъ онъ
въ домъ, то увидѣлъ тамъ
безпорядокъ: вездѣ кровь,
тамъ и сямъ ключками валя-
ются волосы, двери у клѣтей
всѣ растворены. Собаки его
зашли въ одну клѣть и ста-
ли жечь муку, а ву п'эри при-
шелъ въ это время изъ за
двери, незамѣтнымъ образомъ
заперъ дверь клѣти и сталъ
ее замыкать. Мальчикъ сей-
часъ-же ос'длалъ лошадь,
сѣлъ верхомъ и давай ска-
кать, оглядывалась назадъ, а
ву п'эри, заперевъ собакъ на
замокъ, скорѣе побѣжалъ за
мальчикомъ и скоро сталъ
на виду бѣжать за нимъ. Про-
скакавъ сколько-то, лошадь
мальчика устала и говорить
мальчику; „я устала те-перь,
лягу на спинну а ты свяжи
мон ноги въ верхъ въ одну
кучу и самъ встань на нихъ“.
Мальчикъ связалъ у лошади
ноги и потомъ всталъ на нихъ.
Лошадь тутъ-же пресрати-
лась въ громадное толстое и
высокое дерево; на гершинѣ

виде мов тыбыр ылаам-пэ шуэ а тон мынэстым куэд'осм'э он ити'э кэртты но со ылэ дубыса султы-пэшуэм. Та ин ылызэс' куэд'оссэ к'эрттэм-но-пэсо ылэ тубыса султэм-пэ.

Со вал сөбэрэ зэр бад'дын, д'жузыт, зэр зоб пу-пэ луха, солэн д'ылаз ылым-пэ та ни. Бу п'эри-пэ лыктыса вуэмо та бад'дын пу дери, утис'к'эм-пэ д'ылаз, солэн са-мой д'ылазк пук'эпэ та он.

А! ш'ома, с'ырид-ама ни-пэ шуэмно ырыш'эмпэ ну д'ы-лэ тубыны, он к'өн'акэ тубэм-тубэм но пэ к'вас с'ис'мэм ул с'ырыса муз'эем ылэ д'уб-пэ шулса үсэм, оз'ы к'үи'пол чо-жэ-пэ тубэмно. к'үи'полазно д'уб шулса-пэ үс'эм. Сөбэрэ актык д'удамно-пэ кошкэмпэ дырис'эз үг'т'аса туж кэма в'эт-лэса ш'өттэмпэ та одик дыри-с'эз Со дырис' лэс'тэм-пэ та ву перилы зэр бад'дын пэ-тыт' тир. Та ву п'эри дырис' дери кошкэмкыс' лыктэм-пэ даскыс' арэс ни дери лудкэт' ни-пэ шуэ лудкэт'лы: лудкэт'! тон пожалуста мынэстым кыл-зэ ылыдис'кы аг'и-пэ шуэм,

его очутился мальчикъ. Когда ву п'эри приб'жаль къ этому дереву и увидалъ на немъ мальчика, то сказала: „а, по-палса теперь“ и пол'ль на дерево, л'бзъ—л'бзъ, идругъ подь руку попалъ ему гни-лой сузь и ву п'эри сорнал-ся на землю; такъ онъ ла-зилъ до трехъ разъ, и каж-дый разъ сваливался. Подь конецъ вышелъ изъ терп'ниа и отправился искать кузнеца. Долго онъ искалъ, наконецъ нашель его и заставиль его сковать большущий вострый топоръ.

Въ то время, какъ ву п'эри отлучился искать кузнеца, при-скакаль къ мальчику заяць. Мальчикъ говоритъ зайцу: эй, заяць! ты, пожалуйста, послу-шай меня. поди къ моимъ со-бакамъ и скажи имъ, чтобы они скор'е приб'жали сюда, а то меня хочеть сейчасъ съ'есть ву п'эри. Заяць, услы-шавъ голосъ мальчика, испугал-ся и уб'жалъ. После зай-да приб'жалъ волкъ, кото-рый тоже испугался и уб'жалъ къ л'бс'ь, въ третій разъ

мынади мынам пинносы доры, сойос мэд лыктозывал мон дорам-пэ шуэм, монэ кэзыр ву п'эри с'ины тырт-тэ-пэ шуэм. Лудкэт' талэс' куаразэ кылэмно-пэ вортэм-но-пэ кошкэм. Сэбэрэ лыктэмнопэ к'лоп, соно-пэ ок кыло вэратэк кошкэм п'лэскы. Куп'мэтназ лыктэм-пэ гондыр, гондырлыно оз'ынк-пэ вэрапы кыршэмвылэмно сокы лыктыса вуэм-пэ ву п'эр'и. Гондыр ву пэр'иэз ад'эмно-пэ, уатис'кэм-пэ п'лэскы. Ву пэри лыктыса-пэ вуэмно, кыршэм-пэ со д'жужыт пуэз коравы. Эй-пэ кора, эй-пэ кора. Кораса-кораса, жад'эмно-пэ, выдэм-пэ из'ыпы. Тайэ гондыр үт'ис'кыса-пэ улэмно пэ'эмбэрагынэ лыктыса уан'ово ш'эл'эпзэ ог нитпэ, л'укаса л'акэм-пэ корам нитназ, сэбэрэ ву п'эр'илэс' бад'ын тирзэ. бас'тэмно, туж к'уд'окэ нуыса зэр' бад'ын тыэ-пэ куштэм, отис'эн кошкэм-пэ пыннос доры. Пыннос доры мыныса-пэ вуэмно, зок кураэн уаз'эм-пэ: эй, сак п'эл'илэс' с'экыд, ти татына-пэ

пришелъ мѣдвѣдь. Мальчикъ началъ было говорить тоже, что говорилъ зайцу но въ это время приближалъ ву пэри. Медвѣдь, увидѣвъ ву пэри, спрятался въ лѣсу. Ву п'эр'и, какъ пришелъ къ большому дереву, тутъже началъ его рубить; рубилъ, рубилъ и наконецъ усталъ, легъ спать, а медвѣдь видѣлъ это и, какъ только ву п'эри заснулъ, пришелъ къ дереву, собралъ всѣ щепки въ кучу, слѣпилъ ихъ и составилъ дерево по прежнему. Послѣ этого онъ схватилъ топоръ ву пэри и унесъ его далеко, бросилъ въ большое озеро, а самъ отправился къ собакамъ. Когда онъ дошелъ до собакъ, то крикнулъ толстымъ голосомъ: „эй, сак п'эл'-илэс' сэкыд, вы злѣсь чтоли?“ здѣсь — сказали собаки. „Если здѣсь-то пойдемте скорѣе къ вашему хозяину, я отопру вамъ двери отъ клѣтки“ — и потомъ, сломавъ замокъ, отворилъ дверь. Собаки выскочили изъ клѣтки и давай бѣжать къ своему хозяину. Ву п'эр'и толь-

шүэм? татын-пэ шул'ам пыннос. Татынкэ ойдола замав к'з'оды доры, мон үс'то тилэт-лы кэнослэс' оссэ-пэ шуэм-но, тунговэз с'орыса үс'тэмпэ. Пыннос потил'амно-пэ кэнсис', ну-пэ ворто-ну-пэ ворто к'з'озы доры, а ву п'эр'и сокыгыне тирзэ вайыса кыршэмвэлэм кораны со бад'дын пуэз. Пыннос лыктыса-пэ ву-ил'амно, т'ан'и ву п'эр'язэ, сул-во куал кыкэз кык пала кысканы-пэ кутис'к'ил'ам. Гондыр тирзэ - пэ кыскыса бас'тэмно, н'улэскы пырыса-пэ кошкэм. Ву пэри д'али д'удамно-пэ, кыз'ыкэно кыс ташыса со тирш'оттэм бад'дын т'э-пэ мыныса пырэм-но п'ид-цаспэ пуксэм, пынносно со с'оры т'э пырил'ам, пырыкызы огэзвэрам к'з'оэззы, тон шуэм үт'ис'кыса улы со т'э д'эсли потоз шыкы соты вылэ, сокы ан уас'кы пу вылис', а д'эсли виркэ потыз сокы уас'кы-пэ шуэм. Та пи үт'ис'кыса-пэ улэ ок шап. ву вылэ шау т'от' шыкы-пэ потыз с'эбэрэ нош окшап улмыса со ты шау виргыне-пэ луна.

ко что нашелъ топоръ и собрался было рубить его, какъ собаки добѣжали до него, бросились и стали дергать одна въ одну сторону, а другая въ другую, медвѣдь же вырвалъ изъ рукъ ву пэри топоръ и скрылся съ нимъ въ лѣсу.

Ву пэри пустился бѣжать и кое какъ дошелся до того озера, гдѣ нашелъ топоръ, и на днѣ спрятался, собаки за нимъ же. Входя въ озеро, одна изъ собакъ сказала хозяину: ты смотри на озеро: если на поверхности появится пѣна, то не слѣзай съ дерева, а если вода превратится въ кровь, слѣзай. Мальчикъ смотритъ на озеро; вдругъ вся поверхность озера покрылась бѣлою пѣною, а немного погодя вся вода въ озерѣ превратилась въ кровь. Лошадь мальчика вдругъ очутилась лежащей на спинѣ съ связанными ногами, мальчикъ развязалъ ихъ, лошадь встала на ноги, а собаки, убивъ ву пэри въ озерѣ, притащили его къ своему хозяину.

Та нилэн валээ аз'локад'ик
тыбырвилээ-пэ кыл'тэ ши уас'-
кэмно-пэ, валээзэс' пыдээ
п'эрттэм, валээ сәбәр'э сул-
тэм пыд д'ылаз. Шынос в'и-
нл'аахно ву п'эриэз, тыс'
поттыса күз'озы доры ванл'-
лам а гөндүр зәр' бад'дын
көстүпүзз кораса погыртэм-
но вайәм-пэ ши доры. Ши со
тынузз корампо-пэ, дас кы
чаж'ж'эм әр'дәй-пэ лукам-но,
совыла ву п'эриэз поныса
сутәм. Д'жуаса быремб'эраз
п'ән'зэ төлүн тө латыса ләз'эм-
но сәбәр'э б'эрттыса кошк'эм
дораз, б'эрттыкыз та пыр'эм-п'э
апайэз доры. Апайэз татын-
пэ вылымтэ, кошкэм-пэ атай-
эз доры. та пилэс' арзэ орт-
ты'тны. Пыр'э-пэ мызснэз
доры. созво-пы кошкэм атай-
эз дорь талэс' арзэ орт'ыты-
ны, отис'ән б'эртэм-пэ тав'э-
с'акь дораз; азбараз пырыса-
пэ вуэмно, коркас' уан' өвбл
калык тотмаса тайэ, талэн
пунитаз поттыса нуц'наса кә-
дырласа пэ корка пыртил'лам.
Атайэз та п'илэн зәр шум
потэм-но, п'илэн б'эртэм'эз-
лы, в'ил'дон в'эдра сур п'онс'

Медв'ядь срубилъ большой
сухой дубъ и поволокъ его
мальчику, а мальчикъ нару-
билъ изъ этого дуба двѣвд-
цать сажень дровъ, положивъ
на нихъ вуп'эрия и сожегъ
его вмѣстѣ съ дровами, а
пепельъ развѣялъ по вѣтру и
потомъ отправился домой. До-
ѣхавъ до сестры, заѣхалъ къ
ней, но дома не засталъ: она
уѣхала къ отцу на годины.
Мальчикъ поѣхалъ къ другой
сестрѣ и той не оказалась
дома; она тоже уѣхала къ
отцу на поминки. Поѣхалъ
онъ прямо домой и вѣхалъ
во дворъ; тутъ всѣ гости и
семья вышли къ нему на
встрѣчу и съ ласками внесли
на рукахъ въ избу.

Отецъ мальчика отъ радо-
сти, что пріѣхалъ сынъ бла-
гополучно, сварилъ сорокъ
ведеръ пива, созвалъ гостей
и сдѣлалъ большой пиръ. На
пиръ пришелъ и медв'ядь. Цѣ-
лую недѣлю они пировали.
Послѣ, когда гостей проводи-
ли, мальчикъ съ собаками и
съ медв'ядемъ сталъ ходить
на охоту, валовилъ множе-

тыса, кыновос отыса туж
бады'н д'уон-пэ карэм. Ду'-
об-с'ион доразы тайослэе
ныктыса-пэ вуэм гондырно.
Ог арн'а чож'э с'ниг'лам д'у-
ил'лам-пэ тайос сөбөрэ кы-
обссас кэл'ал'ламво, ок'к'он'а-
кэ улыса та пипывносыныз,
гоношрэнныз кырш'эм-пэ в'у-
лэсаны оз'ы в'уэлсаса та ни
зар' (ыно) (уно) д'авлык ку-
тыса туж баймымыса-пэ кош-
кэм.

Т а з д'ы р.

Улэм пэ уапкала дырр'а ок
мурт, солэн влэм кык кыш-
ноэз. Быд'дын кышноэзлэс'
вордис'кэм-пэ кык пи, а пок-
т'я кышноэзлэс' ок пи гынэ,
соно огак таз д'ыр-пэ. Та к'я'
пнос вуэмб'эрэ, атайзы тай-
ослэн кулэмнэ. атайзы кулэм-
бэрэ та быд'дын кышнолэн
пносыз Таз д'ырээ апайэнныз
кыкнаээс ул'л'аса-пэ поттил'-
лам атайзылэн д'уртис'тыз.
С'отил'лам-пэ солы тол'ко
одик вууап куалано, одик вос-
тэтгынэ вал. Таз д'ыр лэс'-
тытэм-пэ со куалаэзлы укной-

ство зырей и сильно разбо-
гатѣль.

Плѣшивый.

Жилъ въ старину одинъ
человѣкъ, у него были двѣ
жены; отъ старшей жены ро-
дились два сына, а отъ млад-
шей одинъ, да и то плѣши-
вый. Когда сыновья выросли
то человѣкъ этотъ померъ.
По смерти отца двѣ стар-
шей жены выгнали плѣши-
ваго съ матерью изъ отцов-
скаго дома и дали ему толь-
ко одну плохую и тощую ло-
шадь. Плѣшивый вдѣлалъ въ
шалашѣ огня и сталъ тамъ
съ матерью жить. Разъ они

ос, сәбәр'ә кырш'әм-пә отын анайәныз улынн.

Окноз тайос мынил'ампә кун'назы н'уләскы ар'дәна кораны, быд'ын кышнозән п'и-осыз кыкназы корал'ам-пә ныналаз кун'ч'ажж'әм, а Таз д'ыр корам-пә окназ кун'ч'ажж'әм. Тазлән ино корам'әзлы күйыса, Тазләс' ар'дәна-рә фин вүләскы мыныса сутыса-пәләз'ил'ам. сәбәрә чукна с'ултыса, Таазы - пә мыныса вәрал'ам: әк'ә! ар'дәнадә тынәс'тымдсутыл'ам-угой-пә шуыл'ам. Таз ок кылно вәрамтә сойослы тол'ко с'улмаз гынә-пә понәм, сәбәрә ок к'он'акә улыса Таз валзә-пә кыткәмно, дөд'и аз коскы пуктыса мынәм-пә ар'дәнааз доры. От'ым мыныса вуэмно-пә, коск'наз мн вөлдыса, д'жуам ар'дәнаазләс' эгырзә-пә тыр'әм, сәбәрә сойә шобыр'амно мнәв - но кырән; вылтвз кәртты ләм гознән, отис'ән кошкәм-пә с'ырсы.

Иноа-пә мынәм, бжбта, пырәм-пә та ок гуртә, со гуртын уан' - пә одик туж бай мурт, та Таз со бай доры мы-

всі трое вмѣстѣ отправились въ лѣсъ дрова рубить. Дѣти старшей жены нарубили въ день двое три сажени дровъ, а плѣшивый одинъ нарубилъ въ день три сажени.

Братья видя, что Таз одинъ нарубилъ три сажени, а они двое три сажени, осердчились на него, пошли ночью въ лѣсъ и сожгли его дрова, а утромъ пришли къ Тазу и сказали, что дрова его кто-то сожгъ. Тазъ ничего не сказалъ имъ, только затаилъ въ сердцѣ. Спустя нѣсколько времени Таз запрегъ въ дровни лошадь, поставилъ чуманъ и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, доѣхалъ, разостлалъ въ чуманъ пологъ, наклалъ его полонъ углей отъ сожженныхъ братьями дровъ, закрылъ угли пологомъ и лубками, связалъ сверху веревками и отправился въ путь. Многоли онъ ѣхалъ, малоли, доѣхалъ до одной деревни, заѣхалъ къ богатому человѣку. Богачъ сталъ спрашивать его, куда онъ ѣдетъ. Тазъ сказалъ: ѣду въ такой-то городъ къ одно-

пыса-пэ пырэм. Бай талэс' дуал'лас'кыны - пэ кыршэм: „кыт'т'м мынис'код - бон, тон тал'шпэ шуэм?“ Таз-пэ в'эрам нов мынис'ко соч'э соч'э кыр-пэ шуэм, ок бай доры, со байлы нуис'ко ок коскы алтын-пэ шуэм; тол'ко со алты-пэз от'вокинылно ўт'ис'кыны ук д'ара-пэ шуэм, д'эсл'я кингыпэ-кэ ўт'ис'кыны со алтыпэз, алтып эгыр лумса конькоз-пэ шуэм. Сонь повна в'эра д'ал'т'носытлы, штобы сойос ме-даз ут'ис'кэлэ мынам возам. Индэ пункты мыным самаур-пэ шуэм, чайпады кѳн'а алтып-кэ д'уат, сон'а с'ото-пэ шуэм но, воз дораз мыныса б'иснис'тыз кпэз поттыса, возаз т'ѳыса поттэм-пэ бут'то ок кырым алтын, сойзад'д'штэм, сѳбэрэ со байлы; т'ѳн'и ад'д'ис'кода? алтын в'эт-пэшущэм, может быт' тон уд оскывал-пэ шуэм. Бай-пэ вэрам: „оск'ис'ко, оск'ис'ко-пэ“ шуэм, сѳбэрэ пыртэм-пэ Тазэз корказ т'ѳай д'уыны. Таз т'ѳай д'уыкы бай вэрам-пэ кўзмат'т'носытлы: „мыназэти та коскыпэз со кэны нуыса сэргы

му богачу и везу ему цѳлны чумань золота, только на это золото никому нельзя взглянуть, если кто вздумаеть взглянуть, золото тотчасъ же превратится въ уголь.

Теперь поставь мнѣ самоварь, а за чай заплачу я тебѣ: сколько золота попросишь столько и отдамъ; потому подошла съ богачемъ къ возу, вынула руку изъ кармана, всунула ее въ возъ и будтобы доставъ изъ возу горсть золота показавъ ее богачу и сказала ему: вотъ, видишь золото, а то, можетъ быть, ты и не повѣришь мнѣ. Богачъ сказалъ: „вѣрю, вѣрю“. потому ввелъ его въ домъ чай пить. Когда Тазъ пилъ чай, богачъ вышелъ на дворъ и сказалъ работникамъ своимъ: „подите поставьте поскорѣе этотъ чумань въ ту кѳтъ, гдѣ стоитъ мой чумань, а въ замѣнь его поставьте на дровни тотъ, который стоитъ тамъ въ углу“, а тотъ чумань былъ половъ серебра. Работники сдѣлали такъ, какъ имъ велѣлъ хозяинъ. Таз, на-

пуктэлэ-пэ шуэм, а та коскы
интиэ пуктэлэ отис' коскиэз-
нэ шуэмъ.

Күзмәтт'иосыз замагынэ
күз'озы косэм буйыпт'а карил'-
лам-пэ, а со коскынн вылэм-
пэ тырос азв'эс'. Таз т'ай ду-
эмво; „д'а, таулэ нидэ, рāхмāt
с'эктам, с'улэмчылы, зор луэ,
бай луэ, т'ай ш'оттыны т'ыр-
ккэм луэ“. Иммār' сотыса м'эд
улоз, с'үрсэн, с'уэн пырыса
мед улоз-нэ шыса тау кары-
са-пэ пэтэмно; д'жыгы кы-
рым алтын-ио-пэ с'отэм сэбә-
рә калзэ кытыса б'эргыса-пэ
кошкэм. Дора-пэ бэргыса лу-
эмво, со ок коскы азв'эс'сә
куалаз гу гыд'дыса, гуэ-пэ
пуктэм. Быд'дынн кышполэн
иносыз тайә ш'одил'лам-но,
Таз доры лыктыса д'уал'гам:
кытыс' ш'одтнт экә топ ок
коскы азв'эс'-пэ шуыл'лам?“
Таз-пэв'эрах:ār'дāзәләнәгы-
рәлйз воштыса ван-пэ шуэм.

Тайос бэртил'лампо, вэрат'-
лам ог'эзлы ог'эз: ойдо ас'ми-
осно сутомы ар'дāнамәс - пэ
шуыл'лам, Таз ок коскыгынэ
эгыр нумса, ок коскыгынэ
азв'эс' вайэм-пэ шуыл'лам, а

пившияс чаю, поблагодарил
хозяина: „ну прощай теперь
благодарю за угощение, будьте
дождливы, будьте богаты, чай
находите бойко; чтобы Бог
воздавалъ вамъ впредь тыся-
чами; сотнями чтобы приобрѣ-
тали“. Поблагодаривъ хозяина
дома, вышелъ на дворъ, за-
пругъ лошадь, далъ хозяину
полгорсти золота и поѣхал
домой. Вернувшися Таз вы-
рылъ въ шалашѣ яму и по-
ставилъ туда чуманъ съ сере-
бромъ. Сынзья отъ старшей
жены узнали, что Таз при-
везъ цѣлый чуманъ серебр.
пришли къ нему и спросил
его: гдѣ ты братецъ нашел
столько серебра? Таз сказал
я мѣнилъ это серебро на уголь
отъ сожженныхъ у меня дровъ.
Братья сказали другъ другу
давай и мы сождемъ, Та
возилъ только одинъ чуманъ
угольсы и привезъ цѣлый чу-
манъ серебра, а мы повезем
два воза угольсы и приве-
земъ два воза серебра. Так
порѣшили, поѣхали въ лѣсъ
сожгли дровъ, наклали два
за углей и поѣхали при

с'м'пос кык воз нунса кык
аз азвэс' вайом-пэ шунл'лам-
ю, н'улэскы мыныса ар'д'ава-
се д'жуатыл'лам-пэ, сэбэрэ
гирзэ тырил'лам-пэ кык во-
э, отис'эн кошенил'лам-пэ в'э-
ак' об гуртэ. Гуртэ-пэ пы-
шил'ламвотайос, кыршил'лам-
пэ кыкназы кэс'ас'кыны: эй,
ырэн азв'эс' кык воштэ-пэ
нунса. Тайослэс' куаразэс
шылл'ламво-пэ гурт'дос ку-
ныз зырэн, кудыз бодвэн по-
пыса т'ан'и-пэ жугыны кыр-
шил'лам тайосыз, малы ти
озы алдас'кыса вэт'ис'кыды,
кочэвис'тэмэз ш'оттнды татис-
пэ шунса, к'ин тилэз эгыр-
дылы азв'эс' с'отоз-пэ шунса
жугил'лам, жугил'ламно лэ-
вил'лам - пэ кабат доразы.
Тайос мозм'ил'ламно, эй-пэ
вортто с'образы ўт'ис'кыса ўт'и-
с'кыса. Доразы вуил'ламно
тайос, кэн'ыш карыны кыр-
шил'лам, огэс шуэ, ойдо Таз
лэс' анайзэ в'помы, малы со
ас'мэмиз алдаса жугытыз? д'а-
ралоз шуэ сонз. Озы, кэн'ы-
шал'ламно тайос. Тазлэс' ок-
кыт'э'ыкэ кошкэмзэ гышэ ш'ай-
ласа уилл'лам-пэ. Окпол з'ар'-

въ деревню. Какъ только за-
ѣхали въ деревню, то начали
вдвоемъ кричать: кто мѣня-
етъ угли на серебро? Жите-
ли же, услышавъ ихъ крикъ,
выскочили на улицу, кто съ ду-
биной, кто съ палкой, кто съ
чѣмъ попало и давай ихъ бить,
били-били ихъ и приговарива-
ли: зачѣмъ вы такъ ходите, об-
манывая людей? какого дура-
ка вы нашли здѣсь? кто вамъ
будетъ мѣнять на угли сере-
бро? Такъ побили ихъ и от-
правили обратно домой. При-
ѣхали братья домой и стали
совѣтоваться, какъ отомстить
Тазу. Одинъ изъ нихъ гово-
ритъ: давай убьемъ его мать.
Зачѣмъ онъ насъ обманулъ?
за что получили мы столько
побоевъ?—Все изъ за него.
Давай, говорить другой, и по-
рѣшили убить мать его и ста-
ли ждать случая, когда Тазъ
уйдетъ. Одинъ разъ Тазъ по-
ѣхалъ въ лѣсъ по дрова, а
дѣти отъ старшей жены узна-
ли объ этомъ, пришли къ
Тазу, завязали мать его ве-
ревкой за шею, удавили ее,
сами ушли. Въ полдень Тазъ

т'об'эр куазэи Таз мнэм-пэ
п'улэски нулы, сос'аркыти та-
злэн агайосыз) быд'ын кыш-
полэн иносиз Таз доры, лык-
тыса Тазлэс' анайзэ, т'ырти-
аз гозы кэртгыса, к'эбаты-
санэ в'имл'тамо, ассис-
пэ кошкыл'там. Лымшырды-
рйа Таз бэртгыса-пэ вуэмно,
валзэ д'ускыса, цузэ бушаты-
са корказпэ пыр'эмно, д'ак-
пэ д'удам, анайзэ-пэ кыл'лэ
кулыса кэрттылэм к'уйэн.

Таз б'ордэм-б'ордэмно ток-
тати шум, кулэм муртэ б'ор-
дыса уд ул'дыты-пэ шумно,
инайзэ бордис' гозносыз п'эр-
т'ылэво анайзэ куттам вил'
кутэн, вылаз дис'ам в'ил' дэ-
рэм, вил' дукэс, д'ыраз кэрт-
тэм вил' т'алма сэбэр'э к'одзэ
тыр'са, валзэ с'удыса, ношик
валзэ-пэ кыт кэмво, дод'наз
миндэр'ос поныса анайзэ-пэ.
пуктэмно д'од'пэ, шобыр'ам-пэ
шубазэ-но рогоз'наэн, сэбэрэ
ат'наз д'од'назлэн аз'аз пукс'ы-
са потыса-пэ кошкэм с'ырсы.
Иноа-пэ кошк'эм, б'э'ота мы-
пысанэ цырэм ок гуртэ, со
гуртын уан'-пэ одик туж бай
мурт. Та Таз со бай муртлэн

вернулся домой, выпрягъ ло-
шадь, опросталъ возъ, вошелъ
въ избу и вилитъ: мать ле-
жить мергвая, онутанная ве-
ревками. Тазъ плакалъ - пла-
калъ и говоритъ: постой, сле-
заями не оживишь мертваго,
развязаля веревки, обуля ея
въ новыя лапти, надѣля ей
новую рубашку, голову оку-
талъ новымъ полотенцемъ, па-
дѣля на нее новый кафтанъ,
наѣлся, накормилъ лошадь,
запрегъ ея въ сани, положилъ
подушки, посадилъ туда мать,
одѣля ея шубой, покрыля свер-
ху рогожей, а самъ сѣля на
козлы и поѣхалъ въ путь.
Много ли онъ ѣхалъ, мало ли,
доѣхалъ до одной деревни; въ
этой деревнѣ жилъ одинъ бо-
гатый человекъ. Тазъ подь-
ѣхалъ къ воротамъ богача,
остановилъ лошадь, возжи по-
ложилъ въ руки матери, а
самъ вошелъ въ домъ богача.
У этого богача были три кра-
савицы дочери и всѣ невѣ-
сты Тазъ вошелъ въ домъ,
поздоровался съ богачемъ и
попросилъ поставить само-
варъ.

канка аз'ас валзэ-пэ дукты-
тэм-но, тлэ'бугозэ анайэз к'нэ
кутытмса атис пыр'эм-пэ бай-
лэн корказ. Та байлэнэ уан'-
пэ к'үн'нылмэ, зэр'-пэ т'эб'э-
р'эс' к'үн'н'эзро и к'үн'назыно
вунл'г'ам-пэ. Таз корка пы-
рэм-но к'орышэм байэн, сэ-
б'эр'э пуктил'г'ам Тазлы са-
маур.

Самаур вуэм'эрэ Тазэз
пуктил'г'ам т'ай д'ушлы, ок
кык с'умук т'ай д'уэмно, Таз
шуэ: эхма, мон д'алк вунэ-
тис'к'эм'э, мынам-в'эт д'од'ини
апай уан' вал, со в'эт м'ис-
к'ип кыммыса бырыздыр, ку-
лымтэкэ д'ара вал-пэ шуэм.
Бай заман гыпэ ныл'г'оссэ-
пэ поттыса лэз'ис, валзэ аэба-
рэ пыртэлэ-но, анайзэ корка
пыртэлэ-пэ шумса. Валзэ-пэ
азбар'э пыртил'г'ам но, бай-
лэн ныл'г'осмэ, анайзэ, аб'и,
ойдо корка пыры-пэ шумса
от'ил'г'ам, анайзэ от'но-пэ ук
уаз'и, сэбэрэ к'итиз кутыса-
пэ ут'ил'г'амно. Тазлэн анай-
зэ д'алк-пэ кыммыса т'он'-
дэм, сэбэрэ корка пырил'г'ам-
но ныл'г'ос Тазлы в'эраг'лам,
анайэт кыммыса кулэм-пэ

Когда самоваръ былъ го-
товъ, по сажли Таза чай пить.
Выпивъ чашки двѣ чая, Тазъ
говоритъ: ахма, вѣдь я сов-
сѣмъ забылъ, у меня тамъ на
саяхъ мать сидитъ, она чай
тамъ бѣднам совсѣмъ замер-
зла, какъ-бы не умерла. Бо-
гачъ сейчасъ же послать за ней
своихъ дочерей, а лошадь ве-
лѣлъ ввести во дворъ. Когда
лошадь ввели во дворъ, то до-
чери богача стали звать мать
Тазову въ домъ; она молчитъ,
попробовали было вести ее
за руки, но она совсѣмъ не
двигалась, окоченѣла. Дѣвки
зашли въ избу и сказали Та-
зу, что мать его умерла, за-
мерзла. Тазъ залился слеза-
ми, плакалъ плакалъ и по-
томъ сталъ приговаривать:
вотъ, кто теперь будетъ мнѣ
стрипать? кто станетъ воду
носить? во время моихъ отлу-
чекъ, кто станетъ затапливать
печку и зачѣмъ я сюда зай-
халъ? Богачъ сказалъ: „не-
плачь сынокъ, тебѣ Богъ
такъ велѣлъ, видно, вотъ у
меня три дѣвки и всѣ уже
невѣсты, если которая тебѣ

шунл'ам. Тазь отыниг гу-
рэн бёрдыны-пэ кыршэм, бёр-
дэм-бёрдэм-но, д'а, нидэ кин
мыным шыдалоз-вуалоз? кин
ну ворттоз, от'ы-тат'ы вэт-
лыкым коркам'э кин эстыса
ут'ыса улоз-пэ шуэм, малы-
гыгэ тат'ты цыри-пэ шуэм?
Бай-пэ в'эрам ап бёрды п'из,
тынды им'арэд оз'ы косэм
дыр-пэ шуэм, т'ан'и мыпам
кун' мылы вуэм, кудзэкэ д'а-
ратис'код созэ бас'тыно нум-
пэ шуэм анайде ат'им шайэ
пумса уатыто-пэ шуэм. Тазь
бёрдыса-пэ дуктэм-но, байлэс'
шорэти вылзэ-пэ сайласа бас'-
тэм, сәбәрэ валзэс'удыса анай-
зэ от'ы кэл'тыса, байлэс'
шорэти вылзэ пукс'ыса бәр-
тыса-пэ кошкэм. Тазь дораз-
пэ б'эртиса вуэмно, окшан
улыса быд'дын кышполэн
п'иносыз Тазь-доры лыктыса-пэ
вунл'ам, тайос эйпэ ут'ис'ко
Тазлэс' кышнозэ, симзэс-пэ
уг вошто шолк'ад'ар-пэ ут'ис'-
ко, ас'сас'имзылы ас'сиос
пэ уг оско а'р-пэ мотор вы-
лэм талэн кышнозэ. Сәбәрэ
д'уал'ам-пэ Тазлэс': экэ, тон-
бон анайде кыт'ы кэл'тид-

правится, ту и возьми за се-
бя, а мать твою я самъ све-
зу на кладбище и заставляю
тамъ зарыть въ могилу. Та
перестала плакать, выбрали
себѣ среднюю дочь богача
потомъ, покормивъ лошадь
посадила въ сани невѣсту
самъ сѣлъ возлѣ нее и по-
ѣхалъ домой а мать свою
оставилъ у богача и велѣлъ
ее похоронить. Когда Тазь
приѣхалъ домой, то немного
погоды пришли къ нему дѣти
старшей жены, смотря въ
жену Таза, глазъ не сводятъ
съ нее, до того она была
красива. Потомъ спросилъ
его: братецъ, ты гдѣ оставилъ
свою мать? а сами думаютъ
про себя: „ахъ-бы и намъ до-
стать себѣ такихъ красавицъ
въ жены. Тазь сказалъ: мат-
ка моя была мертвая, я ее сво-
зилъ въ одну дальнюю деревню
и прожѣвалъ ее на эту кра-
савицу жену свою, тамъ мерт-
выхъ старушекъ бѣда какъ
беруть, мнѣ хотѣли дать за
мою мать трехъ дѣвицъ, но
взялъ только одну. Давай
мы убьемъ свою мать, гово-

пэ шумл'а'ам? а ас'снос эсэ-
плазо-пэ к'от пушказы ай-ай
ас'мэлыво тач'э т'эб'эр кышно-
мэд с'мрозвал-пэ шумса. Таз-
пэ шуэ, мынам анайэ кулэм-
вал-во, сойэ оккүд'ок'ис'
гуртэ нуьса та кышноэным
воштмса к'эл'ти-пэшум, оты
кулэм п'эр'эс кышномуртэз
зэр бас'то-пэ шуэм мыным
күн'зэ с'отовално, моп окзэ-
гыне бас'ти-пэ шуэм. Озыкэ,
ойдо ас'м'носно в'номы анай-
мэс-пэ шумл'а'ам, д'аралоз-пэ
шуэ огэз ас'м'нос муртлы-
быдэ к'ун' ныл вайом-пэ шу-
л'а'амно, таз дор'ис' потмса-
пэ кошкыл'а'ам-доразы, кор-
казы пырил'а'амно, бас'тил'-
лам-пэ, муртлы быдэ гозы,
сэбэрэ кыршил'а'ампэ вис'-
тэмак анавзэс кэрттылыны,
кэрттылыл'а'ам, кэрттылыл'-
ла'амно, анайзэс кэкатыса в'я-
ил'а'ампэ. Сэбэрэ замангыне
вал кытк'ил'а'амно пэ анай-
зэс дбд'нэ поньса, гозызэ
п'эртт'мса шобыртил'а'ам-пе
рогоз'наэн ас'снос пукс'ил'-
ла'ам-пэ кыкназыво дбд'ы аз'э
се күйэн потмса-пэ кошкыл'-
ла'ам с'мрсы. Иноа-пэ мынил'-

реть одинь. Ладно, говорить
другой, мы привезем себѣ по
три дѣвцы. Вышли они отъ
Таза, пошли домой, взяли по
верекѣ и начали связывать
и опутывать ими свою мать.
Вязали-вязали, удавили свою
мать, потомъ поскорѣе за-
прягли лошадь, мать пово-
локли въ сани, развязали
опутанныя веревки, покрыли
ее сверху рогожей а сами
сѣли радышкомъ на козлы и
поѣхали въ путь. Много ли
ѣхали они мало ли, заѣхали
въ одну деревню. Какъ толь-
ко заѣхали въ эту деревню,
то начали они кричать: эй
кто мѣняетъ красавицъ дѣ-
вицъ на мертвыхъ старухъ.
Сначала никто не откли-
нулся, но когда такимъ обра-
зомъ закричали они три ра-
за, жители выскочили; кто
дубиной, кто палкой а кото-
рый и цѣпомъ принялись ихъ
бить; били-били, потомъ про-
водили ихъ до полевыхъ во-
ротъ. Вырвавшись братья
стали разговаривать между
собою, что Таза нужно запе-
реть въ бочку, спустить въ

л'ам', бѣота? минон с'ани
тырил'л'ам-пэ тайос ок гур-
тэ. Гуртэ-пэ тырил'л'ампо
тайос, ну-пэ кэс'ас'ко: эй,
кулэм ц'эрэс' кышномуртэн,
т'эбэр нылэз кин воштэ?-пэ
пымса, аз'ло от'по-кинпо уа-
зымтэ-пэ, с'бэрэ к'уп'м'эти
уа'лэм-б'эразы, кудиз зырэн-
пэ, кулиз боднэн а кудиз ку-
тэсэн потмса т'ан'и тайосыз
жугышм-пэ кыршо, жугил'-
лам-жугил'лампо, бусы кап-
к'аз потмса лэз'ил'л'ам. Тай-
ос мозмил'лампо-пэ, эй-пэ кэ-
вышалэ, индэ пэ шуо та Та-
з'эс б'экт'ээ пытдаса вуэлэ-
зом-пэ шуо. оз'ы в'эр'ас'ков
с'аниъ тайс кыз'ы б'эртэм-
з'эс-по-пэ шодыштэзы доразы.
Азбаразы тырил'л'ампо-пэ тай-
ос валзэс-по-пэ д'ускылтэзы,
замангыпэ кэдзэспэ тырил'-
л'ампо, кошкыл'лампэ анайзэс
уаты. Уатэм-б'эрэ анайзэс
майтак уапул орт'эм-пэ, ту-
лмыс орт'г'мса гужомпо-пэ ву-
эм тайос дассел'ламнэ от
бэкт'э, соки Таз минэм-пэ
кышномыз одик бад'дын ву
дурэ турнапы. Агайосыз сойэ
шодыл'лампо, буш, б'экт'ээз

воду и утопигь. Пока они раз-
говаривали, позабыли, какъ
приѣхали домой. Въѣхавъ во
дворъ, не выпрягая лошадь,
наѣлись досыта, вышли опять
надворъ и поѣхали хоронить
мать. Послѣ похоронъ про-
шло много времени, прошла
весна, наступило лѣто, они
приготовили бочку а въ то
время Тазъ поѣхалъ съ же-
ной къ одной большой рѣкѣ
косить траву. Братья узнали
объ этомъ, взяли пустую бо-
чку и поѣхали къ Тазу, до-
ѣхали до него, связали и, за-
перевъ въ бочку, отолкнули
въ воду. Тазъ услылъ въ низъ
по водѣ, а братья поѣхали
домой, взявъ съ собой жену
Таза. Тазъ плылъ, плылъ и
наконецъ остановился у бере-
га большого омута. У этого
омута была большая краси-
вая поляна, а на этой поля-
нѣ пасъ табунъ лошадей лѣ-
шій; ему захотѣлось пить,
онъ, привязавъ лошадь къ
дереву, спустился къ омуту
пить и тамъ видитъ бочку,
вытащилъ ее на берегъ, уда-
рилъ кулакомъ по дну бочки

уробойэ поныса мыпиг'ам-пэ Таз доры, как мыныса-пэ нул'гамно, Тазэс кэрттылыса, б'экт'ээ пиддаса вуэ доншыса-пэ лэз'иг'ам. Таз кош кэм в'наса ву к'уз'а агайосыз, Тазлэн кышноэныз кош кил'гам-пэ б'эртуса доразы. Таз в'наса кошк'эм, кошкэм-но, дуктэм-пэ одик бад'д'ын кожлэн дураз, та кож дорын вылэм зэр' бад'д'ын г'эб'эр кыр, та кырып улэм-пэ вал кыту воз'маса в'улэс мурт солэн д'уэмэз потэмно валээ пуборды, думыса борды, уас'кэм кож дурэ д'умыны, отис'эв ад'д'э-пэ та б'экт'ээз, сойэкыкыса-пэ поттэм, но, пиддэссэ мыжгыса-пэ сөр'эм. Таз замангына-пэ б'экт'эис' потыса султэм, но, кутэм-пэ п'улэс муртис' гад'зэ, а! пэ'шуэм, тон малы мывэстым сараймэ сөрит'-пэ шуэм, мидэ мон тынды од'но вумэк'соты-пэ шуэм. Тон бонкип-пэ шуэм п'улэс мурт? Мон-пэ шуэм наз ву мурт, та вулэн к'уз'оэз, мон ты вэстыд лыктэм-дэ ад' д'п-но, сонн ву дурэ лыктыса тонэ воз'маса ули-пэ шуэм, мон

и вышибь его. Тазъ живо вскочилъ изъ бочки на ноги, схватилъ лѣшаго за грудь и говоритъ: а! ты зачѣмъ разбилъ мой теремъ? теперь я тебѣ никогда не дамъ пить воду свою. А ты кто такой спрашиваетъ лѣшій. Тазъ говоритъ: я водяной. хозяинъ этой воды, я тебя видѣлъ когда ты шелъ и приблизился къ берегу, поволокъ я бы тебя съ собой въ воду, но если ты добрый человекъ, послушай меня, сядь въ этотъ сломанный теремъ мой, ступай на дно этого омута и найдешь такой же теремъ, какъ этотъ, который ты долженъ принести сюда, если прилетишь, то мы будемъ друзья! А ты знаешь меня? спрашиваетъ лѣшій Таза. „Знаю, говоритъ Тазъ, какъ не знать настухъ. Да какъ же я илѣзу въ твой теремъ? говоритъ лѣшій. Тазъ говоритъ: „полѣзай, сядь на дно, а тамъ я знаю самъ, что дѣлать. Лѣшій сѣлъ въ бочку, а Тазъ изалъ длинный шестъ и давай его толкать въ глубь. Лѣшій гово-

товэ тожо выскыса шырты-
сал-пэ шуэм, а дес'ли тон д'эс'
мурт кэ, то мынэстым кызмэ
кылдискы-пэ шуэм Таз, мын
тинта мынам сёрис'кэм са-
райным вулэн пыдказ, отисъ
шодтод тон таченк сарай и
сойа вайод тат'г'м-пэ шуэм.
Вайд-кэ бон пэ шуэм, ас'
м'носэ туж уром луом-пэ шу-
эм. Бон тон монэ то-дис'-
код а'-пэ шуэм н'улэс мурт.
Б'ай-пэ шуэм Таз, кыз'ы уд
тоды кытуг'иэз, тодис'ко-пэ
шуэм. „Бон мон кыз'ы пук-
с'ом тынадсарайад?-пэ шуэм
н'улэс мурт“. Ойдо пырыно,
пыдказ пуксы пэ шуэм таз,
мон ат'ям д'овнэ ш'отто-пэ
шуэм кыз'ы карыны. Н'улэс-
мурт пырыса-пэ пукс'эм. Таз
к'уз' луч-пэ бас'тэмно, эй-пэ
довн'э н'улэс муртэз мурив-
тиаз. Т'му! кыт'г'м монэ дог-
гвскот? пэ шуэ н'улэс мурт.
Ойдо ат'ям тодис'ко-пэ шуэ
таз. Б'экт'э ву шоры-пэ вуэм-
но, ву шортонэ уг'ыраса ву.
пыдцы бэргаса пырыса-пэ
вошкэм. Таз н'улэс муртинэс'
к'уз' с'улозэ бас'тэм-но, со-
лэн валэз-вылэ пукс'эмно, с'у-
рить: „полно, куда ты меня
такъ толкаешь? Таз гово-
рить: „сиди, я самъ знаю, что
д'бляю“. Бочкатымъ времепемъ
доплыла до середины омута,
угодила на водоворотъ и опу-
стилась на дно. Таз взялъ у
л'бнаго длинный кнутъ, с'блъ
на его лошадь, щелкнулъ
кнутаомъ, свиснулъ и погналъ
весь табунъ лошадей домой.
Много онъ б'халъ и наконецъ
доб'халъ, отворилъ ворота, за-
гналъ во дворъ весь табунъ
лошадей, а самъ тотчасъ же от-
правился къ сыновьямъ стар-
шей жены и сказалъ имъ: „здо-
рово-ли живете братья?“ здоро-
во—отвѣтили братья. Ну такъ
идите скорѣе на то самое
м'бесто, гдѣ вы пустили меня
въ р'бку; тамъ на днѣ той
р'бки страсть сколько лоша-
дей, да разной масти и какія
хорошія да жирныя, а такихъ
лошадей отъ роду невидывалъ;
вонъ смотрите ка, я сколько
ихъ пригналъ, хотя было ло-
вить ихъ трудно одному, а
вы двое сколько ихъ налови-
те,—въ четверо больше моего!
Теперь еще легче ихъ ловить-

ловэ шал'к карыса шолтыса лэз'эм, уан' бвбл (валд'о) вал'лпосы дораз ул'л'аса б'эртиса кошкэм. Туж мно мыныса, Таз дораз вумса кавказэ үс'тыса уан' бвбл валзэ азбараз-пэ пыртэмно, мынэм-пэ быд'дын кышнолэн п'носмыз доры. Д'эт' улис'коды а ал'н аганос-пэ шуэм, д'эт' ал'н-пэ шуил'л'ам агайосмыз, оз'ыкэ мынэлэ замангэс, со, монэ вуэ лэз'эм нитнады, а отын, со ву пидцын уш-дыно кошкэс шол кэдэр' мно вал'л'ос, ис'с'о тырлы т'уссэм'эс', ас'снос зэр' к'ойэс-но, зэр' мотор'эс'. соч'э вал'л'осмыз мон вордис'к'эм тырис'-но угна ад'дына-пэ шуэм. Тини ад'д'элэ-пэ шуэм, мон мармында вай-пэ шуэм кот' огнамлы кутыны туж шук-кэно вал-пэ шуэм, а ти кыкнады уй-уй! мармында кутоды-пэ шуэм мынэс'тым н'ил' артык вай оды-пэ шуэм, а пидэ уката асат сойосмыз д'о улис' кутыны-пэ шуэм, отис' сойос от'но уз кошкэ-пэ шуэм только кутэмдэс гыны тодэлэ. Агайосиз потыса-пэ фт'ис'кыл'

теперь зима и онъ изъ подо льда никуда не уб'егутъ, знай, те только ловите. Братъа выш-ли, посмотр'ели у Таза лошадей, взяли поузды и топоръ, отправились на то самое м'есто, гд'е, хот'ели утопить Таза; тамъ они вырубилн большую прорубь для того, чтобы можно было вытаскивать большихъ лошадей, потомъ который похраб'е прыгнулъ въ прорубь и булькая уплылъ подъ ледъ. Тотъ, который остался у проруби, проводилъ его словами: айда, ладно и саврасня. Долго онъ ждалъ у проруби, потомъ говоритъ: „эхъ, в'д'ь такъ не ладно, онъ, чай, одинъ не можетъ ихъ ловить, надо за нимъ идти“. Съ этими словами прыгнулъ самъ въ прорубь и также булькая уплылъ въ подъ ледъ. А Таз перешелъ въ домъ отца со своими лошалями и съ однимъ чуманомъ серебра и сталъ торговать и живетъ очень богато.

л'ам но Тазлэс' валл'ассэ, мур-
ты-быдэ с'өрм'од бастыса,
тыр бастыса кошкыл'л'ам нэ
Тазэз вуэ лэз'эм иптазы.
Мыпыса-нэ вуыл'л'ам но, талос
зэр' бад'дынь л'укмэс-нэ фе-
тил'л'ам што-бы бад'дын вал-
л'ос тарымоя сэбэрэ с'улмо-
зэгэс тэт'тэм люкмэсэ-быр-
лы саврасая бырлы-бырлы-
нэ шумса д'о улэ пырыса-
нэ кошкэм, ойдо бырлы-кэно
д'аралоз-нэ шуэ л'укмэс ду-
рэ кыл'эмэз. Собэрэ воз'мам,
воз'мам-но нэ эй-нэ, шуэ та,
таз'ы улыса уг д'ара, вэт со
огназ кутыны ук бугатыдыр-
нэ шуэм но, тэт'тэм-нэ л'ук-
мэсэ сонз-но бырлы-бырлы-
нэ шумса д'о улэ в'наса-нэ
кошкэм, а Таз аликэно, со
валл'ослыныз ог боскы азв'эс'э-
пыз агайэзлэнь д'ыртаз пы-
рыса, вуэ карыса байыкмыса-
нэ улэ.

(Записаны по нашему поручению учителемъ Старо - Вараж-
скаго училища Г. А. Антиевымъ).

№ 1.

У одного царя были три дочери. Пошли онъ разъ погулять на поляну. Вдругъ налетѣла сильная туча и старшая дочь пропала. Пришли двѣ дѣвушки домой и говорятъ отцу: нашу старшую сестру утащилъ (внизъ) Тылъ-пэри. На другой день сестры опять пошли на ту же поляну; опять налетѣлъ вихрь и Тылъ пэри похитилъ среднюю купеческую дочь. Младшая пришла одна къ отцу и сказала ему, что сестру унесло вихремъ. Проходитъ нѣсколько времени; младшая дочь купца идетъ одна искать сестеръ, но Тылъ-пэри уноситъ и ее. Купецъ нанимаетъ солдатъ искать своихъ дочерей. Вотъ одинъ солдатъ говорить: я наймусь; денегъ мнѣ не нужно, а нужны кожи отъ 12 быковъ. Царь далъ все, что нужно было солдату. Солдатъ взвалилъ кожи на плечи и пошелъ. Шелъ, шелъ и дошелъ да дыры въ землѣ (муземъ наз'е). Тутъ онъ разрѣзалъ кожи, связалъ ремни и спустился въ дыру. Спустился и видитъ домъ (сарай). Въ этомъ домѣ сидитъ старшая дочь царя и спрашиваетъ солдата: куда идешь? Солдатъ говорить: „зачѣмъ спрашиваешь; скажи: зайди, поѣшь и иди своей дорогой“. Царская дочь послушалась солдата и пригласила его. Солдатъ зашелъ, попилъ, поѣлъ и говорить: я васъ ищу. Царская дочь говорить: моя сестра живетъ въ такой-то деревнѣ (домѣ)? у такого-то пэри. Дошелъ солдатъ до средней дочери. Она спрашиваетъ тоже, что и старшая. Онъ ей тоже отвѣчаетъ. Наполнила, навор-

мила средняя царская дочь солдата и говорить ему: младшая сестра наша живет у пэри въ той деревнѣ, въ серебряномъ доухѣ. Когда ты пойдешь къ ней, встрѣтишь на дорогѣ большую воду (рѣку). На берегу этой рѣки увидишь избушку. Въ ней живетъ старуха, зайдти къ ней. Пошелъ солдатъ и встрѣтилъ на дорогѣ падалъ. На падали сидятъ два ворона и теребятъ мясо; мясо плохо отстаетъ и вороны выбиваются изъ силъ. Вынулъ солдатъ ножикъ, парѣзалъ падали кусками и накормилъ вороповъ. Потомъ пошелъ дальше. Шелъ, шелъ дошелъ до рѣчки, вымылъ руки. Потомъ дошелъ до большой рѣки, искалъ лодку, чтобы переправиться, нашеть и добрался до старухи. Старуха говоритъ солдату: съѣла бы я тебя, да за тобой много эгелм'а. Ты ищешь царскую дочь. Она живетъ у пэри. Я дамъ тебѣ лошадь съ 12 крыльями и плетью; беи лошадь этой плетью по правому боку до тѣхъ поръ, пока не брызнетъ кровь. Лошадь доведетъ тебя до серебрянаго дома, у котораго на лицевой сторонѣ 13 оковъ. Около 13-го окна живетъ самъ пэри. Съѣлъ солдатъ на лошадь, ударилъ ее плетью; брызнула кровь и лошадь скакнула черезъ двѣнадцати сажевный плетень. Доскакалъ солдатъ до серебрянаго дома, отпустилъ лошадь, а самъ остался. Увидала его царская дочь и говорить: напрасно ты пришелъ, солдатъ; мой мужъ царь пэриевъ (пэри-лэвъ бкс'ей) и съѣсть тебя, если увидитъ. Онъ вернется черезъ три часа и начнетъ съ тобой бороться. Переборешь-ли ты его? Солдатъ говоритъ; нанон меня, я пить больно захотѣлъ. Царская дочь дала ему ложку воды. Выпилъ солдатъ. Царевна говоритъ ему: вотъ 12-ти пудовой стулъ изъ чугуна; поднимешь-ли его? Солдатъ чуть пошевельнулъ стулъ. Царевна дала ему еще двѣ ложки и солдатъ сталъ приподнимать стулъ. Въ это время прилетѣлъ въ облакѣ пэри. Услыжавъ человѣческій духъ, онъ спраши-

насть царевну, что за человекъ тутъ. Солдатъ, пришелъ за мной—говорить царевна. Гдѣ онъ?—За шкафомъ. Пэри попросилъ пить; царевна дала ему ложку; пэри сейчасъ-же вступилъ въ борьбу съ солдатомъ, но не могъ съ нимъ сладить. Солдатъ подвѣлъ пэри на воздухъ и бросилъ о землю. Пэри по колѣна увязъ въ землю. Вытащилъ его солдатъ, бросилъ еще, пэри ушелъ по поясъ, но бороться не пересталъ. Попросили оба у царевны пить. Царевна дала пэри одной воды, а солдату другой. Выпили и стали опять бороться. Солдатъ бросилъ пэри на землю и тотъ ушелъ по грудь. Царевна говоритъ тогда мужу: солдатъ сильнѣе тебя. Потомъ она достала 12 цѣпей сковала ему руки, ноги и шею и бросила за перегородку. Солдатъ взялъ царевну и повелъ ее съ собой. Дошли до большей воды. Солдатъ ударилъ по водѣ плетью и вода разступилась. Перешли солдатъ съ царевной рѣку и дошли до средней сестры. Солдатъ вступилъ въ борьбу съ ея паріемъ и забилъ его совсѣмъ въ землю. Захвативши среднюю царевну, пошли къ старшей. Солдатъ опять вступилъ въ борьбу съ пэри и также забилъ его въ землю. Взялъ онъ потомъ старшую царевну и пошелъ къ выходу. Выпустилъ сначала старшую царевну за ней среднюю, потомъ младшую и велѣлъ имъ себя поднимать. Царевны подвѣли солдата до половины, потомъ обрубилъ ремни и солдатъ упалъ въ яму. Царевны ушли потомъ домой съ человекомъ, который стоялъ наверху. Солдатъ лежитъ въ ямѣ и плачетъ. Увидали его воронъ и ворона, спросили, о чемъ онъ плачетъ и рѣшили ему помочь. Онъ насъ накормилъ—вытащилъ его, сказали онѣ. Воронъ велѣлъ солдату взяться руками за его лапы, а ворона—упереться ей погами въ спину. Такъ вдвоемъ птицы вытащили солдата на землю. Въ это время купецъ успѣлъ уже выдать старшую дочь за человека, котораго сестры нашли

наверху. Солдаты сказали купцу, что это онъ спасъ его дочерей. Купецъ прогналъ обманщика, а старшую дочь выдать за солдата и сдѣлать его своимъ главнымъ приказчикомъ.

№ 2.

Вернулся со службы одинъ солдатъ. Разъ вздумалъ онъ попросить у жены денегъ, чтобы сходить на базаръ. Жена денегъ не дала и сама ушла въ сосѣди. Солдатъ взялъ деньги своей волей и ушелъ такъ на базаръ. На базарѣ онъ купилъ ружье, дробь, пороху. Вернулся домой и пошелъ въ лѣсъ на охоту. Ходилъ—ходилъ по лѣсу и выить на деревѣ птицу въ родѣ глухара. Солдатъ прицѣнился, чтобы пострѣлить ее. Но птица говоритъ ему человѣческимъ голосомъ. „Постой, не стрѣляй меня; лучше влѣзь на дерево и достань меня рукой“. Солдатъ послушался, влѣзь на дерево, достать птицу и принесть домой. На дворѣ у него стояли деревья—береза, ель и дубъ. Солдатъ пустилъ птицу на эти деревья и говоритъ жепѣ—корми ее, а я опять пойду на охоту. Птица свала гнѣздо и стала нести яйца. Спесла одно яйцо. Солдатка достала его и унесла продавать на базаръ. Встрѣчаетъ ее на базарѣ купецъ и спрашиваетъ „чего ты принесла продавать?“—яйцо. Что стоитъ? Мѣшокъ денегъ. Купецъ далъ деньги и унесъ яйцо; черезъ недѣлю птица спесла новое яйцо опять солдатка пошла на базаръ продавать; встрѣтила того-же купца, и продала ему яйцо, но взяла уже два мѣшка денегъ. Прѣшла еще недѣля. Птица спесла третье яйцо. Солдатка сходила съ нимъ на базаръ и продала тому же купцу. Теперь купецъ говоритъ бабѣ: я прѣйду къ вамъ посмотрѣть птицу: ты приготовь мнѣ угощенье. Прошло немного времени, прѣхалъ купецъ къ солдату. Его нѣтъ дома. Попилъ, поѣлъ онъ и

говорить: ну дайте мѣ възглянуть на птицу. Слезилъ ку- на дерево, посмотрѣлъ и говоритъ солдаткѣ: „кто съѣстъ у этой птицы голову, тотъ будетъ царь, а кто съѣстъ сердце, будетъ санать“. Я приѣду къ тебѣ въ другой разъ, ты свари голсу и сердце этой птицы, съѣдимъ это и я буду царемъ, а ты будешь санать“. Потомъ купецъ уѣхалъ. А у солдата было два сына, которые учились въ училищѣ, и былъ еще работникъ. Работникъ слышалъ, что говорилъ купецъ и, когда мальчики пришли изъ училища, онъ отдалъ имъ голову и сердце зарѣзанной птицы. Мальчики съѣли и опять пошли въ училище. Въ это время прѣбываетъ купецъ. Гдѣ голова и сердце птицы? Дѣти съѣли, говоритъ солдатка. Купецъ привадутился и говоритъ: нужно позвать ребятъ и зарѣзать ихъ, когда мы ихъ съѣдимъ, мы все таки будетъ царемъ и санатомъ. Солдатка согласилась, велѣла работнику зарѣ- зать мальчиковъ, когда они придутъ изъ училища. У ра- ботника была жена. Когда работникъ сказалъ ей, что велить сдѣлать хозяйка, жена говоритъ ему: зачѣмъ ты будешь кормить ихъ дѣтьми? зарѣжь двухъ щенковъ, пусть съѣдятъ. Солдатъ такъ и сдѣлалъ. Купецъ съ солдаткой съѣли двухъ щенковъ и порѣшили, что одинъ изъ нихъ будетъ царь, а другой санать. Только что поѣли купецъ съ солдаткой, приходитъ съ охоты солдатъ и видитъ, что жена сидитъ пригорюнившись. Что пригорюнилась?—Какъ не пригорюниться, отвѣчаетъ жена наши дѣти утонули и мы ихъ уже схоронили. Погоревалъ солдатъ. Тутъ входитъ работникъ и говоритъ хозяйку: мой срокъ вышелъ, давай мѣ расчетъ. Солдатъ велитъ работнику взять любой гаран- тасъ, запречь любую лошадь. „Возьми что хочешь; у меня нѣтъ теперь дѣтей“. Работникъ собрался, завернулъ мальчи- ковъ въ войлокъ и взялъ ихъ съ собою. Доѣхали до пере- крестка трехъ дорогъ. Работникъ вытащилъ мальчиковъ и

говорить „идите, по какой хотите дороге“. Мальчики выбрали одну дорогу и побѣжали. Добѣжали до базарной деревни. Стали ходить по базару и подходить къ купцу. Откуда выспрашивать ихъ купецъ. Сами не знаемъ. Купецъ взялъ ихъ къ себѣ въ сыновья. Стали они у него жить. Вотъ приходитъ царскій праздникъ. Царь созвалъ купцевъ и сталъ ихъ угощать. За угощеніемъ купцы стали хвалиться предъ царемъ—кто сыновьями, кто дочерьми, кто лошадьми, кто другой скотиной. Купецъ, который принялъ мальчиковъ, говоритъ: „что вы хвастаетесь? Вотъ у меня такъ сыновья—во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ“. Царь удивился и проситъ купца привести мальчиковъ. Купецъ говоритъ, что его дѣти пріѣдутъ только тогда, когда царь пошлетъ за ними лучшія повозки и 2-хъ своихъ дочерей, чтобы они снимали ихъ и садили. Царь согласился. Привозятъ мальчиковъ. Царь выходитъ посмотрѣть ихъ—дѣйствительно: спереди солнце, сзади мѣсяцъ. Отъ удивленія царь упалъ на землю, сломалъ ногу и умеръ. Набольшіе (ба д з и н й о с, н а с' и л й о с) начинаютъ выбирать (с а л а н ы) царя. Выпустили на воздухъ ястреба и рѣшили, на кого сядетъ ястребъ, тому быть царемъ. Ястребъ, спустился и сѣлъ на одного изъ солдатскихъ дѣтей. Набольшіе говорятъ, что ястребъ сѣлъ не ладно. Снова пустили его на воздухъ; снова ястребъ сѣлъ на солдатскаго сына. Такъ гадали до трехъ разъ; ястребъ все спускался на одного мальчика. Набольшіе рѣшили сдѣлать его царемъ. Другой мальчикъ сталъ теперь санатомъ. Старшаго потомъ женили на старшей дочери царя; младшаго на средней. Мальчики сначала очень занимались своими женами, потомъ заскучали.

Что вы больно не веселы стали, спрашиваютъ ихъ жены—„у насъ есть отецъ и мать: о нихъ тоскуемъ. Охота къ нимъ съѣздить“. Женны отпускаютъ ихъ и каждая да-

еть своему мужу по 12 возовъ разныхъ товаровъ и по 12 приказчинокъ. Доѣхали мальчнки до своей деревни и попросились къ чужому человѣку на квартиру. Человѣкъ этотъ говорить у меня тѣсно; ступайте къ богатому Лементій—солдату. Подѣхали къ солдатскому дому. Солдатъ принялъ ихъ; товары заперли въ амбаръ. Солдатка говорить: нужно позвать гостей“. Позвали знакомыхъ купцовъ и начали шрывать, стали рассказывать разные рассказы. Дошла очередь до мальчнковъ. Они говорятъ: будемъ и мы рассказывать, только насъ не перебивайте“. Всѣ общались. Мальчнки стали рассказывать, какъ когда-то жилъ Лементій солдатъ, у котораго было два сына, какъ пріѣхалъ разъ къ солдаткѣ купецъ и уговорилъ ее зарѣзать и съѣсть дѣтей, какъ спасъ этихъ мальчнковъ работникъ. Кончили рассказывать и говорятъ: „вотъ, Лементій, мы твои дѣти; мать насъ чуть не погубила“. Потомъ спрашиваютъ мать. „Чего ты хочешь: 12 сажень дровъ или кобылу въ 12 обхватовъ. Солдатка говорить: „мнѣ ладно и дровъ; буду топить въ холодъ избу“. Ладно, говорятъ дѣти: ты насъ хотѣла съѣсть; мы дадимъ тебѣ 12 сажень дровъ, а отца возьмемъ съ собой. Вывели мать на дворъ, показать дрова—бросили ее на нихъ и сожгли; отца взяли съ собой, а работника сдѣлали купцомъ.

№ 3.

Ходить по базару нищій. Увидалъ царь, велѣлъ схватить его, запереть въ амбаръ и дать ему работу. Дайте, говорить онъ слугамъ, возъ березонныхъ полѣнъ; пусть онъ изъ нихъ ватешетъ мнѣ стрѣль. У цара былъ маленькій сынъ. Ходилъ этотъ мальчнкъ по двору и стрѣлялъ изъ лука. Вдругъ стрѣла попала въ амбаръ, гдѣ былъ запертъ нищій. Царевичъ просить внищаго: подай мнѣ се.

Отвори, говоритъ нищій, отдамъ всѣ стрѣлы, которыя надѣлалъ. Ключа вѣтъ, говоритъ царевичъ. Опъ у матери, а мать спитъ. Сходи, вытащи—велитъ нищій. Царевичъ послушался, вытащилъ у матери ключъ, выпустилъ нищаго и забралъ себѣ всѣ стрѣлы. Проходитъ нѣкоторое время. Царь посылаетъ солдата въ амбаръ: узнай, не умеръ-ли нищій съ голоду; если умеръ--собери кости и схорони. Пришелъ солдатъ въ амбаръ; идетъ—вѣтъ ни нищаго, ни стрѣлъ. Куда дѣвался нищій? Царь всѣхъ спрашиваетъ и наконецъ приходитъ къ одной старухѣ. Старуха говоритъ ему: „отпустилъ твой сынъ“. Царь пришелъ домой, посадилъ сына въ повозку и отправилъ его съ кучеромъ въ чужую землю. Вывезъ царевича кучеръ и говоритъ ему; тебя въ такой одеждѣ убьютъ; давай переѣдемся: ты надѣнь мою, а твою. Такъ и сдѣлали. Доѣхали до другаго царства. Подѣхали къ дому царя. Кучеръ говоритъ царю: у меня есть чудный кучеръ: пошлите его пасти сто коровъ; онъ пригонитъ двѣсти. Царь удивился и послалъ на пробу сто коровъ. Вышелъ мальчикъ въ поле и плачетъ. Вдругъ передъ нимъ явился старикъ. Что плачешь? —Такъ и такъ: послали пасти сто коровъ, нужно привести двѣсти. Пойдемъ ко мнѣ—говоритъ старикъ. Привелъ къ себѣ мальчика велѣлъ старшей дочери накормить его. Старшая дочь накормила и дала на прощанье мальчику коровій рогъ. Затруби въ него, говоритъ, и явится триста солдатъ; поиграй съ ними, потомъ вели имъ пригнать еще сто коровъ. Послушайся мальчикъ стариковой дочери и пригнать двѣсти коровъ. Царь поднялся и велѣлъ положить мальчика спать на царю (наши—сарай). Помѣстился царевичъ въ царствѣ, затрубилъ въ рогъ и цария обратилась въ дворецъ, украшенный золотомъ и серебромъ. Затрубилъ мальчикъ еще разъ въ рогъ, явилось триста солдатъ и мальчикъ началъ съ ними играть. Царская спиха съ золовкой

помотрѣли случайно въ окно, видятъ чудо и бѣгутъ къ отцу. Отецъ! наша псарня сдѣлалась золотымъ дворцемъ, въ немъ солдаты, одѣтые въ золото и серебро, и ихъ обучаетъ пастухъ. Царь не повѣрилъ имъ. Пришло утро. Дали мальчику 300 лошадей и велѣли привести 400. Погналъ мальчикъ лошадей, а самъ плачетъ. Явился опять старикъ и повелъ его къ себѣ. Старикова дочь накормила его и дала ему на дорогу ящичекъ (тартыма). Открылъ мальчикъ ящичекъ; изъ нея выскочило 500 солдатъ, одежда и обувь для него самого. Повстрѣлъ пастухъ съ солдатами и привалъ 400 лошадей. Царь тѣмъ временемъ выдалъ за кучера меньшую дочь. Потомъ царь захворалъ и ничѣмъ его не могли вылечить. Вотъ одинъ ворожецъ говоритъ царю—нужно достать ак-кыйкъ и поѣсть ея мяса. Послалъ царь старшаго и средняго зятя искать ак-кыйкъ. Искали—искали не нашли. Кучеръ говоритъ про мальчика: „вотъ онъ найдетъ“. Послали мальчика. Онъ походилъ, походилъ, нашелъ ак-кыйкъ, убилъ его и началъ потрошить. Тутъ подошли къ нему царскіе зятя и говорятъ: продай намъ ак-кыйкъ. Ладно. Что возьмешь? отрѣжь большой палецъ. Старшій зять отрѣзалъ. Продай и мнѣ, говоритъ средній зять. Продамъ, дай вырѣзать ремень изъ спины. Средній зять согласился. Царевичъ вырѣзалъ изъ его спины ремень, а онъ взялъ мясо ак-кыйка. Принесли зятя мясо и говорятъ—купили у пастуха. Царь призываетъ меньшаго зятя и спрашиваетъ: „ты продавалъ мясо“?—Продавалъ. „За какую цѣну“?—У одного взялъ большой палецъ, у другаго кожу со спиной“. Призвалъ царь зятьевъ и видитъ, что у одного нѣтъ пальца, а у другаго вырѣзанъ ремень изъ спины. Разсердился царь, а тутъ пастухъ говоритъ про старшаго зятя—кучера—онъ вовсе не царевичъ, а кучеръ; онъ надѣлъ мою одежду и обманулъ васъ. Тутъ царь выгналъ кучера, а царица оставилъ у себя.

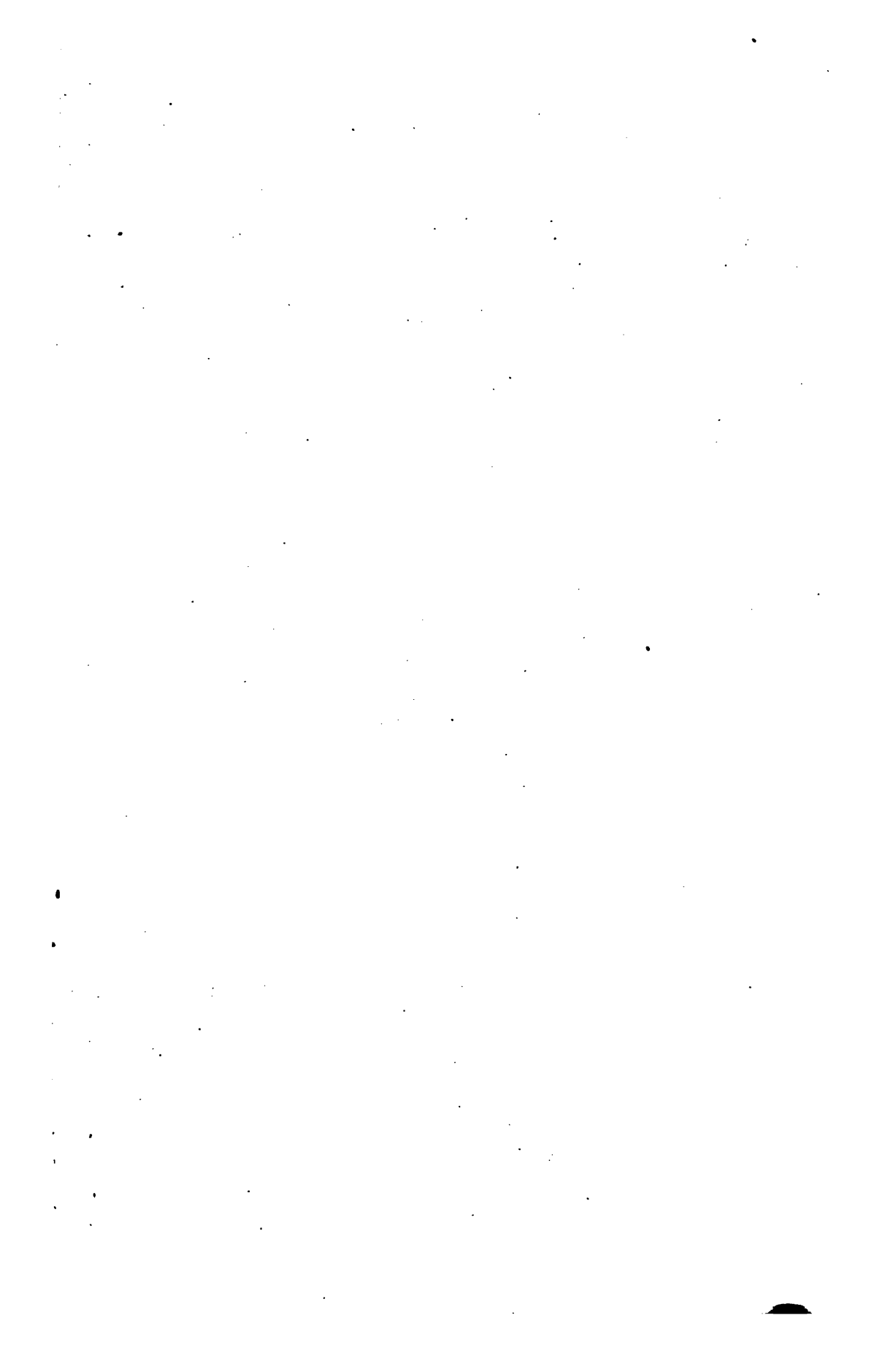
№ 4.

У одного человѣка была беременная жена. Пошелъ онъ какъ-то въ луга посмотрѣть лошадь, захотѣлъ пить, пошелъ къ рѣчкѣ, прилесть и началъ пить. Ву-муртъ ухватилъ его за бороду и не пускаетъ. „Пусти—просить его человѣкъ—возьми у меня, что хочешь“. „Отдай мнѣ Гапблага—такъ отпущу“. „Какого Гапблага?“—Развѣ не знаешь: твоя жена родить ребенка; вотъ и отдай мнѣ его“. Человѣкъ согласился; Ву-муртъ отпустилъ его. Прошло не много времени и баба родила близнецовъ—сына и дочь. Ву-муртъ тутъ, какъ тутъ. Стучить въ ворота, просить впустить и выдать ребенка. Человѣкъ не пускаетъ. Ву-муртъ разсердился пошелъ звать двѣнадцатикрылыхъ Дау-пэри. Одинъ Дау-пэри пошелъ съ Ву-муртомъ, разбилъ ворота и унесъ у мужика близнецовъ. Дау-пэри посадилъ ихъ къ себѣ на сунну и легъ съ ними три дня и три ночи. Усталъ, спустился отдохнуть и уснулъ. Дѣти остались одни и начали плакать. Вдругъ къ нимъ подходитъ быкъ съ полотенцемъ на рогахъ и говоритъ имъ „садитесь на меня, я васъ увезу“. Дѣти сѣли на быкъ помчалъ ихъ. Бѣжалъ-бѣжалъ и добѣжалъ до большой рѣки; дѣти бросили въ нее полотенце и сдѣлали мостъ. Перебѣжалъ быкъ рѣку и велѣлъ взять дѣтямъ полотенце, взять съ собой. Тѣмъ временемъ Дау-пэри проснулся, замѣтилъ промажу и бросился за дѣтьми. Скоро долетѣлъ онъ до большой рѣки,—но тутъ у него вышло изъ крыльевъ два пера и онъ не могъ перебраться черезъ рѣку, а быкъ благополучно добѣжалъ съ дѣтьми до ихъ родителей. Родители взяли его къ себѣ на дворъ и стали кормить.

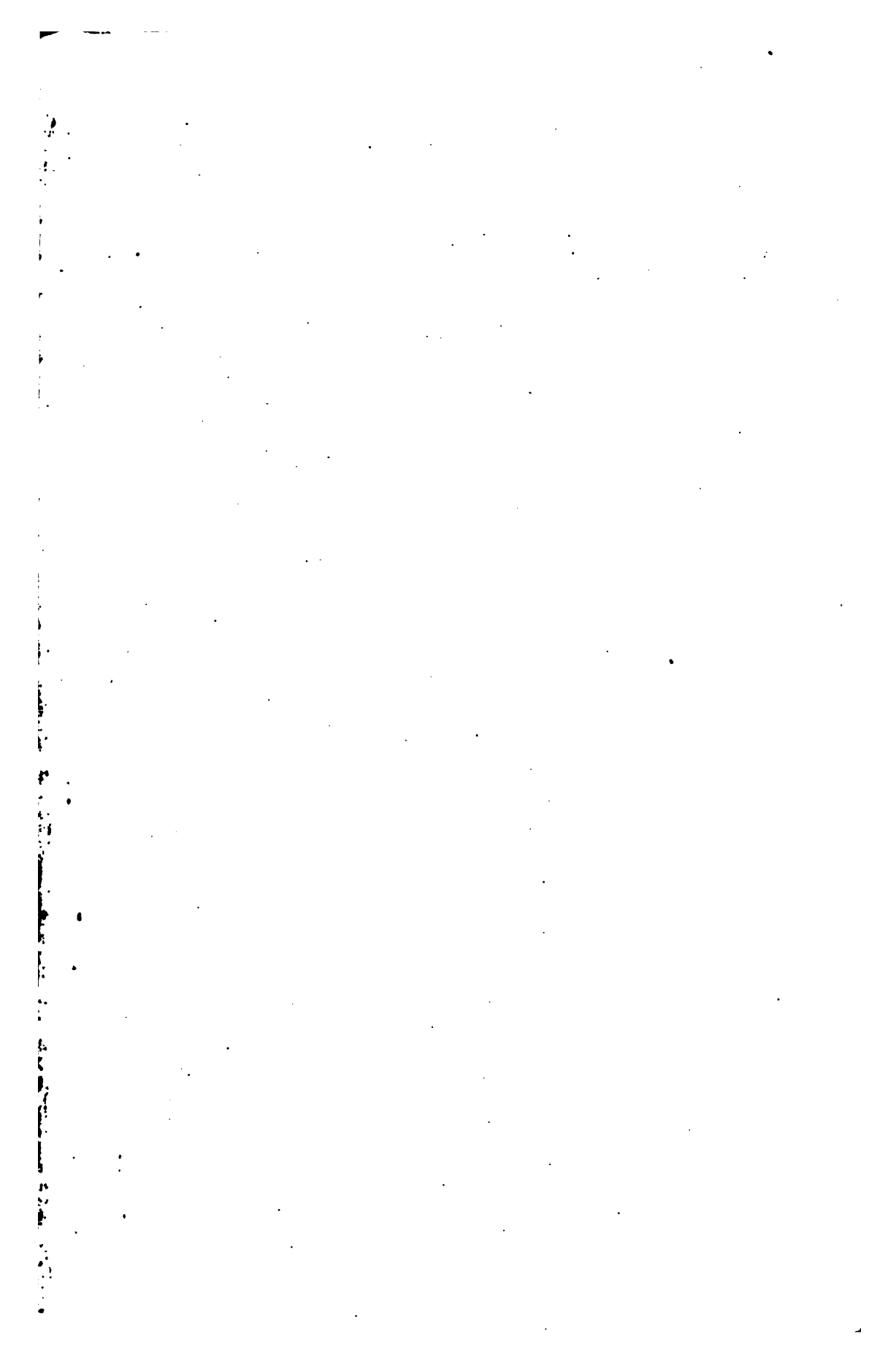
№ 5.

Познакомится человѣкъ съ Палесъ-муртами и ходитъ съ нимъ вмѣстѣ лѣсовать. Разъ проходили они до вечер

и легли въ лѣсу спать. „Ты какъ спишь?“ спрашиваетъ Палась-муртъ человѣка. „И сплю какъ чурбанъ—говорить тотъ— а ты какъ?“ „А я когда сплю, такъ у меня изо рта дымъ идетъ“. Человѣкъ заранѣе приготовилъ чурбанъ накрылъ его своей одеждой, а самъ поихоньку выбрался. Прошло немало времени; встать Палась-муртъ, раскалилъ желѣзо, проткнулъ чурбанъ и улегся спать. Скоро человѣкъ увидалъ, что Палась-муртъ уснулъ: изо рта у него пошелъ дымъ. Подошелъ онъ къ Палась-мурту, увидалъ изъ подъ плеча легкія и печенки и вырвалъ ихъ съ одной стороны. Палась-муртъ проснулся и просить вырвать другое легкое—но человѣкъ не согласился. Пошелъ этотъ человѣкъ въ другой разъ въ лѣсъ и другаго встрѣчаетъ Палась-мурта. Давай играть говоритъ тотъ. Ладно, говоритъ мужикъ; будемъ расщепывать деревья и совать въ нихъ руки. Ты начинай. Мужикъ расщепалъ дерево, Палась-муртъ сунулъ въ щель свою единственную руку, мужикъ отпустилъ половину дерева, защемилъ Палась-мурта и самъ убѣжалъ. Палась-муртъ поднялъ крикъ, сбѣжались другіе Палась-мурты и насилу высвободили его.

и легли въ лѣсу спать. „Ты какъ спишь?“ спрашиваетъ Палась-муртъ человѣка. „Я сплю какъ чурбанъ—говорить тотъ— а ты какъ?“ „А я когда сплю, такъ у меня изъ рта дымъ идетъ“. Человѣкъ заранѣе приготовилъ чурбанъ накрылъ его своей одеждой, а самъ потихоньку выбрался. Прошло немного времени; всталъ Палась-муртъ, рассказалъ желѣзо, проткнулъ чурбанъ и улегся спать. Скоро человѣкъ увидалъ, что Палась-муртъ уснулъ: изъ рта у него пошелъ дымъ. Подошелъ онъ къ Палась-мурту, увидалъ изъ подъ плеча легкія и печенки и вырвалъ ихъ съ одной стороны. Палась-муртъ проснулся и просить вырвать другое легкое—но человѣкъ не согласился. Пошелъ этотъ человѣкъ въ другой разъ въ лѣсъ и другаго встрѣчаетъ Палась-мурта. Давай играть говорить тотъ. Ладно, говорить мужикъ; будемъ расщепывать деревья и совать въ нихъ руки. Ты начивай. Мужикъ расщепалъ дерево, Палась-муртъ сунулъ въ щель свою единственную руку, мужикъ отпустилъ половину дерева, защемилъ Палась-мурта и самъ убѣжалъ. Палась-муртъ поднялъ крикъ, сбѣжались другіе Палась-мурты и наслу высвободили его.

Вотскія языческія имена изъ переписной книги 1676 г.

Абыл-ко.	Баймузак(ч)-ко.	Будлак овъ.
Адай.	Байсар-ко.	Бун(п? а- ннъ).
Адег-овъ.	Байсент-ко.	Бутай.
Ади я-ка.	Балтач(к)-ко.	Возис-овъ.
Азман-ко.	Балыш-ко.	Гапа-(инъ).
Акеуз-овъ.	Балис-ко.	Гап-ка.
Алыш ко.	Бардычъ.	Дерыг(ж)-ко.
Амазык(ч)-ко.	Бегей-ко.	Дзай.
Анбай.	Бегеней-ко.	Дусменей-ко.
Апак(ч)-ко.	Бегыш-ко.	Дъзюзя-(инъ).
Асанъ.	Безек-овъ.	Дъзюй-ка.
Асег-овъ.	Бердыш-ко.	Дъзип(п?)ай.
Асыл-ко.	Берендей-ко.	Дюзюкъ.
Бажев-ко.	Бигра(инъ).	Едычъ.
Бай(евъ).	Бій.	Елхозя(инъ).
Баймамет-ко.	Боза(ька).	Елсупа-(инъ).
Баймъ.	Буда-(и)въ.	Есеней-ко.

Ешим-ко.	Кельда(ька).	Ожмег-овъ.
Ешкет-овъ.	Кендяк(ч)-ко.	Пагладь.
Завьял-ко.	Кибь(инъ).	Паглазъ.
Замет-ко.	Кидек(ч)-ко.	Пагесъ.
Зезяиъ.	Каванкуз-ко.	Пегеней.
Зепкильдей-ка.	Котег-овъ.	Падем-ко.
Зейбек-овъ.	Кудяк-овъ.	П. рш-ка.
Зумегъ.	Кузеш-евъ.	Пидег(ш)-ко.
Зюмя-(инъ).	Кулыш-ко.	Пизнег-овъ.
Зин-ка.	Куля-(инъ).	Пислег-овъ.
Зяниг-овъ.	Кунай.	Покчаиъ.
Зянкандей.	Курбаш-ко.	Покчимурт-овъ.
Цег-овъ.	Кучюгъ.	Пора-(инъ).
Цей-ко.	Куштак-овъ.	Повик(ч)-ко.
Цманей-ко.	Кынег-овъ.	Посег-овъ.
Цмыр-ко.	Люка-(инъ).	Поспек(ч)-ко.
Црей-ко.	Люля-(инъ).	Поткъей-евъ.
Црек(ч)-ко.	Мал-ко.	Почашъ.
Цталмасъ.	Манкей-ко.	Поч-инъ.
Цтег(к)-ко.	Мавтей.	Почпш-евъ.
Цитгреч-ко.	Мардавъ.	Пунг-инъ.
Цадрек(ч)-ко.	Мемей-ко.	Пурис-ко.
Цайсы-(инъ).	Мир-ко.	Пыбан-ко.
Цанкердей.	Муен-овъ.	Пытег-овъ.
Цар-ка.	Мушегъ.	Сабан-ко.
Царинъ.	Муя-(инъ).	Сасег-овъ.
Цасаз(ч)-ко.	Муйкавъ.	Семак(ч)-ко.
Цамай-ко.	Мыркоман-овъ.	Семгулъ.
Цава-(инъ).	Муяшъ.	Сейтег-овъ.
Целдобрехъ(?)	Низег-овъ.	Сентег-овъ.
Целдыбай.	Нивзег-овъ.	Сизак(ч)-ко.
Целдяк(ч)-ко.	Нурмыш-ко.	

Сит-ка.	Тюрей-ко.	Чювашъ.
Судак овъ.	Тютя.	Чюз-ка.
Сунчег-овъ.	Утбетей.	Чюзак(ч)-ко.
Сырчек(ш)-ко.	Удег(ш)-ко.	Шабек(ч)-ко.
Сют-инъ.	Ужег-овъ.	Шатбек(ч)-ко.
Сююшъ.	Умчан-овъ.	Шин-ка.
Томил-ко.	Урсегъ.	Шудег(ш)-ко.
Тубей-ко.	Усей ко.	Юг-овъ.
Тугобай-ка.	Учан-овъ	Юбер-ко.
Туймунет-ко.	Хай-ко.	Юмьсь.
Тукай.	Хан-ко.	Юл-инъ.
Тукар-ко.	Чабыр-евъ.	Юлвей.
Тукельдей.	Черевчей.	Юлкузек(ч)-ко.
Туктамышъ.	Чунаш-ко.	Юлын-ко.
Туктар-ко.	Чуна-(инъ).	Юлтекъ.
Тукташ-ко.	Чупаш-ко.	Юлышко.
Тюк-инъ.	Чют-ка.	Юрегъ.
Тюкоп-овъ.	Чюбой-ко.	Юшкет-овъ.
Тюкта.		

Вотскія языческія имена, извлеченныя изъ мѣстныхъ патронимическихъ названій списка нас. мѣсть Вят. губерніи.

Аная-пи.	Гарча-пи.	Кватъчим-пи.
Ан(п ²)ачъ-пи.	Годель-пи.	Кебей-пи.
Атас-пи.	Гордошъ-пи.	Крыжъ-пи.
Базаш-пи.	Домко-пи.	Кувай-пи.
Бальза-пи.	Жек-пи.	Кыпис-пи.
Висар-пи.	Кай-пи.	Лагаш-пи.
Вокшир-пи.	Кайсы-піосъ.	Мазе-пи.
Вое-пи.	Карсо-пи.	Мапаш-пи.

Молекъ-пи.	Перте-пи.	Тес-пи.
Назага-пи.	Рысь-пи.	Тосе-пи.
Немоншь-пей.	Сабанъ-пи.	Тышка-пи.
Ованъ-пи.	Сясъ-пиосъ.	Чемъ-пей.
Очанъ-пи.	Така-пи.	Чурисемъ-пи.
Пашко-пи.	Тамакъ-пи.	Шем-пи.

Знакомъ — отдѣлены въ первомъ списокѣ уменьшительный суффиксъ *к о*, во второмъ словѣ *п п*, *п и о с*, означающіе въ настоящее время родъ, поколѣніе такого-то.

сержаніе ранѣе вышедшихъ томовъ „Извѣстій Общества
геологін, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ
Казанскомъ Университетѣ“.

Т. X. Уставъ Общества, Списокъ членовъ-учредителей Общества. Протоколы засѣданій Совета и Общаго Собранія. Проектъ Публичнаго Историко-географическаго Музея, сост. В. М. Флеринскимъ.—Приложенія. Свѣдѣнія о монетахъ, найденныхъ близъ деревни Увекъ. Описаніе русскихъ монетъ за 4 сентября 1878 г. В. К. Саассона и Н. А. Толмачева. О нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго в. Д. А. Борсакоев. Захѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. Н. А. Илюскаго. О захѣткѣ Китайской монеты конца X или начала XI в., приобретенной въ селѣ гарахъ. В. Д. Васильева. 1879. Ц. 1 р.

Т. XII. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколъ засѣданій Общества. Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. П. Финауровско. Объ историческомъ значеніи библиотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. П. В. Владимірова. Захѣтки о городкахъ, станахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. Н. Илюскаго. Описаніе части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. А. Ф. Лизачева. Захѣтка о харатейномъ металлѣ к. XIV или нач. XV в. П. Д. Шестакова. Нѣсколько словъ о мѣднѣхъ, находящихся близъ деревни Аваньинной. П. Д. Шестакова. Описаніе монетъ, найденныхъ въ д. Карташнѣ Каз. г. В. К. Саассона. Описаніе городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Селѣтска Сиб. губ. М. Н. Назомникова. О старинномъ кладбищѣ близъ с. Вилорскаго Вят. губ. А. Разлицова. Попытка объясненія одного мѣста въ татарской лѣтописи Шерефъ-Эддина. П. Д. Шестакова. Выдержки изъ свѣдѣній Влабужскаго духовнаго Правленія. Ею-же. Описаніе дополнител. коллекцій Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Увека. В. К. Саассона. Описаніе чудскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Тенлоуховичъ. Витъ Вотиковъ Саранульскаго уѣзда. В. Комуринскаго. 1880. Ц. 1 р.

Т. XIII. О задачахъ дѣятельности К. О. Н. А. и Э. О. М. Шинкель. Диггестическая захѣтка о названіяхъ Булгаръ, Балгаръ и Мер-

квани. *Н. И. Золотницкаю*. По поводу сообщенія *Н. И. Золотницкаго*. *И. Д. Шестакова*. Записки о городках, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. *Н. А. Изюмова*. Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Биллярскѣ. *Ею-же*. Описаніе Биллярскихъ и Баранскаго городищъ. *В. А. Казарнинова*. Записка о Калмыкахъ Астрах. губерніи. *П. Смирнова*. Изъ поѣздки въ село Шуматово Яр. у. Каз. губ. (бытъ Чувашъ) *В. К. Малинницкаю*. О раскопкахъ близъ д. Палкиной на р. Чусовой. *П. И. Кротова*. У Вотыковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. И. Потанина*. Изъ дорожныхъ записокъ во время этногр. экскурсіи. *С. К. Кушениова*. О Чалнинскомъ городищѣ. *М. Заимова*. Одно изъ древнихъ болгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева*. Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арамазова*. Остатки древности въ с. Увекѣ. *Г. С. Саблунова*. Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. *П. А. Повомарова*. Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кушениова*. Записки о мшенич. раскопкахъ. *А. А. Штундберга*. Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пека. г.). *Д. В. Илчико*. Описаніе рус. сер. крѣпекъ изъ вѣка 1881 г. *В. К. Савельева*. Описаніе двухъ коллекцій джуч. монетъ, пожерт. обществу. *Ею-же*. Описаніе вѣка золотордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Залюкина*. Атамански кости. *С. К. Кушениова*. К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоли засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія.—Духовная *В. Н. Татищева*. О Минярихъ чисток. уѣзда. *В. А. Казарнинова*. Свѣдѣнія о Минярихъ. *Е. А. Малова*.

Т. V. Протоколи засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—1884 гг. Сибирскій слѣдъ на биллярской почвѣ. *А. Ф. Липинскаго*. Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Малинницкаю*, Сибирь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 2. Нѣсколько словъ о русскомъ вліяніи на инокъ Казанскаго края. *Н. И. Смирнова*. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ф. Высоцкаю*. Развалины древнихъ зданій при селѣ Болгарахъ. *В. А. Казарнинова*. Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Ступина*. Непзданныя грамоты изъ Ассонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаю*. Матеріалы для русскаго словаря. *А. Д. Жалма*. Обычай колдованія въ Сиб. г. *М. Изюмовскаю*. Каз. 1883. Ц. 1 р.

Т. VII. Ислѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка. *М. П. Веске*. Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ф. Высоцкаю*. Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриева*. Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева*. Старая церковь въ селѣ Богородскахъ. *Н. В. Сорокина*. Черемисск. Историко-этнографическ. очеркъ. *Н. И. Смирнова*. Каз. 1889. Ц. 2 р.

ПЕЧАТАЕТСЯ

Т. VIII. Вып. I. Славяно-финскія культурныя отношенія диминнъ языка. *М. П. Веске*.